КРЕСТЬЯНЕ НА РУСИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

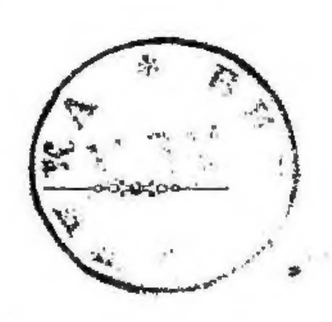
О ПОСТЕПЕННОМЪ ИЗМѢНЕНІИ ЗНАЧЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ РУССКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

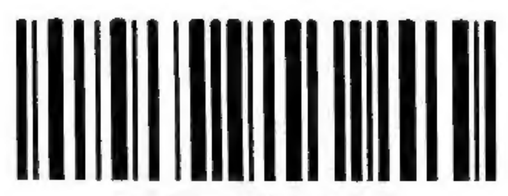
СОЧИНЕНІЕ

И. БѢЛЯЕВА.

УДОСТОЕННОЕ ПРЕМІЙ: ДЕМИДОВА И ГР. УВАРОВА.

МОСКВА.
Типо-Литографія Н. В. Любенкова, Тверская, Гнѣздниковскій пер., собств. домъ.
1879.

Выпуская въ свѣтъ „Исторію Русскаго законодательства“—лекціи, читанныя въ Московскомъ университетѣ покойнымъ И. Д. Бѣляевымъ, мы высказали желаніе, чтобы кто либо, изъ любви къ русской историко-юридической наукѣ, предпринялъ изданіе полнаго собранія сочиненій этого замѣчательнаго историческаго труженика. Не имѣя возможности вполнѣ исполнить эту задачу, мы рѣшились хотя отчасти этому содѣйствовать перепечатаніемъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній И. Д. Бѣляева, а именно: „Крестьяне на Руси.“ Эта книга безпрестанно требуется въ книжныхъ лавкахъ, а въ продажѣ ея болѣе нѣтъ. Въ удовлетвореніе такой потребности, мы перепечатываемъ упомянутое сочиненіе, не дѣлая въ немъ никакихъ измѣненій противъ перваго изданія.

КРЕСТЬЯНЕ НА РУСИ.

Русское общество, въ продолженіе своего почти тысячелѣтняго существованія, извѣстнаго исторіи, въ различные періоды своей жизни признавало различное значеніе крестьянъ, какъ по закону, такъ и въ жизни, на практикѣ. Даже самое названіе крестьянъ въ различное время было различно, согласно съ различнымъ положеніемъ крестьянъ въ обществѣ. Такъ что для изслѣдованія о значеніи крестьянъ въ различные періоды жизни Русскаго общества должно напередъ указать, въ какое время какое названіе носили крестьяне. А для этого прежде всего должно сравнить по памятникамъ признаки крестьянства, встрѣчающіеся съ именемъ крестьянъ, съ таковыми же признаками, находящимися въ другихъ памятникахъ, въ которыхъ вмѣсто крестьянъ стоятъ другіе названія.

Крестьяне въ первый разъ подъ собственнымъ своимъ именемъ встрѣчаются въ уставной грамотѣ митрополита Кипріана, данной въ 1391 году Константиновскому монастырю. Въ грамотѣ сказано: „и Кипріянъ митрополитъ такъ рекъ игумену и хрістіаномъ монастырскимъ: ходити вси по моей грамотѣ, игуменъ сироты держи и сироты игумена слушайте" (А. А. Э. т. № 11). А въ грамотѣ такъ выражены обязанности крестьянъ къ землевладѣльцу, къ Константиновскому монастырю: лучшіе, т. е. зажиточные изъ крестьянъ, живущихъ въ селахъ Константиновскаго монастыря, должны наряжать монастырь и монастырскій дворъ, по наряду

пахать монастырскую землю и убирать хлѣбъ, дѣлать вешніе и зимніе ѣзы и заколы для рыбной ловли, оплетать сады, прудить пруды, осенью ловить на монастырь бобровъ, на Пасху и на Петровъ день приносить игумену подарки, сколько кто хочетъ, на монастырскій праздникъ приводить изъ села по яловицѣ, молотить рожь, молоть солодъ и проч., а въ которое село пріѣдетъ игуменъ на братчину, то складчинники на братчинѣ даютъ игуменовымъ конемъ по зобнѣ овса.

Потомъ жалованная грамота Ярославскаго князя Ѳедора Ѳедоровича Толгскому монастырю, данная въ 1400 году, представляетъ крестьянъ вольными людьми, могущими переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, живущими на земляхъ монастырскихъ и княжескихъ волостныхъ, платящими дань и разныя пошлины, частію землевладѣльцамъ, и подлежащими суду или княжему, по общему порядку всѣхъ свободныхъ людей, или по привилегіи землевладѣльческому монастырскому (А. А. Э. т. 1. № 15). Тѣ же признаки крестьянъ и съ настоящимъ ихъ именемъ мы находимъ въ жалованной грамотѣ князя Юрья Дмитріевича Звенигородскаго Савино-Сторожевскому монастырю, данной въ 1404 году (А. И. Т. I. № 15).

Далѣе, въ жалованной грамотѣ Іоны митрополита Андрею Аѳанасьеву, данной въ 1450 году, видно, что крестьяне жили не только на монастырскихъ и княжихъ земляхъ, но и на земляхъ другихъ владѣльцевъ, и свободно могли переходить съ одной земли на другую. Въ грамотѣ сказано: „селъ Андрей Аѳанасьевъ на своей куплѣ на Голямовской пустоши, въ волости пречистыя Богородицы и моей, въ Романовскомъ; и кого Андрей на ту пустошь къ себѣ перезоветъ изъ иныхъ княженій, а не изъ моей волости, изъ селъ пречистыя Богородицы, и тѣмъ людямъ, пришлымъ, ненадобѣ съ моими крестьяны съ волостными тянути ни въ какое дѣло." (А. А. Э. Т. 1. № 15).

Наконецъ въ грамотѣ В. К. Ивана Васильевича Суздальскимъ и Юрьевскимъ намѣстникамъ, данной въ 1466—1478 году, указывается на сроки, когда въ году крестьяне имѣли право переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, именно срокомъ здѣсь названъ Юрьевъ день осенній, а кто переходитъ не въ этотъ срокъ, того возвращали назадъ, доживать до сроку (ibid. № 83).

Такимъ образомъ въ грамотахъ, въ которыхъ упоминается имя крестьянъ, признаками крестьянства мы находимъ—свободу крестьянъ жить на земляхъ казенныхъ волостныхъ, княжихъ, монастырскихъ и другихъ владѣльцевъ, свободу переходить съ одной земли на другую въ извѣстный срокъ въ году, въ Юрьевъ день, под-

чиненіе крестьянъ общему суду, ежели землевладѣлецъ не имѣлъ привилегіи на право своего суда надъ крестьянами, обязанность платить казенныя подати и отправлять другія повинносги государственныя, и въ то же время платить оброки и отправлять разныя земледѣльческія работы на землевладѣльца, на землѣ котораго живетъ крестьянинъ.

Тоже значеніе крестьянъ и тѣже признаки крестьянства только съ большими подробностями мы находимъ въ иныхъ грамотахъ, старшихъ и современныхъ грамотамъ, приведеннымъ, выше, въ которыхъ крестьяне являются подъ другими названіями древнѣйшими. Такъ напримѣръ, грамота В. К. Ивана Даниловича Калиты (1338—1340 г.), грамота Нижегородскаго князя Александра Ивановича (1410 — 1417 г.), грамота великаго князя Василья Дмитріевича, данная митрополиту Ѳотію въ 1425 году (А. Ар. Э. т. 1. №№ 4, 17 и 23), называютъ крестьянъ общимъ именемъ *люди,* въ которыхъ люди сіи, также какъ и крестьяне въ приведенныхъ выше грамотахъ, признаются свободными, могущими переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, и тянувшими судомъ и данью и другими повинностями и проторами къ городу, ежели не были освобождены отъ этого особою грамотою, данною землевладѣльцу. Въ другихъ грамотахъ крестьяне называются *сиротами.* Таковое названіе мы встрѣчаемъ въ грамотѣ Тверскихъ князей, данной Отрочю монастырю (въ 1361—1365 г.), и въ приведенной выше грамотѣ митрополита Кипріана, данной Константиновскому монастырю въ 1391 году; въ этой грамотѣ, какъ мы уже видѣли, встрѣчается въ первый разъ и названіе крестьянъ и изчисленіе ихъ обязанностей въ отношеніи къ монастырю. Эта грамота такимъ образомъ ясно показываетъ, что названія сиротъ и крестьянъ принадлежали однимъ и тѣмъ же членамъ Русскаго общества. Тоже названіе сиротъ и крестьянъ, принадлежащее одному и тому же классу свободныхъ людей, мы находимъ въ Новогородской грамотѣ 1411 года: „даша грамоту жалованную на Ярославлѣ дворѣ сиротамъ Терпилова погоста, давати имъ поземье посадниче и тысяцкаго по старымъ грамотамъ по 40 бѣлъ, да по 4 сѣва муки, по 10 хлѣбовъ. А кто крестьянинъ Терпилова погоста въ Двинскую слободу выйдетъ, ино ему мірянину тянути въ Двинскую слободу; а который Двинянинъ слободчикъ почнетъ жити на землѣ Терпилова погоста, и той потянетъ потугомъ въ Терпиловъ погостъ.“ (А. И. т. 1 № 17).

Въ другихъ грамотахъ крестьяне назывались *серебренниками, половниками и рядовыми людьми.* Такъ въ жалованной грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича 1450 года, князь пишетъ своему

намѣстнику: „и тыбъ монастырскихъ людей серебренниковъ отъ Юрьева дня до Юрьева дня не принималъ, а принималъ бы еси серебренники о Юрьевѣ дни осеннемъ, и который пойдетъ о Юрьевѣ дни монастырскихъ людей въ твой путь, и онъ тогды и деньги заплатитъ.... А которыя будутъ вышли въ монастырскомъ серебрѣ въ твой путь; и они бъ дѣло додѣлывали на то серебро, а въ серебрѣ бы ввели поруку." Или въ другой грамотѣ, того же года, того же князя ко всѣмъ боярамъ и посельскимъ: „билъ ми челомъ игуменъ Кассьянъ, а сказываетъ, что у него отказываете людей монастырскихъ серебренниковъ и половниковъ и рядовыхъ людей и юрьевскихъ, а отказываете не о Юрьевѣ дни" (А. А. Э. т. 1. № 48). Наконецъ грамота В. К. Ивана Васильевича на Бѣлоозеро, писанная въ 1462 году, серебренниковъ прямо называетъ крестьянами; въ грамотѣ сказано: „сотнику городскому на Бѣлоозеро и всѣмъ христіаномъ, и на городокъ на Ѳедосьинъ и въ Кистьнему старостамъ. Били ми челомъ Кирилова монастыря старци, а сказываютъ, что деи у нихъ отказываете ихъ людей монастырскихъ серебренниковъ съ дворца и съ деревень.... И который крестьянинъ скажется въ ихъ серебрѣ виноватъ; и вы бы ихъ серебро заплатили монастырское, да ихъ христіанина вывезете вонъ" (ibid. № 73).

Въ Псковской судной грамотѣ мы встрѣчаемъ *изорниковъ, огородниковъ и кочетниковъ*, или рыболовъ, которые также были люди свободные, и могли переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, и переходъ этотъ дозволялся только въ одинъ срокъ въ году, о Филиповѣ заговеньѣ; мимо этого срока ни владѣлецъ не можетъ отказать имъ, ни они отойти отъ землевладѣльца. Въ грамотѣ сказано: „а который государь (господинъ земли) захочетъ отрокъ (отпускъ) дати своему изорнику, или огороднику, или кочетнику; ино отрокъ быти о Филиповѣ заговеньѣ; такожъ захочетъ изорникъ отречися села, или огородникъ, или кочетникъ; ино потомужъ отрӧку быти; а иному отрӧку не быти ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника." По Псковскимъ же законамъ, къ изорникамъ, огородникамъ и кочетникамъ можно отнести названіе серебренниковъ и половниковъ; ибо въ одной статьѣ Псковской грамоты сказано, что землевладѣлецъ на изорникѣ или огородникѣ или кочетникѣ могъ и въ закличь искать своей ссуды и серебра и пшеницы и всякихъ доходовъ; а другая статья прямо указываетъ, что хозяинъ земли, отпуская изорника или огородника или кочетника, бралъ у него половину дохода, полученнаго съ земли.

Наконецъ, переходя къ болѣе глубокой древности, мы встрѣ-

чаемъ въ Русской Правдѣ *ролейныхъ закуповъ* съ тѣми же признаками, съ какими уже видѣли крестьянъ, сиротъ, людей, серебренниковъ и проч. По Русской Правдѣ ролейные закупы были также люди свободные, могущіе переходить съ одной земли на другую, и ежели жили на землѣ частнаго землевладѣльца и получали отъ него въ пособіе деньги, рабочій скотъ и земледѣльческія орудія, то, оставляя землевладѣльца, должны были учинить съ нимъ надлежащій разсчетъ и возвратить полученное пособіе.

Такимъ образомъ крестьяне, сироты, люди, серебренники, рядовые люди, и изполовники по Московскимъ, Тверскимъ и Нижегородскимъ грамотамъ, изорники, огородники и кочетники по Псковской судной грамотѣ, и ролейные закупы по Русской Правдѣ, являются съ одинаковыми признаками и видимо принадлежатъ къ одному и тому же классу свободныхъ людей, и именно къ тому, который въ послѣдствіи получилъ общее названіе крестьянъ. Тотъ же классъ по лѣтописямъ и по другимъ памятникамъ носилъ въ древности названіе смердовъ, земянъ, а позднѣе сталъ называться черными людьми.

Общественное значеніе крестьянъ, подъ какимъ бы изъ вышеприведенныхъ названій они не встрѣчались въ памятникахъ, рѣзко распадается на три времени. Первое время, отъ начала историческихъ извѣстій о крестьянахъ почти до конца XVI столѣтія, они пользуются свободою перехода съ одной земли на другую, и отъ одного владѣльца къ другому; послѣдующее за тѣмъ время, отъ конца XVI столѣтія до втораго десятилѣтія XVIII столѣтія, по закону они прикрѣплены къ землѣ, хотя и пользуются во всѣхъ другихъ отношеніяхъ правами свободныхъ людей, полноправныхъ членовъ Русскаго общества; и наконецъ въ позднѣйшее время, начиная съ первой ревизіи, они мало по малу обращаются въ крѣпостныхъ людей, въ полную безгласную собственность своихъ владѣльцевъ. Впрочемъ между сими тремя рѣзкими рубежами значеніе крестьянъ измѣнялось не вдругъ, и означенные переходы изъ одного положенія въ другое, при всей видимой рѣзкости, на дѣлѣ, въ жизни, подготовлялись постепенно и незамѣтно; такъ что большею частію прежде нежели законъ утверждалъ то или другое значеніе крестьянства, это новое значеніе болѣе или менѣе уже подготовлялось жизнію, практикою, и законъ своимъ авторитетомъ освящалъ только то, что жизнь общества уже приняла прежде появленія закона.

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ.

(крестьяне свободные.)

Крестьяне въ древнѣйшія времена.

По свидѣтельству всѣхъ писателей отечественныхъ и иностранныхъ, Русскіе издревлѣ были народомъ земледѣльческимъ и осѣдлымъ; по словамъ Нестора, они и дань давали отъ *дыма* и *рала*, т. е. съ двора, съ осѣдлости, и съ сохи, съ земледѣльческаго орудія; этотъ порядокъ платежа даже сохранялся на Руси до позднѣйшихъ временъ нашей исторіи. Слѣдовательно, признавая въ крестьянахъ одну характеристическую черту—земледѣліе, мы можемъ отыскивать ихъ въ глубочайшей древности. Еще до прибытія Варяго-Русскихъ князей въ Новгородъ, земледѣліе было распространено по Русской землѣ отъ самыхъ югозападныхъ ея предѣловъ до самыхъ сѣверовосточныхъ; такимъ образомъ, издревлѣ, на всемъ пространствѣ Русской земли жили земледѣльцы, пахари, крестьяне. Но крестьяне-пахари не составляли въ древности отдѣльнаго сословія и не носили какого либо особаго имени; весь народъ занимался земледѣліемъ, торговлею и другими промыслами; каждый членъ Русскаго Общества, смотря по своимъ средствамъ и способностямъ, и соображаясь съ временемъ года и мѣстомъ жительства, то воздѣлывалъ землю, то ходилъ въ лѣсъ для звѣриныхъ промысловъ, то по рѣкамъ и озерамъ ловилъ рыбу, то торговалъ своими или скупленными произведеніями. Вся обширная Русская земля съ своими лѣсами, лугами, полями, рѣками, озерами и болотами была открыта передъ Русскимъ человѣкомъ; и онъ или въ одиночку, или обществомъ, составившимся по добро-

вольному согласію, свободно ходилъ по ней, и выбиралъ любое мѣсто и воздѣлывалъ его, какъ умѣлъ и какъ могъ, и селился на выбранномъ мѣстѣ или въ одиночку однимъ дворомъ, съ своимъ семействомъ, или обществомъ, городомъ, селомъ. По нашимъ лѣтописямъ, и горожане и сельчане одинаково занимались земледѣліемъ и другими промыслами; такъ Ольга говоритъ осажденнымъ Коростенцамъ: „а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и земли своя“. (Лав. лѣт. 25). Жители стараго города или села, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и, слѣдовательно, по мѣрѣ оскуденія средствъ продовольствія, присматривали на дикомъ лѣсу новыя удобныя мѣста для поселенія, и садились на нихъ починками, выселками и пригородами, и такимъ образомъ раздвигали общія владѣнія своего племени, и садясь на новыхъ мѣстахъ, занимались тѣми же промыслами, какими кто занимался на прежней селитьбѣ; слѣдовательно, и на новыхъ мѣстахъ являлись тѣ же земледѣльцы, крестьяне. Если новыя мѣста на дикомъ лѣсѣ, куда выдвигались колонисты изъ старыхъ городовъ и селъ, были уже заняты какимъ либо чужеплеменнымъ населеніемъ, Финскимъ или Латышскимъ, которое нужно было оттѣснить, и отъ котораго приходилось обороняться, то русскій земледѣлецъ, крестьянинъ, принималъ на себя характеръ частію земледѣльца, частію воина, казака, повольника. Но и здѣсь еще не было зародыша сословій, казакъ, повольникъ, до тѣхъ поръ только былъ казакомъ и повольникомъ, пока было съ кѣмъ бороться; но прекращалась борьба, туземцы иноплеменники или удалялись или сливались съ русскими колонистами; и казакъ, и повольникъ обращался въ мирнаго земледѣльца и промышленника. Особенно, ежели впереди на дикомъ лѣсу, ближе къ оттѣсненнымъ иноплеменникамъ, поселялись новыя колоніи, принимавшія на себя борьбу съ иноплеменниками, — то прежніе колонисты, такимъ образомъ оставшіеся назади, рѣшительно теряли характеръ воина, казака, повольника, и обращалися въ мирныхъ земледѣльцевъ, промышленниковъ, до новой нужды выдвигаться впередъ, на дикій лѣсъ, лицомъ къ лицу съ иноплеменниками.

Но, естественно, при неравенствѣ силъ и способностей и другихъ условій между людьми, въ Русскомъ обществѣ, точно также, какъ и въ другихъ человѣческихъ обществахъ, рано или поздно должны были выдвинуться изъ общей массы лучшіе люди, т. е. разумнѣйшіе и богатѣйшіе, и такимъ образомъ составить какое-то особое цѣлое, отдѣльный классъ, отличный отъ остальной массы общества. И этотъ отдѣльный классъ лучшихъ людей дѣйствительно

образовался въ Русскомъ обществѣ, еще до прибытія Варяго-Русскихъ князей. Такъ Несторъ, разсказывая о посольствахъ Древлянъ къ Ольгѣ, два раза упоминаетъ о лучшихъ мужахъ, — въ первомъ посольствѣ: „и послаша Древляне лучшіе мужи, числомъ двадесять, въ лодьи къ Ользѣ;“ или въ другомъ посольствѣ: „Древляне избраша лучшіе мужи, иже держаху Деревскую землю, и послаша по ню.“ (Лав. лѣт. ст. 24). Такимъ образомъ въ Русскомъ обществѣ устроились два класса: *лучшіе мужи, держащіе землю,* и *людіе, граждане, народъ, земяне.* Такъ лучшіе мужи говорятъ Ольгѣ: „посла ны Деревская земля,“ или при осадѣ Кіева Печенѣгами въ 968 году лѣтописецъ говоритъ: „собрашася людіе оныя страны Днѣпра въ лодіяхъ“ (ibid. стр. 28), или, при осадѣ Бѣлгорода Печенѣгами въ 997 году, лѣтописецъ всѣхъ Бѣлгородцевъ безъ различія называетъ гражданами: „горожане же рѣша, шедше къ Печенѣгомъ, поимѣте къ себѣ таль нашъ.“ (ibid. стр. 55).

Съ прибытіемъ Варяго-Русскихъ князей, а можетъ быть и раньше, изъ лучшихъ мужей образовались бояре: такъ въ 1018 году, во время сборовъ Ярослава Новгородскаго въ походъ на Святополка, Новгородцы, собиравшіе деньги для найма Варяговъ, уже ясно не составляли сплошной безразличной массы, но дѣлились на простолюдиновъ и бояръ; въ лѣтописи сказано: „начаша скотъ сбирати отъ мужа по 4 куны, отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ.“ (ibid. стр. 62). Это страшное различіе въ сборѣ денегъ по общественной раскладкѣ съ одного класса по 18 гривенъ, а съ другаго по 4 куны, т. е. во 135 разъ меньше, показываетъ сильное различіе и въ общественномъ значеніи и въ зажиточности того и другаго класса. Здѣсь простолюдинъ весьма низко упалъ передъ бояриномъ, а бояринъ напротивъ страшно возвысился надъ простолюдиномъ; ихъ уже нельзя сравнивать другъ съ другомъ, хотя они и принадлежатъ къ одному обществу, считаются его членами. И, конечно, мужи, внесшіе на пособіе Ярославу по четыре куны, составляли особое сословіе, получившее въ послѣдствіи общее названіе *крестьянъ, людей.* Это собственно былъ низшій слой общества въ городахъ и селахъ, состоящій изъ людей незначительныхъ, которые или жили съ жеребья земли, принадлежащаго общинѣ, или питались трудами рукъ своихъ, работали по найму у болѣе зажиточныхъ своихъ согражданъ. Этотъ классъ людей во времена Русской Правды, кажется, носилъ общее названіе смердовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и Русская Правда и современныя ей лѣтописи. Такимъ образомъ, земледѣлецъ ко временамъ Русской

Правды, кромѣ прежняго признака земледѣлія, получилъ еще новый признакъ, основанный уже не на родѣ занятія, но на общественныхъ отношеніяхъ, признакъ меньшаго, низшаго члена Русскаго общества.

Но дѣленіе, выработанное прежнею жизнію общества, не остановилось при послѣдующемъ развитіи жизни. Въ Русской Правдѣ мы уже находимъ новое дѣленіе низшаго класса людей, именно въ Правдѣ Ярославовыхъ сыновей въ низшемъ классѣ являются уже старосты и рядовичи. Законъ говоритъ: „а въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратайнемъ 12 гривны, — въ рядовичи княжѣ 5 гривенъ.“ А въ Правдѣ XII столѣтія встрѣчается извѣстіе и о рядовичахъ боярскихъ: „а въ сельскомъ тіунѣ княжѣ или въ ратайнемъ, то 12 гривенъ, а за рядовича 5 гривенъ, такоже и за боярскъ“. Такимъ образомъ, по свидѣтельству закона, низшій слой общества вновь распался на отдѣлы, — на лучшихъ людей, старостъ, и на худшихъ — рядовичей: потомъ и сіи отдѣлы распались еще на живущихъ за княземъ, и на живущихъ за боярами: впрочемъ это новое распаденіе не измѣнило общественнаго значенія низшаго класса; и за княжескаго и за боярскаго рядовича, безъ различія, закономъ назначена одна пеня пять гривенъ; слѣдовательно, княжій и боярскій рядовичь были одинаковыми членами Русскаго общества и имѣли одно значеніе. Настоящее указаніе закона для насъ особенно важно своимъ свидѣтельствомъ о томъ, что сельскіе жители: смерды, крестьяне, рѣзко уже отдѣлились отъ прочихъ классовъ общества, имѣли свое управленіе, своихъ старостъ, и притомъ безъ различія, жили-ли они за княземъ или за боярами, т. е. владѣли-ли общинною землею, или сидѣли на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ. Тоже особое управленіе низшаго класса, какъ отдѣльнаго сословія, по свидѣтельству Всеволодовой грамоты, данной Новгородской церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ (1134 — 1135 г.), было и между городскими жителями, гдѣ низшій классъ названъ черными людьми. Въ грамотѣ сказано: „И азъ, князь великій Всеволодъ, поставилъ есми св. Ивану три старосты отъ житьихъ людей, и отъ черныхъ тысяцкаго, а отъ купцовъ два старосты, управливати имъ всякія дѣла Иванскія.“ (Дополн. къ ак. ист. Т. I. № 3). Вообще въ XII столѣтіи низшій классъ Русскаго общества, смерды, безъ различія городскіе и сельскіе, образовали сословіе тяглыхъ, черныхъ людей, на которыхъ преимущественно лежали общественныя повинности и подати. Общественное устройство, неуспѣвая слѣдовать за развитіемъ и частыми измѣненіями народной жизни, естественно должно было остановиться на раздѣленіи членовъ

общества на тяглыхъ и нетяглыхъ людей; причемъ, на первыхъ пали преимущественно матеріальныя потребности общества: подати и повинности, а на вторыхъ потребности духовныя, высшія службы, управленіе и защита края. Но и высшіе классы общества въ свою очередь не избавились отъ податей и повинностей, только сіи обязанности на нихъ легли не прямо, а чрезъ посредство людей низшаго класса, которые садились на ихъ земляхъ и жили при ихъ пособіи или ссудѣ, такъ что видимо платили, тянули тягло тяглые люди, въ сущности же платежъ шелъ съ капиталовъ, принадлежащихъ или высшему классу, нетяглымъ людямъ, или непосредственно цѣлому обществу. Притомъ общество не препятствовало и людямъ низшаго класса, тяглымъ, перечисляться въ высшій не тяглый классъ, ежели кто имѣлъ къ тому способности и средства.

Русская Правда, признавая всѣхъ черныхъ людей за одинъ классъ общества, безъ различія — сидѣли-ли они на своихъ или на общинныхъ земляхъ, или на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, естественно должна была обратить особенное вниманіе на послѣднихъ, чтобы землевладѣльцы не присвоили ихъ себѣ и не исключили изъ членовъ общества, не лишили ихъ личности, что было бы съ одной стороны вопіющею несправедливостію, а съ другой лишило бы общество полезныхъ для него членовъ, отправлявшихъ общественныя матеріальныя повинности, тянувшихъ тягло. А посему Русская Правда посвятила имъ подъ именемъ закуповъ шесть статей, въ которыхъ довольно ясно опредѣлила ихъ общественное значеніе и отношенія къ землевладѣльцамъ.

Изъ статей Русской Правды о закупахъ мы видимъ: во 1-хъ, что закупы не были рабы; ибо по закону Русской Правды рабы ни въ какомъ случаѣ не признавались свидѣтелями на судѣ, а закупы могли быть приняты свидѣтелями въ малыхъ тяжбахъ, — „а въ малѣ тяжѣ понужи сложити на закупа“ (свидѣтельство). Слѣдовательно по Русскому закону въ XII столѣтіи признавалась личность закупа, онъ считался членомъ Русскаго общества, хотя и незначительнымъ. За обиду закупа законъ назначалъ пеню, какъ за свободнаго человѣка: „якоже въ свободномъ платежъ и въ закупѣ“. Тогда какъ за обиду раба не было пени, онъ считался вещію, собственностію господина, а не членомъ общества. Закупъ, за побѣгъ отъ господина безъ расчету съ нимъ и за воровство, наказывался обращеніемъ въ полные обѣльные рабы; слѣдовательно, самъ по себѣ не былъ рабомъ, не составлялъ собственности господина.

Во 2-хъ, закупы, какъ свободные члены Русскаго общества,

имѣли по закону право защищать себя отъ обидъ судомъ, даже противъ своего господина; въ Правдѣ сказано: „ежели закупъ бѣжитъ къ князю или судіямъ обиды дѣля своего господина, то про то неработятъ его, но дати ему правду“. Господинъ, осмѣлившійся продать закупа или заложить въ рабы, не только лишался своихъ правъ на закупа, но даже терялъ право и на тѣ деньги, по которымъ закупъ вступилъ къ нему въ закупы, и сверхъ того долженъ былъ заплатить закупу за обиду 12 гривенъ, самую большую неуголовную пеню по Русской Правдѣ: „Продастъ-ли господинъ закупа обѣль, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ.“

Въ 3-хъ, по Русской Правдѣ закупы ролейные, пахатные, т. е. тѣ, которые въ послѣдствіи получили названіе крестьянъ, не ясно отличены отъ закуповъ неролейныхъ, называвшихся послѣ кабальными холопами. И кажется, въ самой жизни Русскаго общества, въ XII вѣкѣ, еще не было строгаго различія между сими двумя разрядами закуповъ; ибо ролейные и неролейные закупы получали отъ господъ деньги, за которыя обязывались работать на господина, и даже назывались просто наймитами, и кажется отличались отъ простыхъ наемныхъ работниковъ только тѣмъ, что брали деньги напередъ, какъ бы взаймы, тогда какъ наемные работники получали плату по окончаніи работы. Тѣмъ не менѣе, хотя еще не строгое, но уже существовало различіе между закупомъ ролейнымъ, и неролейнымъ, иначе же не было бы различія и въ названіяхъ. Русская Правда представляетъ только въ зародышѣ, въ послѣдствіи далеко разшедшіеся, два разряда закуповъ,—крестьянъ и кабальныхъ холоповъ, т. е. свободныхъ членовъ русскаго общества, по собственной волѣ шедшихъ въ работу къ другимъ членамъ общества, и тѣмъ самымъ вступавшихъ въ разрядъ полусвободныхъ людей. Главное различіе между ролейнымъ закупомъ, какъ можно судить по не яснымъ указаніямъ Русской Правды, кажется, состояло въ томъ, что ролейные закупы садились на чужой землѣ и обработывали ее частію на господина, частію на себя; закупы же неролейные работали при домѣ господина, находились при личныхъ услугахъ, какъ должники, получившіе напередъ деньги подъ залогъ личной свободы. Въ этомъ по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи состояло главное различіе сихъ двухъ разрядовъ закупства.

Въ 4-хъ, Русская Правда указываетъ, что закупы могли отходить отъ своего господина, выплативши занятыя деньги, или сдѣлавши съ нимъ разсчетъ въ обязательствахъ, какія были между ими и хозяиномъ. Въ Правдѣ сказано: „идетъ ли закупъ искать

кунъ (денегъ для уплаты долга господину), а явлено ходитъ; то про то не работятъ его, но дати ему правду." Вѣроятно, ролейный закупъ, крестьянинъ, сидѣвшій на чужой землѣ, могъ свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Впрочемъ ролейные закупы временъ Русской Правды рѣдко были въ такомъ положеніи, чтобы свободно могли пользоваться правами перехода, предоставленными закономъ; они, кажется, садились на господской землѣ всегда при господской ссудѣ; слѣдовательно, не иначе могли отойти отъ господина, какъ выплативши напередъ ссуду. Русская Правда, говоря о ролейномъ закупѣ, упоминаетъ о плугѣ, бòронѣ и рабочемъ скотѣ, которыя землевладѣлецъ давалъ закупу для обработыванія земли, и даже указываетъ, что закупъ долженъ былъ загонять рабочій скотъ на господскій дворъ въ клевъ и запирать, гдѣ прикажетъ господинъ. Слѣдовательно въ ролейные закупы поступали только такіе бѣдняки, которые не имѣли ни своихъ орудій земледѣлія, ни рабочаго скота, ни хлѣба на прокормъ и сѣмена, и все это получали отъ господина, на землѣ котораго садились, и который держалъ ихъ, какъ полусвободныхъ наймитовъ, закабаленныхъ ссудою.

Въ 5-хъ, изъ Русской Правды мы видимъ, что ролейные закупы, каждая семья, жили своимъ мелкимъ хозяйствомъ, и, кромѣ работъ на господина, работали на себя господскимъ же рабочимъ скотомъ и орудіями и на господской землѣ. Правда упоминаетъ, что ежели ролейный закупъ погубитъ господскій скотъ на своей работѣ (орудья своя дѣя); то за это долженъ заплатить господину. Въ другомъ мѣстѣ Русской Правды еще яснѣе указывается на отдѣльное хозяйство ролейнаго закупа. Она прямо говоритъ, что ежели господинъ преобидитъ закупа, не отдастъ столько уродившагося хлѣба, сколько слѣдовало по условію, или убавитъ долю земли, слѣдующую на хозяйство закупа, то все это долженъ возвратить, и сверхъ того за обиду заплатить 60 кунъ *). Слѣдовательно, по Русской Правдѣ ролейные закупы жи-

*) Въ Русской Правдѣ сказано: „Аже господинъ пріобидитъ закупа, а уведетъ копу его или отарицю; то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 пунъ." Здѣсь *копа* значитъ плата закупу, состоящая изъ извѣстной доли урожая; это названіе до сего времени извѣстно въ Польскомъ языкѣ подъ Kopczyzna; а въ Малороссійскомъ языкѣ сохранилось и самое слово *копа* въ значеніи нашей полтины, и даже въ смыслѣ мѣры хлѣба, равняющейся шестидесяти снопамъ. Списки Русской Правды XV и XVI столѣтій прямо переводятъ древнее выраженіе *уведетъ копу*, другимъ выраженіемъ *уверeдитъ цѣну* (убавитъ цѣну). А отарица, по толкованію Болтина, значитъ участокъ земли, который давался землевладѣльцемъ закупу во временное владѣніе, т. е. такой участокъ, который въ послѣдствіи назывался крестьянскою пашнею. На сколько вѣрны

ли на двухъ главныхъ условіяхъ: они или получали плату хлѣбомъ, т. е. условленную часть урожая, какъ въ послѣдствіи изполовники, или господинъ давалъ закупу долю земли для собственнаго хозяйства закупа съ тѣмъ, чтобы онъ другую долю земли обрабатывалъ на господина.

Значительнымъ пополненіемъ къ статьямъ Русской Правды о закупахъ служитъ вкладная грамота XII столѣтія, данная Варлаамомъ Хутынскимъ Спасскому монастырю, (Доп. къ акт. Т. I. № 5) и извѣстіе Новгородской лѣтописи подъ 1229 годомъ о распоряженіяхъ Черниговскаго князя Михаила Всеволодовича относительно платежа даней смердами (Новг. лѣт. стр. 44). Въ первомъ памятникѣ вкладчикъ Варлаамъ Хутынскій изчисляетъ все пожертвованіе, и землю, и огородъ, и ловища рыбныя и гоголиныя, и разныя, деревни съ нивами, пожнями, челядью и скотиною, т. е. все, что онъ могъ жертвовать, что составляло его собственность, и ни слова не говоритъ о крестьянахъ или ролейныхъ закупахъ, жившихъ въ его деревняхъ. Изъ этого ясно, что крестьяне въ то время имѣли характеръ наймитовъ, нынѣ жили на одной землѣ, а на другой годъ свободно переходили на другую землю; а посему объ нихъ, какъ несвязанныхъ съ поземельною собственностію, землевладѣлецъ и не упоминаетъ. Во второмъ памятникѣ сказано: „и вда (князь Михаилъ Всеволодовичъ) свободу смердомъ на 5 лѣтъ даній не платити, кто сбѣжалъ на чужую землю, а симъ повелѣ, кто здѣ живетъ, како уставили предніи князи, тако платити дань“. Здѣсь лѣтопись прямо говоритъ, что по уставамъ древнихъ князей, смерды, крестьяне, платили дань съ той земли, на которой жили во время сбора дани, а не съ той, на которой жили прежде, слѣдовательно признаетъ свободный переходъ крестьянъ съ одной земли на другую *)

сіи толкованія филологически, я не утверждаю, но они вполнѣ согласны съ духомъ Русской Правды.

*) Что же касается до освобожденія смердовъ, перешедшихъ на чужую землю, отъ платежа даней на пять лѣтъ, то это была частная временная мѣра. Передъ прибытіемъ Михаила въ Новгородъ, въ послѣднія пять лѣтъ начиная съ 1223 года, Новгородцы, раздираемые партіями, смѣнявшими одна другую, до того перемѣшались въ своихъ частныхъ владѣніяхъ, что тяжбамъ не было никакого исхода, особенно въ отношеніи къ крестьянамъ, которыхъ, основываясь на правѣ свободнаго перехода, перезывали, а можетъ быть, и силою переводили богатые представители то той, то другой торжествующей партіи; а между тѣмъ казенныя подати, при запутанности общественныхъ дѣлъ, взыскивались съ крестьянъ и по прежнему мѣсту ихъ жительства. Посему князь, желая прекратить тяжбы, рѣшилъ не взыскивать съ перешедшихъ смердовъ даней за послѣднія пять лѣтъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ прямыя и оффиціальныя свидѣтельства, что въ XII столѣтіи уже были въ Руси ролейные закупы или крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ, съ обязанностію платить за землю работою, или съ правомъ за обработку чужой земли получать условленную плату хлѣбомъ и другими произведеніями. Это фактъ, неподлежащій сомнѣнію, фактъ историческій. Но факты историческіе не являются безъ причинъ, они вырабатываются жизнію общества. Теперь рождается вопросъ,—откуда явились въ Русскомъ обществѣ крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ? какія были обстоятельства, способствовавшія Русской жизни выработать это историческое явленіе? Отвѣтъ: обстоятельства, вызвавшія на Руси явленіе крестьянъ, живущихъ на чужихъ земляхъ, съ одной стороны заключались въ бѣдности крестьянъ, а съ другой въ расположеніи къ земледѣлію. Конечно, въ древней Россіи земли было очень много, несравненно больше тогдашнихъ потребностей, и каждый желающій могъ свободно занимать огромныя пространства дикихъ полей и лѣсовъ, никому не принадлежащихъ, что конечно и дѣлали тѣ, у кого были средства; такъ вѣроятно первоначально и образовались поземельныя владѣнія частныхъ собственниковъ, и земли принадлежащія городскимъ и сельскимъ общинамъ. Общество и правительство рады были, кѣмъ бы ни занимались земли, только бы обработывались и не лежали впустѣ; ибо, по мѣрѣ занятія земель частными лицами и общинами, распространились и самыя владѣнія цѣлаго общества и въ послѣдствіи государства, а съ тѣмъ вмѣстѣ распространялась и Русская цивилизація; земля, изъ дикой, безполезной и никому не принадлежащей, дѣлалась обработанною, приносящею доходъ и составляющею собственность Русскаго человѣка, положившаго на нее свой трудъ и капиталъ. Самое владѣніе землею долго называлось *посильемъ*, и опредѣлялось и ограничивалось только мѣрою труда и средствъ владѣльца, какъ говорилось и писалось „*куда топоръ, коса и соха ходила*“, т. е. сколь далеко хватали средства и трудъ владѣльца, столь далеко простиралось и владѣніе; за чертою труда прекращалось владѣніе, и лежащая далѣе земля или принадлежала другому землевладѣльцу, положившему на нее свой трудъ, или никому не принадлежала и считалась дикою. Таковое обиліе земли и такая свобода занимать ее, сколько силъ хватаетъ, повидимому отстраняли необходимость селиться на чужихъ земляхъ; каждому, конечно, выгоднѣе было имѣть свою землю, на которой онъ былъ полнымъ хозяиномъ, владѣльцемъ ни отъ кого не зависящимъ. Но на дѣлѣ это-то обиліе земли и было одною изъ причинъ селиться на чужихъ земляхъ.

-Земля, особенно въ русскомъ климатѣ и при первобытномъ состоянiи Русскаго общества, представляла сырой безплодный матерiалъ, не могущiй прокормить своего владѣльца, ежели онъ не употребитъ на нее труда и капитала. Дикую землю прежде всего нужно было расчистить, а потомъ воздѣлать и обсѣять, чтобы она дала плодъ; а для воздѣланiя нужны рабочiй скотъ и орудiя, а для засѣянiя готовыя сѣмена, и сверхъ того нужно имѣть готовый хлѣбъ, которымъ бы кормиться, пока земля принесетъ свой плодъ, а всего этого нельзя прiобрѣсти, не имѣвши скопленнаго капитала Кромѣ того при большомъ развитiи Русскаго общества, для удовлетворенiя общественныхъ потребностей, обработанная земля облагалась податью, на уплату которой нуженъ былъ также капиталъ, а капитала-то у бѣдняковъ и не было. Посему, и при обилiи земли и при свободѣ занимать ее сколько угодно, бѣдняки волей неволей должны были садиться на чужой землѣ, у богатыхъ собственниковъ, которые вмѣстѣ съ участкомъ земли давали бѣдняку рабочiй скотъ, земледѣльческiя орудiя, дворъ со всѣми принадлежностями, хлѣбъ на сѣмена и для прокормленiя до новой жатвы, и даже средства для уплаты податей. Разумѣется, все это давалось на условiяхъ выгодныхъ для землевладѣльца: бѣднякъ долженъ былъ обработывать и хозяйскую пашню и исполнять другiя требованiя хозяина, можетъ быть и довольно тяжелыя; но все это для бѣдняка было легче голодной смерти въ дикомъ лѣсу, который хотя бы онъ и назвалъ своимъ, но котораго не могъ воздѣлать по неимѣнiю средствъ.

Свободное занятiе и разработка земли, у кого сколько силъ достанетъ, не замедлили повести къ понятiю о поземельной собственности. Земля, разъ обработанная, разчищенная, переставала быть дикою, никому не принадлежащею землею; ее уже считалъ своею тотъ, кто первый ее обработалъ, кто первый положилъ на нее свой трудъ и капиталъ, и всѣ безспорно признавали за нимъ это право; онъ владѣлъ своею землею до тѣхъ поръ, пока самъ не бросалъ ее или не передавалъ другому, и ежели умиралъ, не отказавшись при жизни отъ права на обработанную имъ землю, то она, какъ собственность, переходила къ его наслѣдникамъ, и никто посторонній уже не могъ занять этой земли безъ согласiя хозяина или его наслѣдниковъ. Земля эта уже ограничивалась межами, и межи сiи, безъ хозяйскаго согласiя, уже никто не могъ нарушить, или, въ противномъ случаѣ, подвергался наказанiю по закону. Лучшимъ доказательствомъ сему служитъ Русская Правда; она еще въ той части своей, которая издана сыновьями Ярослава, слѣдовательно въ XI вѣкѣ, говоритъ уже о межахъ: „а

межу переоретъ, либо перетнетъ, то за обиду 12 гривенъ." Тоже повторяется съ большими подробностями и въ Правдѣ XII столѣтія, гдѣ сказано: „аже межу перетнеть бортную, или ролейную разоретъ, или дворную тыномъ перегородить межу, то 12 гривенъ продажи. Аже дубъ подотнетъ знаменный или межный, то 12 гривенъ продажи." Ясно, что въ XI и XII столѣтіяхъ на Руси уже были поземельныя владѣнія, которыя разграничивались межами, за нарушеніе которыхъ законъ назначалъ самую значительную пеню, бо́льшую изъ всѣхъ, кромѣ уголовныхъ. Впрочемъ это только по свидѣтельству закона, а по лѣтописямъ мы встрѣчаемъ слѣды поземельнаго владѣнія и гораздо раньше: у Ольги, напримѣръ, были свои перевѣсища по Днѣпру и Деснѣ и село Ольжичи еще въ 947 *). Но какъ занятіе и разработка земли могли быть произведены, и дѣйствительно производились, или цѣлою общиною, или однимъ лицомъ съ своимъ семействомъ и своими средствами; то отсюда вытекало и двоякое владѣніе землею—*общинное и частное или вотчинное*. Въ вотчинномъ владѣніи хозяинъ былъ полнымъ собственникомъ земли, онъ не только пользовался и распоряжался ею, но имѣлъ право отчуждать ее, и могъ селить на ней желающихъ, никого не спрашиваясь; напротивъ того въ общинномъ владѣніи хозяинъ участка общинной земли не былъ его собственникомъ, онъ владѣлъ землею пока состоялъ самъ въ общинѣ; оставляя же общину, лишался права и на землю. Такимъ образомъ на Руси мало по малу образовалось три рода земель: земли *дикія, никому не принадлежащія,* земли *общинныя* и земли *вотчинныя*. При чемъ земли дикія, никому не принадлежащія, по прежнему остались поприщемъ для занятія общинамъ и зажиточнѣйшимъ людямъ, имѣющимъ средства ихъ обработать; земли общинныя, какъ старыя, такъ и новыя, оставались за общинами и на нихъ селились люди менѣе зажиточные, которые не имѣли достаточно средствъ обработать и освоить землю дикую; земли вотчинныя или оставались за вотчинниками, или передавались ими другимъ вотчинникамъ по частнымъ сдѣлкамъ продажи, мѣны, даренія и проч. На вотчинныя земли съ согласія вотчинниковъ садились самые бѣдные люди, которые въ качествѣ закуповъ или наймитовъ обработывали чужую землю вотчинниковыми же средствами. Земли общинныя, при бо́льшемъ развитіи государственнаго права на Руси, мало по малу обратились въ черныя или государственныя и

*) Въ XII вѣкѣ мы находимъ прямое свидѣтельство, что владѣніе землею могло быть чистою собственностію съ правомъ отчужденія; это свидѣтельство заключается въ вкладной Варлаама Хутынскаго, писанной въ 1191—1192 г. (Допол. къ ак. Ист. № 5).

считались за княземъ, но не какъ за частнымъ собственникомъ, а какъ за государемъ, почему земли сіи въ послѣдствіи и назывались государевыми землями.

Я сказалъ выше, что самое обиліе земли и полная свобода занимать ее кому угодно были одною изъ причинъ появленія ролейныхъ закуповъ, или крестьянъ, живущихъ на чужихъ земляхъ, и это иначе быть не могло; ибо при отсутствіи почти всякой цѣнности земли необработанной, и при цѣнности труда по малолюдству, землевладѣльцы охотно уступали въ пользованіе значительные участки земли своимъ закупамъ и снабжали ихъ рабочимъ скотомъ, орудіями и другими средствами земледѣлія, только бы закупы обработывали землю и на нихъ. А закупы охотно садились на чужой землѣ; ибо этотъ способъ платы за работу давалъ имъ возможность при господской помощи обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ и пріобрѣтать средства, чтобы въ послѣдствіи поступить въ члены общества и принять на себя участокъ общинной земли, или даже отдѣльно разработать дикую землю въ собственность, что все, при свободномъ переходѣ крестьянъ съ земли на землю, было очень удобно. Состояніе ролейнаго закупа или крестьянина, живущаго на чужой землѣ, именно было ступенью для перехода изъ бездомнаго батрака или захребетника въ члены свободной сельской общины, съ правомъ на полученіе участка общинной земли; а при бо́льшемъ счастіи — даже ступенью къ переходу въ мелкіе поземельные собственники. А посему, въ продолженіе всей древней исторіи Россіи, мы постоянно встрѣчаемъ множество охотниковъ на поступленіе въ ролейные закупы или въ крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ.

Вотъ причины, вотъ обстоятельства, выработавшія историческое явленіе ролейныхъ закуповъ, или крестьянъ живущихъ на чужихъ земляхъ; другихъ причинъ болѣе близкихъ къ истинѣ, мы не можемъ отыскать, по крайней мѣрѣ за время, къ которому относится Русская Правда, какъ дѣйствующій законъ. Русское государство, какъ извѣстно, первоначально образовалось не завоеваніемъ; слѣдовательно не было надобности, не было общихъ поводовъ отнимать землю у одного класса жителей и отдавать ее другому классу, такъ чтобы одинъ классъ сдѣлать землевладѣльцами, а другихъ оставить безземельными батраками, или дозволить имъ жить на чужихъ земляхъ съ условіемъ разныхъ податей и работъ. Лучшимъ сему свидѣтельствомъ служитъ то, что. по древнимъ Русскимъ законамъ и въ самой жизни на Руси, никто не былъ исключенъ изъ права поземельной собственности, только бы имѣлъ средства пріобрѣсть ее. У насъ, какъ увидимъ въ

послѣдствіи, одинаково имѣли за собою вотчинныя земли или поземельную собственность,—и князья, и бояре, и духовенство, и купцы, и крестьяне; у насъ въ древности поземельная собственность никогда не была исключительнымъ правомъ какихъ либо привиллегированныхъ классовъ. Это явленіе между прочимъ даже считается отличительною чертою древней Русской исторіи отъ исторіи другихъ государствъ Европы, основанныхъ завоеваніемъ. Варяго-Русскіе князья, приглашенные Новгородцами, и въ послѣдствіи принятые въ Смоленскѣ, Любечѣ, Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, не дѣлили земли пришедшимъ съ ними дружинникамъ; земля оставалась за тѣми же владѣльцами, за кѣмъ была и прежде, до прибытія князей. По свидѣтельству лѣтописи, даже Ольга, завоевавшая и сожегшая Коростень, и избившая множество жителей, не отняла у Коростенцовъ ихъ земли, а наложила только тяжкую дань. (Лавр. Лѣт. стр. 25.). Князьямъ на Руси были уступлены только нѣкоторыя земли, и то на государственномъ правѣ, а не на правѣ частной собственности, чему яснымъ свидѣтельствомъ служитъ то, что князья постоянно покупали земли у частныхъ собственниковъ, какъ указываютъ намъ лѣтописи и другіе памятники XII, XIII, и даже XIV и XV столѣтій. Дружинники также первоначально не получали земель и жили у князей на жалованьѣ, или получали узаконенные доходы съ областей, ввѣренныхъ ихъ управленію; и ежели въ послѣдствіи имѣли поземельную собственность, то она ими пріобрѣталась одинаково съ пріобрѣтателями въ другихъ классахъ общества, по частному гражданскому праву, общими гражданскими способами пріобрѣтенія—покупкою, дареніемъ, мѣною, наслѣдствомъ, разчисткою и воздѣланіемъ на собственныя средства дикихъ полей и лѣсовъ, никому не принадлежащихъ. Помѣстныя владѣнія, вѣроятно уже существовавшія въ XI и XII столѣтіяхъ, не измѣнили этого общаго порядка, хотя они и пріобрѣтались не по гражданскому, а по государственному праву; ибо во первыхъ они не составляли полной собственности своихъ владѣльцевъ, а большею частію состояли только въ кратковременномъ владѣніи, потому что помѣщикъ, хотя бы и не оставлялъ службы у своего князя, тѣмъ не менѣе нерѣдко долженъ былъ покидать данное помѣстье, такъ какъ и князья большею частію недолго засиживались на своихъ княженіяхъ, а съ ними должны были уходить и ихъ дружинники-помѣщики; и во-вторыхъ, помѣстныя земли въ то время были еще весьма незначительны, и раздавались только изъ земель, данныхъ князю. А посему нѣтъ никакого основанія заключать, что ролейные закупы произошли отъ того, что не было свободныхъ зе-

мель, что земля вся или принадлежала государству, какъ угодье, какъ оброчная статья, или составляла частную собственность привиллегированныхъ классовъ.

Такимъ образомъ появленіе ролейныхъ закуповъ выработалось естественнымъ порядкомъ изъ древняго устройства Русскаго общества и изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его жизнь въ прежнее время. Ролейные закупы, или крестьяне живущіе на чужихъ земляхъ, явились первоначально чѣмъ-то къ родѣ наймитовъ, какъ они частію и называются въ Русской Правдѣ; но какъ плата, получавшаяся ими за наемъ, состояла въ пользованіи участками господской земли, на которыхъ они, при помощи землевладѣльца, могли имѣть хозяйство,—то мало по малу, при характерѣ наймитовъ, ролейные закупы получили свои особыя черты, которыя рѣзко отличали ихъ отъ простыхъ наемныхъ работниковъ или батраковъ. Впрочемъ все это выяснилось и развилось уже въ послѣдствіи; во время же Русской Правды это отличіе было неясно, и ролейные закупы близко подходили къ наймитамъ; въ Русской Правдѣ даже не было опредѣлено сроковъ, когда ролейные закупы могли оставлять своего владѣльца и переходить къ другимъ, хотя и замѣтно, что они имѣли право свободнаго перехода. Вообще ролейные закупы по Русской Правдѣ были еще на самой низкой степени развитія своихъ правъ; они были рѣшительно полусвободными людьми, хотя и признавались членами Русскаго общества, и пользовались правами личности и свободнаго перехода съ одной земли на другую. Положеніе ихъ было очень стѣсненно, и потому они много зависѣли отъ своихъ землевладѣльцевъ: попытка оставить своего господина, не учинивши надлежащаго разсчета, обращало ихъ въ полное рабство; то же наказаніе грозило имъ за воровство у своего ли господина или на сторонѣ; господинъ имѣлъ полное право уличеннаго въ воровствѣ закупа или продать, или обратить въ свои полные рабы, и ни законъ, ни общество не вступались въ эти дѣла.

Послѣ Русской Правды, старѣйшее извѣстіе о крестьянахъ, живущихъ на чужихъ земляхъ, мы встрѣчаемъ въ Псковской судной грамотѣ, начало которой относится къ концу XIII и началу XIV столѣтія. Въ этомъ памятникѣ крестьяне являются подъ именами изорниковъ (пахарей), огородниковъ и кочетниковъ (рыболововъ). Здѣсь уже права ихъ опредѣляются съ большею точностію, нежели въ Русской Правдѣ, и представляются въ высшемъ развитіи.

Псковская грамота прежде всего старается избѣжать смѣшенія наймитовъ съ крестьянами; она строго отличаетъ крестьянина отъ наймита,—значитъ, и въ Псковскомъ обществѣ въ то время было

уже это строгое различіе, тогда какъ, напротивъ, во время Русской Правды ролейный закупъ частію смѣшивался съ наймитомъ. По опредѣленію Псковскаго закона, наймитомъ назывался тотъ, который или нанимается на опредѣленный срокъ, на годъ, на мѣсяцъ и проч., или подряжается отдѣлать хозяину какую либо работу,—выстроить домъ, выкопать прудъ и т. подоб. Отношенія наймита къ хозяину по Псковскимъ законамъ были не многосложны и строго опредѣлялись письменнымъ или словеснымъ условіемъ; ежели наймитъ поступилъ къ хозяину на опредѣленный срокъ, то отживши этотъ срокъ и получивши отъ хозяина условленную плату, свободно оставлялъ хозяина, а уходя отъ хозяина не доживши сроку, получалъ условленную плату по разсчету; ежели же наймитъ подряжался къ хозяину отдѣлать условленную работу, то отдѣлавши работу, получалъ за нее и условленную плату, а уходя отъ хозяина, не отдѣлавши дѣла, лишался и платы, ежели хозяинъ докажетъ передъ судомъ, что наймитъ дѣйствительно не додѣлалъ условленнаго дѣла. Другихъ отношеній между хозяиномъ и наймитовъ по Псковскимъ законамъ не было.

Но совсѣмъ иной характеръ отношеній былъ между хозяиномъ и крестьяниномъ, живущимъ на его землѣ. Крестьянинъ, т. е. изорникъ, или огородникъ, или кочетникъ, по Псковскимъ законамъ садился на хозяйской землѣ не въ годы, какъ наймитъ, а безсрочно, сколько поживется, хоть бы до конца жизни. Это главное отличіе отношеній крестьянина отъ отношеній наймита повело и ко многимъ другимъ особымъ отношеніямъ крестьянина къ господину, къ владѣльцу земли, которыхъ незамѣтно въ отношеніяхъ срочнаго наймита къ хозяину, и которыя въ свою очередь строго опредѣляютъ значеніе крестьянина въ Псковскомъ обществѣ.

Во 1-хъ, въ отношеніяхъ крестьянина къ господину по Псковскому закону признавалась совершенная свобода: крестьянинъ могъ отойти отъ господина, оставить его землю, ежели находилъ это выгоднымъ; равнымъ образомъ и господинъ могъ сослать крестьянина съ своей земли, ежели не хотѣлъ держать его. Требовалось только одно, чтобы отказы съ той или другой стороны производились въ одинъ срокъ въ году „о Филипповѣ заговеньѣ,“ какъ въ такое время, которое свободно отъ земледѣльческихъ работъ; кромѣ этого срока, ни господинъ не могъ отказать крестьянину, ни крестьянинъ отказаться отъ господина *). А ежели крестьянинъ

*) Въ Псковской грамотѣ сказано: А который государь захочетъ отрокъ дать (отказать), своему изорнику или огороднику, или кочетнику; ино отрокъ быти о Филиповѣ заговеньѣ. Такожъ захочетъ изорникъ отречися (отойти) съ села или огородникъ или

пропуститъ узаконенный срокъ и проживетъ до весны, или и на весну останется на землѣ господина въ его селѣ, а потомъ пойдетъ прочь,—то обязанъ за весну заплатить господину такое же количество дохода съ оставленной имъ земли, какое получится съ другой такой же части земли, съ которой крестьянинъ не уходилъ. Здѣсь впрочемъ нѣтъ прямаго, безусловнаго запрещенія переходить крестьянину съ одной земли на другую не въ срокъ, а только назначена плата за убытки, которые понесетъ землевладѣлецъ отъ несвоевременнаго перехода крестьянъ; слѣдовательно, съ условіемъ платежа за убытки, крестьянинъ имѣлъ право отойти отъ господина въ любое время. Но, кажется, господинъ не имѣлъ права отказать крестьянину не въ срочное время; или по крайней мѣрѣ лишался въ такомъ случаѣ права искать убытковъ, происшедшихъ отъ несвоевременнаго выхода крестьянина. Въ законѣ сказано: „А запрется изорникъ, или кочетникъ, или огородникъ отрока государева; ино ему правда дать (т. е доказать это судомъ), а государь недоискался четверти или огородной части, или съ исады рыбной части.“ То есть, ежели, по суду показанія крестьянина окажутся вѣрными, то господинъ теряетъ право на искъ дохода съ оставленной крестьяниномъ земли.

Во 2-хъ, крестьянинъ могъ жить на землѣ господина и безъ господской покруты (пособія, ссуды), т. е. получая отъ господина одну только землю, а рабочій скотъ, орудія и другія средства земледѣлія имѣя свои; а также могъ получить отъ господина, вмѣстѣ съ землею, и другія средства земледѣлія, какъ-то: рабочій скотъ, земледѣльческія орудія, сѣмена и хлѣбъ на прокормъ и даже деньги. Изъ сихъ двухъ условій, по Псковскому закону, вытекали два вида разсчетовъ крестьянина съ господиномъ, въ случаѣ, ежели крестьянинъ оставитъ господскую землю. При первомъ условіи, крестьянинъ, оставляя обработываемую имъ землю по своей волѣ или по волѣ господина, платилъ господину только половину полученнаго съ земли дохода: „А который изорникъ отречется у государя села, или государь его отречетъ; и государю взять у него всю половину своего изорника, а изорникъ половину.“ При второмъ же условіи, господинъ имѣлъ право требовать съ крестьянина все то, что онъ далъ ему въ покруту и ссуду, по словамъ закона: „А государю на изорники, или на огородни-

---

кочетникъ: ино томуже отроку быти. А иному отроку не быти ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника ни отъ огородника.... А которой кочетникъ заложитъ весну или исполовникъ у государя; ино ему заплатити весна своему государю, какъ у другой четѣ досталося на томъ же садѣ.“

ки, или на котечники вольно и въ заклич своей покруты и сочить (искать) серебра и всякой верши по имени, или пшеница, или яровой или озимной, и по отрку государеву, или самъ отречется" (т. е. въ обоихъ случаяхъ-откажетъ ли крестьянину господинъ, или самъ крестьянинъ откажется жить на землѣ господина). При чемъ, ежели крестьянинъ будетъ отпираться отъ господскаго пособія (покруты), и скажетъ: „я у тебя жилъ на селѣ, а тебѣ ничѣмъ невиноватъ, т. е. не бралъ отъ тебя пособій," то законъ повелѣваетъ господину представить четверыхъ или пятерыхъ свидѣтелей, изъ стороннихъ людей, и рѣшить дѣло присягой. А ежели свидѣтелей не будетъ, то искъ не имѣетъ силы и господинъ теряетъ право на требованіе покруты.

Въ 3-хъ. Псковскій законъ признаетъ собственность за крестьяниномъ, живущимъ на господской землѣ. Ибо въ случаѣ, ежели крестьянинъ убѣжитъ отъ господина, не желая платить полученной покруты, то господинъ, по закону, имѣетъ право продать оставшееся имѣніе крестьянина, и вырученныя за это деньги взять за свою покруту, а чего недостанетъ, то искать на крестьянинѣ, когда онъ явится. При сей продажѣ былъ постановленъ слѣдующій порядокъ: когда убѣжитъ крестьянинъ, не выплативъ покруты, то господинъ долженъ взять у князя и у посадника пристава, а также позвать губскихъ старостъ и стороннихъ людей, и передъ ними продать имѣніе оставленное крестьяниномъ, и вырученныя отъ продажи деньги взять за свою покруту. Здѣсь законъ не только признаетъ за крестьяниномъ собственность, но и охраняетъ ее, такъ что даже послѣ бѣжавшаго крестьянина, невыплатившаго покруты взятой у господина, господинъ можетъ продать крестьянское имѣніе не иначе, какъ передъ приставомъ отъ князя и посадника и передъ губскими старостами и сторонними людьми; въ случаѣ же, ежели бы господинъ при продажѣ крестьянскаго имѣнія не соблюлъ узаконеннаго порядка, то за самовольную продажу подвергался иску. Но искать могъ не самъ бѣглый крестьянинъ, а Псковскіе судьи; въ законѣ сказано: „а изорнику на государи живота несочить, а сочить Псковскимъ судьямъ." Конечно, это постановленіе отнюдь не показываетъ того, чтобы крестьянинъ вообще не могъ судиться съ господиномъ, какъ человѣкъ совершенно ему подчиненный; это противорѣчило бы духу всего Псковскаго законодательства, которое не допускаетъ такого стѣсненія въ судѣ, а напротивъ относится только къ бѣглому крестьянину.

Въ 4-хъ, Псковскій законъ, признавая за крестьяниномъ право собственности, допускалъ судебные иски крестьянина не только

на посторонних лицахъ, но и на господинѣ, у котораго онъ живетъ. Иски сіи по Псковской грамотѣ были слѣдующіе: когда господинъ присвоитъ крестьянскую собственность, и когда господинъ не платитъ крестьянину взятаго у него въ долгъ. По первому иску господинъ долженъ представить свидѣтельство посторонних людей, сосѣдей, которые бы сказали, что имущество, которое ищетъ крестьянинъ, принадлежитъ не крестьянину, а господину, и въ такомъ случаѣ крестьянинъ терялъ свой искъ, а въ противномъ случаѣ господинъ признавался виноватымъ и платилъ крестьянину по иску. Въ законѣ сказано: „А изорникъ поимается за животъ у государя, а стороннимъ людемъ вѣдомо будетъ и околнимъ сусѣдомъ, што государево; ино изорникъ не доискался, а государь правъ.“ А по второму иску крестьянинъ обязывался представить запись о долгѣ, и судъ производился по записи. Законъ говоритъ: „А который изорникъ на государя положитъ въ чемъ доску (т. е. счетъ долга), ино та доска посудитъ.“

Въ 5-хъ, Псковскій законъ охраняетъ крестьянскую собственность и по смерти крестьянина; по закону крестьянская собственность по смерти крестьянина переходила къ его наслѣдникамъ. При принятіи наслѣдства, наслѣдники крестьянина должны непремѣнно удовлетворить господина за покруту, и не скрывать крестьянскаго имущества; а господинъ не имѣетъ права самовольно взять у крестьянина, ни коровы, ни лошади, или наслѣдники въ противномъ случаѣ имѣютъ право требовать отъ господина взятое. А ежели бы крестьянинъ умеръ у господина на селѣ, не оставивши послѣ себя ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни племени:—то по закону послѣ, таковаго крестьянина, господинъ не иначе могъ удовлетворить себя за покруту данную крестьянину, какъ продавши его имѣніе узаконеннымъ порядкомъ въ прусутствіи приставовъ и посторонних людей, въ противномъ случаѣ родственники покойнаго имѣли право требовать съ господина оставшееся послѣ покойнаго имѣніе.

Въ 6-хъ, обезпечивая и охраняя собственность крестьянъ, Псковскій законъ въ то же время давалъ обезпеченіе и господамъ относительно взысканія съ крестьянъ ссуды, не только по записи, но и безъ записи. Такъ, если бы на крестьянинѣ была запись въ господской покрутѣ или ссудѣ, то, по смерти таковаго крестьянина, его жена и дѣти, хотя бы сами не были въ записи, должны непремѣнно платить господину покруту, и не имѣютъ права отречься отъ сей обязанности; по словамъ закона: „женѣ и дѣтемъ отличи нѣтъ о государеву покруту.“ Но ежели на крестьянинѣ не было записи въ полученной отъ господина покрутѣ, то

наслѣдники его, жена и дѣти, только тогда обязываются платить покруту, когда господинъ докажетъ судомъ, по Псковскому обычаю, что покойный крестьянинъ дѣйствительно взялъ у него покруту и не заплатилъ. А въ доказательство правоты своего иска передъ судомъ, господинъ по Псковской пошлинѣ долженъ былъ представить четверыхъ или пятерыхъ свидѣтелей изъ сторонныхъ людей, которые бы сказали, что изорникъ дѣйствительно взялъ покруту и не выплатилъ, и сверхъ того господинъ обязанъ былъ дать присягу въ томъ, что онъ ищетъ справедливаго. Таковой порядокъ по крайней мѣрѣ требовался Псковской пошлиною въ искахъ господина о покрутѣ на крестьянинѣ, который бы сталъ отпираться отъ господской покруты.

Такимъ образомъ по Псковскимъ законамъ крестьянинъ, живущій на господской землѣ, уже имѣлъ иной характеръ противъ крестьянина или ролейнаго закупа по Русской Правдѣ. Онъ уже далеко не былъ наймитъ, бѣднякъ безъ средствъ; уже самый законъ строго отличаетъ его отъ наймита, тогда какъ Русская Правда смѣшиваетъ ролейнаго закупа съ наймитомъ. Псковскій крестьянинъ имѣлъ уже средства селиться на господской землѣ и безъ господской ссуды или покруты. Хотя впрочемъ и по Псковской грамотѣ бывали нуждающіеся въ господской ссудѣ, но въ то же время бывали и такіе, которые имѣли свой рабочій скотъ, свои земледѣльческія орудія и другую собственность, и даже давали взаймы своимъ господамъ, на что вовсе не имѣемъ указаній въ Русской Правдѣ. Отсюда ясно, что во Псковѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ, крестьяне далеко не походили на крестьянъ прежняго времени; это уже были не одни бѣдняки, не имѣющіе своихъ средствъ воздѣлывать землю и получавшіе все отъ господина, даже хлѣбъ на прокормъ до новой жатвы, а напротивъ, между ними бывали и такіе, которые не только сами не нуждались въ средствахъ, но и другихъ снабжали. По сему причиною поселенія на чужихъ земляхъ была уже не одна недостаточность въ средствахъ обработывать землю безъ пособій другаго, но вѣроятно и непрежнее обиліе земли въ Псковскихъ владѣніяхъ. Значитъ, въ XIV и XV столѣтіяхъ земли уже подобрались, и во Псковѣ земель никому непринадлежащихъ уже не было; а если и были, то не очень выгодныя. По сему земледѣлецъ, кромѣ средствъ обработывать землю, долженъ былъ имѣть средства купить ее въ собственность; и недостатокъ сихъ-то послѣднихъ средствъ часто заставлялъ крестьянъ селиться на чужихъ земляхъ по взаимнымъ условіямъ съ землевладѣльцами. Впрочемъ, были и другія причины таковаго поселенія, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Условія, по которымъ крестьяне селились на чужихъ земляхъ, въ общихъ чертахъ опредѣлялись качествомъ поземельной собственности, т. е. была ли то земля пахатная, или огородная, или рыболовное угодье; отъ чего и крестьяне назывались: живущіе на пахатной землѣ *изорниками* (пахарями), на огородчой землѣ *огородниками*, на рыбномъ исадѣ *кочетниками*, рыболовами. Общимъ условіемъ для всѣхъ крестьянъ, живущихъ на чужой землѣ, по Псковскимъ законамъ, было изполовничество, т. е. крестьянинъ половину плодовъ, получаемыхъ съ обработываемой имъ земли, долженъ былъ доставлять землевладѣльцу, господину, а половину брать себѣ; по сему крестьяне во Псковѣ еще назывались изполовниками. Новое, особенное условіе было между крестьяниномъ и господиномъ, ежели крестьянинъ, кромѣ земли, получалъ отъ господина покруту или ссуду; таковый крестьянинъ, при переходѣ на другую землю долженъ былъ возвратить прежнему господину всю ссуду сполна, въ противномъ случаѣ господинъ могъ искать своей ссуды судомъ. Впрочемъ это условіе вовсе не было общимъ и главнымъ, оно даже въ законѣ названо *вершью* т. е. дополненіемъ главнаго условія, — земли; законъ говоритъ: „А государю на изорники или огородники или на кочетники вольно и взакличь своей покруты и сочить серебра и всякой верши по имени.“

Теперь еще рождается вопросъ: что заставляло крестьянъ, имѣющихъ достаточныя средства, садиться на землѣ частныхъ владѣльцевъ съ условіями платежа за пользованіе чужею землею, тогда какъ на общинныхъ земляхъ они могли садиться безъ условій подобнаго платежа? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ должно сказать, что крестьяне садились и на общинныхъ или черныхъ земляхъ, и на владѣльческихъ, и при свободѣ переселенія каждый выбиралъ для себя мѣсто, гдѣ больше представлялось выгодъ. Ежели хорошія, выгодныя, общинныя земли были уже заняты другими, то неуспѣвшій ихъ занять считалъ выгоднѣе сѣсть на хорошей владѣльческой землѣ съ платежомъ за пользованіе чѣмъ на плохой общинной землѣ безъ платежа. Особенно огородныя и рыбныя угодья много манили къ себѣ охотниковъ, даже и при значительныхъ платежахъ за пользованіе. Сверхъ того важнымъ побужденіемъ къ поселенію на частныхъ земляхъ служили льготы и покровительство богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ; крестьянинъ за господиномъ жилъ, по народному выраженію, какъ за каменной стѣной, и не боялся ни чьихъ притѣсненій. Свидѣтельствомъ этому служатъ для насъ многія грамоты и другіе оффиціальные акты, современные Псковской судной грамотѣ

и позднѣйшіе, въ которыхъ мы часто встрѣчаемъ указанія, что не только жители селъ и деревень, но и горожане охотно закладывались за богатые и сильные монастыри и за бояръ, именно съ цѣлію пользоваться защитою и покровительствомъ. При томъ частные землевладѣльцы не рѣдко получали и отъ правительства разныя льготы для поселенцевъ на ихъ земляхъ, что конечно также сильно привлекало крестьянъ на частные владѣльческія земли *).

Но поселяясь на общинныхъ ли, или на владѣльческихъ частныхъ земляхъ, крестьяне по Псковской грамотѣ составляли совершенно одинъ классъ жителей Псковской области; поселеніе на той или другой землѣ не измѣняло ихъ основнаго характера,

*) Въ договорныхъ грамотахъ князей мы почти постоянно встрѣчаемъ условіе, чтобы не выводить людей изъ одной области въ другую и не принимать закладниковъ. Такъ напримѣръ въ договорной грамотѣ Новгорода съ Тверскимъ В. Княземъ Александромъ Михайловичемъ, писанной въ 1327 году, прямо сказано: „А изъ Бѣжиць ти людей не выводити въ свою волость и ни изъ иной волости Новгородской, ни грамотъ давати, ни закладчиковъ пріимати, ни твоей княгини, ни твоимъ бояромъ, ни слугамъ, ни смерда ни купчины.“ (Соб. гос. гр. и дог. т. 1 № 15). Въ Никоновской лѣтописи, подъ 1284 годомъ, очень живо и наглядно описано, какъ заманчива и выгодна была жизнь поселянъ у богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ. Лѣтопись, говоря о томъ, что Татарскій баскакъ Ахматъ учредилъ себѣ двѣ великія слободы въ Курскомъ княженіи, пишетъ: „и сотвори себѣ двѣ слободы великія въ княженіи Ольга Князя Рыльскаго и Воргольскаго и Святослава Князя Липецкаго; и созва отвсюду людей много, и бысть ему отъ него вся, еже что хотяще, и заборонь отвсюду велика. И тако умножишася людіе въ слободахъ тѣхъ, и быша тамо торги и мастера всякіе; и быша тѣ двѣ слободы, яко грады великіе.“ (Ник. лѣт. т. III. стр. 78). Конечно лѣтописецъ говоритъ здѣсь о слободахъ Татарскаго баскака, но баскакъ здѣсь держалъ слободы не по Татарскому обычаю, а по Русскому, и слободы были населены не Татарами, а Русскими людьми; слѣдовательно примѣръ сихъ слободъ можетъ служить вѣрнымъ изображеніемъ того, какъ на Руси въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ выгодно было селиться на земляхъ богатыхъ владѣльцевъ, и какъ быстро населялись такія земли. Сами Русскіе князья во время удѣловъ охотно давали значительныя льготы землевладѣльцамъ для привлеченія новыхъ поселенцевъ не только изъ чужихъ, но и изъ своихъ княжествъ; по свидѣтельству множества дошедшихъ до насъ жалованныхъ грамотъ монастырямъ и другимъ землевладѣльцамъ, льготы отъ княжихъ податей и сборовъ иногда давались на 10, а иногда на 15 и на 20 лѣтъ. Князьямъ въ то время постоянно была одна забота, чтобы какимъ бы то ни было образомъ населить пустующія земли; и для этого они находили удобнѣйшимъ средствомъ давать льготы землевладѣльцамъ съ условіемъ заселенія порожнихъ земель. Такъ въ жалованной грамотѣ В. К. Василья Васильевича, писанной въ 1449 году, прямо сказано: „пожаловалъ есми Марью Васильеву жену Борисовича Копнина да ея сына Ѳедора, что ихъ пустоши въ Переславскомъ уѣздѣ. А лежатъ деи пусты за десять лѣтъ и лѣсомъ поросли.... Кого къ себѣ перезовутъ людей на тѣ пустоши тутошнихъ старожильцовъ, которые прежде сего тутожъ живали, или кого къ себѣ перезовутъ людей изъ иныхъ княженій, а не изъ моей вотчины.... ино тѣмъ людемъ инокняжцемъ не надобѣ моя великаго Князя ни которая дань на десять лѣтъ, а старожильцамъ на 5 лѣтъ.“ (А. А. Эк. т. I. № 44).

какъ общинниковъ; они и на общинныхъ и на владѣльческихъ земляхъ составляли общины. Мы видѣли уже въ Русской Правдѣ ролейныхъ или крестьянскихъ старостъ, княжихъ и боярскихъ, т. е. въ селеніяхъ общинныхъ и владѣльческихъ; то же самое теперь находимъ и въ Псковской судной грамотѣ, гдѣ сверхъ того прямо указывается, что старосты сіи были начальники общинъ, погостовъ, губъ, волостей. Такъ выше была уже приведена статья, что господинъ не могъ продать имѣніе, оставленное крестьяниномъ, безъ приглашенія къ сему губскихъ старостъ: „ино государю у князя и у посадника взять приставъ, да и старостъ губьскихъ позвати“ (стр. 12). Слѣдовательно крестьяне живущіе на владѣльческихъ земляхъ, кромѣ отношеній къ землевладѣльцу, чисто частныхъ, гражданскихъ, основанныхъ на взаимномъ гражданскомъ условіи, имѣли еще отношенія общественныя, публичныя, какъ члены той или другой общины; землевладѣлецъ не былъ собственникомъ крестьянина и его имущества; крестьянинъ былъ членомъ общины и въ отношеніяхъ публичныхъ подчинялся общиннымъ начальникамъ, старостамъ, которые и защищали его противъ господина, землевладѣльца. Даже господинъ не могъ требовать съ крестьянина своей покруты или ссуды иначе, какъ *въ закличь:* „а государю на изорники, или огородники, или кочетники вольно и въ закличь своей покруты и сочить серебра и всякой верши“ (стр. 8), т. е. господинъ долженъ былъ предъявить свой искъ на крестьянина публично, кликать или громогласно объявлять объ этомъ общинѣ, къ которой принадлежитъ крестьянинъ, какъ членъ; здѣсь община является какъ бы посредникомъ между господиномъ и крестьяниномъ Даже судъ княжой или городской не иначе вызываетъ отвѣтчика, какъ передъ общиною, въ которой онъ живетъ: по Псковскому закону, позовникъ, т. е. посланецъ отъ суда, объявлялъ позывъ не землевладѣльцу, у котораго живетъ крестьянинъ, а на погостѣ, т. е. около церкви, передъ священникомъ; въ грамотѣ сказано: „а который позовникъ пойдетъ исца звати на судъ, и той позванный не пойдетъ на погостъ позовницы чести; или стулится (спрячется) отъ позовницы; ино позовница прочести на погостѣ передъ попомъ“ (стр. 5). Объявленіе о татьбѣ также дѣлалось не передъ землевладѣльцемъ, а передъ старостами и окольными людьми, и вообще передъ общиной. „А у которого Псковитина у какова, учинится татьба во Псковѣ, или на пригороди, или въ селѣ на волости; ино явити старостамъ, или окольнымъ сусѣдомъ или инымъ стороннимъ людямъ“ (стр. 6). Вообще Псковская грамота не полагаетъ различія между крестьяниномъ живущимъ на об-

щинныхъ и на владѣльческихъ земляхъ, и о послѣднихъ говоритъ отдѣльно только по частнымъ ихъ отношеніямъ къ землевладѣльцамъ; отношенія же общественныя для тѣхъ и другихъ крестьянъ очевидно были одни и тѣ же. Впрочемъ объ этомъ предметѣ подробнѣе говорятъ разныя грамоты Московскихъ и другихъ князей сѣверовосточной Руси, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

Общественное значеніе крестьянъ въ XIV и XV столѣтіяхъ.

По княжескимъ грамотамъ XIV и XV столѣтій общественное значеніе крестьянъ выражается во 1-хъ тѣмъ, что законъ и жизнь признавали всѣхъ крестьянъ людьми вольными, свободными, членами Русскаго общества, имѣющими свои права и обязанности въ отношеніи къ обществу и нисколько не связанными съ землею, на которой они сидятъ. Лучшимъ сему доказательствомъ служатъ купчія, данныя, закладныя и всѣ акты передачи недвижимыхъ имѣній изъ однихъ рукъ въ другія: въ нихъ о передачѣ, или залогѣ крестьянъ нѣтъ нигдѣ и помину, и постоянно продаются, или жертвуются, или иначе какъ передаются недвижимыя имѣнія съ челядью (рабами), домашнею скотиною, съ разными угодьями и доходами, даже съ серебромъ на крестьянахъ, но нигдѣ съ крестьянами; крестьяне, какъ люди свободные, не принадлежащіе къ имѣнію, въ купчихъ и закладныхъ не пишутся *).

---

*) Такъ напримѣръ въ докладной митрополиту Геронтію 1486 года на отдачу Новинскимъ монастыремъ села Кудрина Ивану Васильевичу Ощерѣ, написано: „ѣмлю азъ у Новинскаго игумена съ-братьею землю.... Село Кудрино, что было за Ивановымъ за Товарковымъ.... а вѣдати ми, господине то село и пахати и косити на себя.... А что, господине, азъ.... примышлю въ томъ селѣ Кудринѣ серебра и хлѣба и животины страдные; и послѣ моего живота то село Кудрино и съ серебромъ и съ хлѣбомъ въ земли, и что будетъ на поли стоячего жита и съ животиною страдною и совсѣмъ съ тѣмъ въ домъ пречистые Богородицы въ монастырь на Новое" (Ак. отн. до юрид. быта стр. 493). Или въ духовной грамотѣ 1460 года Адріана Ярлыка, завѣщатель пишетъ: „далъ есми пречистые Богородицы въ домъ на Симаново сельцо съ деревнями въ Переславскомъ уѣздѣ въ Кистьмѣ и въ Юлкахъ мѣновые и купленные, и што въ тѣхъ селцѣхъ и въ деревняхъ на людяхъ мое серебро дѣльное и ростовое; и изъ то далъ все на Симоново" (ibid. стр. 555). Или въ одной Новгородской купчей XIV вѣка: „Се купи Ѳедоръ Макарьевъ сынъ у Онцифора Андроникова сына землю на низу у Яковли курьи, три села, дворы и дворища, земли тѣхъ селъ по старымъ межамъ и съ притеребы, и ловища тѣхъ селъ и хмѣльники тѣхъ селъ. (Ак. Юр. т. 1. стр. 111). Конечно, ежели бы крестьяне принадлежали къ недвижимымъ имѣніямъ, то въ купчихъ ихъ писали бы поимянно, какъ это и стали дѣлать, когда въ послѣдствіи крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Такъ напримѣръ въ одной купчей 1630 года продавецъ пишетъ: „продалъ

Въ 2-хъ, названіе крестьянъ по княжескимъ грамотамъ одинаково давалось, какъ городскимъ такъ и сельскимъ жителямъ, принадлежащимъ къ разряду *черныхъ людей*. Слѣдовательно, крестьяне тогда составляли весь нижній классъ народонаселенія, т. е. всѣ не бояре, не духовенство и не купцы имѣли одно названіе крестьянъ, и одни права, видоизмѣняемыя только промыслами и мѣстомъ жительства, которые впрочемъ мѣнялись сами крестьянами по ихъ собственнымъ соображеніямъ, т. е. сельскій житель могъ перейти въ городъ и дѣлался горожаниномъ, и на оборотъ *).

Въ 3-хъ Сельскіе и городскіе крестьяне или черные люди раздѣлялись на *тяглыхъ* и *нетяглыхъ*, или *вольныхъ*. Тяглые люди иначе назывались по княжескимъ грамотамъ *даньскими* и *письменными людьми* и *числяки*, или *численными людьми*. Такъ въ грамотѣ В. К. Василья Васильевича Кирилову монастырю, данной въ 1456 году, Князь пишетъ: „а тяглыхъ людей имъ (монахамъ) моихъ великаго князя, даньскихъ письменныхъ, въ то ихъ село и деревни не пріимати". (А. Ар. Э. т. 1. № 60). Или въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ: „а численныхъ людей блюсти ны съ одного, а земль ихъ не купити.... А черные люди къ становщику; тыхъ въ службу не пріимати, а блюсти ны ихъ съ одного, а земль ихъ не купити." (Соб. Гос. Гр. и дог. т. 1. № 33). Здѣсь тяглыми людьми называются прямые члены той или другой общины, записанные въ общину домохозяева, отъ своего лица владѣвшіе землею, хотя бы и не въ собственность, и платившіе съ земли подати и тянувшіе во всѣ общинные разметы и разрубы; а нетяглыми назывались тѣ, которые не были прямыми членами ни какой общины и жили на землѣ и владѣли землею не отъ своего лица, а посему и въ общинные разрубы не тянули: таковы были всѣ захребетники,

---

если вотчину свою выслуженную въ Галицкомъ уѣздѣ въ Унженской осадѣ, Устнѣйскую волостку съ деревнями, и съ починки и со всѣми угодьи, и со крестьяны, и съ бобыли, и съ ихъ дѣтьми и съ зятьми, и съ пріимыши и съ захребетники. А въ той моей вотчинѣ.... четвертные пашни 118 чети съ полуосминою; а деревень и починковъ жилыхъ въ той моей вотчинѣ: деревни Ивашкина, а въ ней крестьянъ: (а) Иванъ Бичевинъ, да на томъ дворѣ въ отдѣлѣ сынъ его Ивашко; (в) Шарка Михайловъ, да съ нимъ же пять братовъ его.... И такъ далѣе описаны 13 деревень, и въ нихъ 90 человѣкъ крестьянъ съ женами, дѣтьми и пріемышами. (Въ моемъ собраніи грамотъ).

*) Такъ въ грамотѣ В. К. Ивана Васильевича, данный въ 1462 году, сказано: на Бѣлоозеро сотнику городскому и всѣмъ христіаномъ, и на городокъ на Ѳедосьинъ, и на Выжему, и на Волочекъ па Славенскій.... старостамъ. Били ми челомъ здѣся пречистые Кирилова монастыря старци, Гаврило да Голасѣи, а сказываютъ, что де у нихъ отказываете ихъ людей монастырскихъ серебренниковъ съ дворца и съ деревень" (А. Ар. Эк. т. 4. № 73).

дѣти при отцахъ, пріемыши, и приходящіе работники и подсусѣдники: они знали не общину, а того, за кѣмъ жили, и онъ уже отвѣчалъ за нихъ передъ общиною.

Такимъ образомъ, крестьянами на Руси въ XIV и XV столѣтіяхъ назывались всѣ свободные члены русскаго общества, состоящіе въ городскихъ или сельскихъ общинахъ, и тянувшіе въ дань и отправлявшіе разныя общественныя повинности по разрубамъ и разметамъ общинъ, какъ члены той или другой общины. Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть различныя отношенія крестьянъ къ землѣ, къ землевладѣльцу, между собою и къ правительству.

Отношенія крестьянъ къ землѣ.

По исконному убѣжденію Русскаго народа земля составляла основаніе всѣхъ отношеній человѣка къ обществу: безъ земли можно было быть княжимъ бояриномъ, слугою княжимъ и боярскимъ, монахомъ, священникомъ или другимъ духовнымъ лицомъ, безъ земли же можно было быть батракомъ, наемнымъ работникомъ и вообще вольнымъ государевымъ человѣкомъ; но чтобы быть членомъ городской или сельской общины, для этого непремѣнно должно было имѣть какую либо долю городской или сельской земли. Гость, купецъ, крестьянинъ не могли быть безъ земли, они считались принадлежащими къ той или другой общинѣ по землѣ, или, по тогдашнему выраженію, по землѣ и водѣ тянули къ городку или волости. Бояринъ, монастырь—пріобрѣтая землю, чрезъ сіе самое дѣлались членами общины, по землѣ и водѣ тянули къ городу; и наоборотъ — крестьянинъ, купецъ, вообще тяглый человѣкъ, лишаясь земли, переставалъ быть тяглымъ человѣкомъ и членомъ общины.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ земли по прежнему были и общинныя и частныя, и крестьяне могли жить или на общинныхъ земляхъ, или на своихъ собственныхъ, или на владѣльческихъ; отсюда и отношенія крестьянъ къ землѣ были различны.

1-е. Ежели крестьяне сидѣли на общинной или черной землѣ, то они пользовались ею только какъ члены общины, получая въ надѣлъ извѣстные участки или выти земли въ безсрочное пользованіе, такъ что на одномъ и томъ же участкѣ крестьянинъ могъ сидѣть цѣлую жизнь и передавалъ его своимъ наслѣдникамъ, но, разумѣется, съ неизмѣннымъ условіемъ, быть членомъ общины и тянуть во всѣ общинные разрубы и разметы. Этотъ участокъ земли до нѣкоторой степени представлялъ какъ бы собственность крестьянина; онъ могъ даже отдавать его въ закладъ и продавать

только съ условіемъ, чтобы тотъ, кто приметъ отъ него этотъ участокъ, тянулъ въ общинные разрубы и разметы, или окупилъ всѣ общинныя пошлины, лежащія на этомъ участкѣ, или, какъ тогда говорилось, обѣлилъ его, а въ противномъ случаѣ лишался своей покупки, какъ объ этомъ прямо говорятъ договорныя грамоты князей. Такъ напримѣръ, въ договорной грамотѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ сказано: „а кто будетъ покупитъ земли данные, служни или черныхъ людей, а тѣ, кто возможетъ выкупити, инѣ выкупитъ; а не возмогутъ выкупити, инѣ потянутъ къ чернымъ людемъ; а кто не всхочетъ тянути, инѣ ся земль съступятъ, а земли чернымъ людемъ даромъ“ (Соб. Гос. Гр. и Дог. т. 1. № 33). Это условное право отчужденія общинныхъ земель особенно было развито въ городахъ. О продажѣ городскихъ черныхъ земель мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ въ договорныхъ грамотахъ, или вотъ купчая 1609 года, въ которой продавецъ ясно указываетъ, что онъ продаетъ общинную городскую землю, вотъ слова купчей: „се азъ Леонтей Ѳоминъ сынъ Глинскаго посада, продалъ есми Ивану Михайлову сыну Холмогорцу лавку свою на Глинскомъ посадѣ въ новомъ ряду.... по своей купчей, что азъ Леонтей купилъ у Богдана Ѳедорова сына Кальяникова.... А продалъ есми въ дернь безъ выкупа и съ полавочною землею, какъ инымъ лавкамъ земли сколько доведется тогожъ новаго ряду безъ вывѣта“ (Въ моемъ собран. грамотъ). Здѣсь владѣлецъ продаетъ общинную землю, даже не измѣряя ее, а сколько доведется по общинному измѣренію на его долю, какъ инымъ *лавкамъ доведется*. Но конечно, крестьянинъ, продавая или инымъ образомъ передавая другому общинную землю, продавалъ собственно не землю, а свое право на нее, которое составляло его собственность, земля же и по передачѣ другому оставалась общинною землею; ибо черныхъ или общинныхъ земель сами князья не могли покупать, какъ прямо свидѣтельствуютъ договорныя грамоты князей. Такъ въ вышеприведенной договорной грамотѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ сказано: „а которые слуги къ дворскому, а черные люди къ становщику, тѣхъ въ службу не принимати, а блюсти ны ихъ съ одного, а земль ихъ некупити“.

Крестьянинъ, владѣющій участкомъ общинной земли, имѣлъ на нее всѣ права пользованія и распоряженія, могъ отдавать ее въ наемъ, могъ самъ воздѣлывать ее въ какихъ угодно видахъ, т. е. обращать въ пашню, въ огородъ, оставлять перелогомъ, ставить на ней строенія и проч. Община во все это не вступалась, кресть-

янинъ въ этомъ отношеніи былъ полнымъ хозяиномъ даннаго ему участка, только бы исполнялъ лежащія на немъ общинныя обязанности. Одно судное дѣло 1462—1464 годовъ довольно отчетливо изображаетъ отношеніе крестьянъ къ своей общинной землѣ. Крестьяне говорятъ на судѣ: „та господине земля наша Воиславская: а мы господине ту землю орали и косили; а за Савкою, господине, земля наша была за нашимъ крестьяниномъ въ выти; а Харя, господине, у насъ жилъ въ селѣ Воиславскомъ девять лѣтъ, а ту, господине, землю дѣлалъ; а какъ, господине, у насъ Харя вышелъ изъ села, уже тому 20 лѣтъ: а мы, господине, отъ тѣхъ мѣстъ ту землю оремъ и сѣемъ и въ наемъ отдаемъ, и изъ старины та земля Звенигородская" (Ак. отн. до юрид, быта Рос. стр. 636). Крестьяне имѣли право и частныя земли владѣльцевъ присоединять къ своимъ общиннымъ землямъ посредствомъ мѣны, покупки и выкупа. Такъ въ грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича (1446—1468 г.) сказано: „что заложилъ въ Кириловъ монастырь пожню Бренко, да другую пожню Семенъ Поповъ за Марьевою рѣчкою, а Бренко заложилъ островъ пожню ниже Городка; и азъ пожаловалъ старосту Городечскаго и всѣхъ крестьянъ, велѣлъ есми имъ тѣ пожни выкупити, что будетъ въ кабалахъ написано въ Бренковой и Семеновой; и они имъ (Кириловскимъ монахамъ) тѣ деньги дадутъ, а пожню возмутъ къ волости, да владѣютъ тѣми пожнями крестьяне" (ibid. стр. 125).

2-е. Ежели крестьянинъ сидѣлъ на своей собственной землѣ, имъ самимъ разчищенной изъ дикаго поля, или купленной у другаго землевладѣльца собственника, то онъ былъ полнымъ собственникомъ, какъ и прочіе частные землевладѣльцы, могъ свободно какъ отчуждать ее, такъ и распоряжаться ею, могъ продавать, дарить, завѣщевать, отдавать въ наймы, селить на ней крестьянъ на свое имя. Полное свидѣтельство сему представляетъ духовная крестьянина Прокопія Бородкина, въ ней завѣщатель пишетъ: „се азъ Прокофей Марковъ сынъ Бородкинъ, Луской Пермецы Лоемской волости крестьянинъ, пишу по себѣ сію изустную память.... А что есть у меня Прокопья деревни и дворы, и дворовыя хоромы, и внѣ двора, и сѣнные покосы, пожни и рыбные ловли, и всякіе деревенскіе угодья, чѣмъ прежъ отецъ мой Марко и послѣ его азъ, Прокопей, владѣлъ по купчимъ и по закладнымъ и по всякимъ писмяннымъ крѣпостямъ, и что есть у меня хлѣба всякаго сухого въ амбарахъ, и скота и коней и коровъ и всякаго житейскаго заводу, и тѣми вышеписанными деревнями и дворовыми хоромами, сѣнными покосы, и рыбными ловлями, и всякими деревенскими угодьи, по купчимъ и по закладнымъ и по всякимъ

писменнымъ крѣпостямъ, и скотомъ и животомъ, и всякимъ житейскимъ заводомъ.... И по кабаламъ на комъ взять, и тѣмъ вышеписаннымъ всѣмъ азъ, Прокопей, при смертномъ своемъ часу благословилъ и надѣлилъ сына своего Ѳеодора Прокопьева съ женою своею Мариной“ (ibid стр. 66). Или вотъ еще свидѣтельство жалованной грамоты великаго князя Василія Ивановича 1524 года о занятіи дикихъ мѣстъ въ собственность, гдѣ крестьянамъ дозволяется на занятыя земли сажать крестьянъ, строить дворы и вообще хозяйничать, какъ собственникамъ. Князь пишетъ: „пожаловалъ есмя Двинянъ Наумку, Кобеля, Савина сына, да Давыдка Степанова сына.... Что ми били челомъ, а сказываютъ, что въ Двинскомъ уѣздѣ, за рѣкою за Двиною, нашли ключи соляные на рѣчкѣ на Юрѣ, на лѣсу на черномъ.... А дворы де и пашни на тѣхъ мѣстѣхъ не бывали отъ вѣка, а отъ волости де тѣ мѣста за 20 верстъ со всѣхъ сторонъ, угодья де къ тѣмъ мѣстамъ не пришли ни отъ которыхъ волостей.... И ожъ будетъ такъ, какъ Наумка и его товарищи сказывали; и азъ Князь Великій пожаловалъ Наумку и его товарищевъ, велѣлъ есми имъ на тѣхъ мѣстѣхъ ключи соляные чистить, и лѣсъ сѣчи, и дворы ставити, и пашни пахати, и пожни чистити, и людей къ себѣ звати на тѣ мѣста, нетяглыхъ и неписьменныхъ, добрыхъ, а не татей и не разбойниковъ“ (А. Ар. Эк. т. I. № 385).

3-е. Крестьяне, сидящіе на чужой землѣ, т. е. на землѣ частнаго собственника,—князя, боярина, монастыря, купца, крестьянина, занимали землю только по взаимному согласію съ землевладѣльцемъ, и при недостаткѣ таковаго согласія не могли оставаться на таковой землѣ: земля сія вполнѣ принадлежала своему собственнику, и крестьянинъ сидѣлъ на ней въ качествѣ безсрочнаго жильца, могъ просидѣть на ней цѣлую жизнь, и даже передать ее своимъ дѣтямъ, но могло быть и такъ, что черезъ годъ, около Юрьева дня осенняго, онъ или самъ оставлялъ землю, или хозяинъ ссылалъ его. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы переселенія крестьянъ съ одной земли на другую были общимъ правиломъ, это скорѣе были исключенія, по крайней мѣрѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ; ибо мы почти во всѣхъ грамотахъ встрѣчаемъ упоминанія о старожильцахъ какъ на общинныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ, а старожильцы не рѣдко говорятъ, что иной живетъ на занимаемой имъ землѣ 20, иной 30, 40, 50, 80 лѣтъ, что и дѣды и отцы его жили на этой же землѣ. Крестьянинъ, живущій на чужой землѣ, имѣлъ право обработывать ее и пользоваться ея плодами, дѣлясь ими съ господиномъ на половину, (исполовникъ) или по другимъ условіямъ; онъ даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ

отвѣчалъ по занятой имъ землѣ передъ правительствомъ, онъ платилъ съ земли подати въ казну, какъ членъ общества, по землѣ онъ тянулъ судомъ и данью и иными пошлинами; земля, хотя и чужая, сообщала ему характеръ владѣльца, по землѣ онъ былъ не наймитомъ. батракомъ, а наемщикомъ домохозяиномъ. Но и съ своей стороны крестьянинъ сообщалъ чужой, находящейся въ его пользованіи, землѣ особенное значеніе,—онъ не только заставлялъ ее приносить плоды для себя и господина, но и само государство получало съ земли доходъ только потому, что на ней живетъ крестьянинъ, съ земли пустующей не жилой не бралось податей, равнымъ образомъ и земля, воздѣлываемая рабами господина, также не считалась тяглою землею. Свидѣтельствомъ этому служатъ всѣ дошедшія до насъ писцовыя, переписныя и окладныя книги. Крестьянинъ обыкновенно получалъ отъ господина дворъ и долю или выть пахатной земли и сѣнокоса и право въѣзжать въ лѣсъ, ежели таковый былъ, за что платилъ господину своею работою или произведеніями воздѣлываемой земли, и оставался хозяиномъ даннаго участка, пока не оставлялъ его самъ, или пока землевладѣлецъ не сгонялъ его. Но иногда землевладѣлецъ отдавалъ крестьянину нѣсколько деревень со всѣми угодьями, и предоставлялъ ему какъ хозяину населять отданныя деревни, призывать на нихъ крестьянъ и пользоваться всѣми доходами на извѣстныхъ условіяхъ. Такъ въ грамотѣ митрополита Даніила крестьянину, Дементію (1527 года), митрополитъ пишетъ: „пожаловалъ есми изстариннаго своего крестьянина Дементья, Мелетіа Нестерова сына Новикова, Филимонова внука, домовыми Пречистыя Богородицы.... и своими митрополичими деревнями въ Вологодскомъ уѣздѣ.... деревнею Вондажскою, да деревнею Фотиньевскою, да деревнею Ларивоновскою, да деревнею Онцыфоровскою и съ селищи, и съ пустоши, и съ лѣсы, и съ луги, и съ пожнями, и съ озеры, и съ рѣками, и съ болоты и со всѣми угодьи, что къ тѣмъ деревнямъ и селищамъ и къ пустошамъ изъ старины потягло. А далъ есми ему на тѣ старыя деревни льготы на десять лѣтъ; того для, что тѣ деревни отъ меженины запустѣли; а отъидетъ десять лѣтъ и мнѣ его пооброчити, какъ будетъ пригоже А на селища и на пустоши и на лѣсъ людей ему призывать и деревни ставити, и слободу сбирати, и льготные ему грамоты на урокъ давати, посмотря по мѣстомъ, какъ будетъ пригоже. А тѣхъ ему деревень, ни селищъ, ни пустошей, ни лѣсовъ, ни луговъ, ни поженъ, ни озеръ, ни рѣкъ, ни болотъ не освоивати, ни окняжить, ни обоярити, ни продати, ни заложити, ни по душѣ не дать, ни иною которою хитростью отъ церькви Божіей не отстаивати“ (Ак. Ар.эк. т. I. 74).

Отношенія крестьянъ къ землевладѣльцу.

Отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ по дошедшимъ до насъ грамотамъ были очень разнообразны, хотя основаніемъ ихъ служило одно начало, что крестьянинъ былъ наемщикъ земли у господина, но условія найма были далеко неодинаковы.

1-е. Крестьянинъ могъ селиться на господской землѣ совершенно пустой, на лѣсу, и разчищать и обработывать ее, строить на ней дворъ и проч. своими средствами, даже какъ мы уже видѣли въ грамотѣ митрополита Даніила, селить на ней другихъ крестьянъ, давать имъ льготы и дѣлать разныя условія. Здѣсь крестьянинъ въ отношеніи къ землевладѣльцу находится въ качествѣ чистаго наемщика, полнаго хозяина, землевладѣлецъ уступаетъ ему на извѣстныхъ условіяхъ почти всѣ свои права на землю, выключая право собственности и право отчужденія.

2-е. Крестьянинъ могъ селиться на господской землѣ уже прежде обработанной и занять дворъ построенный господиномъ; но обработывать землю своими орудіями своимъ рабочимъ скотомъ безъ всякаго пособія отъ землевладѣльца. Здѣсь отношенія крестьянина къ землевладѣльцу конечно ниже предшествовавшихъ, но все еще крестьянинъ не теряетъ характеръ наемщика, онъ платитъ господину за пользованіе землею своимъ трудомъ. или тою или другою долею плодовъ, смотря по условію съ господиномъ. Отходя отъ господина въ Юрьевъ день, таковый крестьянинъ не оставался должнымъ, и могъ сказать господину: жилъ я у тебя на селѣ, но тебѣ ничѣмъ невиноватъ, могу свободно отойти въ установленный закономъ срокъ. Мало того, посѣянный крестьяниномъ хлѣбъ оставался въ его пользу, и онъ на другой годъ могъ снять его и продавать и свезти къ себѣ на новое мѣсто жительства, оставивши часть его въ пользу господина, какъ было положено между ними въ прежнемъ условіи.

3-е. Крестьянинъ садился на господской землѣ и получалъ отъ господина рабочій скотъ и орудія, даже хлѣбъ на прокормъ и сѣмена, или какъ тогда говорилось, *на сѣмены ѣмены,* и сверхъ того денежное пособіе или ссуду. Таковый крестьянинъ въ отношеніи къ землевладѣльцу почти терялъ значеніе наемщика, а дѣлался должникомъ, обязаннымъ платить и капиталъ и проценты и цѣну за пользованіе землею. Таковые крестьяне по грамотамъ назывались серебрянниками, и жили, кажется, на томъ же положеніи, какъ и кабальные люди, и не выплативъ ссуды не могли оставить господина ни въ какой срокъ, и при переводѣ другимъ

землевладѣльцемъ, сей послѣдній не иначе могъ взять ихъ, какъ давши за нихъ господину окупъ. Такъ въ грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича сказано: „и вы бы серебренниковъ отказывали о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатитъ.... коли серебро заплатитъ, тогды ему и отказъ“ (Ак. Ар. Эк. т. I. № 48). Или объ окупѣ упоминаетъ, данная тѣмъ же княземъ, жалованная грамота Ѳерапонтову монастырю, въ ней сказано: „кого къ себѣ перезовутъ людей изъ иныхъ княженій, или кого окупивъ посадятъ“ (ibid.—36). Серебрянники или вообще крестьяне, получавшіе отъ господина ссуду, не только должны были обработывать землю, или платить господину условленную часть плодовъ, но и отправлять другія работы на господина, какія онъ найдетъ нужными по хозяйству. Мы уже видѣли обращикъ сихъ работъ въ уставной грамотѣ митрополита Кипріана, данной въ 1391 году Константиновскому монастырю, гдѣ сказано, что крестьяне и церковь наряжали, и дворъ тынили, и хоромы ставили, и пашню пахали на монастырь изгономъ (барщиною), убирали хлѣбъ и сѣно, и прудили пруды, и сады оплетали, и на неводъ ходили, и хлѣбы пекли, и пива варили, и ленъ пряли и отправляли другія работы по хозяйству землевладѣльца. Ясно, что крестьяне этого разряда имѣли уже характеръ скорѣе наймитовъ, чѣмъ наемщиковъ; въ ихъ ссудныхъ записяхъ такъ и писалось: жить за господиномъ, пашню пахать и всякую черную работу работать. Вся разница ихъ отъ наймитовъ состояла въ томъ, что имъ отводилась доля земли для собственнаго хозяйства, съ которой они должны были платить казенныя подати и тянуть въ общинные разрубы и разметы.

Отношенія крестьянъ между собою.

Крестьяне по отношенію другъ къ другу составляли общины, которыя имѣли своихъ выборныхъ начальниковъ, головъ, сотскихъ, старостъ и другихъ. Каждая община составляла отдѣльное юридическое, или скорѣе административное, цѣлое, впрочемъ цѣлое свободное, а незамкнутое; въ члены общины каждый поступалъ по своей волѣ, садясь на землю, которая или принадлежала къ общинѣ или тянула къ ней въ административномъ отношеніи. Крестьянскія общины были различны: у крестьянъ живущихъ на черныхъ или общинныхъ земляхъ самою большою общиною была волость, имѣвшая своего старосту; въ эту высшую общину тянули низшія общины,—села и большія деревни приписанныя къ волости, имѣвшія также своихъ старостъ; а къ селамъ тянули малыя деревни, починки и другіе мелкіе поселки. У крестьянъ, жи-

вущихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, общину составляла вотчина, т. е. всѣ села, деревни и починки, принадлежащіе къ одному имѣнію и находящіеся въ одномъ уѣздѣ. У мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ по два и по три и по пяти дворовъ, крестьяне тянули или къ общинамъ волостнымъ, ежели не имѣли привиллегій, или составляли общины изъ нѣсколькихъ мелкихъ имѣній, находящихся въ сосѣдствѣ и состоявшихъ по общественнымъ своимъ повинностямъ въ одной кости *). Здѣсь не было нарушенія правъ землевладѣльца; ибо крестьянинъ, какъ свободный человѣкъ, какъ членъ русскаго общества, въ отношеніи къ землевладѣльцу былъ только жильцомъ наемщикомъ, и всѣ отношенія ихъ были чисто гражданскія, частныя, основанныя на взаимныхъ условіяхъ; общественныя же отношенія, публичныя, сюда не принадлежали, для нихъ была другая форма — община. Конечно, иногда богатые сильные землевладѣльцы принимали на себя и общественныя отношенія крестьянъ, такъ что ихъ крестьяне ничѣмъ не тянули ни къ намѣстникамъ, ни къ волостелямъ, ни къ другимъ общественнымъ властямъ; но это былъ не общій порядокъ, а привиллегія, даваемая самимъ правительствомъ тому или другому землевладѣльцу изъ особенной милости или по другимъ соображеніямъ; по общему же порядку общественныя отношенія крестьянъ шли мимо ихъ землевладѣльцевъ, при посредствѣ крестьянскихъ общинъ и ихъ старостъ и другихъ начальниковъ, выбираемыхъ самими крестьянами.

Крестьянскія общины на черныхъ земляхъ имѣли важное отличіе отъ крестьянскихъ общинъ на владѣльческихъ земляхъ. У первыхъ были отношенія и къ землѣ и къ крестьянамъ, а у вторыхъ толь-

*) Объ отношеніяхъ владѣльческихъ крестьянъ къ волостнымъ черным общинамъ представляетъ указаніе одна судная грамота 1576 года; въ этой грамотѣ судья, княжескій бояринъ, приказываетъ послать грамоту въ черную волость, чтобы сотскіе и десятскіе сей волости поймали и представили въ судъ нѣкоторыхъ крестьянъ, *жившихъ на сосѣднихъ владѣльческихъ земляхъ*. Въ грамотѣ сказано: „А въ волость въ Сенегъ, которая обошла около Васильевы да Алексѣевы ихъ людей деревни, къ сотскимъ и къ десятскимъ и къ всѣмъ крестьянамъ Михайло Юрьевичь велѣлъ послать грамоту, чтобы они съ недѣльщикомъ Васильевыхъ да Алексѣевыхъ людей Истомку Быкова съ товарищы имали да выдали недѣльщику" (въ моемъ собр. грам. стр. 274). Или одна жалованная грамота 1486 года свидѣтельствуетъ, что крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, тянули въ волостныя разрубы и разметы; въ грамотѣ сказано: „пожаловалъ есми Злобу да Өедка Андроновыхъ дѣтей Ворыпаева, что ихъ село въ Коломенскомъ уѣздѣ въ Коневской волости Нукиматово; и кто у нихъ въ томъ сельцѣ учнетъ жити людей; ино тѣ ихъ люди къ сотскому и десятскому съ тяглыми людьми не тянутъ ни въ какіе проторы и разметы" (изъ моего собр. грамотъ). Слѣдовательно безъ жалованной грамоты владѣльческіе крестьяне тянули бы въ волостные разрубы.

ко къ однимъ крестьянамъ, ибо владѣльческая земля состояла въ полномъ распоряженіи владѣльцевъ. Крестьянскія общины на черныхъ земляхъ защищаютъ свою землю отъ присвоенія посторонними лицами, вчинаютъ по землѣ иски въ судахъ, мѣняются землею съ сосѣдями, покупаютъ или выкупаютъ землю, какъ мы уже видѣли это въ грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича (1448—1468 г.), гдѣ князь пожаловалъ старосту Городецкаго и всѣхъ крестьянъ и велѣлъ имъ выкупить у Кирилова монастыря пожни заложенныя Бренкомъ и Семеномъ Поповымъ (Ак. отн. до Юрид. быт. Рос. стр. 125). Они также стараются о населеніи своихъ земель, сзываютъ къ себѣ поселенцевъ, даютъ имъ участки земли, льготы и пособія, вносятъ за нихъ деньги землевладѣльцамъ, у которыхъ они прежде жили за ссудою. Такъ, напримѣръ въ грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича старостамъ разныхъ Бѣлозерскихъ волостей и всѣмъ волостнымъ крестьянамъ, князь пишетъ: „сказываютъ старцы Кирилова монастыря, что деи у нихъ отказываете ихъ людей, монастырскихъ серебренниковъ съ дворца и съ деревень. И который крестьянинъ скажется въ ихъ серебрѣ виноватъ, и вы бы ихъ серебро заплатили монастырское, да ихъ крестьянина вывезете вонъ; а кто ся скажетъ монастырю серебромъ не виноватъ, и вы бъ по-томъ монастырю въ ихъ серебрѣ давали поруку, по ихъ воли, кого они знаютъ, а тѣхъ бы есте ставили передо мною великимъ княземъ на срокъ, на великое заговейно мясное“ (Ак. Ар. Эк. т. I № 73). Или о поземельныхъ искахъ крестьянскихъ общинъ свидѣтельствуетъ одна правая грамота 1490 года, въ которой сказано: „тягался Андрейко староста Залѣсской и всѣ крестьяне... такъ рекъ Андрейко: тѣ, господине, наволоки тянутъ къ нашей землѣ къ Овсянниковской, къ тяглой къ черной изстарины“ (Ак. Юрид. № 4). Или о дачѣ земли поселенцу общиною упоминается въ другой правой грамотѣ того же 1490 года, гдѣ крестьянинъ черной волости говоритъ: „мнѣ, господине, лѣсъ тотъ дала волость, староста съ крестьяны, и я избу поставилъ“ (ibid. № 6). Или въ одномъ судномъ спискѣ около того же времени, волостные крестьяне говорятъ: „А далъ намъ, господине, селище Драчково Аргуновскія волости староста Митька Бердяй и всѣ крестьяне“ (въ моемъ сбор. грамотъ листъ 158). Крестьянскія общины на черныхъ земляхъ отвѣчаютъ предъ правительствомъ за тишину и порядокъ въ волостяхъ и за исправный сборъ податей и отправленіе повинностей, ихъ выборные начальники, старосты, сотскіе и добрые люди участвуютъ въ судахъ намѣстниковъ и волостелей: такъ напримѣръ въ Бѣлозерской уставной грамотѣ 1488 года сказано: „А намѣстни-

комъ нашимъ и ихъ тіуномъ безъ сотцкихъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ“ (Ак. Ар. Эк. т. I. № 123). Даже самый судъ въ тяжбахъ между крестьянами одной общины, кажется, рѣшался самою же общиною чрезъ старостъ и другихъ выборныхъ начальниковъ; по крайней мѣрѣ въ уставныхъ и жалованныхъ грамотахъ самосудомъ, или недозволеннымъ самоуправствомъ, называлось только то, когда поймаютъ татя съ поличнымъ, да отпустятъ его прочь, а намѣстникамъ и ихъ тіуномъ не явя (въ тойже Бѣлозерской уставной грамотѣ и во многихъ другихъ). Разумѣется, недовольный судомъ своей общины могъ идти къ княжому намѣстнику и волостелю, и судиться у ихъ тіуновъ

О существованіи крестьянскихъ общинъ на владѣльческихъ земляхъ мы имѣемъ свидѣтельства во многихъ грамотахъ. Такъ напримѣръ въ розъѣзжей грамотѣ (1555 года) Кирилова монастыря съ крестьянами Масленской волости, сказано: „что на розъѣздѣ были Кирилова монастыря Сиземскія волости староста Третьякъ Павловъ сынъ и пр.“ (ipid. № 151). Или въ другой розъѣзжей того же Кирилова монастыря: „А на розъѣздѣ были княжъ Захарьинъ Сугорскаго староста Тарасъ Павловъ сынъ Глазуновъ, да Павлова монастыря Инжеварскаго села староста Тонкой Карповъ сынъ и проч.“ (ibid. № 152).

Отношеніе крестьянъ къ правительству.

Всѣ крестьяне вообще, какъ городскіе, такъ и сельскіе, и какъ живущіе на собственныхъ земляхъ или на общинныхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, въ отношеніи къ правительству, судомъ и данью тянули по землѣ и водѣ, т. е. по мѣсту жительства. Они были подчинены намѣстникамъ, волостелямъ и другимъ начальникамъ, назначаемымъ отъ правительства, доставляли имъ кормы и другіе узаконенные доходы, и тянули во всѣ пошлины, почему и назывались тяглыми людьми. Подати и службы, лежавшія на крестьянахъ, были многоразличны; такъ, напримѣръ, въ Тверскихъ владѣніяхъ, по свидѣтельству тамошнихъ княжескихъ грамотъ, „крестьяне платили: дань, ямъ, тамгу́, осминничее, кажется, съ получаемаго отъ земли хлѣба, медовое — отъ занятія пчеловодствомъ, кормы — намѣстникамъ и волостелямъ и другимъ начальнымъ людямъ, стороживое, писчее (кажется, на веденіе писцовыхъ книгъ); кромѣ того тамъ же лежали на крестьянахъ службы: подвода, ратное дѣло, княжее дѣло (Ак. Ар. Эк. т. I. № 5) Или въ Ярославскихъ владѣніяхъ на крестьянахъ лежали: дань, тамга, новоженная куница (отъ браковъ), кормы данной,

таможенной, волостелинъ и доводчиковъ (ibid. № 15). Или въ Московскихъ владѣніяхъ: дань, писчая бѣлка, подвода, ямъ, тамга, мытъ, костки, осминничее, вѣсчее, ѣзовое, помѣрное, городъ дѣлати, княжей или намѣстничь дворъ ставить, коня княжаго кормить, княжіе луга косить, и многое другое, смотря по мѣстностямъ" (Ак. Ар. Эк. т. I. №№ 21, 23, 28 и друг.).

Службы сіи и подати и пошлины хотя лежали на всѣхъ крестьянахъ безъ различія, какъ живущихъ на собственныхъ и общинныхъ земляхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ; но самый платежъ податей и пошлинъ и отправленіе службъ были неодинаковы. Я уже не говорю объ освобожденіи иныхъ имѣній частныхъ землевладѣльцевъ отъ платежа даней и отправленія повинностей по особымъ жалованнымъ грамотамъ, выдававшимся на лицо; это какъ привиллегія, исключеніе, не составляло общаго правила, грамоты могли быть и не быть, могли вновь даваться и отмѣняться, многіе землевладѣльцы вовсе не получали жалованныхъ грамотъ, предоставляющихъ привиллегіи ихъ имѣніямъ, а иные получали грамоты съ большими привиллегіями, другіе съ меньшими, по однимъ грамотамъ землевладѣльцамъ предоставлялся судъ надъ своими крестьянами, по другимъ не предоставлялся. Но и кромѣ привиллегій, по общему порядку, утвержденному закономъ, было значительное различіе въ платежѣ даней и отправленіи повинностей крестьянами живущими на разныхъ земляхъ. Крестьяне, живущіе на черныхъ земляхъ, платили въ казну больше, нежели крестьяне, живущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, и даже между владѣльческими крестьянами не было уравненія; крестьяне живущіе на земляхъ боярскихъ и княжескихъ платили менѣе, нежели крестьяне монастырскіе и церковные; это различіе въ старое время опредѣлялось сохами. Въ старой Руси всѣ поземельныя владѣнія для разкладки податей и повинностей были разбиты на большія доли, или единицы, называвшіяся сохами, и заключавшія въ себѣ отъ 1200 до 400 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, т. е. по нынѣшней мѣрѣ отъ 1800 до 600 десятинъ, смотря потому, къ какому классу или кости принадлежали земли составляющія соху, т. е. были ли дворцовыя, вотчинныя, или помѣстныя, или монастырскія, или общинныя черныя. А по сему и сохи назывались княжескими, боярскими, монастырскими, черными, какъ прямо сказано въ Уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 года: „намѣстникомъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ, со княжихъ, съ боярскихъ и съ монастырскихъ и съ черныхъ и съ грамотниковъ и со всѣхъ безъ омѣны, съ сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлѣбовъ, за

бочку овса десять денегъ, за возъ сѣна два алтына“ (Ак. Ар. Эк. Т. I. № 123). Правительство, какъ видно изъ приведенной грамоты, полагало одинаковую подать со всѣхъ сохъ безъ различія; напримѣръ, въ намѣстничій кормъ полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, бочку овса и возъ сѣна съ сохи; но тяжесть платежа была не одинакова, ибо въ княжихъ и боярскихъ земляхъ соха была втрое больше, нежели въ черныхъ земляхъ, а на большемъ пространствѣ было больше и крестьянъ: слѣдовательно и платить было легче, ибо таже податная единица разлагалась на большее число плательщиковъ; такъ напримѣръ, въ боярскихъ сохахъ приведенный выше намѣстничій кормъ разлагался на 300 плательщиковъ, въ монастырскихъ на 150 плательщиковъ, а въ черныхъ на сто плательщиковъ. А по сему крестьяне въ платежѣ податей и отправленіи повинностей и службъ вели особые общинные счеты въ черныхъ земляхъ, особые въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ, и особые въ княжихъ и боярскихъ земляхъ. Такъ напримѣръ, въ жалованныхъ грамотахъ говорится о монастырскихъ и боярскихъ крестьянъ: „ни къ сотскимъ не надобѣ имъ тянуть ни въ какіе проторы и разметы“. Или „ни къ сотскому, ни къ дворскому, ни къ старостѣ волостноту не тянуть ни во что“.

Кромѣ различія въ платежѣ податей крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, имѣли еще то отличіе въ отношеніяхъ къ правительству противъ кретьянъ, живущихъ на черныхъ или на общинныхъ земляхъ, что казенныя подати у нихъ иногда включались въ условіе съ землевладѣльцемъ; а посему таковые землевладѣльческіе крестьяне не знали никакихъ казенныхъ сборщиковъ и другихъ слугъ администраціи; все это по условію было въ вѣденіи землевладѣльца, господина, онъ представлялъ въ казну и подати съ крестьянъ. Такъ напримѣръ, въ жалованной грамотѣ Нижегородскаго князя Александра Ивановича Благовѣщенскому монастырю (1410—1417 г.) между прочимъ сказано: „а что люди монастырскіе пошлые въ городѣ и въ селѣхъ, коли придетъ моя дань, и игуменъ за нихъ заплатитъ по силѣ“ (Ак. Ар. Эк. Т. I. № 17). Это условіе, кажется, было одною изъ важныхъ причинъ, почему даже богатые крестьяне, могшіе имѣть собственные земли, охотно садились на земляхъ сильныхъ частныхъ собственниковъ; они всегда предпочитали имѣть дѣло съ однимъ землевладѣльцемъ, который за нихъ отвѣчалъ передъ правительствомъ, лишь бы не сноситься съ разными сборщиками и правительственными слугами разныхъ вѣдомствъ, которыхъ было очень много.

О крестьянскомъ переходѣ.

Черные люди или крестьяне, какъ городскіе, такъ и сельскіе, свободно могли переходить изъ городовъ въ деревни, и изъ деревень въ города, и какъ отъ частныхъ землевладѣльцевъ на общинныя земли, такъ и съ общинныхъ земель къ частнымъ землевладѣльцамъ; но только садиться на земли могли не иначе, какъ съ согласія или общинъ и общинныхъ начальниковъ,—въ городѣ сотниковъ, въ волостяхъ старостъ, или съ согласія землевладѣльцевъ, ежели садились на частныхъ земляхъ, какъ прямо сказано въ Бѣлозерской грамотѣ 1462 года, писанной къ сотнику и старостамъ: „что де у нихъ (у Кирилловскихъ монаховъ) отказываете ихъ людей монастырскихъ серебренниковъ съ дворца и съ деревень". (Ак. Ар. Эк. Т. I. № 73) Или въ другой Бѣлозерской грамотѣ 1450 года, князь пишетъ къ Бѣлозерскому намѣстнику и тамошнимъ частнымъ вотчинникамъ и правителямъ черныхъ волостей: „что отказываете людей монастырскихъ серебренниковъ и половниковъ и рядовыхъ людей, и отказываете не о Юрьевѣ дни" (ibid. № 48). Такимъ образомъ выходъ крестьянина былъ свободенъ, и зависѣлъ или отъ самого крестьянина, или отъ землевладѣльца; поселеніе же крестьянина на новой землѣ условливалось непремѣнно согласіемъ или хозяина земли, или начальника той общины, которой принадлежала земля; каждый могъ поселиться только тамъ, гдѣ его примутъ. Это было первое естественное ограниченіе свободнаго перехода крестьянъ съ одной земли на другую. Ограниченіе сіе, по мѣрѣ увеличенія народонасенія и постепеннаго уменьшенія въ слѣдствіи сего дикихъ полей и лѣсовъ, ни кому не принадлежащихъ, естественно должно было дѣлаться ощутительнѣе.

Второе важное ограниченіе свободнаго перехода крестьянъ состояло въ раздѣленіи крестьянъ на тяглыхъ и нетяглыхъ. По всѣмъ княжескимъ грамотамъ тяглыхъ людей нельзя было переводить ни изъ города въ деревню, ни съ общинной земли на землю частнаго владѣльца. Переходъ тяглаго человѣка допускался только въ двухъ случаяхъ: или когда община согласится отпустить желающаго ее оставить, или когда выходящій изъ общины дастъ за себя окупъ. Собственно свободный переходъ съ одной земли на другую безусловно дозволялся только людямъ вольнымъ, которые живутъ за чужимъ тягломъ, не имѣютъ своей выти или доли общинной земли: таковы были сыновья при отцахъ, братья при

братьяхъ, племянники при дядяхъ, и вообще захребетники, подсусѣдники, не вступившіе еще ни въ какое обязательство съ общиною, или уволенные отъ обязательства. О порядкѣ выхода изъ одной общины и поступленія въ другую съ достаточною опредѣленностію говоритъ грамота Углицкаго князя Андрея Васильевича, данная Покровскому монастырю въ 1476 году. Въ ней князь пишетъ: „А кого къ себѣ перезовутъ (монахи) жити изъ моей вотчины безвытныхъ людей, или себѣ окупивъ посадятъ: и тѣмъ моимъ людемъ ненадобѣ моя дань на десять лѣтъ: а тяглыхъ моихъ людей писменныхъ и вытныхъ въ ту слободу не пріимати" (Ак. Ар. Эк. Т. I. № 102). Причина таковаго ограниченія состояла въ томъ, что всѣ тяглые люди вносились въ писцовую книгу, почему они и назывались еще письменными людьми, и за каждымъ внесеннымъ въ писцовую книгу была записана извѣстная выть земли, съ которой онъ долженъ былъ платить подати и тянуть во всѣ общинные разрубы и разметы; а община отвѣчала за исправный платежъ тяглеца передъ правительствомъ, и въ случаѣ выхода его изъ общины, раскладывала его долю платежа на остальныхъ своихъ членовъ, до новыхъ писцовыхъ книгъ. Естественно, что законъ долженъ былъ останавливать переходъ тяглыхъ людей съ одной земли на другую, чтобы такимъ образомъ не отягощать общинъ излишнимъ платежемъ за вышедшихъ тяглецовъ, и предоставлять выпускъ самимъ общинамъ, которыя и дозволяли этотъ выходъ или неисправнымъ, негоднымъ своимъ членамъ, имѣя въ виду замѣнить ихъ лучшими, или такимъ, за которыхъ вносился кѣмъ-либо окупъ слѣдующихъ съ выходящаго тяглеца податей и другихъ общинныхъ расходовъ *). Но, конечно, ограниченіе перехода для тяглыхъ людей, на дѣлѣ, не уничтожало этого перехода, а только стѣсняло его, ибо своевольныхъ переходовъ или побѣговъ тяглыхъ людей было не мало, чему доказательствомъ служатъ многія жалобы общинъ, что платить подати тяжело, что люди разбѣжались. Побѣги эти особенно значительны во время удѣловъ; и по лѣтописямъ мы видимъ, что иныя княжества вдругъ пустѣли, а другія быстро и густо заселялись,

*) Или въ противномъ случаѣ землевладѣльцы и общины жаловались на запустѣніе и просили запустѣлыя деревни выключить изъ оклада. Такъ въ одной грамотѣ XV вѣка Константино-Еленскій архимандритъ говоритъ судьѣ: „а нынѣчи, господине, тѣ деревни стоятъ пусты, а никто ихъ не пашетъ, а въ великаго князя, господине, книгахъ Алексѣева письма Полуэхтова, тѣ деревни монастырскіе, а тягломъ, господине, описаны тяжело—полторы четверти сохи; и по тѣмъ, господине, книгамъ писменнымъ великаго князя дань, и ямъ и городовое дѣло и всѣ пошлины емлютъ". (Мое соб. гр. 2. 499).

конечно, не инымъ какимъ способомъ, какъ только переходомъ крестьянъ изъ другихъ княжествъ.

Третіе общее ограниченіе свободнаго передода крестьянъ состояло въ назначеніи законнаго срока въ году, мимо котораго крестьянинъ не могъ переходить съ одной земли на другую. Срокомъ для перехода крестьянъ во владѣніяхъ князей Московскаго дома былъ *Юрьевъ день осеннiй*. По закону, крестьяне, вышедшіе не въ срочное время, возвращались на старое мѣсто жительства доживать до срока; равнымъ образомъ и землевладѣльцы не могли выгонять крестьянъ мимо этого срока. Такъ Бѣлозерскій князь Михаилъ Андреевичъ, въ своей грамотѣ 1450 года, писанной къ намѣстникамъ, боярамъ, боярскимъ дѣтямъ и посельскимъ, пишетъ: „И вы бъ серебрениковъ и половниковъ и слободныхъ людей не о Юрьевѣ дни не отказывали, а отказывати серебреника и половника о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатитъ.... И игумену и всей братьи (Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря) отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебренниковъ пускать не велѣлъ а велѣлъ есми имъ отпускать серебренниковъ за двѣ недѣли до Юрьева дни, и недѣлю по Юрьевѣ дни“ (Ак. Ар, Эк. Т. I. № 48). То же свидѣтельствуетъ грамота великаго князя Ивана Васильевича къ Суздальскимъ и Юрьевскимъ намѣстникамъ (данная 1466—1478 г.). Въ ней великій князь пишетъ: „къ намѣстникомъ и въ мои села и слободы, и въ боярскія села и слободы къ посельскимъ: билъ мнѣ челомъ игуменъ Троицкой.... и сказываетъ, что де изъ ихъ селъ изъ монастырскихъ Шухобальскихъ вышли крестьяне сей зимы о сборѣ (1-е воскресенье великаго поста); и азъ князь великій далъ есми имъ пристава, велѣлъ есми ихъ вывести; и гдѣ приставъ мой ихъ не наѣдетъ, въ моихъ селѣхъ или слободахъ, или въ боярскихъ селѣхъ и слободахъ; и приставъ мой тѣхъ крестьянъ монастырскихъ опять выведетъ въ ихъ села Шухобальскіе, да посадитъ ихъ по старымъ мѣстомъ, гдѣ кто жилъ до Юрьева дни до осенняго“ (Ак. Ар. Эк. Т. I. № 83). Впрочемъ это ограниченіе крестьянскаго выхода Юрьевымъ днемъ предотвращало только безпорядки переходовъ, и ограничивало произволъ землевладѣльцевъ и крестьянъ; но нисколько не отрицало права свободнаго перехода; крестьянинъ, перешедшій съ одной земли на другую не въ срокъ, возвращался назадъ только для того, чтобы дожить до срока, и доживши могъ перейти безпрепятственно. Здѣсь собственно охранялся только частный интересъ или крестьянина или землевладѣльца,—другихъ цѣлей общественныхъ законъ здѣсь не имѣлъ въ виду.

Кромѣ общихъ мѣръ ограниченія свободнаго перехода крестьянъ съ одной земли на другую, исчисленныхъ нами, мы, по княжескимъ грамотамъ, встрѣчаемъ еще частныя, временныя мѣры противъ того же перехода. Такъ свободный переходъ крестьянъ иногда ограничивался тѣмъ, что частные землевладѣльцы не имѣли права перезывать крестьянъ изъ тѣхъ же волостей, гдѣ находились ихъ недвижимыя имѣнія. Такимъ образомъ, переманиваніе крестьянъ съ общинныхъ земель затруднялось; ибо переводить крестьянъ изъ дальнихъ волостей было не такъ удобно, какъ изъ сосѣднихъ общинъ,—съ одной стороны потому, что на отдаленныхъ крестьянъ землевладѣльцу труднѣе дѣйствовать, а съ другой стороны и потому, что самая перевозка крестьянъ изъ дальнихъ волостей представляетъ болѣе затрудненій. На таковое ограничиваніе перехода крестьянъ прямо указываютъ княжескія грамоты: такъ, напримѣръ, великій князь Василій Дмитріевичъ, въ 1421 году, дозволяя митрополиту Ѳотію купить Яковлевскую волостную деревню, въ волости Тальшѣ, пишетъ: „а тутошнихъ людей волостныхъ въ ту деревню отцу моему митрополиту не принимать“ (ibid. № 20). Тоже повторяетъ Нижегородскій князь Александръ Ивановичъ въ жалованной грамотѣ Благовѣщенскому монастырю (данной 1410—1417 года): „а тутошнихъ людей становыхъ игуменъ въ монастырь (въ монастырскія села) не принимаетъ“ (Ак. Ар. Эк. Т. I. № 17). Или иногда князья прямо запрещали переходъ крестьянъ изъ какого-либо имѣнія, и своевольно перешедшихъ возвращали назадъ, хотя бы крестьяне переходили въ законный срокъ и исполнили всѣ условія, необходимыя для перехода. Такъ, напримѣръ, въ жалованной грамотѣ великаго князя Василья Васильевича, данной Троицкому монастырю въ 1460 году, князь пишетъ: „что ихъ (монастырскія) села въ Углицкомъ уѣздѣ, и которые люди изъ нихъ вышли изъ ихъ селъ въ мои села великаго князя, и въ боярскія села, сего лѣта, не хотя ѣхати на мою службу великаго государя къ берегу; и язъ князь великій пожаловалъ игумена Касьяна съ братьею, велѣлъ еси тѣ люди вывести назадъ. А которые люди живутъ въ ихъ селахъ и нынѣче; и язъ князь великій не велѣлъ тѣхъ людей пущати прочь“ (ibid. № 64). Или въ другой жалованной грамотѣ тому же Троицкому монастырю (писанной 1463 г.) сказано: „Также есми игумена съ братьею пожаловалъ: котораго ихъ крестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожильца, и язъ, князь великій, тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому“ (А. Ис. Т. I. 59).

Такимъ образомъ, въ XIV и XV вѣкахъ, по грамотамъ Русскихъ князей, переходъ крестьянъ съ одной земли на другую и отъ землевладѣльца къ землевладѣльцу былъ несовсѣмъ свободенъ и подвергался разнымъ ограниченіямъ, и даже встрѣчались частныя мѣры какъ бы прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Впрочемъ, въ сущности все это не уничтожало общаго права крестьянъ переходить съ одной земли на другую, и права землевладѣльцевъ ссылать однихъ поселенцевъ и принимать другихъ, а только законно полагало мѣру и границы для обузданія своеволія и прекращенія безпорядковъ, и, какъ мы уже видѣли, переходъ крестьянъ былъ общимъ порядкомъ и въ жизни и въ законѣ, и ни жизнь, ни законъ его не отвергали, и всѣ ограниченія относились только къ извѣстнымъ условіямъ, или были мѣрами временными, частными. Всѣ крестьяне въ XIV и XV столѣтіяхъ и по закону и на дѣлѣ были людьми свободными, и, безъ всякихъ отношеній къ мѣсту жительства, составляли одинъ классъ народа съ одними общественными правами и обязанностями; крестьянами назывались только домовладѣльцы, имѣвшіе землю или свою, или общинную, или чужую, на которой они жили, какъ жильцы, нанимая ее на разныхъ частныхъ условіяхъ и съ непремѣннымъ общимъ условіемъ тянуть тягло, т. е. платить казенныя подати и отправлять повинности по общиннымъ разрубамъ и разметамъ. Необходимое условіе, чтобъ быть крестьяниномъ, было хозяйство на извѣстномъ участкѣ земли городской или сельской, безъ хозяйства на землѣ отъ своего лица нельзя было быть крестьяниномъ; но владѣльческое отношеніе къ землѣ здѣсь не принималось въ разсчетъ: было-ли хозяйство крестьянина на собственной землѣ, или на общинной, или на землѣ частнаго владѣльца—это все равно; и въ томъ и въ другомъ и въ третьемъ случаѣ, крестьянинъ былъ крестьяниномъ съ одинаковыми общественными правами и обязанностями, съ одинаковымъ значеніемъ въ обществѣ; онъ даже налагалъ свой характеръ на землю: земля, чья бы она ни была, какъ скоро поступала подъ крестьянское хозяйство, съ тѣмъ вмѣстѣ получала значеніе крестьянской земли, на нее налагалось крестьянское тягло. Крестянинъ съ землею и земля съ крестьяниномъ такъ тѣсно были связаны, что крестьянинъ не могъ быть крестьяниномъ безъ земли, и земля безъ крестьянина переставала быть крестьянскою землею; всѣ отношенія крестьянина къ обществу и государству опредѣлялись землею, и всѣ отношенія земли, какъ крестьянской земли, условливались хозяйствомъ крестьянина. Сверхъ того, крестьянинъ, какъ свободный членъ Русскаго общества, имѣлъ право переходить не только съ одной земли на дру-

гую, изъ города въ село и изъ села въ городъ; но и могъ поступать въ другіе классы общества: въ купцы, въ духовенство и въ служилые люди у князя, разумѣется съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, ежели община его отпуститъ или за окупъ, или какъ иначе.

Крестьяне во время Судебниковъ.

Судебники 1497 и 1550 годовъ въ сущности не измѣнили ни отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ и къ землѣ, ни ихъ значенія какъ членовъ общества; крестьяне и по Судебникамъ признаны свободными людьми, сидящими или на своихъ, или на общинныхъ, или на владѣльческихъ земляхъ, даже по прежнему и по Судебникамъ признанъ законнымъ переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день осенній. Но Судебники съ одной стороны скрѣпили и опредѣлили положительнымъ закономъ верховной власти то, что уже прежде было утверждено обычаемъ; а съ другой стороны—постепенное развитіе государства съ утвержденіемъ единодержавія и съ уничтоженіемъ удѣльнаго разновластія, многое измѣняя или усовершенствуя въ общественномъ устройствѣ, естественно не могло миновать и крестьянства, и ежели не много новостей и измѣненій досталось по Судебникамъ и послѣдующимъ законодательнымъ памятникамъ на долю крестьянъ, то, по крайней мѣрѣ, многое при столкновеніи съ общими нововведеніями сдѣлалось болѣе яснымъ и опредѣленнымъ. А что всего важнѣе, Судебники и послѣдующее законодательство прямо свидѣтельствуютъ, что крестьяне, какъ свободные члены русскаго общества получили на свою долю тѣ же самыя права и то же участіе въ общественныхъ дѣлахъ, какія достались и прочимъ классамъ общества. Новые законы одинаково легли и на крестьянъ, какъ и на другіе классы, а это прямо указываетъ, что и прежде до Судебниковъ права крестьянъ также были широки, какъ широки они явились по Судебникамъ. Ибо извѣстно, что Судебники имѣли въ виду большею частію не введеніе новыхъ законовъ, а преимущественно утвержденіе верховною властію старыхъ обычаевъ, выработанныхъ жизнію русскаго общества. Государи Московскіе, съ утвержденіемъ единовластія, стремились только къ тому, чтобы по всей Россіи все истекало изъ ихъ власти; а посему естественно для нихъ прежде всего нужно было подтвердить своею властію, своимъ закономъ то, что уже прежде выработалось въ жизни. Лучшимъ сему доказательствомъ въ отношеніи къ крестьянамъ служатъ самые законы Судебниковъ; ими вообще только подтверждается то, что уже существовало прежде, и что уже мы боль-

шею частію видѣли, разсматривая значеніе, права и обязанности крестьянъ въ XIV и XV столѣтіяхъ; только все это въ Судебникахъ излагается яснѣе и опредѣленнѣе и отъ имени верховной власти, и не какъ мѣстная особенность, какъ бы можно было подумать по прежнимъ грамотамъ, а какъ общій законъ для всей Россіи.

Первый важный законъ Судебниковъ, законъ свободнаго перехода крестьянъ съ одной земли на другую, есть ни что иное, какъ подтвержденіе прежнихъ законовъ о томъ же предметѣ; даже срокъ перехода,—Юрьевъ день осенній, также прежній. „А крестьяномъ, говоритъ Судебникъ, отказыватися изъ волости въ волость, и изъ села въ село одинъ срокъ въ году, за недѣлю Юрьева дни осеннего, и недѣля послѣ Юрьева дни осеннего". Даже видимая новость Судебника,—платежъ за пожилое, въ сущности не была новостію, ибо и прежде крестьянинъ, какъ мы уже видѣли, не могъ отойти отъ землевладѣльца, не разсчитавшись съ нимъ; Судебникъ здѣсь только опредѣлилъ общій порядокъ и установилъ цѣну за пожилое: „Дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лѣсѣхъ полтина. А который крестьянинъ поживетъ за кѣмъ годъ, да пойдетъ прочь; и онъ платитъ четверть двора; а два года поживетъ, да пойдетъ прочь, и онъ полдвора платитъ; а три года поживетъ, да пойдетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора; а четыре года поживетъ, и онъ весь дворъ платитъ". Таковаго общаго опредѣленія и общей цѣны пожилаго мы прежде не видали, вѣроятно, этого прежде и не было; каждый разсчитывался по взаимному условію съ землевладѣльцемъ, и, конечно здѣсь при неопредѣленности условій не обходилось дѣло безъ споровъ и обидъ, на что мы уже и видѣли указанія въ Псковской грамотѣ. А посему Судебникъ 1497 года назначеніемъ общей цѣны пожилаго имѣлъ въ виду только возможное устраненіе споровъ и обидъ. Но очевидно цѣна перваго Судебника скоро оказалась недостаточною и самое опредѣленіе порядка при платежѣ не полнымъ. По сему въ Судебникѣ 1550 года является уже новая цѣна пожилаго и болѣе полное опредѣленіе порядка при платежѣ: „а дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль два алтына, а въ лѣсѣхъ, гдѣ десять верстъ до хоромнаго лѣсу, за дворъ полтина да два алтына. А пожилое имати съ воротъ, а за повозъ имати съ двора по два алтына; а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ". Здѣсь Судебникъ 1550 года прибавилъ къ цѣнѣ пожилаго два алтына, и сдѣлалъ два новыя опредѣленія: 1-е, что лѣсною мѣстностію считать ту, гдѣ до строеваго лѣса не далѣе 10 верстъ, и 2-е, чтобы пожилое брать съ воротъ, т. е. съ полнаго двора, а не съ каждаго строенія на

дворѣ. И кромѣ того новый законъ прибавилъ къ пожилому еще плату за повозъ, и заключилъ свое опредѣленіе платежа словами: „а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ“; т. е. что всѣ разсчеты переходящаго крестьянина съ господиномъ должны ограничиться только платежемъ за дворъ и повозъ. Такимъ образомъ, новый законъ, не уничтожая прежняго, а напротивъ подтверждая его, съ тѣмъ вмѣстѣ своими, болѣе полными, опредѣленіями, облегчалъ крестьянину пользованіе правомъ перехода.

Во 2-хъ, Судебники дла облегченія перехода крестьянъ съ одной земли на другую, строго отдѣляютъ поземельныя отношенія крестьянина къ землевладѣльцу отъ другихъ отношеній между ними. Въ обоихъ Судебникахъ въ статьѣ о крестьянскомъ переходѣ говорится только о платежѣ за пожилое и за повозъ; Царскій Судебникъ даже прямо говоритъ, что, кромѣ пожилаго и за повозъ, другихъ пошлинъ нѣтъ; т. е. для свободнаго перехода крестьянъ не требуется никакихъ разсчетовъ съ господиномъ, кромѣ двухъ пошлинъ, опредѣленныхъ закономъ за пожилое и за повозъ, и что господинъ не имѣетъ никакого права удерживать крестьянина заплатившаго эти двѣ пошлины. Этотъ законъ совершенная новость; до Судебниковъ это дѣлалось не такъ; тогда крестьянинъ, оставляя землю господина, долженъ былъ сдѣлать разсчетъ не только въ пожиломъ и повозѣ, но и въ ссудѣ, и во всемъ, что онъ получилъ отъ господина, даже раздѣлить пополамъ весь доходъ полученный съ земли, какъ сказано въ Псковской грамотѣ; безъ таковаго полнаго разсчета крестьянинъ въ прежнее время не могъ отойти отъ господина. Конечно, мы не можемъ предполагать, чтобы во время Судебниковъ крестьяне не получали отъ господъ ссуды, — это опровергаютъ всѣ памятники, современные Судебникамъ. Слѣдовательно, здѣсь были другія причины умолчанія о ссудѣ и раздѣлѣ доходовъ, причина не упоминанія о раздѣлѣ доходовъ, кажется, заключалась въ измѣненіи хозяйственнаго порядка у землевладѣльцевъ, т. е. въ распространеніи оброковъ и барщинскихъ работъ на счетъ исполовья, что и доказывается писцовыми книгами и другими памятниками современными Судебникамъ, въ которыхъ большею частію, вмѣсто исполовничества, исчисляются другіе доходы съ земель, находящихся за крестьянами. Такъ, напримѣръ, въ переписной окладной книгѣ 1500 года по Новгороду, обыкновенно исчисляются доходы деньгами и разными произведеніями *), А при таковомъ порядкѣ хо-

*) Въ книгѣ, напримѣръ, сказано: „За Яковомъ за Захарьичемъ деревня, Логинцово, (в) Стехно Ольферовъ, (в) Трофимко да Опанько Андреѣвы, (в) Петрушка Мат-

зяйства разсчетъ крестьянина съ господиномъ былъ не при переходѣ крестьянина, а при окончаніи работъ. Относительно же разсчета въ ссудѣ Судебники отдѣлили этотъ разсчетъ, какъ особый юридическій актъ, совершенно отличный и независимый отъ принятія крестьяниномъ господской земли. Господинъ могъ дать ссуду и безъ земли; слѣдовательно, и иски по ссудамъ должно отдѣлять отъ поземельныхъ разсчетовъ. По Судебникамъ ссуда давалась по кабаламъ и ссуднымъ записямъ, а по сему и искать ссуды должно было по симъ документамъ мимо поземельныхъ разсчетовъ.

Въ 3-хъ, облегчая разсчеты крестьянина съ землевладѣльцемъ, Судебники въ то же время строго наблюдаютъ, чтобы при крестьянскихъ переходахъ не пропадали казенныя подати. По Судебнику 1550 года, крестьянинъ даже отходя отъ землевладѣльца и освобождаясь отъ господскихъ работъ, тѣмъ не менѣе не переставалъ платить государевыхъ податей съ оставленной имъ земли до тѣхъ поръ, пока не сниметъ съ этой земли своего хлѣба: „а останется у котораго крестьянина хлѣбъ въ земли, и какъ тотъ хлѣбъ пожнетъ, и онъ съ того хлѣба съ стоячаго дастъ боранъ два алтына (заплатитъ господину наемъ за занятую хлѣбомъ землю). А по кои мѣста была рожъ его въ земли, и онъ подать цареву и великаго князя платитъ со ржи, а боярскаго ему дѣла, за кѣмъ жилъ, не дѣлати“. Мало этого Судебникъ строго взыскиваетъ казенныя подати даже съ крестьянина продавшагося въ полные холопи (рабы), пока его хлѣбъ (посѣянный въ свободномъ состояніи крестьянина) стоитъ въ полѣ, или въ противномъ случаѣ хлѣбъ сей отбирается въ казну: „А который крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи. А который хлѣбъ его останется въ земли, и онъ съ того хлѣба подать цареву и великаго князя платитъ; а не похочетъ подати платити и онъ своего хлѣба земленаго лишенъ“ (ст. 88). Между тѣмъ, какъ крестьянинъ, продаваясь въ холопи, не только могъ сдѣлать это безсрочно, но по закону даже ничего не платилъ прежнему господину за пожилое: „а въ полную въ полопи онъ выйдетъ безсрочно, и пожилаго съ него нѣтъ“. Здѣсь законъ ясно отличаетъ частныя, гражданскія отношенія крестьянъ отъ ихъ же отношеній государ-

———

вѣевъ; сѣютъ ржи 12 коробей, а сѣна косятъ 80 копенъ, три обжи. А стараго доходу шло денегъ гривна, боранъ, нолоть мяса, куря, бочка пива, овчина, семь локоть полотна, а изъ хлѣба четь; а ключнику деньга, бочка пива, блюдо масла, три горсти льну. А новаго доходу пять гривенъ безъ трехъ денегъ, а изъ хлѣба четь; а ключнику 6 денегъ, три горсти льну“. (Времен. № 11, стр. 261).

ственныхъ. Судебникъ не снимаетъ съ крестьянина воли записываться въ холопи, но требуетъ, чтобы онъ напередъ исполнилъ лежавшія на немъ общественныя обязанности по званію свободнаго члена русскаго общества.

Въ 4-хъ, Судебникъ не снимая съ крестьянина воли записываться въ холопи, въ то же время ограждаетъ его отъ холопства, ежели онъ не хочетъ принять его. Такъ, по Русской Правдѣ въ старое время закупъ обращался въ обѣльнаго раба, ежели господинъ выручитъ его, т. е. заплатитъ за него всѣ судебные иски по татьбѣ или другому преступленію. По Царскому Судебнику, напротивъ, выръученный господиномъ въ судебномъ искѣ крестьянинъ, оставался свободнымъ и не лишался права переходить къ другому господину. „А уловятъ котораго крестьянина на полѣ, въ разбоѣ или въ иномъ которомъ лихомъ дѣлѣ; и дадутъ того крестьянина за государя его, за кѣмъ живетъ; или выручитъ его государь тотъ, за кѣмъ живетъ; и пойдетъ тотъ крестьянинъ изъ за него вонъ, и то его выпустити. А на отказщика въ томъ дѣлѣ взяти порука съ записью: попытаютъ того крестьянина на томъ его государѣ, за кѣмъ жилъ, въ иномъ въ какомъ дѣлѣ, и онъ бы былъ въ лицѣхъ". Но этотъ законъ Царскаго Судебника по всему вѣроятію не былъ новостію, а только представляетъ подтвержденіе и болѣе ясное опредѣленіе правъ крестьянина уже существовавшихъ въ жизни русскаго общества; ибо мы уже по Псковской судной грамотѣ не замѣчаемъ подтвержденія закона Русской Правды объ обращеніи крестьянина въ рабство въ подобномъ случаѣ, да и вообще таковое обращеніе въ рабство было уже не согласно съ состояніемъ и значеніемъ крестьянъ, какъ мы ихъ видѣли по памятникамъ XIV и XV столѣтій: крестьяне давно уже вышли изъ того положенія, въ которомъ они были во времена Русской Правды.

Въ 5-хъ, Царскій Судебникъ согласно съ прежними узаконеніями и обычаями признаетъ крестьянскую общину, и не только признаетъ ее, но и утверждаетъ за нею разныя права и преимущества, одинаковыя съ правами и преимуществами другихъ общинъ. Конечно, это не было совершенною новостію для крестьянскихъ общинъ, и ихъ исконное значеніе въ русскомъ обществѣ малымъ чѣмъ измѣнилось по законамъ Судебника, но здѣсь важно то, что обычное право общинъ по Судебнику вошло въ положительное законодательство и получило гласное утвержденіе отъ верховной власти, тогда какъ прежде верховная власть только не противорѣчила обычаю. По Царскому Судебнику намѣстники, волостели и всѣ другіе правители, назначаемые государемъ

въ города и волости, не могли судить суда безъ дворскаго, старосты и лучшихъ людей общины: „А боярамъ и дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленье съ судомъ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворскому и старостѣ и лучшимъ людемъ". Здѣсь законъ явно подтверждаетъ и формулируетъ древній обычай, что судъ не могъ быть безъ судныхъ мужей, выборныхъ отъ общины. Форма, въ которой судебникъ требуетъ непремѣннаго присутствія лучшихъ людей на судѣ, не исключаетъ и не полагаетъ различія между общинами крестьянъ, живущихъ на собственныхъ земляхъ, на общинныхъ и на владѣльческихъ; слѣдовательно и крестьяне владѣльческіе отъ своихъ общинъ посылали своихъ выборныхъ людей для присутствія на судѣ волостеля или намѣстника. Кромѣ того каждая община или волость, чья бы она ни была, по Судебнику должна была имѣть не только своихъ выборныхъ людей и старостъ на судѣ, но и своего земскаго дьяка, который писалъ на судѣ дѣла своихъ волостныхъ людей: „А лучится кому изъ тѣхъ волостей передъ намѣстникомъ или передъ волостелемъ или передъ ихъ тіуны искати или отвѣчати; и въ судѣ быти у намѣстниковъ и волостелей и у ихъ тіуновъ, тѣхъ волостей старостамъ и цѣловальникамъ, изъ которыя волости кто ищетъ или отвѣчаетъ; а судныя дѣла писати земскому дьяку тое жъ волости" (ст. 68). Списокъ суда, писанный дьякомъ земскимъ, обыкновенно подписывался старостами и цѣловальниками, и послѣ подписи отдавался намѣстнику или волостелю или вообще судьѣ отъ правительства, который съ своей стороны отдавалъ копію съ сего списка за своею печатью выборнымъ судьямъ: „А судныя дѣла писати у намѣстниковъ и ихъ тіуновъ земскимъ дьякамъ, а дворскому да старостѣ и цѣловальникомъ къ тѣмъ суднымъ дѣламъ руки свои прикладывати. А противни съ тѣхъ судныхъ дѣлъ слово въ слово писати намѣстничимъ дьякамъ, а намѣстникамъ къ тѣмъ противнемъ печати свои прикладывати. Да тѣхъ судныхъ дѣлъ записку, земскаго дьяка руку съ дворскою и старостиною и цѣловальниковыми руками, намѣстникомъ имати къ себѣ, а противни тѣхъ дѣлъ намѣстникомъ, дьяковъ своихъ руку, съ своими печатьми, давати дворскому да старостѣ и цѣловальникамъ" (ст. 62). Крестьянская община, точно также какъ и городская, по Судебнику признавалась первою защитницею своихъ членовъ. Намѣстничьи и волостелины люди ни по суду ни до суда не могли взять крестьянина безъ согласія общинныхъ выборныхъ начальниковъ, старостъ и цѣловальниковъ, или въ противномъ случаѣ подвергались пени. „А кого намѣстничьи или волостелини люди учнутъ давати отъ

кого на поруку, до суда или послѣ суда; и намѣстничимъ и волостелинымъ людемъ тѣхъ людей въ волости являти старостамъ и цѣловальникамъ, которые у намѣстниковъ и волостелей и ихъ тіуновъ въ судѣ сидятъ; а не явя тѣхъ людей, по комъ поруки не будетъ, намѣстничимъ и волостелинымъ людемъ къ себѣ не сводити и у себя ихъ не ковати. А кого намѣстничи и волостелины люди, не явя старостѣ и цѣловальникамъ къ себѣ сведутъ, да у собя его скуютъ; и кто тѣмъ людемъ родъ и племя придутъ на намѣстничихъ и волостелиныхъ людей къ старостѣ и цѣловальникамъ о томъ бити челомъ и являти. И старостѣ и цѣловальникамъ у намѣстничихъ и волостелиныхъ людей тѣхъ людей вымати; и кого у намѣстничихъ и волостелиныхъ людей выймутъ, скована, а имъ не явлено; ино на намѣстничѣ или волостелинѣ человѣкѣ взяти того человѣка безчестье, посмотря по человѣку. А чего тотъ на намѣсничѣ или волостелинѣ человѣкѣ взыщетъ; и тотъ искъ взяти на немъ вдвое“ (ст. 70). Но и здѣсь Судебникъ не вводилъ новаго а только узаконялъ старое; подобное учрежденіе мы встрѣчаемъ еще до Судебника 1550 года; въ жалованной грамотѣ Чухломскому монастырю, данной въ 1518 г., великій князь Василій Ивановичъ пишетъ: „А коли изъ Галича намѣстничи недѣльщики пріѣдутъ убитые головы осматривати; и они осматриваютъ съ старостою волостнымъ, да съ нимъ лучшихъ людей человѣкъ десять; а по волости намѣстничимъ недѣльщикамъ самимъ не ѣздити, а безъ старосты и безъ лучшихъ людей недѣльщику убитые головы не осматривати, и на поруки крестьянъ не давати“ (Акт. Ист. Т. I. № 125). Отсюда ясно, что крестьянская община, на чьей бы землѣ она ни жила, и до Царскаго Судебника признавалась прямою защитницею своихъ членовъ. Относительно крестьянской общины Царскій Судебникъ, кажется, ввелъ только одну новость,—земскихъ волостныхъ дьяковъ; допрежде мы ихъ не встрѣчали, — о нихъ не упоминается даже даже въ Судебникѣ 1497 года.

Такимъ образомъ, по Судебникамъ были утверждены всѣ прежнія права крестьянъ; крестьяне по прежнему всѣ признаны свободными членами русскаго общества, безъ всякаго различія на кикихъ бы земляхъ они ни жили; мѣстожительство по прежнему осталось чисто частнымъ гражданскимъ отношеніемъ крестьянъ и въ сущности не измѣняло ихъ общественныхъ отношеній. Всѣ крестьяне безъ различія составляютъ одинъ опредѣленный классъ русскаго общества; и Судебники не представляютъ и намековъ на различіе между крестьянами, живущими на своихъ или общинныхъ земляхъ, и между крестьянами на земляхъ владѣльческихъ. Самое

устройство крестьянскихъ общинъ у тѣхъ и другихъ крестьянъ получило одинакую форму; мало этого, крестьянскія общины по Судебникамъ ни сколько не отличены отъ общинъ городскихъ; и въ тѣхъ и другихъ одни и тѣ же права и обязанности, одинакіе выборные начальники и одинакое значеніе. Въ городскихъ общинахъ были выборные старосты, цѣловальники и земскіе дьяки, и такіе же старосты, цѣловальники и земскіе дьяки были и въ крестьянскихъ волостныхъ общинахъ; въ города присылались отъ правительства намѣстники, и въ волости волостели; у намѣстниковъ въ судѣ участвовали выборные старосты и цѣловальники изъ городскихъ общинъ, и у волостелей также присутствовали на судѣ выборные старосты и цѣловальники крестьянскихъ общинъ; городскія общины защищали своихъ членовъ и дѣлали между ними раскладки казенныхъ податей и повинностей; и на крестьянскихъ волостныхъ общинахъ лежали тѣ же права и обязанности. Городскія общины по Судебникамъ имѣли надзоръ за своими членами при посредствѣ выборныхъ сотскихъ и десятскихъ, тоже самое было и въ общинахъ волостныхъ крестьянскихъ. Вообще по Судебникамъ, согласно съ прежними исконными обычаями, устройство городскихъ и сельскихъ общинъ было одинаково, и жительство крестьянъ на общинныхъ или на владѣльческихъ земляхъ здѣсь не полагало никакого различія. Землевладѣльцы вообще не касались общественныхъ отношеній крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ. Крестьяне, при свободномъ переходѣ съ владѣльческихъ земель на общинныя, и съ волостныхъ на городскія и на оборотъ, естественно не могли утратить своего общаго характера. А свободный переходъ крестьянъ Судебники даже во многомъ облегчили, отдѣливши отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ по ссудамъ отъ отношеній по землѣ, и яснѣе опредѣливши поземельныя отношенія.

Вообще конецъ XV вѣка и почти весь XVI вѣкъ были временемъ самаго полнаго развитія крестьянскихъ общинъ; все выработанное прежнею жизнію для крестьянскихъ общинъ теперь получило полное утвержденіе и опредѣленіе. Не только Судебники, но и всѣ современные имъ памятники ясно свидѣтельствуютъ, что грозные государи Московскіе—Іоаннъ III и Іоаннъ IV-й были самыми усердными утвердителями исконныхъ крестьянскихъ правъ, и особенно царь Иванъ Васильевичъ постоянно стремился къ тому, чтобы крестьяне въ общественныхъ отношеніяхъ были независимы и согласно съ исконными Русскими обычаями имѣли одинаковыя права съ прочими классами Русскаго общества. Это мы частію уже видѣли въ его Судебникѣ; но еще яснѣе увидимъ въ послѣ-

дующихъ распоряженіяхъ сего государя и въ разныхъ памятникахъ его времени, въ которыхъ особенно выступаетъ впередъ крестьянская община, съ которой мы и начнемъ.

Крестьянская община въ XVI столѣтіи.

Крестьянская община, это исконное русское учрежденіе, въ XVI вѣкѣ не только получило полное, закономъ скрѣпленное утвержденіе своихъ обычныхъ правъ, но даже въ иныхъ случаяхъ законъ старался поддержать и возстановить то, что нѣкоторыя общины съ теченіемъ времени вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ начинали утрачивать. Такъ Судебникъ 1497 года потребовалъ, чтобы на судѣ намѣстниковъ непремѣнно присутствовали дворскіе, старосты и лучшіе люди отъ волостей, т. е. отъ крестьянскихъ общинъ; потомъ Царскій Судебникъ обратилъ лучшихъ людей, присутствующихъ на судѣ, въ цѣловальниковъ, т. е. узаконилъ, чтобы для присутствія на судѣ общины напередъ выбирали нѣсколько лучшихъ людей и приводили ихъ къ присягѣ. Далѣе, тотъ же Судебникъ поставилъ непремѣннымъ закономъ, чтобы во всѣхъ волостяхъ непремѣнно были старосты и цѣловальники: „А въ которыхъ волостяхъ напередъ сего старостъ и цѣловальниковъ не было; и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостяхъ быти старостамъ и цѣловальникамъ“ (ст. 68). Мы уже видѣли, что искони на Руси всѣ волости имѣли своихъ старостъ, и на судахъ присутствовали судные мужи. Но съ одной стороны намѣстники и волостели иногда дозволяли себѣ право суда и безъ судныхъ мужей, а съ другой стороны иные сильные и богатые землевладѣльцы, для бо̀льшаго развитія своей власти надъ крестьянами, старались обходиться безъ выборныхъ дворскихъ и старостъ, замѣняя ихъ своими тіунами и ключниками. На что, кажется, между прочимъ и жаловался царь Иванъ Васильевичъ, говоря Московскому собору 1555 года, что старые обычаи на Руси поизшаталися *).

Утвердивши выборныхъ властей закономъ, царь Иванъ Васильевичъ тѣмъ самымъ далъ крестьянскимъ общинамъ новую силу, какъ въ отношеніи къ землевладѣльцамъ, такъ и въ отношеніи къ правительству. Хотя иные землевладѣльцы и въ XVI столѣтіи полу-

---

*) Да и дѣйствительно мы имѣемъ жалобы тогдашнихъ земскихъ людей, что намѣстники иные не дозволяли присутствовать на своемъ судѣ суднымъ мужамъ. Такъ въ 1542 году Керетчане и Ковдяне жаловались государю, что „государевы даньщики и слободчики судятъ ихъ не по суду, и земскимъ людемъ лутчимъ и серединмъ на судѣ быти у себя не велятъ, да въ томъ земскимъ людямъ чинятъ продажи великія“. (А. Ар. Эк. т. I. № 196).

чали разныя привиллегіи и даже право суда надъ крестьянами, живущими на ихъ земляхъ; но привиллегіи и право суда землевладѣльцевъ не могли уже уничтожить утвержденныхъ закономъ правъ крестьянской общины. На судѣ землевладѣльцевъ, также какъ на судѣ намѣстниковъ и волостелей, присутствовали выборные отъ крестьянской общины. Землевладѣлецъ безъ нихъ не могъ открыть своего суда, какъ прямо свидѣтельствуютъ уставныя грамоты Соловецкаго монастыря крестьянамъ села Пузырева, данная въ 1561 году, и патріарха Іова—Новинскому монастырю, данная въ 1590 году, изъ коихъ въ первой сказано: „судити приказщику, а съ нимъ быти въ судѣ священнику да крестьяномъ пятьма или шестми добрымъ и среднимъ“ (А. Ар. Эк. т. I. № 258). А другая гласитъ: „а взыщетъ крестьянинъ на крестьянинѣ передъ игуменомъ и передъ соборными старцы, или передъ прикащикомъ, городскіе и сельскіе: и у игумена и у соборныхъ старцевъ сидѣти въ судѣ сельскимъ лучшимъ людямъ тремъ или че[illegible] человѣкомъ, кого селчане излюбятъ“ (Времен. № 2). Ма[illegible]этого: посланные отъ землевладѣльцевъ и ихъ судей не могли взять крестьянина къ суду, не явивши о томъ общинѣ и ея выборнымъ. Такъ въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, данной крестьянамъ Сумской волости въ 1564 году, сказано: „А посылати вѣсть биричу Сумскому къ десятскимъ, а кого пошлетъ, и тому велѣти явитися прикащику, да священнику, да волощанину, спору для, да десятскому дѣло свое сказати, по что пришелъ, а по деревнямъ биричу Сумскому вѣсти не посылати“ (А. А. Э. т. I. № 26[illegible]). Далѣе, крестьянскія общины на владѣльческихъ земляхъ, съ согласія своихъ владѣльцевъ и мимо ихъ могли просить о дозволеніи выбирать своихъ судей и судиться при ихъ посредствѣ даже въ уголовныхъ дѣлахъ, безъ участія землевладѣльцевъ, и получали отъ правительства дозволеніе. Такъ въ губномъ наказѣ селамъ Кирилловскаго монастыря (1549 года) царь пишетъ: „пожаловалъ есми Кириллова монастыря села: село Романовское, село Товское.... старостъ и сотскихъ и десятскихъ и всѣхъ крестьянъ Кирилова монастыря селъ, по ихъ челобитью велѣлъ есми у нихъ быти въ разбойныхъ дѣлѣхъ въ губныхъ старостахъ, въ выборныхъ головахъ дѣтемъ боярскимъ: Терентью Матвѣеву сыну Монастырева, да Давыду Григорьеву сыну Сапогову, да съ ними цѣловальникамъ тѣхъ же селъ крестьянамъ: Митѣ Иванову сыну Толстоухову.... и имъ свѣстяся за одинъ обыскивати про лихихъ людей, и обыскавъ, разбойниковъ казнить смертію“ (ibid. № 294). Или въ губной грамотѣ, данной Троицкому монастырю въ 1586 году, сказано, что царь Ѳеодоръ Ивановичъ, согласно съ прежнею грамотою

царя Ивана Васильевича, „пожаловалъ всѣмъ крестьянамъ Троицкихъ селъ и деревень выбрати у себя приказщиковъ, и старостъ и цѣловальниковъ, и сотскихъ, и пятидесятскихъ, и десятскихъ, да имъ же учинити въ тѣхъ селѣхъ у себя приказщиковъ, губныхъ цѣловальниковъ и дьяковъ; а въ которыхъ селѣхъ, или въ деревняхъ, для разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ учинять приказщиковъ и губныхъ цѣловальниковъ; и имъ въ тѣхъ селѣхъ или въ деревняхъ на разбойниковъ и на татей тюрмы подѣлати и сторожей къ тюрмамъ выбрати.... И тѣмъ приказщикомъ и цѣловальникомъ въ своихъ монастырскихъ селѣхъ и въ деревняхъ лихихъ людей, татей и разбойниковъ, сыскивати, и имати, и съ истцы судити, да истцамъ въ ихъ искѣхъ управу, а татемъ и разбойникомъ и оговорнымъ людямъ указъ чинити по наказу.... А доискався, лихихъ людей и разбойниковъ казнити смертiю“ (ibid. 330). И замѣчательно, что выбранные крестьянами губные приказщики и цѣловальники посылались на утвержденiе не къ землевладѣльцу, а въ Разбойный приказъ: „и тѣхъ прикащиковъ и крестьянъ и дьяковъ, сказано въ грамотѣ, для крестнаго цѣлованья прислати къ Москвѣ въ Разбойный приказъ“. Слѣдовательно, таковые выборные уже не зависѣли въ отправленiи своей должности отъ землевладѣльца, и имѣли всѣ права оффицiальныхъ судей. Такъ дѣйствительно мы и встрѣчаемъ въ иныхъ грамотахъ указанiя, что таковые выборные крестьянскiе судьи сносились по дѣламъ съ разными властями, мимо своихъ землевладѣльцевъ, какъ люди совершенно независимые и по своей должности равные другимъ судьямъ. Такъ въ губной грамотѣ 1541 года, данной крестьянамъ Троицкаго Сергiева монастыря, между прочимъ написано: „И вы бъ (крестьяне Троицкаго монастыря) межъ себя свѣстяся всѣ за одно, учинили себѣ приказщика въ головахъ, въ своихъ селѣхъ и въ деревняхъ и въ починкѣхъ, выбравъ старостъ и сотскихъ и десятскихъ лучшихъ людей, которые бы были собою добры и къ нашему дѣлу пригожи, да съ приказщики тѣхъ людей къ цѣлованью привели, да промежъ бы есте себя въ своихъ селѣхъ и деревняхъ и въ починкѣхъ лихихъ людей и разбойниковъ сами обыскивали.... И допытався у нихъ, что они разбиваютъ, да тѣхъ бы есте разбойниковъ вѣдомыхъ, бивъ кнутьемъ, казнили смертiю. А который разбойникъ скажетъ своихъ товарищевъ разбойниковъ въ иныхъ городахъ; и вы бъ о тѣхъ разбойникахъ посылали грамоты въ тѣ городы къ тѣмъ дѣтемъ боярскимъ, которые дѣти боярскiе въ тѣхъ городѣхъ и волостяхъ учинены у того дѣла въ головахъ“ (ibid. № 194).

Выборные судьи находились въ зависимости отъ общины или

волости ихъ избравшей; община даже имѣла право судить ихъ и по суду виновныхъ казнить смертію. Такъ въ жалованной судной грамотѣ, данной крестьянамъ Вохонской волости въ 1561 году сказано: „А учнутъ излюбленные судьи судити не прямо по посуломъ, а доведутъ на нихъ то, и излюбленныхъ судей въ томъ казнити смертною казнью, а животы ихъ велѣти имати да отдавати тѣмъ людемъ, кто на нихъ доведетъ. А въ судѣ и у записки и у всякихъ дѣлъ у губныхъ и у излюбленныхъ судей сидѣти волостнымъ лучшимъ крестьяниномъ“ (ibid. № 257) *). Тоже повторяется въ уставныхъ грамотахъ 1555 года, данныхъ Переяславскимъ рыболовамъ и крестьянамъ Усецкихъ и Заецкихъ волостей (ibid №№ 242, 243). Въ Двинской же уставной грамотѣ 1557 г. судъ и казнь на несправедливыхъ излюбленныхъ судей царь предоставляетъ себѣ, но за то дозволяетъ общинѣ перемѣнять судей, въ грамотѣ сказано: „А учнутъ выборные судьи сами крестьянамъ, кому нибуди силы и обиды и продажи безлѣпичныя чинити и посулы и поминки на крестьянѣхъ имати; и имъ въ томъ отъ меня царя и великаго князя быти кажненымъ смертною казнію.... И будетъ Колмогорцы посадскіе люди и волостные крестьяне похотятъ выборныхъ своихъ судей перемѣнити; и Колмогорцомъ посадскимъ людемъ и волостнымъ крестьяномъ всѣмъ выбирати лучшихъ людей, кому ихъ судити и управа межъ ими чинити“ (ibid. № 251).

Кромѣ права собственнаго суда чрезъ выборныхъ судей, правительство всѣмъ общинамъ, безъ различія городскимъ и волостнымъ, живущимъ на общинныхъ и на владѣльческихъ земляхъ, предоставляло право собственнаго управленія, разкладки податей и надзора за порядкомъ и тишиною и даже за нравственностію своихъ членовъ. Законъ, признавая каждую крестьянскую общину, на чьей бы землѣ она ни жила, однoправною съ общинами городскими, представлялъ ее юридическимъ цѣлымъ, свободнымъ и независимымъ въ общественныхъ отношеніяхъ; а по сему выборные начальники общинъ, старосты, дворскіе, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе считались состоящими въ государственной службѣ, или какъ тогда писалось, у *государева дѣла*, и въ отправленіи своихъ общественныхъ должностей признавались равными съ волостными начальниками, назначаемыми отъ правительства; они по общественнымъ дѣламъ были съ ними въ прямыхъ непосред-

*) „Чтобы отъ нихъ (излюбленныхъ судей) никому ни въ чемъ силы и обиды и продажи безлѣпичные не было“, какъ сказано въ Важской уставной грамотѣ 1552 года (ibid. № 234).

ственныхъ сношеніяхъ, какъ мы уже видѣли въ губной грамотѣ 1541 года, данной крестьянамъ селъ и деревень Троицкаго монастыря. Да и само правительство относилось къ крестьянскимъ общинамъ прямо безъ посредства землевладѣльцевъ: такъ напримѣръ, въ велико-княжеской грамотѣ 1544 года въ Переяславскій уѣздъ, государь прямо пишетъ: „отъ великаго князя въ станы и въ волости, которые обошли около Переяславскіе дороги отъ Учи и до Дубны старостамъ и десятскимъ и всѣмъ крестьянамъ, моимъ великаго князя, и митрополичимъ, и владычнимъ, и княжимъ, и боярскимъ, и монастырскимъ, и всѣмъ безъ омѣны, чей кто нибуди“ (ibid. № 180). Кромѣ того, правительство, признавая крестьянскія общины а вмѣстѣ съ ними и крестьянъ полноправными, какъ другіе классы общества, въ своихъ грамотахъ на цѣлый уѣздъ не отличало крестьянъ отъ бояръ и князей, и писало свои грамоты всѣмъ вмѣстѣ; такъ напримѣръ, въ губной грамотѣ 1539 года на Бѣлоозеро сказано: „отъ великаго князя...: въ Бѣлозерскій уѣздъ, княземъ и дѣтемъ боярскимъ, вотчинникамъ и помѣщикамъ, и всѣмъ служивымъ людемъ, и старостамъ, сотцкимъ, и десятцкимъ, и всѣмъ крестьянамъ, моимъ, великаго князя, и митрополичимъ, и владычнимъ, и княжимъ, и боярскимъ, и помѣсчиковымъ, и монастырскимъ, и чернымъ, и псаремъ, и бортникомъ, и рыболовомъ, и всѣмъ безъ омѣны, чей кто нибуди“ (ibid. № 187).

При таковомъ значеніи крестьянскихъ общинъ, всѣ ихъ внутреннія распоряженія, относительно управленія въ своемъ округѣ, были свободными и независимыми; правительство при царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ это дѣло большею частію не вмѣшивалось. Царь Иванъ Васильевичъ постоянно преслѣдовалъ одну цѣль, чтобы всѣ общины въ своемъ управленіи по возможности обходились безъ властей, назначенныхъ правительствомъ; было даже время, что онъ писалъ въ своихъ грамотахъ: „и мы жалуючи крестьянство для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и волостей отставили.... и велѣли есмя во всѣхъ городѣхъ и станѣхъ и въ волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити, и намѣстничи и волостелины и праветчиковы доходы сбирати и къ намъ на срокъ привозити, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею, отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было, и разсудити бы ихъ умѣли въ правду, безпосульно и безволокитно, и за намѣстничь бы доходъ оброкъ собрати и къ нашей бы казнѣ на срокъ привозили безъ недобору“ (ibid. № 242 и 243). Но очевидно этотъ планъ

государя не былъ приведенъ въ исполненіе повсемѣстно; ибо мы во время сихъ грамотъ и послѣ встрѣчаемъ намѣстниковъ и волостелей по городамъ и волостямъ; тѣмъ не менѣе во все продолженіе царствованія Ивана Васильевича, общины свободно могли искать освобожденія отъ намѣстниковъ и волостелей, и ихъ просьбы постоянно удовлетворялись, только съ условіемъ—вносить положенные на намѣстниковъ оброки въ царскую казну. Слѣдовательно самоуправленіе общинъ было признано законнымъ и согласнымъ съ видами правительства, и уже отъ самихъ общинъ зависѣло управляться ли своими выборными властями, или просить намѣстниковъ и волостелей отъ правительства; и этотъ свободный выборъ продолжался не только во все царствованіе царя Ивана Васильевича, но и при его преемникахъ даже въ XVII столѣтіи.

Теперь обратимся къ порядку самоуправленія общинъ, какъ онъ засвидѣтельствованъ царскими грамотами и другими тогдашними памятниками. Общины, какъ мы уже знаемъ, по заведенному на Руси обычаю, искони имѣли своихъ выборныхъ старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ. Эти выборные начальники во всѣхъ общинахъ безъ различія избирались по приговору всѣхъ членовъ избирающей общины. Этого правила держалось и правительство, когда предоставляло общинамъ управляться своими выборными властями; въ грамотахъ обыкновенно писалось: „и вы бъ межъ себя, свѣстяся заодно, учинили себѣ приказщика въ головахъ, въ своихъ селѣхъ и деревняхъ и починкѣхъ, выбравъ старостъ и сотскихъ и десятцкихъ лучшихъ людей, которые бы были собою добры и къ нашему дѣлу пригожи“ (ibid. № 194). Выборныхъ начальниковъ въ XVI вѣкѣ, согласно съ Судебникомъ и по требованію правительства, общины обыкновенно приводили къ присягѣ или сами, или отсылали присягать въ Москву въ тотъ приказъ, которому подвѣдома волость, притомъ въ томъ и другомъ случаѣ непремѣнно увѣдомляя правительство, что выбраны такіе то; такъ и писалось въ царскихъ грамотахъ: „а которыхъ приказщиковъ, и старостъ, и сотскихъ, и десятскихъ, и лучшихъ людей учините въ своихъ селѣхъ и въ деревняхъ у себя въ головахъ, въ которомъ судѣ нибуди; и вы бъ о томъ отписали часа того къ намъ, въ Москву, къ нашимъ боярамъ“. Выбранные и приведенные къ присягѣ начальники общинъ смотрѣли, чтобы въ ввѣренныхъ имъ общинахъ все было тихо и спокойно, чтобы никто не держалъ подозрительныхъ людей, не допускалъ непозволительныхъ игръ, также корчемства, татьбы, разбоя и т. п. Сотскій долженъ знать всѣхъ людей, которые у него живутъ въ сотнѣ, или которые

пріѣзжаютъ къ его сотеннымъ, и ежели замѣтитъ какого подозрительнаго человѣка, то немедленно доноситъ старостѣ, который и дѣлалъ розыскъ, и по розыску, ежели подозрительный дѣйствительно оказывался лихимъ человѣкомъ: татемъ, разбойникомъ, костаремъ, ябедникомъ, таковаго, смотря по винѣ, или выбивали вонъ изъ волости, или представляли намѣстнику или волостелю, или сама волость судила и казнила, ежели имѣла свой судъ *). Крестьянскія общины не только смотрѣли за порядкомъ и тишиною, но иногда вводили свои узаконенія или заповѣди; образцикъ этого мы видимъ въ одной заповѣдной крестьянъ Тавренской волости, писанной въ 1590 году: въ этой заповѣдной крестьяне всей волостью положили запретить работы по воскреснымъ днямъ. Вотъ подлинныя слова заповѣдной: „Се азъ. староста Тавренскіе волости Антонъ Ивановъ сынъ, да Яковъ Ивановъ сынъ Ивашевъ, да Василій Юрьевъ сынъ, кузнецъ.... и всѣ крестьяне Тавренскіе волости Ильинскаго приходу, обговорились сами промежъ собою, по благословенію отца своего духовнаго, Ильинскаго священника Ефрема Иванова сына, и учинили заповѣдь на три годы, отъ рождества Николы чудотворца Августа въ 23 день, до того жъ рождества Николы чудотворца Августа въ 23 день, что намъ въ праздникъ воскресенія Христова дѣла не дѣлати никакого чернаго, ни угодья въ воскресеніе Христово неугодовати, ни паснаго, ни силового, ни бѣлки не лѣсовати.... а въ пятницу ни толчи, ни молотити, ни каменія не жечи, проводити съ чистотою и любовію; ни женамъ въ воскресеніе Христово ни шити, ни брати. И кто въ нашей Тавренской волости сію заповѣдь порушаетъ, станетъ въ воскресеніе Христово дѣло дѣлати, каково ни есть,

---

*) Такъ напримѣръ въ губной грамотѣ, данной крестьянамъ Троицкаго Сергіева монастыря въ 1586 году, сказано: „а которые торговые пріѣзжіе люди въ ихъ селѣхъ и въ деревняхъ учнутъ ставитись для торговли, или проѣзжіе люди для ночлѣговъ; и крестьяномъ тѣхъ людей, къ кому кто пріѣдетъ, или пришлый человѣкъ, кто у кого учнетъ жити въ наймитѣхъ для пашни; и тѣмъ всѣмъ людемъ про пріѣзжихъ людей и про прихожихъ являть прикащикамъ, и старостамъ, и цѣловальникамъ, и сотскимъ, и пятидесятскимъ. А сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ тѣхъ людей осматривати и записывати, кто къ кому и для чего пріѣдетъ. А будетъ которые люди въ села и въ деревни учнутъ къ кому пріѣзжати недобрыми дѣлы, и у которыхъ крестьянъ прихожіе люди живучи учнутъ воровати, красть, разбивать; и приказщикамъ, и старостамъ, и цѣловальникамъ, и сотскимъ, и пятидесятскимъ и всѣмъ крестьянамъ, тѣхъ лихихъ людей имати, и прочихъ сыскивати, и указъ чинити“ (ibid. № 330). Или въ Важской уставной грамотѣ 1552 года: „старостамъ, соцкимъ и пятидесяцкимъ и десяцкимъ и цѣловальникомъ и всѣмъ людямъ беречи накрѣпко, чтобъ у нихъ на посадѣ и въ станѣхъ и волостѣхъ татей, и разбойниковъ, и ябедниковъ, и подпищиковъ, и костарей и всякихъ лихихъ людей не было, и пріѣзду бъ ни къ кому лихимъ людемъ не было“ (ibid. № 234).

что въ сей грамотѣ писано, и доведутъ его людьми добрыми, и на томъ заповѣди доправити сотцкому, по мірскому уложенію, кто будетъ сотцкой въ Тавренской волости, восьмъ алтынъ денегъ на церковное строенье, а двѣ деньги сотцкому, кой станетъ правити.“ (Ак. Юрид. № 358).

Само правительство иногда поручало крестьянскимъ общинамъ надзоръ за порядкомъ и оборону даже въ учрежденіяхъ не подвѣдомыхъ крестьянской общинѣ. Такъ напримѣръ въ 1513 году великій князь Василій Ивановичъ писалъ въ Бѣлозерскія волости: „отъ князя великаго въ Бѣлозерскія волости Своари и Гнену старостамъ и десятскимъ и всѣмъ крестьяномъ. Били ми челомъ старцы Ниловы пустыни, чтобы мнѣ велѣти ихъ беречи отъ татей и разбойниковъ. И вы бъ ихъ берегли отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ накрѣпко, что бъ не было обиды ни отъ какого человѣка. А который старецъ учнетъ жити у нихъ въ ихъ пустыни безчинно, и велятъ вамъ старцы того чернеца выслати вонъ; и вы бы его выкинули вонъ, чтобы у нихъ не жилъ“. (А. Ар. Эк. Т. I. № 157). Равнымъ образомъ землевладѣльцы въ общественныхъ дѣлахъ относились къ своимъ крестьянамъ при посредствѣ общины. Напримѣръ въ 1555 году Троицкій монастырь требуя, чтобы его крестьяне Присѣцкой волости не держали ни скомороховъ, ни волхвей, ни бабъ ворожей, ни татей, ни разбойниковъ, писалъ грамоту къ старостамъ и сотскимъ и по всей волости, и отвѣтственность въ случаѣ опущенія прямо возлагалъ на сотскихъ: „и учнутъ держати, у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ скомороха, или волхва, или бабу ворожею въ его сотной; и на томъ сотскомъ и на его сотной на стѣ человѣкъ, взяти пени десять рублевъ“ (ibid. № 244).

Относительно раскладки податей и повинностей община была полнымъ хозяиномъ; землевладѣльцы и правительство въ распоряженія общины относительно сего предмета рѣдко вступалися. Всѣ мірскіе разрубы и разметы лежали на старостахъ, сотскихъ и десятскихъ и другихъ выборныхъ людяхъ, которые вели подробныя смѣты состоянію каждаго члена общины, и по симъ смѣтамъ дѣлали волостные разрубы и размѣты: которая деревня больше пашнею и угодьемъ, на ту полагали больше податей и повинностей. При раскладкѣ податей община съ своими выборными начальниками принимала въ разцѣнку все имѣніе каждаго крестьянина, и дворъ, и домашнюю скотину, и пашню, и получаемый съ нея хлѣбъ, промыслы и работниковъ въ семьѣ, какъ прямо сказано въ одной царской грамотѣ на Колмогоры (1578 года): „и тѣ деи Уняне и Ненокшане тѣ ихъ разсольные вытки и дворы, и дрова, и лоша-

ди, хлѣбъ цѣнятъ въ животы, какъ у черныхъ людей, да съ тѣхъ деи соленыхъ вытокъ и съ дворовъ и съ лошадей и съ хлѣба емлютъ нашу дань и оброкъ и всякіе черные размѣты, какъ и съ черныхъ людей“ (А. Ар. Эк. т. I. № 399). Говоря тогдашнимъ оффиціальнымъ языкомъ, всѣ общинные разрубы и размѣты производились по животомъ и промысломъ. Община не только дѣлала раскладку податей и повинностей уже опредѣленныхъ правительствомъ, но и принимала сильное участіе въ самомъ опредѣленіи. Подати въ то время обыкновенно назначались правительствомъ по писцовымъ, переписнымъ и окладнымъ книгамъ, для составленія которыхъ посылались писцы и дозорщики, которые, пріѣхавши въ уѣздъ, росписывали волости въ сохи и выти не по однимъ землямъ, но и по состоянію землевладѣльцевъ, при чемъ зажиточнѣйшихъ или лучшихъ людей писали въ одну кость, середнихъ въ другую, и молодшихъ или бѣднѣйшихъ въ третью; и это росписаніе людей на кости производилось не иначе, какъ при посредствѣ старостъ, сотскихъ и другихъ выборныхъ отъ общинъ окладчиковъ, которые представляли для соображеній писцамъ и дозорщикамъ книги своихъ мірскихъ разрубовъ и размѣтовъ, и вмѣстѣ съ писцами и дозорщиками росписывали деревни своихъ волостей по костямъ, полагая на одну кость подати и повинности тяжелѣе, на другую легче, и на третью молодшую еще легче.

Но какъ въ продолженіе времени, отъ составленія одной писцовой книги до составленія другой, не только въ имуществахъ крестьянъ, но и въ самыхъ крестьянахъ могло быть большое измѣненіе: иные крестьяне могли разбогатѣть, иные обѣднять, иныя деревни вновь населиться, другія опустѣть; а платежъ податей и отправленіе повинностей у правительства значилися по писцовымъ книгамъ неизмѣнными; то по сему общинамъ было предоставлено условливаться другъ съ другомъ въ платежѣ податей до новыхъ писцовыхъ книгъ *). А ежели взаимныя сношенія общинъ не по-

*) Это взаимное условіе ясно выражено въ одной мировой 1587 года; въ ней сказано: „Се азъ Иванъ Герасимовъ сынъ, да азъ Первой Ивановъ сынъ Шебановъ.... и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Воскресенскаго приходу и Покровскаго и Ширыхаловы слободы помирилися есма полюбовно съ старостою Климомъ Ивановымъ сыномъ Частиковымъ, да съ Яковомъ Ивановымъ сыномъ Ивашевымъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Тавренской волости Ильинскаго приходу въ томъ, что клали мы предъ выборнаго судью на Таврежанъ въ новой пустотѣ челобитную, съ которые идетъ въ государеву дань и оброкъ восмьдесять рублевъ съ полтиною; и мы счетчи съ Таврежаны приняли на свой Воскресенской и Покровской приходъ изъ Тавренскіе пустоты къ своей низовой пустотѣ Бережную деревню со всѣми угодьями.... а въ ней обжа. А что осталось въ нашей волости въ Тавренской, въ Ильинскомъ приходѣ пуста семъ обежъ; и намъ къ себѣ въ ту пустоту впредъ Воскресенскаго и Покровскаго приходу не притягивати ни въ

рѣшали дѣла и одной общинѣ предъ другою платежъ податей и отправленіе повинностей, въ слѣдствіе обѣдненій или пустоты, были тяжелы и раззорительны, такъ что крестьяне разбѣгались; то дѣло кончалось просьбою обѣднѣвшей общины къ правительству, чтобы защитить угнетенныхъ и сдѣлать новое росписаніе костей *), и для сего посылались новые дозорщики, которые росписывали или отдѣляли одну общину отъ другой въ платежѣ податей и повинностей. А бывали и такіе случаи, что община, находя невыгоднымъ верстаться въ платежѣ съ другими общинами, подавала челобитную о переложеніи податей и повинностей въ отдѣльный оброкъ по разцѣнкѣ; и тогда уже этотъ оброкъ вносился въ казну общиною не по разрубамъ и размѣтамъ съ другими общинами уѣзда, а отдѣльно въ особые сроки **).

Съ раскладкою платежа податей и отправленія повинностей тѣсно были связаны съ одной стороны земли и угодья принадлежащія общинѣ, а съ другой стороны большее или меньшее населеніе; ибо, какъ мы уже видѣли, община должна нести на себѣ всѣ подати и повинности даже за обѣднѣвшихъ крестьянъ и за

которые разрубы. А намъ Воскресенскому и Покровскому приходу Таврежанъ Ильинскаго приходу въ свою нижнюю пустоту и въ Бережную обжу, что приняли у Таврежанъ, не притягивати ни въ которые разрубы, а изъ ихъ изъ осми обжъ намъ у нихъ не принимать" (Ак. Юрид. № 272). Здѣсь двѣ крестьянскія общины въ платежѣ за пустыя обжи порѣшили тѣмъ, что одна община приняла у другой одну деревню съ угодьями.

*) Такъ напримѣръ въ 1591 году крестьяне Глотовой слободки били челомъ Государю, чтобы въ платежѣ податей отдѣлить ихъ отъ Вычегжанъ, Вымичей и Сысоличей, потому что у нихъ въ Глотовой слободкѣ живутъ все молодчіе люди, кормятся пиктою да звѣремъ, а хлѣба непашутъ и не торгуютъ ничѣмъ, а на Вычегдѣ и на Сысолѣ живутъ прожиточные люди, торгуютъ всякими товары и хлѣбъ пашутъ (А. Ар. Эк. т. I. № 350). Или въ 1546 году жители Шестаковскаго городка и деревень жаловались на жителей Слободнаго городка, что слобожане на нихъ емлютъ проторы и разметы сполна; и просили по бѣдности и по недавнему поселенью отдѣлить ихъ отъ слобожанъ (ibid. № 210).

**) Такъ въ уставной грамотѣ, данной крестьянамъ Плесской волости въ 1551 году, сказано: „Се азъ царь и великій князь... пожаловалъ есми своихъ крестьянъ Плесскіе волости.... которые были приданы къ городу къ Володимеру боярину князю Дмитрію Ѳедоровичу Бѣльскому судомъ и кормомъ. А нынѣ велѣно было ту волость вѣдати на меня царя и великаго князя, кормы брати и крестьянъ тоя волости судити Володимерскому городовому приказщику.... И крестьяне тое волости у дьяка нашего Угрима Львова пооброчились дати имъ въ нашу казну оброкомъ за намѣстничей и тіуновы кормы, и за пятно и за выводную куницу, и за вновоженный убрусъ, и за присудъ.... и за всѣ намѣстниковы и его пошлинныхъ людей пошлины, на годъ 15 рублевъ; а дати имъ тотъ оброкъ въ нашу казну на два срока, полсема рубля на покровъ Св. Богородицы лѣта 7060; а другая имъ половина дати на сборное воскресенье лѣта 7060 года" (въ моемъ собраніи грамотъ).

опустѣвшія земли до новыхъ писцовыхъ книгъ. Слѣдовательно, отходили-ли земли и угодья отъ общины, пустѣли-ли ея деревни, въ обоихъ случаяхъ община терпѣла и раззорялась отъ платежа податей и отправленія повинностей не по силамъ; и на оборотъ община, *увеличивавшаяся* въ *народонаселеніи* и *богатѣвшая* пріобрѣтеніемъ новыхъ земель и угодій, съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтала средства легче и удобнѣе платить подати и отправлять повинности, и вообще ея членамъ дѣлалось льготнѣе. А посему общины всегда имѣли право пріискивать средства какъ для увеличенія своего народонаселенія, такъ и для пріобрѣтенія новыхъ земель и угодій и для удержанія старыхъ. Для достиженія первой цѣли община называла къ себѣ жильцовъ, давала имъ льготы и разныя *пособія, только бы пріискать больше охотниковъ,* назначала отъ себя повѣренныхъ и снабжала ихъ деньгами для отказа и окупа поселенцевъ, состоящихъ въ тяглѣ за другими общинами или землевладѣльцами, отыскивала своихъ старыхъ тяглецовъ, перешедшихъ въ другія общины и возвращала ихъ на старыя мѣста; и правительство, признавая самостоятельность крестьянскихъ общинъ и желая поддержать ихъ, не только не препятствовало сему, но и давало общинамъ для этого особыя грамоты, или прописывало это право въ уставныхъ грамотахъ. Такъ въ уставной Важской грамотѣ 1552 года прямо сказано: „А на пустые имъ (крестьянамъ) мѣста дворовые въ Шенкурьи и въ Вельску на посадѣ и въ стѣнѣхъ и въ волостѣхъ, въ пустые деревни, и на пустоши, и на старыя селища крестьянъ называть, и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ крестьянъ изъ за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде того“ (А. Ар. Эк. т. I. № 234). Увеличенія земель и угодій общины достигали или расчисткою новыхъ земель въ дикихъ поляхъ и лѣсахъ никому не принадлежащихъ, или принятіемъ отъ казны разныхъ угодій и земель на оброкъ, или покупкою и мѣною съ частными землевладѣльцами *). Владѣніе же своими старыми землями и угодьями защищали посредствомъ суда, чему мы имѣемъ много примѣровъ въ правыхъ и судныхъ грамотахъ, гдѣ старосты и выборные отъ волостей ведутъ тяжбы за земли своихъ общинъ **).

*) Такъ въ разъѣзжей 1555 года сказано: „отдали деревню Карпову волостные крестьяне на промѣнъ Кирилову монастырю противъ монастырскихъ земель“ (Ак. Юр. стр. 168).

**) Такъ въ одной указной грамотѣ 1555 года въ Новгородъ царь пишетъ: „билъ намъ челомъ изъ Туровского да изъ Борутцаго становъ изъ черныхъ деревень Чюнейко Левонтьевъ во всѣхъ крестьянъ мѣсто тѣхъ становъ черныхъ деревень. А сказываетъ,

Права сіи, или скорѣе обязанности, одинаково принадлежали всѣмъ общинамъ, какъ городскимъ, такъ и сельскимъ, и состоящимъ какъ на общинныхъ или черныхъ земляхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ; ибо общины владѣльческія одинаково съ черными раззорялись отъ излишняго платежа податей въ случаѣ обѣднѣнія или уменьшенія народонаселенія. Вся разница между черными и владѣльческими общинами здѣсь состояла въ томъ, что въ владѣльческихъ общинахъ обѣднѣніе или уменьшеніе народонаселенія было одинаково невыгодно и для общины и для владѣльца; а посему землевладѣлецъ естественно заботился вмѣстѣ съ общиною, или даже и больше, объ отвращеніи таковаго зла. Но тѣмъ не менѣе забота владѣльца не уничтожала заботы общины; и мы знаемъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ владѣльческія общины и мимо своихъ владѣльцевъ заботились о защитѣ своихъ земель и объ умноженіи народонаселенія. Такъ въ 1555 году крестьяне Альмешской волости осмнадцати деревень княжихъ, монастырскихъ и церковныхъ тягались съ Дмитріемъ Нефедьевымъ, который у нихъ отнялъ поскотинныя земли и отгородилъ къ своей землѣ. (Ак. отн. до Юрид. быт. Росс., стр. 217). Вообще при свободномъ переходѣ крестьянъ, выгоды крестьянскихъ общинъ и землевладѣльцевъ были тѣсно связаны другъ съ другомъ, и эта связь такъ была очевидна, что ее не могли нечувствовать даже самые недальновидные землевладѣльцы, и самыя безпечныя общины; ибо съ утратою средствъ къ безбѣдной жизни и съ уменьшеніемъ населенія, владѣльческія земли незамѣтно пустѣли, крестьяне мало по малу разбѣгались туда, гдѣ имъ представлялось болѣе удобствъ. Слѣдовательно и землевладѣлецъ и оставшаяся на его землѣ крестьянская община подвергались раззоренію. А посему въ поддержаніи общины былъ одинакій интересъ и для крестьянъ и для землевладѣльца.

Такимъ образомъ въ XVI столѣтіи крестьянскія общины на Руси относительно общественныхъ правъ были въ полномъ развитіи. Законъ и правительство не только признали за ними всѣ права, выработанныя прежнею жизнію и обычаями; но и утвердили многое, чего прежде общины не имѣли. Правительство явно стремилось къ тому, чтобы вообще поставить общины въ основаніе управленія; оно не только дозволило имъ самоуправленіе и самосудъ по ихъ выбору, но и дало право жизни и смерти надъ своими

что де въ тѣхъ станѣхъ деревни черные пусты.... и писцы де отдали тѣ деревни въ придачу дѣтямъ боярскимъ, а отъ черныхъ деревень сошнымъ письмомъ не росписали" (доп. ак. Ист. т. I. стр. 123).

членами и даже надъ выборными начальниками. Мало этого: законъ передалъ въ полное распоряженіе общинъ—управляться ли имъ самимъ собою чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ, надъ которыми они имѣли право жизни и смерти; или просить правителей у государя, которые уже не зависѣли отъ общинъ. Здѣсь не мѣсто искать причинъ, побудившихъ царя Ивана Васильевича къ таковому направленію. Но для насъ важенъ самый фактъ, что таковое направленіе существовало въ XVI вѣкѣ, и по мѣстамъ осуществлялось на дѣлѣ, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, и осуществленіе это не имѣло своимъ слѣдствіемъ важныхъ безпорядковъ. Это свидѣтельствуетъ, что общины были исконнымъ учрежденіемъ на Руси и весь народъ хорошо понималъ ихъ значеніе и права. Въ противномъ случаѣ были бы иныя послѣдствія: народъ какъ городскій такъ и волостный накинулся бы, очертя голову, на невиданную и заманчивую новость; безпорядкамъ и самоволію не было бы конца; суды, сборъ податей и вообще всѣ общественныя дѣла пришли бы въ крайнюю запутанность. Но на дѣлѣ ничего этого не было,—народъ съ умѣренностію пользовался данными ему правами самоуправленія; въ одно и тоже время рядомъ существовали въ одной области выборные судьи и полное самоуправленіе, а въ другой намѣстники и волостели назначаемые государемъ. И это было не по приказамъ и распоряженіямъ правительства, а по усмотрѣнію самого народа; одна волость или одинъ уѣздъ желали выборныхъ судей и полнаго самоуправленія, и безпрепятственно получали желаемое, и другая волость или другой уѣздъ просили царскихъ намѣстниковъ и волостелей, и намѣстники и волостели къ нимъ присылались; и такъ шли дѣла не годъ, не два, и даже не одно царствованіе царя Ивана Васильевича, но и въ продолженіе почти всего XVII столѣтія; и судъ и сборъ податей и другія общественныя дѣла шли своимъ порядкомъ. Не удовлетворяли обществу выборные судьи, общество просило намѣстниковъ и волостелей; намѣстники и волостели оказывались неугодными,—и общество обращалось къ выборнымъ судьямъ. Ясно, что царь Иванъ Васильевичъ, давая огромныя права общинамъ, не вводилъ новостей, а только пользовался старымъ исконнымъ учрежденіемъ на Руси, и старался поддержать старые добрые обычаи и законы, которые, по его же выраженію, поисшаталися и частію были нарушены въ предшествовавшее время.

Указавши на значеніе крестьянскихъ общинъ въ XVI столѣтіи и на ихъ отношенія къ правительству, къ землевладѣльцамъ и къ своимъ членамъ, теперь должны мы показать значеніе и отноше-

нія самихъ крестьянъ, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго класса въ русскомъ обществѣ, какъ членовъ общины и какъ владѣльцевъ или собственной земли, или общинной, или владѣльческой, въ продолженіи того же XVI вѣка.

Крестьяне, какъ отдѣльный самостоятельный классъ общества.

Крестьяне всѣ безъ различія, на какихъ бы земляхъ они ни жили, въ XVI столѣтіи, какъ и въ прежнее время, составляли одинъ самостоятельный отдѣльный классъ людей въ Русскомъ государствѣ, извѣстный подъ общимъ названіемъ крестьянъ или черныхъ людей. Классъ этотъ и въ XVI столѣтіи не потерялъ своего прежняго значенія; крестьяне всѣ, городскіе и волостные, были полноправными членами русскаго общества наравнѣ съ боярами, боярскими дѣтьми, духовенствомъ и купцами. Передъ закономъ, передъ судомъ крестьянинъ имѣлъ равное право съ бояриномъ и купцомъ на покровительство и защиту закона; онъ могъ вчинать иски и на крестьянина, и на купца, и на боярина, и на духовнаго; равнымъ образомъ и бояринъ или купецъ и духовный не иначе какъ судомъ могли искать на крестьянинѣ. По Судебникамъ судъ всѣмъ классамъ общества быть равенъ, не было особыхъ судей ни для бояръ, ни для купцовъ, ни для крестьянъ; въ Судебникѣ 1497 года прямо сказано: „а каковъ жалобникъ къ боярину прійдетъ, и ему жалобниковъ отъ себя не отсылати, а давати всѣмъ жалобникамъ управа во всемъ, которымъ пригоже." Или въ Царскомъ Судебникѣ: „А кто къ которому боярину, или къ дворецкому, или казначею, или къ дьяку, придетъ жалобникъ его приказу, и ему жалобниковъ своего приказу отъ себя не отсылать; а давати ему жалобникамъ своего приказу всѣмъ управа.... А который бояринъ или дворецкій или казначей, или дьякъ, жалобника своего приказу отошлетъ и управы не учинитъ.... и тому быть отъ Государя въ опалѣ." (ст. 7) *). Конечно бояре и монастыри иногда получали привиллегіи относительно суда; но привиллегіи, какъ исключенія изъ общаго порядка, не составляли закона, и притомъ привиллегіи относительно суда получались

---

*) Слова Судебника: „кто въ которому боярину придетъ жалобникъ его приказу" отнюдь не значатъ, чтобы въ одномъ приказѣ судились дѣла крестьянъ, въ другомъ купцовъ, въ третьемъ бояръ; раздѣленіе приказовъ по сословіямъ въ XVI вѣкѣ не существовало, и только одни духовные имѣли свой особый святительскій судъ; но и здѣсь въ искѣ свѣтскаго на духовномъ всегда былъ общій судъ.

иногда и крестьянами. Такъ въ жалованной грамотѣ 1544 года данной крестьянамъ дворцоваго села Андреевскаго, сказано: „язъ князь великій своихъ дворцоваго села Андреевскаго, крестьянъ, сельчянъ и деревенщиковъ пожаловалъ, далъ имъ свою грамоту жалованную несудимую, намѣстницы наши Звенигородскіе и ихъ тіуны тѣхъ моихъ крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ,“ (Ак. Ар. Эк, т. 1, № 201). *Или* въ *жалованной* грамотѣ, данной въ 1584 году крестьянамъ Борисоглѣбской слободы, царь Ѳедоръ Ивановичъ пишетъ: „а намѣстницы наши Ярославскіе и волостели Едомьскіе и ихъ тіуны тѣхъ моихъ рыболовей и оброчниковъ не судятъ ни въ чемъ, опричь одного душегубства; а кому будетъ до тѣхъ моихъ рыболовей и оброчниковъ каково дѣло; ино по нихъ въ томъ ѣздятъ мои недѣльщики дворцовые, а сужу ихъ язъ царь и великій князь и мой дворецкій,“ (ibid., № 324). Грамоты сіи одинаковы съ грамотами, которыя давались боярамъ и монастырямъ; слѣдовательно и относительно привиллегій крестьяне не отличались отъ прочихъ классовъ общества.

Равенство суда между крестьянами и прочими классами общества до того простиралось, что въ случаѣ иска между лицами разныхъ вѣдомствъ, крестьяне имѣли равное право съ прочими классами представлять своихъ судей. Такъ и въ княжей грамотѣ Третьику Гнѣвашеву, о спорныхъ земляхъ между Ферапонтовымъ монастыремъ и волостными крестьянами, сказано: „И мы въ тѣхъ земляхъ Ферапонтова монастыря игумену съ братьею дали судью тебя Третьяка Гнѣвашова; а Славенскаго до Волочка крестьяне и Ципинскіе волости крестьяне и Итколскіе волости крестьяне, въ той же землѣ взяли судью Михаила Лукина сына Волошенинова. И тыбъ съ тѣмъ судьею свѣстяся, взявъ съ собою старость и цѣловальниковъ и туточныхъ старожильцовъ, съ обѣ стороны обоимъ исцомъ срокъ учинилъ,“ (А. Ар. Эк. т, 1. № 209).

Полноправность крестьянъ одинаковая съ другими классами общества, кромѣ равенства суда, выражалась еще тѣмъ, что крестьяне наравнѣ съ боярами и купцами признавались свидѣтелями во всѣхъ дѣлахъ на судѣ. По Судебнику почти не было различія въ свидѣтельствѣ крестьянъ и дворянъ. Въ 58 статьѣ Царскаго Судебника сказано: „А на кого взмолвятъ дѣти боярскіе, человѣкъ десять или пятнадцать добрыхъ, или черныхъ людей человѣкъ пятнадцать или двадцать, добрыхъ же крестьянъ и цѣловальниковъ, по крестному цѣлованію, что онъ тать, а доводу на него не будетъ, у кого кралъ; ино на томъ взяти исцову гибель безъ суда, а его дати на крѣпкую поруку.“ Или по дополнительной

статьѣ къ Судебнику, изданной въ 1556 году, при обыскѣ крестьяне поставлены на ряду съ князьями, дѣтьми боярскими, архимандритами и игуменами: „И старостамъ и цѣловальникамъ велѣти ѣздити къ обыскомъ многимъ людемъ и лучшимъ всѣмъ, княземъ, и дѣтемъ боярскимъ, и ихъ прикащикомъ, и крестьяномъ, и архимандритамъ, и игуменомъ, и попомъ и дьякономъ," („Ак. Ист. т. 1. № 154). Здѣсь ни Судебникъ, ни дополнительныя статьи къ нему не различаютъ крестьянъ живущихъ на общинныхъ и владѣльческихъ земляхъ; и дѣйствительно въ самой жизни этого различія не было; крестьяне и владѣльческіе и общинные принимались на судѣ свидѣтелями безъ ограниченій, наравнѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ, какъ прямо свидѣтельствуетъ одна правая грамота 1547 года; въ ней дѣльщикъ Иванъ Кирѣевъ говоритъ: „сказываетъ, государь, князь Андрей, что ему съ братомъ, съ княземъ Васильемъ, дѣлъ не бывалъ; и язъ, государь, шлюсь около того села Гравороновъ версты по двѣ и по три и больши на всѣ стороны на дѣти боярскіе, на игумены, и на попы, и на дьяконы, и на сотцкіе, и на десятцкіе и на всѣ крестьяне, на людей добрыхъ, въ слухъ и обыскъ, что язъ ихъ дѣлилъ," (Ак. отн. къ юрид. быт. Рос., стр. 211). Даже сами землевладѣльцы въ спорахъ о земляхъ ссылались на своихъ крестьянъ, и судъ всегда принималъ эту ссылку и свидѣтельство крестьянъ. Такъ въ одной разъѣзжей грамотѣ 1507 года тяжущіеся землевладѣльцы, священники Архангельскаго собора и игуменъ Чудова монастыря, говорятъ судьѣ: „И мы, господине, обои исцы положили о тѣхъ земляхъ на старожильцовъ великаго князя крестьянъ, на Архангельскихъ крестьянъ на Плотницкихъ, да на Чудовскихъ крестьянъ на Уваровскихъ; на Плотницкихъ крестьянъ на Труфаника на Иванова сына, да на Родивона на Павлова, да Чудовскихъ крестьянъ, на Андрона на Петрова, да на Клима на Матвѣева сына Скорикова" и пр. (ibid., стр. 246).

Конечно, крестьяне составляли низшій классъ общества: по Судебнику за безчестье крестьянина полагалось только рубль, — тогда какъ безчестіе дѣтемъ боярскимъ платилось противъ дохода, ежели было за ними кормленье: „безчестье гостямъ большимъ 50 рублевъ, а торговымъ людемъ и посадскимъ людемъ, всѣмъ середнимъ безчестья пять рублевъ, а боярскому человѣку доброму безчестья пять рублевъ" (ст. 26). Но причисленіе къ высшему или низшему классу общества не измѣняетъ полноправности гражданина: самое уже назначеніе закономъ платежа за безчестье крестьянина указываетъ на полноправность крестьянъ, на ихъ общественное значеніе; въ платежѣ за безчестье законъ прямо

признаетъ всѣхъ крестьянъ одинаково членами русскаго общества, безъ различія на какихъ бы земляхъ крестьяне ни сидѣли *).

Крестьяне въ XVI вѣкѣ непремѣнно состояли въ тяглѣ, на нихъ лежали разныя подати и повинности; точно такъ же какъ они лежали и на гостяхъ и на всѣхъ торговыхъ людяхъ; податями и повинностями въ тяглыхъ классахъ выражалась служба государству, точно такъ же, какъ между служилыми людьми, боярами и дѣтьми боярскими и иными, подати и повинности выражались ихъ личною службою государству. На Руси, не знавшей въ своемъ общественномъ составѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, каждый классъ жителей несъ свою службу государству, кто платежемъ податей, кто личнымъ служеніемъ; и та и другая служба была необходима государству и пользовалась законнымъ почетомъ; вся разница состояла въ качествѣ служенія; высшее служеніе государству, выражавшееся въ личной ли службѣ или въ платежѣ податей, пользовалось и высшимъ почетомъ. Такъ, напримѣръ, гость, податной человѣкъ, получалъ по Судебнику за безчестье 50 руб потому, что съ него больше шло податей; а какому-нибудь волостелю, служилому человѣку, боярскому сыну, за безчестье шло по доходу гораздо меньше, потому что служба его считалась для государства ниже податей, платимыхъ гостемъ. Платежъ податей и отправленіе повинностей на Руси не выражали униженія податныхъ классовъ передъ неподатными; а посему и состояніе крестьянъ въ тяглѣ ни сколько не уменьшало ихъ полноправности. На Руси крестьянинъ, и каждый, состоящій въ тяглѣ, платилъ не за право жизни и свободы (какъ это бываетъ въ обществахъ, основанныхъ завоеваніемъ, гдѣ побѣжденный платитъ за то, что побѣдители не обратили его въ рабство и дозволили жить), а за то, что онъ членъ русскаго общества и пользуется защитою и покровительствомъ русскаго закона, и сверхъ того свободенъ отъ службы, которую несутъ служилые люди. Въ XVI вѣкѣ на Руси всѣ несли государственную службу, кто податями, кто личнымъ служеніемъ; и то и другое считалось по закону необходимымъ условіемъ жизни въ обществѣ. Прежніе

*) Въ Судебникѣ, правду сказать, крестьяне относительно платежа за безчестье поставлены въ одинъ разрядъ съ молодшими боярскими людьми, и ниже добрыхъ боярскихъ людей; но это ни чуть не указываетъ на то, чтобы крестьяне равнялись рабамъ; ибо боярскіе люди добрые и молодшіе также были не-рабы, а свободные члены русскаго общества, состоящіе на службѣ у бояръ; на эту службу нерѣдко поступали и дворяне, вышедшіе изъ царской службы. Это именно тѣ боярскіе слуги, съ которыми, конными и збруйными, бояре являлись въ походъ, которые вооружались боярами по числу четвертей вотчинной или помѣстной земли.

бояре и вольные слуги въ XVI вѣкѣ уже не существовали, служилые люди отъ высшаго до низшаго не могли уже своевольно служить или не служить; при царѣ Иванѣ Васильевичѣ они уже потеряли право свободнаго выбора, и непремѣнно всѣ должны были состоять на службѣ, какъ всѣ неслужилые нести тягло, разумѣется, за исключенiемъ недорослей, и захребетниковъ и вообще гулящихъ людей, которые посему и не пользовались правами членовъ русскаго общества, не имѣли голоса и значенiя ни въ службѣ, ни въ земскихъ дѣлахъ общины. Такимъ образомъ, платить подать и отправлять повинность у крестьянъ было общею государственною обязанностiю со всѣми другими классами русскаго общества, и не означало униженiя крестьянъ.

Крестьяне какъ члены общины.

Каждый крестьянинъ на Руси непремѣнно долженъ былъ состоять членомъ какой-либо крестьянской общины; на Руси крестьянинъ не могъ быть внѣ общины; крестьянъ одиночекъ, непричисленныхъ ни къ какой общинѣ, у насъ въ XVI вѣкѣ не бывало: внѣ общины могли быть только или гулящiе люди или кабальные холопи, а крестьянинъ тѣмъ особенно и отличался отъ нихъ, что онъ былъ членомъ общины. Принадлежность къ общинѣ именно и выражала самостоятельное и полноправное положенiе крестьянина въ русскомъ обществѣ, и ограждала его личность отъ частныхъ притязанiй, ежели онъ жилъ на землѣ частнаго владѣльца, — по милости общины онъ не былъ ни батракомъ, ни закупомъ владѣльца земли.

Какъ членъ общины, крестьянинъ тянулъ во всѣ общинные разрубы и разметы по своимъ животамъ и промысламъ: болѣе богатый состоялъ въ тяглѣ лучшихъ людей, среднiй тянулъ тягло середнихъ людей, молодшiй молодшихъ. Въ XVI вѣкѣ между крестьянами встрѣчаются бобыли: они въ первый разъ упоминаются въ уставной грамотѣ 1548 года, которую Соловецкiй монастырь далъ своимъ крестьянамъ; въ грамотѣ сказано: „а съ бобылей, кои живутъ о себѣ дворцами, съ тѣхъ имати прикащику *по день деньги Московскую*". Тогда какъ въ той же грамотѣ— съ крестьянъ положено прикащику *по четыре деньги Московскую*. (Ак. Ар. Эк. Т. I. № 221). По этому указанiю, бобылемъ назывался тотъ, кто сидѣлъ на половинномъ тяглѣ, и это указанiе неслучайное, оно вполнѣ подтверждается Бѣлевскою писцевою книгою XVII вѣка, гдѣ бобыли постоянно писаны на половинномъ крестьянскомъ тяглѣ, т. е., на половинной крестьянской выти

земли, и потому на половинномъ платежѣ податей и отправленіи повинностей *). До XVI вѣка бобылей мы не встрѣчали и вѣроятно ихъ тогда не было; ибо и въ XVI вѣкѣ, судя по Новгородской писцовой книгѣ 1582 года, ихъ было еще не много: по книгѣ въ Вотьской пятинѣ на 809 крестьянскихъ дворовъ приходилось только 74 двора бобыльскихъ; тогда какъ въ XVII вѣкѣ бобыльскіе дворы не рѣдко встрѣчаются въ одинаковой пропорціи съ крестьянскими, а иногда и вдвое больше. Ясно, что бобыли въ XVI вѣкѣ были новымъ явленіемъ крестьянской жизни, выработаннымъ необходимостію дробить тягла, для многихъ крестьянъ уже несподручныя по тяжести податей и повинностей.

Рядомъ съ бобылями въ крестьянскихъ общинахъ появляются казаки, ихъ было два разряда. Одни казаки жили своими дворами и владѣли поземельными участками, они имѣли одинакое значеніе съ бобылями и кажется состояли на половинномъ тяглѣ; другіе казаки жили въ работникахъ у крестьянъ, они не были членами крестьянской общины; съ ними одинакое значеніе имѣли подсусѣдники, захребетники и задворные люди, которые также не состояли въ тяглѣ и не были членами крестьянской общины, или, какъ тогда говорилось, жили за чужимъ тягломъ. Къ этому разряду затяглыхъ людей въ крестьянской общинѣ принадлежали дѣти при отцахъ, братьи при братьяхъ, племянники нри дядяхъ, и вообще всѣ лица, живущія въ семьѣ по родству или по найму и не получившія отъ общины никакой доли земли. Они были людьми свободными, гулящими, и могли переходить куда угодно безъ всякихъ отношеній къ общинѣ, до тѣхъ поръ пока не получатъ долю земли; но кажется и съ гулящихъ людей, жившихъ въ волости, сбирались нѣкоторыя подати: такъ въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, данной крестьянамъ Сумской волости въ 1564 году, сказано: " А старостѣ Сумскому всѣ волощане Сумскіе волости, и крестьяне деревенскіе, и всѣ казаки волостные и деревенскіе, которыхъ судитъ тіунъ нашъ Сумскій, давали бы есте со всякіе головы по Московкѣ, а кому меньши пятинадцати лѣтъ, и тѣ бы старостѣ не давали ничего," (А. Ар. Эк. т. I. № 269.)

Крестьяне, бобыли и казаки жившіе своими особыми дворами, какъ члены крестьянской общины, имѣли на общинномъ сходѣ каждый свой голосъ, и участвовали во всѣхъ дѣлахъ общины; они выбирали и выбирались въ разныя общественныя должности,

---

*) Они даже иногда прямо назывались *полувытчиками*; такъ въ уставной грамотѣ патріарха Іова 1590 года сказано: „А крестьяне бъ жили вытчики, вороты выть, полувытчики". (Врем. № 2. Смѣсь, стр. 20).

разсуждали объ общинныхъ разрубахъ и разметахъ. Для раскладки податей и повинностей община избирала окладчиковъ изъ лучшихъ, середнихъ, и молодшихъ людей, и изъ бобылей, или осѣдлыхъ казаковъ, которые уже и разцѣнивали, какую долю общей подати платить съ какого двора, смотря по средствамъ хозяина. По крайнѣй мѣрѣ такой порядокъ мы находимъ въ помянутой выше уставной грамотѣ 1564 года, гдѣ сказано: „Какъ лучится у васъ разрубъ въ волости, и вы бъ выбрали въ Сумѣ изъ большихъ изъ лучшихъ людей два человѣка, и изъ среднихъ людей два человѣка, а изъ меньшихъ людей два человѣка, а изъ казаковъ два человѣка; да и тѣ бы восемь человѣкъ сидѣли у васъ въ окладѣ и окладывали бы земскихъ людей и казаковъ въ Божію правду, кого чѣмъ пригоже, кто чего достоинъ.“

Крестьяне поступали въ общины или изъ семей старожильцевъ тѣхъ же общинъ, или изъ пришлыхъ людей изъ другихъ волостей; дѣти и родственники старожильцевъ заносились въ члены общины, кажется не раньше пятнадцати лѣтъ, и вообще когда по возрасту могли заниматься промыслами, и сажались сперва не на полную выть, а смотря по силамъ и средствамъ; такъ помянутая уставная грамота 1564 года говоритъ: „А у которыхъ земскихъ людей дѣти или племенники, а будутъ поспѣли промышляти звѣрь, и птицу и рыбу ловити, и ягоды и губы брати; и вы бъ на тѣхъ клали противъ казаковъ, по разсужденью, кто чего достоинъ.“ А пришлые люди поступали въ члены крестьянской общины по взаимному условію съ общиною на полную или не полную крестьянскую выть, и кажется съ порукою крестьянъ старожильцевъ, что они люди добрые и будутъ исправными членами общины; такъ въ уставной грамотѣ, данной Патріархомъ Іовомъ Новинскому монастырю въ 1590 году, сказано: „а на пустыя выти крестьянъ призывати, а приказщикамъ порука по нихъ имати съ записьми, что бъ были люди добрые,“ (Времен. № 2, смѣсь стр. 19).

Крестьяне члены общины, состоящіе въ тяглѣ, могли переходить изъ одной общины въ другую, или къ землевладѣльцамъ, не иначе, какъ по отказамъ, съ платежемъ пошлинъ и въ узаконенный срокъ; по судебнику мы уже видѣли узаконенный срокъ крестьянскихъ отходовъ—недѣля до Юрьева дня осенняго и недѣля послѣ Юрьева дня осенняго, а пошлинъ за пожилое въ безлѣсныхъ мѣстахъ за дворъ 1 руб. 2 алтына, а въ лѣсныхъ полтина два алтына. Община или землевладѣлецъ не обязывались отпускать отъ себя тяглаго крестьянина, ежели за нимъ не явятся отказчики изъ той общины или отъ того землевладѣльца, къ

которымъ переходитъ крестьянинъ. Отказчики должны были въ узаконенный для отказовъ срокъ явиться въ ту общину или къ землевладѣльцу, гдѣ живетъ крестьянинъ, и представить, съ пошлинами за пожилое, письменное или словесное объявленіе, что крестьянинъ переходитъ туда-то и его тамъ принимаютъ, и при семъ представляются слѣдующія по расчету законныя пошлины за пожилое; и когда отказъ будетъ принятъ и пошлины за пожилое взяты, тогда уже тяглый крестьянинъ могъ безпрепятственно оставить общину или землевладѣльца и увезти все свое движимое имущество. Этотъ порядокъ отказа довольно хорошо изображенъ въ одной царской указной грамотѣ Новгородскимъ дьякамъ, писанной въ 1556 году; въ ней государь пишетъ: „Билъ намъ челомъ Ивановъ человѣкъ Шатилова Ѳедко на Богдана на Кутузова, а сказываетъ: что деи отказалъ онъ изъ за того Богдана крестьянина Васюка да сына Бутака за государя своего за Ивана; и Богданъ деи у него отказъ взялъ и пошлины пожилые всѣ поималъ, да послѣ деи того животы ихъ пограбилъ; и они деи пришли на него бити челомъ въ Новгородъ,“ (Допол. къ Ак. Ист. т. I. № 51, XXIV). Но была и другая форма перехода для тяглыхъ крестьянъ,— крестьянинъ имѣлъ право продать свой дворъ или пріискать на свое мѣсто жильца, который бы принялъ на себя всѣ обязанности члена общины; и тогда крестьянинъ, пріискавшій таковаго жильца, имѣлъ полную свободу переходить куда угодно, и въ какой угодно срокъ, но не освобождался отъ платежа за пожилое, какъ прямо сказано въ Соловецкой уставной грамотѣ 1561 года: „а кто продастъ свой жеребей, а самъ пойдетъ за волость, и на томъ имати похоморное сполна, а съ купца имати порядное смотря по землѣ и по угодью,“ (А. А. Э. т. I. 257.) Но тяглый крестьянинъ, вышедшій изъ общины не по отказу, и не посадивши на свое мѣсто жильца, считался бѣглымъ; община или землевладѣлецъ имѣли право искать его и нашедши возвращать на старое мѣсто жительства, а новая община или новый землевладѣлецъ не могли защищать таковаго бѣглеца. Такъ въ уставной Важской грамотѣ 1552 года сказано: „А на пустые имъ мѣста дворовые въ Шенкурьѣ и въ Вельску на посадѣ, и въ станѣхъ и въ волостехъ, въ пустые деревни и на пустоши и на старые селища, крестьянъ называть, и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ крестьянъ изъ монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ прежъ того,“ (А, Ар. Э. т. I. № 234.)

Крестьяне и бобыли, какъ члены крестьянской общины, несли на себѣ всѣ выгоды и невыгоды общинной жизни и вполнѣ под-

чинялись общиннымъ распоряженіямъ, а въ случаѣ сопротивленія подвергались отвѣтственносги, какъ прямо сказано въ Соловецкой уставной грамотѣ 1564 года: „а кого чѣмъ окладчики обложатъ земскихъ людей и казаковъ; и тѣ бъ люди платили одноконно безъ всякаго перевода и смущенья. А кто упрямится не учнетъ платити; и вы бы у тіуна просили доводчика и велѣли на тѣхъ людей на ослушникѣхъ одноконно, безъ всякаго переводу, доправливати безсрочно, кого чѣмъ обложатъ" (ibid. № 268). Крестьяне и бобыли должны были нести подати и службы не только за себя, но и за крестьянъ и бобылей умершихъ или оставившихъ общину. Правительство, до составленія новыхъ писцовыхъ книгъ, обыкновенно не знало убыли крестьянъ въ той или другой общинѣ; слѣдовательно подати должны были вноситься сполна и съ убылыхъ мѣстъ; посему каждая община всѣ подати и повинности разлагала на своихъ наличныхъ членовъ, безъ различія будетъ ли наличныхъ членовъ общины больше или меньше противъ числа, значащагося на общинѣ по писцовымъ книгамъ. И такимъ образомъ члены общины несли подати и повинности легче, ежели число членовъ увеличивалось противъ писцовыхъ книгъ, и на оборотъ тягло для нихъ дѣлалось тяжелѣе, ежели число членовъ уменьшалось.

Крестьяне какъ владѣльцы земли.

Мы уже знаемъ, что на Руси было три вида владѣнія крестьянъ землею: крестьянинъ владѣлъ или собственною землею, или общинною, или господскою; отсюда проистекали и три вида отношеній крестьянъ въ землѣ. Сіи три вида въ сущности своей неизмѣнились и въ XVI столѣтіи, но въ частностяхъ они во многомъ уже не походили на прежнія отношенія.

Крестьянинъ на общинной землѣ, имъ такъ или иначе пріобрѣтенной, по прежнему былъ полнымъ хозяиномъ-собственникомъ, могъ ее продать, заложить, подарить и дѣлать другія распоряженія. Отъ XVI столѣтія мы имѣемъ нѣсколько крестьянскихъ купчихъ на земли и даже на деревни; таковы въ Юридическихъ Актахъ напечатаны: купчая Василья Дьяконова на пожни и наволоки въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, 1550 года; купчія Каргопольца Ивана Межникова на участки земли близъ Турчасовскаго посада 1568 и 1571 годовъ; въ моемъ собраніи грамотъ имѣются посильныя или тѣже купчія, крестьянъ Ивана, Терентія и Мокея Константиновыхъ дѣтей, писанныя въ 1534 году; отступная Куръ-островца Ермолы Плешкова на полдеревни Исутовской 1573 года. Но полная собственность на землю не отстраняла крестьянина отъ общины: онъ

тянулъ въ ту волость, гдѣ находилась его земля, во всѣ мірскіе разрубы и разметы, платилъ подати и отправлялъ повинности по общинной раскладкѣ; онъ, какъ и другіе крестьяне, былъ тяглый человѣкъ и членъ общины, поземельная собственность не освобождала его отъ общинныхъ обязанностей. Такъ въ одной отводной на земли Бѣлозерскаго уѣзда, принадлежащія Кирилову монастырю и Кивуйской волости, упоминается деревня на рѣчкѣ на Паломбеѣ, принадлежащая старостѣ Кивуйской волости Конанину (Ак. Юрид., стр. 161). Здѣсь мы находимъ прямое свидѣтельство, что крестьянинъ Конанинъ, имѣвшій собственную деревню, былъ въ то же время, какъ членъ крестьянской общины, старостою черной Кивуйской волости, т. е. служилъ общинѣ по выборамъ. А вотъ свидѣтельство и о платежѣ податей съ поземельной собственности крестьянина по мірскимъ разрубамъ: въ купчей Кирилова монастыря на три участка въ Лачеозерской пожнѣ 1598 года, продавецъ поженъ, посадскій человѣкъ Степанъ Межниковъ пишетъ: „а въ Государеву дань давати Кирилова монастыря съ той пожни на годъ по алтыну денегъ“ (Ак. Юрид., стр. 133). Или въ посильной на Фильковъ наволокъ въ Мегалахъ, купленный крестьяниномъ Григорьемъ Артемьевымъ въ 1534 году, продавцы крестьяне Иванъ, Терентій да Мокей Константиновы говорятъ: „а потугъ Григорью тянули съ той земли съ Ильина дни по мірской верѣвкы“ (въ моемъ собраніи грамотъ). Крестьяне на своихъ земляхъ, какъ собственники, имѣли право сажать крестьянъ на свое имя, которые за пользованіе землею платили имъ условленные доходы Но кажется безъошибочно можно сказать, что къ концу XVI столѣтія, крестьянъ своеземцевъ оставалось очень не много; ибо беззащитность мелкихъ собственниковъ, обложенныхъ тяжелыми государственными податями и повинностями, была такъ очевидна, что крестьяне спѣшили развязаться съ землею (доставлявшею имъ не столько выгодъ, сколько тяжестей и раззоренья) и перечисляться или на общинную землю, или къ богатымъ и сильнымъ землевладѣльцамъ, гдѣ всегда могли найти защиту и покровительство, и гдѣ отъ мѣстныхъ притѣсненій ихъ ограждала свобода перехода съ одной земли на другую. Вотъ образчикъ, какъ крестьяне спѣшили продавать землю обремененную большими налогами. По свидѣтельству одной правой грамоты 1571 года, крестьяне Елизарій Ѳедоровъ да Павелъ Анкидиновъ продали свою землю со всѣми угодьями, именно потому, какъ сказано въ грамотѣ, что „не измогли великаго князя службы служити и дани давати и всякихъ разрубовъ земскихъ“. И потомъ одинъ изъ продавцовъ порядился на ту же проданную землю у новыхъ покупателей, и въ порядной

пишетъ: „се язъ Елизарей Ѳедоровъ сынъ Трубинъ, Лисеостровецъ, порядился есми Тимофею да Барсану Силвестровымъ дѣтямъ въ Карзину-Курью великаго князя, а своего жъ владѣнія.... и язъ Елизарей порядился на всю десять вервей, а сѣяти мнѣ на нихъ шесть пузовъ жита уркомъ; а пріѣдутъ писци великаго князя; и мнѣ Елизару и моимъ дѣтемъ на той земли не описыватись.“ (А. Юр., № 23). Здѣсь ясно, что крестьянинъ нуждался въ землѣ, и продавалъ послѣднюю землю, безъ которой не могъ обойтись; ибо онъ тутъ же нанималъ ее у новаго покупателя; но для него было невыносимо тяжело право собственности беззащитной, безпомощной и обремененной податями и повинностями, и онъ спѣшилъ съ ней развязаться. Кромѣ тяжести податей и повинностей, много способствовало распродажѣ земель крестьянами право дробленія родительскихъ земель между наслѣдниками; ибо естественно, что участокъ земли, достаточный для одного семейства отца, былъ уже недостаточенъ, когда по смерти отца онъ дѣлился на четыре семейства сыновей, и посему распродажа таковыхъ раздробленныхъ участковъ была необходима. Дѣти за лучшее считали сидѣть съ разными условіями на чужой, но достаточной землѣ, чѣмъ на своей, съ которой нельзя прокормиться. Крестьянинъ даже считалъ выгоднымъ для себя бросить свою землю даромъ, не продавши ее никому, лишь бы избавиться отъ податей и повинностей, которыя на ней лежали. Лучшимъ сему доказательствомъ служитъ Новгородская писцовая книга 1582 года, по которой въ Вотьской пятинѣ на 23 погоста насчитано 48 мѣстъ дворовыхъ земецкихъ порозжихъ и ни одного жилаго земецкаго двора, а обязанности земцовъ были полегче крестьянскихъ.

Крестьяне, жившіе на общинныхъ или на черныхъ земляхъ, по памятникамъ XVI вѣка, имѣли два рода отношеній къ землѣ: они или владѣли извѣстною долею общинной земли по рядной записи, какую крестьянинъ сдѣлалъ съ общиною, поступая въ ея члены; или община же давала крестьянину землю на оброкъ, по особой оброчной записи, не какъ члену общины, но какъ свободному полноправному человѣку. Перваго рода поземельныя отношенія крестьянина опредѣлялись порядною записью, которую онъ давалъ на себя волости или общинѣ. Вотъ образчикъ таковыхъ порядныхъ записей: „се язъ Григорей Филиппова сынъ, далъ есми на себя запись старостѣ Тавренскаго стану Вахромею Трофимому сыну Воронину и всѣмъ крестьянамъ, что взялъ у нихъ на льготу 12 долю обжи пустаго на годъ; а хоромъ дали полъизбы, да полъприруба, да половина сѣнника и подклѣта, да полмякинницы, и со всѣмъ угодьемъ, куды топоръ и коса и соха ходила. И того

мнѣ жеребья впустѣ не покинуть и дворъ вново починивать, а дани оброку въ тотъ льготный годъ не давать ни коихъ разрубовъ. А какъ отъидетъ льготный годъ, и мнѣ всякая подать платить со крестьяны вмѣстѣ. А покину язъ впустѣ землю въ той Прилучной деревнѣ, не насѣю и жильца и не посажу, и на мнѣ Григорьѣ по сей записи взяти старостѣ въ міръ рубль денегъ." (Ак. Юр. № 187). Здѣсь община является владѣльцемъ земли, хозяиномъ, а крестьянинъ жильцомъ, наемщикомъ, онъ прямо и пишетъ: „а покину язъ впустѣ землю той деревни, не насѣю и жильца не посажу". Община, какъ хозяинъ, даетъ своему жильцу разныя льготы и пособія, а жилецъ крестьянинъ за это обязывается, по долѣ принятой земли, нести слѣдующую долю тягла по мірскимъ разрубамъ. Что же касается до оброчной земли, то крестьянинъ, принимая ее у общины или у правительства, съ тѣмъ вмѣстѣ не принимаетъ никакихъ обязанностей, кромѣ условленнаго оброка. Оброчныя земли преимущественно состояли изъ разныхъ угодій и на нихъ не полагалось тягла. Вотъ отношенія крестьянина къ землѣ по одной оброчной грамотѣ на дикій лѣсъ въ Унженскомъ уѣздѣ: „И Первушкѣ Митюкову въ томъ дикомъ пустомъ лѣсу ходити и знамя дѣлати, и медвеной ему оброкъ и съ оброку пошлины съ пуда по пяти денегъ съ того дикаго лѣса въ государеву казну платити ежегодь безъпереводно." (ibid. № 172).

Такимъ образомъ отношенія крестьянина къ общинной землѣ были довольно ограниченны: онъ по записямъ получалъ ее отъ общины подъ тягло или подъ оброкъ, только для пользованія, а другихъ правъ на нее не имѣлъ. Но какъ по тяглу крестьянинъ дѣлался членомъ общины, то отсюда по необходимости вытекали многія права его на землю, какъ на общую собственность, а не какъ на чужую вещь, взятую въ пользованіе; отсюда на судѣ и вездѣ, гдѣ шло дѣло объ общинной землѣ крестьяне всегда называли „ее нашею землею, нашей волости, нашихъ деревень, и та деревня наша, этотъ починокъ нашъ" и подоб. Даже на судѣ въ тяжбѣ, съ посторонними, не волостными людьми, крестьянинъ защищалъ принадлежащій ему общинный участокъ земли, какъ свой собственный, и община въ это не вступалась, ежели крестьянинъ не просилъ ея помощи. Такъ напримѣръ, въ правой грамотѣ о пустошахъ въ спорѣ между Ферапонтовымъ монастыремъ и крестьянами Южской волости, отвѣтчиками были только двое крестьянъ, Салтыкъ да Вислъ Степановы дѣти Трутневы, покосившіе спорныя пустоши, и на судѣ они защищались одни, хотя и называли спорныя пустоши волостною землею и судомъ оправлены были также только они двое, а не всѣ крестьяне Южской волости, но

въ то же время спорныя пустоши были присуждены къ Южской волости (Ак. Юр , № 3). Или въ спорѣ Кириллова монастыря съ крестьянами Славенскаго Волочка истцами были только трое крестьянъ Славенскаго Волочка, у которыхъ Кирилловскіе отводчики отвели земли, а вся волость въ этомъ дѣлѣ не участвовала, какъ прямо говорятъ въ правой грамотѣ истцы: „отводчики Кирилловскіе отвели у меня Савки починокъ къ своей пустоши къ монастырской къ Кочевинской; а мнѣ, господине, тотъ лѣсъ дала волость, староста съ крестьяны, и язъ, господине, избу поставилъ; а то господине, лѣсъ великаго князя Волоцкой; а у меня, господине, Филиска да у Макуты отвели дворы, нашихъ деревень покосы.“ (Ак. Юр , № 6.) Кажется, крестьянинъ даже могъ продавать общинную землю, но съ тѣмъ условіемъ, что бы покупщикъ тянулъ съ купленной такимъ образомъ земли въ общинное тягло. Но вѣроятно продажа общинныхъ земель, безъ соблюденія сего условія, принадлежала не одному крестьянину, но цѣлой крестьянской общинѣ, а по княжимъ грамотамъ, мы знаемъ, что черныя земли не были исключены изъ продажи. Такъ въ одной грамотѣ князя Андрея Васильевича сказано: „пожаловалъ есми Злобу Васильева сына, ослободилъ ему на Вологдѣ купити земли на соху, боярскихъ, и служилыхъ и черныхъ тяглыхъ земель, кто ему продастъ.“ (А. Юр., стр. 18). Порядившись на общинную землю, крестьянинъ не могъ оставить ее не въ узаконенный срокъ и не выплативши за пожилое по Судебнику; въ противномъ случаѣ онъ считался бѣглымъ, и община имѣла право отыскивать его и возвращать на прежнее мѣстожительство. Но ограничиваемый общиною даже въ свободѣ оставить тяглую землю, крестьянинъ въ тоже время по землѣ имѣлъ право на покровительство и защиту отъ общины; при раскладкѣ податей и повинностей всѣ крестьяне общины имѣли равный голосъ, и всѣ общинныя дѣла производились съ общаго согласія всѣхъ крестьянъ, льготы ли или какія взысканія налагались на крестьянина по распоряженію всей общины.

На владѣльческой землѣ крестьянинъ былъ хозяиномъ своего участка и тянулъ съ него во всѣ общинные разрубы и разметы безъ отношенія къ землевладѣльцу: такъ, въ порядной записи 1576 года, данной двоими крестьянами Вяжицкому монастырю сказано: „живучи намъ на той деревни тягло государское всякое тянути съ волостью вмѣстѣ, какъ соху наставимъ.“ (Ак. Юр. № 178). Крестьяне на владѣльческой землѣ даже могли продавать свои участки и мѣняться ими по собственному усмотрѣнію, только увѣдомивши о томъ землевладѣльца или его приказчика. Такъ въ

уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря крестьянамъ села Пузырева, сказано крестьянамъ: „вольно вамъ межъ себя дворы и землями мѣняти и продавати, доложа прикащика; а кто продастъ свой жребій или промѣнитъ; и прикащику имати на томъ явки мѣноваго съ обѣихъ половинъ, на монастырь полполтины.“ (Ак. Ар. Эк. т. I. № 258). Въ отношеніи къ землевладѣльцу крестьянинъ за полученную землю принималъ на себя разныя владѣльческія повинности и оброки, согласно съ условіями, прописанными въ рядной записи; условія сіи были разнообразны, и иногда въ порядныхъ прописывались съ довольными подробностями. Такъ въ порядной, данной двоими крестьянами Вяжицкому монастырю въ 1590 году, сказано: „порядилися въ крестьяне на деревню на Высокое, на обжу на льготу на четыре лѣта; нынѣшняго 998 года поставити намъ на той Николины деревни на Высокомъ два дворы крестьянскіе, мнѣ Ждану поставити изба трехъ саженъ наземная да противо клѣть, да два клѣва, да межи хлѣвовъ два пристѣна; а мнѣ Кирилы на другомъ дворѣ поставити изба трехъ саженъ наземная, да противо клѣть, да два хлѣва, да межи хлѣвовъ два пристѣна. А пріити намъ жити на ту деревню въ 99 году, на Николинъ день на вешной, и пришедъ намъ на ту деревню на Высокое въ тѣ свои поставленные дворы, пашня распахать, и поля расчистити, и городьба около поль городити и луги росчистити. А жити намъ во льготѣ на той деревни съ Николина дня вешняго впередъ четыре годы, а въ тѣ льготные годы монастырскіе хлѣбные дани и денежныхъ оброковъ ничего не давати, и государевыхъ намъ податей въ тѣ во льготные лѣта своей пашни со обжи ни какихъ не платити, и монастырскаго ни котораго дѣла не дѣлати. Да намъ же пожаловалъ игуменъ съ братьею на распашку, на тѣ льготные лѣта къ пашни другую обжу пустую, а въ тѣ намъ во льготные лѣта изъ тое обжи въ монастырскую казну хлѣбные дани и денежныхъ оброковъ не давати ничего; а какъ тѣ льготные годы отойдутъ; и намъ въ монастырь давати послѣ льготныхъ лѣтъ своей пашни со обжи пятой снопъ изо всякаго хлѣба, а та намъ распашная пашня послѣ льготныхъ лѣтъ, которую намъ игуменъ пожаловалъ, въ монастырь игумену съ братьею отказали. А послѣ льготныхъ лѣтъ своей намъ съ пахотные обжи платити всякіе государевы подати съ волостью вмѣстѣ. А не поставимъ мы на той пустоши по своему договору и по записи дву дворовъ крестьянскихъ или непойдемъ жити на Николину деревню на Высокое; и игумену съ братьею взяти на насъ за дворовое поставленье и за нераспашку десять рублевъ Московская по сей рядной записи.“ (Ак. Юрид. № 186).

Здѣсь изложено отношеніе крестьянъ къ землевладѣльцу безъ владѣльческой подмоги или ссуды, а вотъ еще порядная съ владѣльческою подмогою, 1586 года: „Се язъ Никифоръ да язъ Софонтей Васильевы крестьяне Басланова, изъ деревни Замошья, дали есмя на себя запись въ томъ, что порядилися есми за Николу Чудотворца въ Заверяжьи на деревню на Липовецъ, на штину обжи, а взяли есмя подмогѣ два рубля Московскую, да льготы на два года въ монастырь дани не давати и не ходити на дѣло. А живучи намъ на той деревнѣ тягло государское всякое тянути съ волостью вмѣстѣ, какъ соху наставимъ; а за ту подмогу намъ и за льготу деревня распахати и поля огородити, и старые хоромы починити и новые поставити два хлѣва да мылня. И какъ пройдутъ тѣ льготные два годы; и намъ давати въ монастырь Николѣ Чудотворцу оброку по рублю по Московскому на годъ и на дѣло монастырское ходити, какъ иные крестьяне ходятъ. А не отживемъ мы тѣхъ льготныхъ дву годовъ, и деревни не расчиствъ и поль не огородивъ, и хоромъ старыхъ не починивъ и новыхъ не поставивъ, да пойдемъ вонъ; и намъ та подмога монастырская, два рубля Московская, по сей записи, отдати слугѣ Тимоѳею Павлову.“ (ibid. № 178). Иногда крестьяне и съ старымъ своимъ землевладѣльцемъ вступали въ новыя отношенія, т. е. принимали на себя болѣе или менѣе земли, и согласно съ нимъ принимали большія или меньшія обязанности. Такъ въ одной порядной 1582 года Прилуцкіе крестьяне вступаютъ въ новыя условія съ Прилуцкимъ же монастыремъ. Вотъ слова самой порядной записи: „Се язъ Яковъ Романовъ сынъ, да язъ Богданъ Максимовъ сынъ, есмя изъ Богородицкаго села Спасскаго Прилуцкаго монастыря крестьяне, порядилися есмя Спасскаго Прилуцкаго монастыря въ монастырское село въ Богородицкое, полвыти на жилую, ржи сѣяно въ земли пять четвертей, да денегъ есми взяли на ссуду полтина, пашня намъ пахати, земли не запереложити и въ ново чистити, и во дворѣ намъ поставити изба новая полутретьи сажени и старые хоромы починивати, а дани царскіе и оброки и всякіе подати государскіе давати, и въ монастырь всякой оброкъ хлѣбной платити сполна, и издѣліе намъ монастырское дѣлати, какъ и прочіе крестьяне.“ (ibid. № 182). Крестьяне новопришедшіе, неизвѣстные землевладѣльцу, принимались за порукою другихъ крестьянъ старожильцевъ. Такъ въ одной поручной 1585 года двое старожильцевъ Прилуцкаго монастыря села Богородицкаго пишутъ: „Поручилися есмя по Иванѣ по Миніевѣ сынѣ, въ томъ, что онъ порядился у Прилуцкаго монастыря у казначея у старца Сергія въ монастырской вотчинѣ въ селѣ Бо-

городицкомъ жити въ крестьянехъ на пашенной землѣ на полуплугѣ нынѣшняго 93 года Марта въ 25 день. А живучи мнѣ Ивану въ томъ селѣ въ Богородицкомъ, земля пахати и огороды городити, и дворъ починивати, издѣлье монастырское дѣлати, и подати платити, и монастырскій оброкъ по книгамъ платить.... А неучну язъ Иванко за Прилуцкимъ монастыремъ въ томъ селѣ Богородицкомъ жити и пашни пахати.... и на мнѣ на Иванкѣ и на моихъ поручникѣхъ взяти старцу Сергію въ казну пять рублевъ денегъ, а на то послуси Аврамей Онофріевъ, да Иванъ Архиповъ и проч. (ibid. № 290).

Подробности отношеній крестьянина къ землевладѣльцу, порядокъ крестьянскихъ работъ, оброки и повинности, у большихъ землевладѣльцевъ излагались обыкновенно въ особыхъ уставныхъ грамотахъ или волостныхъ книгахъ. Такъ въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, данной крестьянамъ села Пузырева въ 1561 году сказано: „Имати у васъ оброкъ хлѣбной съ 33-вытей, на годъ съ выти по четыре четверти ржи, да четыре четверти овса, въ новую въ городскую мѣру; да съ тѣхъ же вытей на годъ съ выти, на Госпожинъ день, по сыру по сухому, а нелюбъ сыръ, и за сыръ двѣ деньги, да въ осень на Покровъ Св. Богородицы 50 яицъ, по хлѣбу, да по калачу. А пашню пахать на монастырь въ селѣ Никольскомъ, а сѣяти семены монастырскими, съ выти по четверти ржи по двѣ четверти овса. А похощетъ прикащикъ сѣяти пшеницу, или жито, или горохъ, или гречю, или ленъ; и крестьяномъ то пахати, на которыхъ десятинахъ прикащикъ излюбитъ Такоже волостью на приказщика и на слугу и на доводчика крестьянамъ рожъ на хлѣбы и солодъ на квасъ молоти. Да съ тѣхъ же вытей съ выти привозити на монастырской дворъ по два возы дровъ да поленныхъ, по третьему возу сосновыхъ дровъ на квасы, да по 10 поленъ лучины. А повозъ везти къ Вологдѣ съ выти по лошади, а на лошадь везти по четыре четверти ржи, а овса по 6 четвертей.... а назадъ везти на тѣхъ же коняхъ на выть по полутретьядцати пудовъ соли.... А не случится крестьянамъ котораго году повозъ везти, ино на нихъ взяти за подводу по четыре гривны Московскую.... А дворъ монастырской и гумна крестьяномъ подѣловати, и которые хоромины пристарѣютъ и въ тѣхъ хоромъ мѣсто новыя хоромы ставити. И приказщика слушати во всемъ, и на монастырское дѣло ходити на солнечномъ всходѣ, какъ десятской вѣсть подастъ. А кто непридетъ, на томъ заповѣди прикащику двѣ деньги. А коли прикащикъ позоветъ на монастырское дѣло крестьянъ въ честь, сверхъ урочнаго дѣла; и кто придетъ и прикащику тѣхъ людей кормити монастырскимъ

хлѣбомъ." (Ар. Эк. т. I. № 258). Или въ уставной грамотѣ Патріарха Іова, 1590 года, Новинскому монастырю, между прочимъ, сказано: „И кто въ монастырскихъ селѣхъ учнутъ жити слугъ и крестьянъ, и крестьянамъ пахати на монастырь подъ рожъ по полуторѣ десятины, и навозъ возити на монастырскую пашню, сколько въ которомъ селѣ будетъ. сѣно косити, сколько въ которомъ селѣ будетъ: и на монастырь и на монастырской дворъ возити. И запасъ тѣмъ крестьяномъ на монастырь дѣлати всякой повытно по наказу и въ монастырь возити. Да имъ же молоть ржи монастырской по двѣ четверти но выть; да имъ же на монастырь возити съ выти по три возы дровъ, да по берну трехъсаженного лѣсу на кельи, гдѣ игуменъ купитъ берна или дрова, или изъ монастырскихъ рощь на монастырское строенье; а невелитъ игуменъ котораго году крестьяномъ дровъ возити, крестьяне даютъ на монастырь съ выти по алтыну за возъ.... А который крестьянинъ ослушается въ каковѣ монастырскомъ дѣлѣ; и игумену на ослушникѣ вилѣти прикащику взяти гривну въ монастырскую казну, а ослушника послати на монастырское дѣло. А который крестьянинъ овинъ пожжетъ съ монастырскимъ хлѣбомъ безхитростно; и на томъ крестьянинѣ хлѣбъ не взяти, а овинъ ставити волостью.... А на пустые выти игумену крестьянъ призывати, а прикащикамъ порука по нихъ имати съ записьми, чтобъ были люди добрые. А который крестьянинъ выйдетъ за волость по сроку съ отказомъ; и та выть пахати того села крестьяномъ, а тягль царя и великаго князя и монастырскіе подати давати всякіе и дѣло дѣлати и пока мѣста крестьянинъ на ту выть, а игумену въ ту выть невступатися. Да во всѣхъ селахъ и деревняхъ монастырскимъ крестьянамъ межъ себя дворовъ неогнаивати, а хоромы имъ въ тѣхъ мѣсто, которые обвѣтшаютъ, новые хоромы и городьбы городити. А который крестьянинъ выйдетъ изъ тѣхъ селъ за волость, дворъ огноивши; и тотъ дворъ ставить тѣхъ селъ крестьяномъ, которые останутся въ тѣхъ селѣхъ своими деньгами; потому чтобъ берегли другъ друга, чтобъ дворъ неогноенъ былъ." (Времен. № 2. смѣсь, стр 19)

По симъ двумъ образцамъ приблизительно можно видѣть въ какихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ были крестьяне въ XVI вѣкѣ; впрочемъ общихъ правилъ здѣсь не было, какъ уже свидѣтельствуютъ представленные образцы, все зависѣло отъ взаимныхъ условій крестьянина и землевладѣльца, особенно въ мелкихъ владѣніяхъ, гдѣ едвали и были какія уставныя грамоты. Одно только можно сказать, что при свободномъ переходѣ крестьянъ, слишкомъ большой разницы въ отношеніяхъ не было и не могло

быть: взаимная нужда въ рабочихъ и въ землѣ естественно установляли приблизительно одинакую цѣну на трудъ и землю. Это довольно ясно свидѣтельствуетъ и Новгородская переписная окладная книга 1500 года: въ ней изъ пятнадцати одинакихъ *) крестьянскихъ хозяйствъ, взятыхъ на удачу отъ разныхъ землевладѣльцевъ, три хозяйства платили каждое по барану, по пяти горстей льну и по трети изъ хлѣба; два хозяйства каждое по барану, по полти мяса, по девяти горстей льну, по четверти изъ хлѣба, по курицѣ, по коробьѣ солоду и по коробьѣ жъ хмѣлю; два хозяйства, каждое по гривнѣ деньгами, по бочкѣ пива, по пяти горстей льну, и по четверти изъ хлѣба; три хозяйства, каждое по барану, по пяти горстей льну и по половинѣ изъ хлѣба; одно хозяйство по три гривны деньгами и по три коробьи хлѣбомъ; одно хозяйство по 6 денегъ, по 2 коробьи ржи и по 2 коробьи овса; одно хозяйство по 7 денегъ, по овчинѣ, по 3 сыра, по 5 горстей льну, и треть изъ хлѣба; одно хозяйство по барану, по 10 горстей льну и треть изъ хлѣба; и одно хозяйство по 7 денегъ, полбочки пива, блюдо масла, сыръ и четверть изъ хлѣба.

Общее заключеніе о крестьянахъ XVI вѣка.

Вообще крестьяне въ XVI вѣкѣ получили полное развитіе своихъ правъ, какъ люди свободные, полноправные члены русскаго общества, составляющіе особый самостоятельный классъ. Въ XVI вѣкѣ законъ гласно призналъ за крестьянами всѣ ихъ права, выработанныя жизнію русскаго общества. По закону крестьяне въ XVI вѣкѣ рѣзко уже отличены и отъ наймитовъ, съ которыми смѣшивались по Русской Правдѣ, и отъ кабальныхъ слугъ, и отъ вольныхъ государевыхъ людей, или отъ гулящихъ людей, не состоящихъ въ тяглѣ, съ которыми ихъ можно было смѣшивать по Псковской Судной грамотѣ. Свободный переходъ крестьянъ съ одной земли на другую получилъ значительное облегченіе строгимъ отдѣленіемъ поземельныхъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ отъ отношеній по ссудамъ. Хотя состояніе въ тяглѣ по прежнему еще осталось препятствіемъ къ переходу крестьянъ, но это препятствіе значительно устранялось опредѣленіемъ платежа за пожилое, назначеннымъ въ Судебникахъ. Личность крестьянина, какъ полноправнаго члена въ обществѣ, пріобрѣла для себя сильную опору въ равенствѣ суда для всѣхъ классовъ обще-

*) Пахатной земли подъ рожь на 8 коробей, и сѣнокоса на 40 копенъ въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ.

ства и въ пенѣ за безчестье, утвержденныхъ закономъ, а также въ зависимости отъ крестьянской же общины, а не отъ произвола землевладѣльцевъ. А крестьянскія общины, безъ различія на владѣльческихъ ли, или на черныхъ земляхъ, получили такую самостоятельность и такія права собственнаго суда и управленія, какими прежде рѣдко пользовались самые богатые и сильные землевладѣльцы, и почти совершенно сравнялись съ городскими общинами. Самое владѣніе землею получило больше прочности и самостоятельности противъ прежняго времени. Конечно община или землевладѣлецъ по прежнему могли еще сослать неисправнаго крестьянина съ земли; но они не имѣли права убавить или прибавить участокъ земли противъ порядной записи; земля, составляющая тягловую долю крестьянина, оставалась неприкосновенною, пока крестьянинъ исправно тянулъ съ нее тягло; власть его надъ симъ участкомъ простиралась до того, что онъ могъ мѣнять и продавать его людямъ, соглашающимся нести тягло. Иногда крестьяне до того простирали свою власть на землю, принадлежащую частнымъ владѣльцамъ, что удерживали ее за собою противъ воли собственниковъ; и собственники, чтобы сослать таковаго крестьянина съ ихъ земли, должны были прибѣгать къ помощи правительства *). Конечно это со стороны крестьянъ было явное злоупотреленіе; но самая возможность таковаго злоупотребленія уже свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи крестьянской самостоятельности; древній закупъ Русской Правды вѣроятно не имѣлъ возможности высказать подобное злоупотребленіе своей силы.

Но рядомъ съ обширнымъ развитіемъ и законнымъ признаніемъ крестьянской полноправности, XVI вѣкъ представляетъ постепенное стѣсненіе матеріальныхъ средствъ въ крестьянствѣ. Земля, этотъ основный капиталъ земледѣльца, незамѣтно, но быстро, ускользаетъ изъ крестьянскихъ рукъ. Государи Московскіе, Іоаннъ III и Іоаннъ IV, такъ много сдѣлавшіе для развитія крестьянской полноправности, едва ли не въ большихъ размѣрахъ способствовали къ постепенному переходу земли изъ крестьянскихъ рукъ въ руки служилыхъ людей, или въ непосредственное распоряже-

*) Такъ въ 1533 году Богословскій монастырь билъ челомъ великому князю Василью Ивановичу о высылкѣ съ монастырской земли крестьянина Ивана Батурина, а въ челобитной было написано, „что тотъ крестьянинъ жилъ за Богословскимъ игуменомъ на льготѣ, да льготу отсидѣлъ, а пошлинъ никоторыхъ не платитъ, ни подъ судъ ся имъ недаетъ, а живетъ у нихъ на томъ селищѣ сильно." И монастырь самъ собою не могъ выгнать этого крестьянина; а долженъ былъ идти на судъ къ государеву дворецкому, и уже по суду дворецкаго крестьянину данъ былъ мѣсячный срокъ очистить монастырскую землю. (Ак. Ист. т. I. № 131).

ніе правительства. Признавая всю землю государственною, безъ различія въ чьихъ бы частныхъ рукахъ она ни была, они постоянно имѣли въ виду, чтобы земля изъ службы невыходила, и по сему смѣло измѣняли ея назначеніе, соображаясь съ тѣмъ, гдѣ служба земли представлялась болѣе выгодною для государства. Оказывалась ли у правительства нужда въ деньгахъ,—земли большими массами отдавались на оброкъ; нужны ли были служилые люди,—земли поступали въ помѣстныя и вотчинныя дачи; встрѣчались ли недочеты въ оброчномъ содержаніи,—земля переводилась на прямое государственное тягло по общиннымъ разрубамъ и разметамъ; и вообще на каждое новое требованіе; на каждую нужду правительства отвѣчала земля. Конечно, почти все это дѣлалось и прежде, но далеко не въ тѣхъ громадныхъ размѣрахъ, какъ въ XVI столѣтіи. Мы знаемъ, что удѣльные князья въ прежнее время раздавали земли и въ помѣстья и въ вотчины, и отдавали на оброкъ; но эта раздача по самой уже слабости удѣльнаго правительства была слишкомъ ограничена. Но совсѣмъ въ иномъ положеніи находились государи Московскіе въ XVI вѣкѣ. Завоеваніе Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани и другихъ огромныхъ земель и совершенное уничтоженіе удѣловъ, поставили ихъ на такую высоту, что съ ихъ государственною властію власть прежнихъ князей нельзя уже и сравнивать: въ прежнее время князья большею частію смотрѣли изъ рукъ народа, а у Московскихъ государей XVI вѣка народъ сталъ смотрѣть изъ ихъ рукъ, и какъ милость получалъ отъ нихъ утвержденіе неприкосновенности своихъ правъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ, по совершенномъ покореніи Новгорода, какъ свидѣтельствуетъ переписная окладная Новгородская книга 1500 года, въ Вотьской пятинѣ около четверти всѣхъ земель перевелъ на оброкъ, и можетъ быть около трети отдалъ въ помѣстья своимъ служилымъ людямъ, а остальное предоставилъ монастырямъ и земцамъ Новгородскимъ; таковыя же распоряженія Московскихъ государей, по свидѣтельству лѣтописей, были въ Твери, Псковѣ, Смоленскѣ, Казани и въ другихъ земляхъ, присоединенныхъ къ Москвѣ. Московскіе служилые люди и переселенцы охотно садились въ завоеванныхъ земляхъ, розданныхъ имъ щедрою рукою, и конечно не гнались за тѣмъ, что богатое государское жалованье имъ давалось съ непремѣннымъ условіемъ службы, на помѣстномъ правѣ, или съ иными какими ограниченіями; ибо богатство государскаго жалованья съ лихвою выкупало невыгоды службы и другія ограниченія. Переселенцы же изъ завоеванныхъ земель въ Московскія волости рады были занимать отведенныя имъ земли на условіяхъ, назна-

ченныхъ правительствомъ, лишь бы вовсе не остаться безъ земель. Такимъ образомъ огромныя завоеванія Московскихъ государей въ XVI вѣкѣ не только распространили Московскія владѣнія на всю Русскую землю и даже далеко за ея прежніе предѣлы; но и способствовали къ тому, чтобы всю землю, состоящую въ Московскихъ владѣніяхъ, мало по малу ввести въ службу и въ тягло; ибо за новыми поселенцами изъ завоеванныхъ земель, легко было распространить тяжести службы и тягла и на старожильцевъ во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ.

Въ царствованіе царя Ивана Васильевича особенно была развита раздача земель въ помѣстья и вотчины служилымъ людямъ; упорныя и продолжительныя войны сего государя съ Казанью, Ливоніею, Польшею и Швеціею требовали постоянно огромныхъ войскъ, какихъ не бывало при прежнихъ Русскихъ государяхъ; такъ еще въ первую Литовскую войну, бывшую въ 1535 году, Псковскій лѣтописецъ насчитываетъ до полутораста тысячъ воиновъ; Казанскіе походы вѣроятно были еще многолюднѣе; въ походѣ на Полоцкъ, одной только посохи съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ было 80 тысячъ человѣкъ; во время войны съ Баторіемъ, у царя подъ Старицею было собрано 300 тысячъ войска, и наконецъ по всей Украинской линіи, противъ Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ, каждое лѣто стояли полки по Окѣ и по другимъ рѣкамъ, и сторожи по городкамъ и засѣкамъ отъ Алатыря до Путивля. Такимъ образомъ въ царствованіе Іоанна IV Московское государство въ разные годы имѣло по крайней мѣрѣ до милліона войска разныхъ названій и разныхъ способовъ содержанія; изъ сихъ войскъ по крайней мѣрѣ половина т. е до полумилліона людей, постоянно получали на свое содержаніе помѣстныя дачи, а судя потому, что въ 1500 году, въ царскомъ приговорѣ, на 1,050 человѣкъ бояръ и дѣтей боярскихъ, изъ помѣщенныхъ въ Московскомъ уѣздѣ отъ Москвы за 60 и за 70 верстъ, было начначено 118,000 чети земли, должно допустить, что къ концу царствованія Іоанна IV было въ помѣстной раздачѣ по крайней мѣрѣ до 50 милліоновъ четвертей земли *). Кромѣ того на со-

*) Царь Иванъ Васильевичь могъ раздавать земли въ такихъ размѣрахъ безпрепятствено и во вновь покоренныхъ краяхъ и въ старыхъ Московскихъ владѣніяхъ; ибо при свободномъ переходѣ крестьянъ и при зависимости ихъ не столько отъ землевладѣльцевъ, сколько отъ своихъ общинъ, права крестьянъ почти нисколько не нарушались при переходѣ земель изъ одного владѣнія въ другое. Крестьяне, при переходѣ черной земли въ помѣстное или вотчинное владѣніе, конечно должны были нести подати и въ пользу государства и въ пользу помѣщика или вотчинника; но на дѣлѣ подати сіи отнюдь не были двойными, ибо по сошной раскладкѣ съ помѣстныхъ или вотчинныхъ

держаніе во время походовъ другаго полмилліона войскъ не получавшихъ помѣстій, а также для пособія и помѣщикамъ въ военное время, нужны были огромныя суммы денегъ. Ежели въ 1563 году, самому послѣднему разряду войскъ, посохѣ, для Полоцкаго похода давалось по 5 рублей конному и по 2 рубля пѣшему воину *), а въ то время 6 рублей равнялись фунту серебра; слѣдовательно, для Полоцкаго лишь похода на одну посоху, которой тамъ было 80 т. человѣкъ, должно было собрать по крайней мѣрѣ 180,000 рублей или 30 т. фунтовъ серебра; то какое же огромное количество денегъ нужно было на веденіе всѣхъ войнъ, бывшихъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ? А едва ли не большую часть всѣхъ издержекъ должна была выплачивать земля, записанная въ тяглѣ.

Принимая въ соображеніе такія огромныя траты земли и денегъ, естественно положеніе крестьянъ, въ XVI вѣкѣ должно было сдѣлаться тяжелымъ и по мѣстамъ не выносимымъ, особенно тамъ, гдѣ производились военныя дѣйствія, сопровождаемыя по обычаю страшнымъ грабежомъ и опустошеніями. А посему насъ нисколько не должны удивлять огромныя пространства пустопорожнихъ земель, указываемыя писцовыми книгами XVI вѣка, и другими памятниками. А тѣмъ меньше мы должны приписывать таковыя запустѣнія свободному переходу крестьянъ; самые памятники вездѣ жалуются и приписываютъ запустѣніе не свободному переходу, а другимъ причинамъ, голоду, повальнымъ болѣзнямъ, войнѣ, плохому хозяйству землевладѣльцевъ и тяжести податей и повинностей **).

земель шло въ казну почти вдвое менѣе, чѣмъ съ черныхъ земель, и сверхъ того крестьяне въ помѣщикѣ или вотчинникѣ находили своего покровителя и часто помогателя ссудою; а ежели онъ былъ тяжелъ для нихъ, то они могли свободно оставлять его земли.

*) Псков. Лѣт. I. стр. 314.

**) Такъ напримѣръ писцовая Новгородская книга 1582 года, описывая запустѣлыя имѣнія въ Климецкомъ погостѣ, въ итогѣ заключаетъ: „а запустѣли тѣ деревни до войны отъ хлѣбнаго недороду и отъ повѣтрія" (стр. 3). Или въ другомъ мѣстѣ таже книга запустѣніе имѣній приписываетъ смерти или удаленію помѣщиковъ; такъ въ описаніи Спасскаго погоста на Оредежи, объ одномъ запустѣломъ имѣніи сказано: „А Гридя да Иванъ (помѣщики) померли тому 30 лѣтъ, а ихъ помѣстье запустѣло отъ тѣхъ же мѣстъ". Или о другомъ запустѣломъ имѣніи: „А Иванъ (помѣщикъ) то помѣстье покинулъ, а самъ съѣхалъ къ Москвѣ, тому 12 лѣтъ, а помѣстье запустѣло отъ тѣхъ же мѣстъ" (стр. 6). Таже писцовая книга въ разныхъ мѣстахъ упоминаетъ о цѣлыхъ волостяхъ и погостахъ сженыхъ и воеванныхъ и вообще запустѣлыхъ отъ войны. Или одна правая грамота 1561 года свидѣтельствуетъ, что деревни иногда пустѣли отъ нехозяйства землевладѣльцевъ; въ грамотѣ истецъ говоритъ на судѣ: „И Некрасъ, господине,

Свободный же переходъ крестьянъ ни въ одномъ памятникѣ не выставляется причиною запустѣнія земель; да и дѣйствительно, съ земли выгодной, неопустошенной, необремененной невыносимыми податями и повинностями, и при свободѣ перехода, крестьянинъ не имѣлъ надобности переходить; перемѣна мѣстожительства для земледѣльца по самой природѣ его промысла, весьма неудобна и отяготительна, а посему онъ рѣшается на нее только въ самой крайности. И наши новые историки напрасно обвиняютъ Русскихъ крестьянъ XVI столѣтія въ бродячести и неусидчивости; по свидѣтельству памятниковъ, и въ XVI столѣтіи въ селахъ и деревняхъ много бывало старожильцевъ, жившихъ по 60 и 80 лѣтъ въ одной деревнѣ, и наслѣдовавшихъ свои дворы и земли отъ отцевъ и дѣдовъ. А ежели по писцовымъ книгамъ и много встрѣчается запустѣвшихъ селъ и деревень, то мы уже частію видѣли причины таковаго запустѣнія; эти же причины одинаково дѣйствовали и по прекращеніи свободнаго перехода крестьянъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ оставленія земель крестьянами, въ слѣдствіе опустошенія или несоразмѣрнаго отягощенія податями и повинностями, подати и повинности еще невыносимѣе ложились на крестьянъ, оставшихся на своихъ мѣстахъ; ибо за опустѣлыя выти по порядку платили живущія выти до составленія новыхъ писцовыхъ книгъ. А это породило новое искусственное запустѣніе земель, особенно у помѣщиковъ и вотчинниковъ многоземельныхъ и богатыхъ, желавшихъ привлечь къ себѣ побольше крестьянъ, и въ тоже время расчитывавшихъ облегчить имъ разныя повинности и казенныя подати не на свой счетъ, а на счетъ казны. Они это дѣлали обыкновенно такъ: при составленіи писцовыхъ книгъ всѣми мѣрами старались показать за собою земли сколько можно менѣе въ живущемъ и сколько можно болѣе въ пустѣ, дабы такимъ образомъ, въ общей раскладкѣ, писцы на ихъ имѣнія, какъ пустующія, положили менѣе податей. Для этой цѣли они обыкновенно, во время составленія писцовыхъ книгъ, удаляли крестьянъ съ своихъ земель, даже прятали въ лѣсахъ, а по

живучи въ той вотчинѣ, да тѣ деревни запустошилъ; и какъ господине, Некрасъ постригся; а тѣ деревни пусты". (Ак. отн. до юрид. быта, стр. 219). Или еще правая грамота 1571 года указываетъ, что даже крестьяне своеземцы продавали или оставляли свои земли отъ тяжести податей и повинностей и вообще волостныхъ разрубовъ; въ грамотѣ сказано: „Се язъ Елизарей Ѳедоровъ сынъ, да язъ Павелъ Анкидиновъ сынъ отступилися есми Тимофею да Гаврилу Барсану Сильвестровымъ дѣтемъ великаго князя земли, а своего владѣнья, половины своего жеребья.... а неизмогли есмя В. князя службы служити и дани давати и всякихъ разрубовъ земскихъ" (Ат. Юр. № 23).

составленіи книгъ, или опять приглашали на старыя поселенія, или переманивали къ себѣ съ общинныхъ земель и отъ небогатыхъ землевладѣльцевъ, неумѣвшихъ показать свои земли запустѣлыми. При общемъ отягощеніи крестьянъ казенными податями и повинностями, таковая уловка богатыхъ землевладѣльцевъ почти всегда удавалась, и крестьяне охотно шли на ихъ земли, значительно такимъ образомъ облегченныя въ несеніи казенныхъ податей и повинностей противъ другихъ земель; въ случаѣ нужды, богатые землевладѣльцы употребляли и насиліе для переведенія крестьянъ, а въ слѣдъ за богатыми землевладѣльцами тоже дѣлали и черныя волости, гдѣ случались ловкіе начальники*). О таковыхъ продѣлкахъ, очень невыгодныхъ для казны и невыносимо тягостныхъ для крестьянъ, мы имѣемъ свидѣтельства въ оффиціальныхъ памятникахъ XVI столѣтія. Такъ въ царской грамотѣ Новгородскимъ дьякамъ, отъ 20 Января 1556 года, сказано, что по всѣмъ Новгородскимъ пятинамъ при описи 1554 года многія земли названы пустыми, а послѣ по розыску оказалось, что „многіе обжи за дѣтьми боярскими паханы и кошены, а въ первыхъ обыскѣхъ писаны пусты непаханы и некошены.“ И царь писалъ къ дьякамъ: „И вы бъ дьяки наши того сыскавъ допряма, да на тѣхъ людехъ, кто тѣ пустые обжи пашетъ и коситъ, и на тѣхъ кто въ обыску зимѣ сказывалъ, что тѣ обжи пусты, а опослѣ того есте сыскали, что тѣ обжи не пусты, наши всякіе подати и на прошлые лѣта доправили вдвое.... А сыскивали бы накрѣпко, чтобъ у васъ живущаго впустѣ неписали.“ (Дополн. къ Ак. Ист. т. I. № 93). Здѣсь вѣроятно обманъ былъ замѣченъ преимущественно по своей обширности, ибо неправильно пустующими землями оказались многія обжи по всѣмъ пяти Новгородскимъ пятинамъ; а не столько рѣзкіе обманы очевидно сходили съ рукъ и ложились страшнымъ гнетомъ на земледѣльцевъ, отъ чего рождалось новое запустѣніе, цѣлыя селенія разбѣгались по сторонамъ, кто къ сильнымъ землевладѣльцамъ, кто въ наемные работники, кто въ стрѣльцы; кто въ казаки, кто даже въ холопи.

Всѣ частныя мѣры для поправленія этого дѣла явно оказывались недѣйствительными; а Судебникъ и дополнительныя къ нему узаконенія царя Ивана Васильевича, облегчившія свободный пере-

---

*) Такъ въ 1579 году сельскій приказщикъ съ крестьянами Покровскаго дѣвичьяго монастыря жалуются на приказщика Дубиловскихъ государевыхъ деревень, что онъ съ государевыми крестьянами напалъ многолюдствомъ на монастырское село Хренелево, пограбилъ его и увезъ съ собою двухъ монастырскихъ крестьянъ. (Ак. Юр. № 46).

ходъ крестьянъ и утвердившія ихъ общественную самостоятельность, сдѣлали свое дѣло и не могли идти дальше; они дали правительству средства свободно распоряжаться землями и обратить ихъ на службу государству; но когда дошло дѣло до самихъ крестьянъ, то оказалась необходимость въ новыхъ узаконеніяхъ, на которыя царь Иванъ Васильевичъ не могъ уже рѣшиться въ явное противорѣчіе съ своими прежними законами. Онъ ограничивался только строгими розысками, чтобы владѣльцы жилыхъ земель не писали пустыми и крестьянъ не таили; но эти розыски естественно не всегда были удачны и производили только запутанности и проволочки, а между тѣмъ волости пустѣли, крестьяне раззорялись, и сборъ податей терпѣлъ недочеты. Царь предпринималъ и другія мѣры, такъ въ 1551 году запретилъ епископамъ, монастырямъ и церквамъ пріобрѣтать села и деревни безъ доклада государю (А. А. Э. т. I № 227); потомъ въ 1581 году и совершенно запретилъ духовенству вновь пріобрѣтать недвижимыя имѣнія; въ соборномъ приговорѣ этого года сказано: „а митрополиту и владыкамъ или монастыремъ земель не покупати, и въ закладѣ не держати: а кто послѣ сего уложенья купитъ землю, или закладную учнетъ за собою держати, и тѣ земли имати на государя.“ (ibid. № 308). Сверхъ того, по этому же приговору, духовенство отказалось въ пользу казны отъ всѣхъ недвижимыхъ имѣній, находившихся въ то время у него въ залогѣ, и отъ имѣній данныхъ служилыми князьями. Но сіи и подобныя мѣры, конечно, только давали новыя средства казнѣ, сбора же податей тѣмъ не менѣе не облегчали. и онъ лежалъ какимъ то гнетомъ на тяглыхъ людяхъ, крестьянскія общины болѣе и болѣе подвергались запустѣнію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и большему раззоренію. Такъ что самая юридическая самостоятельность и общественное значеніе сихъ общинъ, утвержденныя за ними законами Іоанна IV-го, послужили имъ къ большему отягощенію: ибо съ одной стороны, не смотря на свою самостоятельность и значеніе, они были слишкомъ безсильны предъ громадными силами правительства, а съ другой стороны самая юридическая самостоятельность подвергала ихъ неумолимой отвѣтственности передъ правительствомъ, по самому ходу дѣлъ, требовавшимъ огромныхъ пожертвованій.

Такимъ образомъ крестьяне въ продолженіи пяти вѣковъ, отъ Русской Правды почти до конца XVI столѣтія, пользуясь свободнымъ переходомъ съ одной земли на другую, мало по малу развились въ отдѣльный самостоятельный классъ русскаго общества, пользующійся юридической полноправностію наравнѣ съ другими

классами общества, и въ то же время, и частію вслѣдствіе того же свободнаго перехода съ одной земли на другую, незамѣтно очутились въ таковомъ тяжеломъ и безотрадномъ положеніи, что находили болѣе выгоднымъ остаться вовсе безземельными батраками и даже холопами, лишь бы только освободиться отъ тягла, лежащаго на землѣ. Но, очевидно, и въ этомъ тяжеломъ положеніи любовь крестьянъ къ слободѣ и самостоятельности была такъ велика, что сравнительно не многіе рѣшались мѣнять безотрадную и тяжелую жизнь крестьянина—на жизнь боярскаго холопа, свободную отъ тяжестей тягла и обезпеченную боярскимъ содержаніемъ; лучшимъ доказательствомъ сему служатъ писцовыя книги, въ которыхъ на сто дворовъ крестьянскихъ не приходилось и десяти дворовъ людскихъ или холопскихъ; не смотря на то, что по Судебнику переходъ изъ крестьянства въ холопи былъ свободенъ.

ПОСЛѢДУЮЩЕЕ ВРЕМЯ.

(КРѢСТЬЯНЕ ПРИКРѢПЛЕННЫЕ КЪ ЗЕМЛѢ).

Когда и какъ послѣдовало прикрѣпленіе.

По смерти царя Ивана Васильевича, въ первые годы царствованія Ѳедора Ивановича, подати въ царскую казну и разные налоги и повинности, лежащіе на землѣ, не могли значительно уменьшиться; ибо дѣла съ Крымомъ, Литвою и Швеціею были въ такомъ положеніи, что Московское правительство находилось въ постоянной необходимости содержать огромное войско и имѣть въ запасѣ большія суммы денегъ и другихъ средствъ, на случай войны съ тѣмъ или другимъ изъ трехъ немирныхъ сосѣдей. А посему крестьяне по прежнему терпѣли крайнее отягощеніе, по прежнему села и деревни больше пустѣли, чѣмъ населялись, по прежнему землевладѣльцы и общины постоянно заботились о томъ, чтобы больше показывать пустующихъ земель въ ущербъ казны или въ отягощеніе сосѣдей, неуспѣвшихъ показать свои земли впустѣ. Таковое крайне разстроенное положеніе финансовыхъ дѣлъ и отягощеніе народа наконецъ вызвали Московское правительство къ новой, доселѣ небывалой мѣрѣ — къ общему прикрѣпленію свободныхъ крестьянъ къ землѣ. Когда именно, въ которомъ году, состоялась эта новая мѣра, совершенно измѣнившая жизнь русскихъ крестьянъ — мы не знаемъ, ибо первоначальный указъ о прикрѣпленіи до насъ не сохранился, или пока еще не отысканъ *).

*) Въ нашей учено—исторической литературѣ есть мнѣніе, что указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ изданъ въ 1592 или 1593 году, мнѣніе это основывается на томъ, что въ указѣ 1597 года положено давать судъ въ бѣглыхъ крестьянахъ за 5 лѣтъ до 1597 года; отсюда заключаютъ, что крестьяне были прикрѣплены только за 5 лѣтъ до этого года, слѣдовательно, въ 1592 или 1593 году. Но съ такимъ заключеніемъ со-

Равнымъ образомъ неизвѣстно и то, въ какой формѣ первоначально была введена эта новая мѣра, способствовавшая въ послѣдствіи грустному развитію рабства въ Россіи. Впрочемъ со всею вѣроятностію можно допустить, что указъ сей послѣдовалъ въ первые годы царствованія царя Ѳедора Ивановича.

Не имѣя на лицо первоначальнаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, мы не иначе можемъ опредѣлить значеніе этого прикрѣпленія, какъ по тѣмъ даннымъ, которыя представляютъ ближайшіе указы и другіе того же времени памятники, относящіеся къ сему предмету. Ближайшій указъ, упоминающій о прикрѣпленіи, относится къ 1597 году. Въ немъ сказано: „которые крестьяне изъ за бояръ и другихъ владѣльцовъ съ помѣстей и вотчинъ выбѣжали пять лѣтъ тому назадъ; и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, помѣщикамъ и вотчинникамъ, за которыми они выбѣжавъ живутъ, давать судъ съ тѣми помѣщиками и вотчинниками, отъ которыхъ крестьяне бѣжали, и сыскивать накрѣпко всякими сыски; и по суду и по сыску быглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми, и со всѣми ихъ животы возить назадъ, гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне бѣжали лѣтъ за шесть, за семь, за десять и больше, а тѣ помѣщики или вотчинники, изъ за кого они выбѣжали, на тѣхъ своихъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ за кѣмъ они живутъ, по нынѣшній 106 годъ не били челомъ; и государь царь и великій князь на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, указалъ суда не давати, и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не возити". (Ак. истр. т. I, стр. 417—418). Потомъ указъ отъ 21 Ноября 1601 года свидѣтельствуетъ, что и крестьяне дворцовые и черныхъ волостей также были прикрѣплены къ землѣ. (Судеб. Татищ. стр. 126). Такимъ образомъ по прямому свидѣтельству сихъ двухъ указовъ, мы узнаемъ, что прикрѣплены были къ землѣ всѣ крестьяне, безъ различія, на какихъ бы земляхъ они ни жили, на дворцовыхъ ли, на черныхъ ли, на помѣщичьихъ, или на вотчинничьихъ; слѣдовательно, переходъ крестьянъ былъ отмѣненъ совершенно и повсемѣстно; крестьяне, переходившіе отъ одного владѣльца къ другому, стали уже называться бѣглыми, и владѣльцы, отъ

гласиться нельзя: указъ 1597 года нисколько не указываетъ на годъ перваго прикрѣпленія, и узаконяетъ только пятилѣтній срокъ давности для суда о бѣглыхъ крестьянахъ, точно также какъ этотъ срокъ узаконенъ приговорамъ 1605 года, или какъ указомъ 1640 года узаконенъ для сего же десятилѣтній срокъ. Впрочемъ должно согласиться, что прикрѣпленіе послѣдовало не раньше 1590 года: ибо въ одной уставной грамотѣ этого года, признается еще вольный переходъ крестьянъ на прежнихъ основаніяхъ (Временникъ № 2, смѣсь стр. 17).

которыхъ они ушли, получили право отыскивать ихъ судомъ и возвращать на прежнія мѣста въ свои помѣстья и вотчины. Мало этого. прикрѣпленіе объявлено обязательнымъ не только для крестьянъ, но и для землевладѣльцевъ; ибо по указу отъ 24 Ноября 1597 года узаконены иски не только на самихъ бѣглыхъ крестьянъ, но и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, или ихъ прикащиковъ, которые держатъ бѣглыхъ на своихъ земляхъ.

Эта новая рѣшительная мѣра, по обстоятельствамъ того времени, можетъ быть, извинительная, произвела страшный переворотъ, не бывалый въ русскомъ государствѣ. Указъ о прикрѣпленіи за одинъ разъ раздѣлилъ сословіе крестьянъ до того времени цѣлое и нераздѣленное, на два разряда, на крестьянъ дворцовыхъ и черныхъ земель, и на крестьянъ владѣльческихъ, или частныхъ земель. Конечно, это раздѣленіе первоначально было неощутительно, и всѣ невыгодныя послѣдствія его сначала не замѣчались. Но уже съ перваго раза лишеніе свободы перехода крестьянъ съ одной земли на другую, и недозволеніе землевладѣльцамъ отпускать неугодныхъ крестьянъ и принимать угодныхъ, показалось крайне отяготительнымъ, какъ для крестьянъ, такъ и для землевладѣльцевъ; обѣ стороны приняли указъ какъ явное нарушеніе правъ личности, а другіе какъ нарушеніе правъ собственности*). Судамъ и тяжбамъ, обидамъ и притѣсненіямъ не было счету; такъ что по свидѣтельству указа отъ 21-го Ноября 1601 года правительство само нашлось въ необходимости позаботиться о прекращеніи налоговъ и продажъ, какъ выражено въ указѣ. Явно, что новый порядокъ пока нравился только одной казнѣ, которая при немъ находила болѣе средствъ сбирать бездоимочно подати; землевладѣльцы старались обойти его, и вообще тяготились имъ; и это продолжалось не годъ, не два, а болѣе ста лѣтъ; въ продолженіи всего XVII вѣка, и даже въ началѣ XVIII вѣка прави-

---

*) Нашъ безсмертный поэтъ, хорошо изучившій Русскую исторію, влагаетъ въ уста князю Шуйскому вотъ какія слова относительно прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ:

„Вотъ Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ,
Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
Корми его! Не смѣй переманить
Работника! Не то—въ Приказъ Холопій.
Ну слыхано ль хоть при Царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.“

(Борисъ Годуновъ, Пушкина, изд. Анненкова т. IV, стр. 274.)

тельство должно было поддерживать этотъ порядокъ силою и преслѣдовать бѣглыхъ крестьянъ, и землевладѣльцевъ, принимавшихъ ихъ, какъ ослушниковъ закона. Нерасположеніе общества къ новому порядку первоначально такъ было сильно, что правительство нѣсколько времени колебалось—поддерживать ли новый порядокъ, ненавистный обществу, или обратиться къ старому, и, на основаніи Судебниковъ, допустить свободный переходъ крестьянъ; и ежели бы не смуты самозванщины и междуцарствія, то не мудрено, что старый порядокъ, можетъ быть, и одержалъ бы верхъ надъ новымъ. Это уже частію замѣтно изъ указовъ 1597 и 1601 и 1602 годовъ.

Такъ указомъ 1597 года отъ 24 Ноября, хотя переходъ крестьянъ съ владѣльческихъ земель, отъ одного владѣльца къ другому, и былъ запрещенъ, и владѣльцы имѣли право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ судомъ; но пятилѣтній срокъ давности былъ очень коротокъ, и крестьяне, укрываясь гдѣ нибудь пять лѣтъ, на шестой годъ могли свободно водвориться гдѣ угодно, и прежній владѣлецъ не могъ уже искать ихъ судомъ, терялъ на нихъ всякое право. Этотъ же пятилѣтній срокъ былъ узаконенъ и боярскимъ приговоромъ въ 1606 году отъ 1-го Февраля (Ак. Ар. Эк. т. II. № 40). А указы царя Бориса Ѳедоровича, отъ 28 Ноября 1601 г. и отъ 24 Ноября 1602 г., и память Новгородскимъ патиконецкимъ старостамъ отъ 30 Ноября того же года, прямо показываютъ на невольный оборотъ правительства къ старому порядку, утвержденному Судебникомъ. Царь въ обоихъ указахъ пишетъ: „которые крестьяне похотятъ изъ за кого идти во крестьяне жъ; и тѣбъ всѣ люди промежъ себя отказывали и возили по сему нашему указу въ Юрьевъ день, да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли, а изъ за которыхъ людей учнутъ крестьянъ отказывати, хлѣбъ люди крестьянъ изъ за себя выпускали со всѣми ихъ животы, безо всякіе зацѣпки, и во крестьянской бы возкѣ промежи всѣхъ людей боевъ и грабежей не было и сильно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ бы имъ ни которыхъ не дѣлали. А кто учнетъ крестьянъ грабити и изъ за себя не выпускати; и тѣмъ отъ насъ быти въ великой опалѣ. А пожилого бъ платили за дворъ рубль два алтына, а иныхъ бы продажъ крестьянамъ не дѣлали никто ни въ чемъ.“ (А. А. Э. т. II. № 20, 23 и 24) Здѣсь опять узаконяется весь старый порядокъ Судебниковъ, и Юрьевъ день, и плата за пожилое, и неприкосновенность крестьянской собственности. Правду сказать, что настоящими указами дозволялся прежній свободный переходъ крестьянъ не со всѣхъ земель, именно, въ первомъ

указѣ запрещенъ переходъ крестьянъ въ значительныхъ имѣніяхъ и вообще въ Московскомъ уѣздѣ; въ указѣ сказано: „А въ дворцовыя села и въ черныя волости, и за патріарха, и за митрополиты, и за архіепископы, и за владыки и за монастыри, и за бояръ, и за окольничихъ, и за дворянъ большихъ и за приказныхъ людей и за дьяковъ, и за стольниковъ, и за стряпчихъ, и за головъ стрѣлецкихъ, и изъ за нихъ, въ нынѣшнемъ во 110 году, крестьянъ возити не велѣти. А въ Московскомъ уѣздѣ всѣмъ людямъ промежъ себя, да изъ иныхъ городовъ въ Московскій уѣздъ потомужъ крестьянъ неотказывати и невозити.“ Тоже почти повторено и въ указѣ 1602 года. Но это исключеніе значительныхъ имѣній доказываетъ только то, что правительство, рѣшась обратиться къ старому порядку, въ тоже время хотѣло, чтобы это допущеніе стараго порядка было въ полномъ его распоряженіи, чтобы оно знало въ какомъ классѣ земель дозволенъ переходъ крестьянъ въ одномъ году, въ какомъ въ другомъ году, чтобы самое назначеніе перехода зависѣло отъ самаго правительства. Такъ, по дошедшимъ до насъ двумъ вышеприведеннымъ указамъ, дозволялся переходъ, въ 1601 и 1602 годахъ, только между мелкими владѣльцами, а въ другіе годы могъ быть дозволенъ переходъ съ черныхъ и дворцовыхъ земель и отъ большихъ владѣльцевъ. Указъ 1602 года прямо говоритъ о большихъ владѣльцахъ: „что бъ они промежъ себя и у стороннихъ людей никто ни изъ за кого въ нынѣшнемъ въ 111 году крестьянъ не возили.“ Слѣдовательно, не въ 111 году могъ быть указъ, дозволявшій переходъ крестьянъ между большими владѣльцами и изъ черныхъ и изъ дворцовыхъ земель; но указъ этотъ до насъ не дошелъ, какъ не дошелъ и указъ о первоначальномъ прикрѣпленіи крестьянъ. А сравненіе указовъ 1601 и 1602 годовъ показываетъ, что правительство постепенно желало сближаться съ старымъ порядкомъ крестьянскаго перехода. Такъ въ указѣ 1601 года было положено ограниченіе, чтобы не возить болѣе одного или двухъ крестьянъ изъ за одного владѣльца; въ указѣ сказано: „а которымъ людемъ промежъ себя въ нынѣшнемъ во 110 году крестьянъ возити; и тѣмъ людемъ возити межъ себя одному человѣку изъ за одного же человѣка крестьянина одного или дву, а трехъ или четырехъ одному изъ за одного никому не возити.“ Въ указѣ же 1602 года объ этомъ ограниченіи уже не упоминается. Все это ясно показываетъ, что безпорядки прикрѣпленія и неудовольствіе общества сильно поколебали рѣшимость правительства въ безусловномъ поддержаніи новаго порядка, оно уже явно колебалось между старымъ и новымъ порядкомъ, и только старалось удер-

жать за собою право назначенія,—когда переходить которымъ крестьянамъ, и нѣкоторыя ограниченія, хотя и значительныя, но тѣмъ не менѣе не отрицавшія того, что правительство признавало необходимость крестьянскихъ переходовъ въ угоду тогдашняго общественнаго мнѣнія, недовольнаго крестьянскимъ прикрѣпленіемъ. Чѣмъ бы кончилось это новое направленіе Московскаго правительства, мы не знаемъ; ибо вскорѣ начались голодные годы и страшные смуты самозванщины, когда было уже не до крестьянъ, и не до ихъ переходовъ или прикрѣпленія, когда все государство зашаталось въ своихъ основаніяхъ.

Времена самозванщины дали совсѣмъ другое направленіе и общественному мнѣнію и дѣятельности правительства. Московскіе бояре и землевладѣльцы, сблизившись со Польскими панами, пріѣхавшими къ самозванцу, измѣнили свое мнѣніе о прикрѣпленіи крестьянъ и стали на сторонѣ новаго порядка: прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ совершенно утвердилось, и колебаніе, замѣченное при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ, потеряло прежнюю силу. Въ боярскомъ приговорѣ отъ 1-го Февраля 1606 года нѣтъ уже и помину ни о переходѣ крестьянъ, ни о Юрьевѣ днѣ Въ приговорѣ сказано: „по государеву цареву и великаго князя Дмитрея Ивановича всея Россіи слову, бояре приговорили: которые бояре, и дворяне, и дѣти боярскіе, и владычнихъ и монастырскихъ вотчинъ, бьютъ челомъ государю о судѣ въ бѣглыхъ крестьянахъ, до 110 году, до голодныхъ годовъ за годъ, на-посады и въ государевы въ дворцовые слободы и въ черные волости, и за помѣщиковъ и за вотчинниковъ, во крестьяне и въ холопи; и тѣхъ приговорили сыскивая отдавати старымъ помѣщикомъ.... А которые крестьяне пошли въ холопи до голодныхъ лѣтъ, и тѣхъ сыскивая по крестьянству изъ холопей выдавати. А на бѣглыхъ крестьянъ по старому приговору, далѣ пяти лѣтъ суда не дававати.“ (А. А. Э. т. II. № 40). Приговоръ 1606 года сдѣлалъ только одно исключеніе: онъ дозволилъ оставаться на новыхъ мѣстахъ тѣмъ крестьянамъ, которые ушли отъ своихъ владѣльцевъ, во время страшнаго голода 1602, 1603 и 1604 годовъ, и притомъ потому, что имъ самимъ кормиться было нечѣмъ, а прежніе владѣльцы не кормили. Въ приговорѣ сказано; „про котораго крестьянина скажутъ, что онъ въ тѣ голодные лѣта отъ помѣщика или отъ вотчиника сбрелъ отъ бѣдности, что было ему кормиться немочно; и тому крестьянину жити за тѣмъ, кто его голодные лѣта прокормилъ, а истцу отказати; не умѣлъ онъ своего крестьянина кормити въ тѣ голодные лѣта, а нынѣ его не пытай.... А которые крестьяне бѣжали въ голодные годы съ животы, прожи-

ти имъ было мочно, а пришли за иныхъ помѣщиковъ или вотчинниковъ жити во крестьяне и въ холопи, тѣхъ, сыскивая, отдавати старымъ помѣщикомъ и вотчинникомъ." Такимъ образомъ, по приговору 1606 года, прикрѣпленіе крестьянъ получило свою прежнюю силу. Тоже самое подтверждается и въ такъ называемомъ указѣ царя Василья Ивановича Шуйскаго, отъ 9 Марта 1607 года, напечатанномъ у Татищева при Судебникѣ, гдѣ положены даже и штрафы за принятіе бѣглыхъ крестьянъ. Но этотъ указъ признанъ сомнительнымъ еще отъ исторіографа Карамзина, и на немъ утверждаться нельзя *), да и нѣтъ въ томъ никакой нужды; ибо онъ нисколько не измѣняетъ того положенія, что во время смутовъ самозванщины укрѣпленіе крестьянъ къ землѣ получило большую силу.

По прекращеніи безпорядковъ самозванщины и междуцарствія, при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, не было уже и помину о Юрьевѣ днѣ и крестьянскомъ переходѣ. Русское общество, такъ уже свыклось съ мыслію о прикрѣпленіи крестьянъ и прикрѣпленіе сіе въ такую уже вошло силу, что указомъ отъ 9-го Марта 1640 года,

*) Карамзинъ написалъ: „указъ Шуйскаго мнѣ кажется сомнительнымъ, по слогу и по выраженіямъ, необыкновеннымъ въ бумагахъ того времени; оставляю будущимъ изыскателямъ древностей рѣшить вопросъ объ истинѣ или подлогѣ Татищевскаго списка; пусть найдутъ другой." И вотъ уже слишкомъ 30 лѣтъ прошло, какъ это напечаталъ Карамзинъ, много уже отыскано и напечатано древнихъ памятниковъ; но достовѣрность заподозрѣннаго указа ничѣмъ не подтвердилась, другой списокъ не отысканъ, а разборъ Татищевскаго списка прямо указываетъ, что онъ сочиненъ кѣмъ то въ началѣ XVIII столѣтія и прямо по указамъ Петра 1-го. Вотъ на это доказательства. Во 1-хъ указъ сей смѣшиваетъ крестьянъ съ холопами; а таковаго смѣшенія въ Русскихъ законодательныхъ памятникамъ до XVIII вѣка не было; во 2-хъ въ семъ мнимомъ указѣ сказано: „А въ городахъ воеводамъ и дьякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ извѣдыватись во всемъ ихъ уѣздѣ чрезъ старостъ и сотскихъ и священниковъ. нѣтъ ли гдѣ пришлыхъ людей вновь". Это прямо взято изъ указовъ Петра 1-го, который даже назначалъ наказаніе старостамъ, сотскимъ и священникамъ, ежели они будутъ скрывать пришлыхъ людей; въ 3-хъ, въ указѣ сказано: „А примутъ чьего холопа или рабу или крестьянина въ царевы и великаго князя волости или села, или въ черные волости, или въ патріарши и святительскія и монастырскія села, ино за пріемъ правити на волостеляхъ или на приказщикахъ и старостѣ, кто ту волость или село тогда управлялъ, и пришлаго принялъ, а пожилые и за дворы имати на тѣхъ селахъ и волостяхъ, а въ городахъ на всѣхъ посадскихъ по сему уложенью". Это распоряженіе прямо взято изъ Петровскихъ или даже Екатерининскихъ указовъ, въ которыхъ патріаршія, святительскія и монастырскія села приравнены къ одному разряду съ дворцовыми и черными волостьми вслѣдствіе разныхъ распоряженій Петра 1-го о казенномъ управленіи монастырскими крестьянами; тогда какъ во время Шуйскаго и даже по Уложенію царя Алексѣя Михайловича, патріаршія, святительскія и монастырскія села считались въ одномъ разрядѣ съ частными вотчинами. Отсюда ясно, что указъ 1607 года отъ 9 Марта никакъ не могъ быть написанъ въ то время, къ которому его относятъ по году надписанія.

вмѣсто прежняго пятилѣтняго срока, для вывоза бѣглыхъ крестьянъ на старыя мѣста, назначены уже десятилѣтній и пятнадцатилѣтній сроки; 1-й для вывоза крестьянъ самовольно бѣжавшихъ, а 2-й для тѣхъ крестьянъ, которые выведены изъ за прежнихъ владѣльцевъ новыми владѣльцами насильно; и сверхъ того положена пеня, по пяти рублей на годъ, за то время, которое бѣглый или вывезенный крестьянинъ „жилъ за новымъ владѣльцемъ.“ Въ указѣ этомъ сказано: „Которые люди пріѣзжали къ кому и людей и крестьянъ вывели за себя, про то сыскивать всякими сыски накрѣпко, и вывозныхъ крестьянъ отдавати за 15 лѣтъ а бѣглыхъ крестьянъ и бобылей по суду и по сыску отдавати по прежнему государеву указу за десять лѣтъ.... А крестьянъ отдавати со всѣми животы, да сверхъ того крестьянскаго владѣнья за крестьянина въ указные лѣта взяти на годъ по 5-ти рублевъ.“ (А. Ист. т. III. стр. 111). Эти десяти-лѣтній и пятнадцати-лѣтній сроки для возвращенія бѣглыхъ или вывозныхъ крестьянъ по указу положены, какъ для частныхъ владѣльцевъ, такъ и для дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей; слѣдовательно прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ одинаково утверждено, какъ въ дворцовыхъ и черныхъ земляхъ, такъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ. Довольно значительный штрафъ, по пяти рублей на годъ, и продолжительный срокъ на право суда и вывоза ясно показываютъ, что общественное мнѣніе было на сторонѣ прикрѣпленія, хотя въ жизни и много встрѣчалось случаевъ незаконнаго вывоза и держанія чужихъ крестьянъ, какъ со стороны частныхъ владѣльцевъ, такъ и самыхъ крестьянскихъ общинъ на черныхъ и дворцовыхъ земляхъ.

Настоящій указъ ссылается на прежній указъ о десятилѣтнемъ срокѣ: „по суду и по сыску, сказано въ указѣ, отдавати по прежнему государеву указу за десять лѣтъ.“ Этотъ прежній указъ до насъ не дошелъ; но тѣмъ не менѣе мы имѣемъ прямое свидѣтельство, что десяти-лѣтній срокъ для вывоза крестьянъ уже существовалъ въ первые годы Михаилова царствованія. Именно, въ царской грамотѣ Троицкому монастырю 1615 года сказано, что „во всѣ города, гдѣ Троицкія вотчины, къ воеводамъ и приказнымъ людямъ посланы государевы грамоты, а велѣно Троицкихъ вотчинъ крестьянъ свозити сыскивая со 113 года (т. е. съ 1604) Сентября съ перваго числа до 124 года (т. е. въ десятилѣтній срокъ), а въ 124 году тѣхъ Троицкихъ крестьянъ со 113 года не свозить, а будетъ о томъ новый государевъ указъ.“ (А. А. Э. т. III. № 66). На эту грамоту ссылается и писцовый наказъ 1646 года, и сверхъ того указываетъ, что отъ Троицкаго монастыря

этотъ срокъ, по государеву указу въ 1637 году былъ распространенъ на нѣкоторыхъ другихъ землевладѣльцевъ. Въ наказѣ сказано: „Государь пожаловалъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Украинскихъ и Замосковныхъ городовъ, по ихъ челобитью велѣлъ имъ на бѣглыхъ кртстьянъ во крестьянствѣ давать судъ противъ Троицкаго Сергіева монастыря властей.“ (А. А. Эк. т. IV. № 14). Но ранѣе 1615 года десятилѣтняго срока мы не встрѣчаемъ; ибо еще въ царской грамотѣ 1614 года, данной Іосифову Волоколамскому монастырю, о десятилѣтнемъ срокѣ не упомянуто: въ грамотѣ сказано: „и какъ къ вамъ (воеводамъ) сія наша грамота придетъ, а Іосифова монастыря игуменъ съ братьею, гдѣ своихъ крестьянъ свѣдаетъ: и выбъ по тѣхъ ихъ крестьянъ велѣли давати приставовъ, и велѣти тѣхъ крестьянъ ставити передъ собою, и ихъ распрашивати, и около тѣхъ деревенъ велѣли бъ обыскивати всякими людьми накрѣпко,—старинные ли тѣ Іосифовы вотчины крестьяне? да будетъ они въ крестьянствѣ повинятся, и въ сыску про нихъ скажутъ, что они старинные Іосифовы вотчины крестьяне; и вы бы тѣхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и съ хлѣбомъ стоячимъ и землянымъ, по сыску велѣли отдавати Іосифовскому игумену съ братьею“. (А. А. т. III. № 41). Столь раннее, почти на третьемъ году Михаилова царствованія, отмѣненіе прежняго пятилѣтняго срока, и замѣненіе его новымъ срокомъ десятилѣтнимъ, показываетъ, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ годъ отъ году получало новую силу, и мысль о прежнемъ свободномъ переходѣ уже едва ли занимала Московское правительство. И дѣйствительно, послѣ царя Бориса Ѳедоровича Годунова, ни въ одномъ указѣ, ни въ одной грамотѣ не встрѣчаемъ и помину о свободномъ переходѣ крестьянъ, и всѣ заботы правительства были только о томъ, чтобы поддержать прикрѣпленіе, которымъ уже тяготились крестьяне, и которые старались обходить иные землевладѣльцы, переманивая, или перевозя крестьянъ силою съ сосѣднихъ земель. Теперь рождается вопросъ: всѣ ли крестьяне были прикрѣплены, и какое значеніе въ обществѣ, и какое вліяніе на крестьянъ имѣло прикрѣпленіе ихъ къ землѣ? На сіи вопросы въ приведенныхъ выше указахъ нѣтъ отвѣта; но мы можемъ до нѣкоторой степени найдти его въ современныхъ указамъ грамотахъ и другихъ памятникахъ того же времени.

Кто былъ прикрѣпленъ къ землѣ.

Современныя указамъ грамоты во первыхъ ясно говорятъ, что были прикрѣплены къ землѣ только крестьяне, состоящіе въ тяг-

лѣ, и можетъ быть ихъ дѣти, а отнюдь не братья и племянники, и подсусѣдники, и вообще вольные государевы или гулящіе люди, жившіе за чужимъ тягломъ. Этотъ многочисленный разрядъ людей по прежнему былъ еще свободенъ, и никто изъ гулящихъ людей не былъ прикрѣпленъ къ землѣ до тѣхъ поръ, пока кто самъ не принималъ на себя тягла, прикрѣпленіе для каждаго начиналось съ принятіемъ тягла. Прямыя свидѣтельства этого порядка мы находимъ въ грамотахъ современныхъ и первымъ указамъ о прикрѣпленіи и послѣднимъ, изданнымъ царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ. Такъ, напримѣръ, въ царской грамотѣ 1597 года, данной Введенскому монастырю на Ояти, сказано, какъ и въ древнихъ грамотахъ до прикрѣпленія: „а вольно имъ (монахамъ) та ихъ монастырская вотчина самимъ пахати на монастырь, и крестьянъ и бобылей на ту вотчину называти“. (Допол. къ ак. Ист. т. I, № 141). Дозволеніе призывать крестьянъ и бобылей ясно показываетъ, что еще не всѣ были прикрѣплены къ землѣ, иначе и дозволять бы было не зачѣмъ. Или въ царской грамотѣ 1609 года въ Пермь предписывается: „прибрать на пашню пашенныхъ охочихъ людей, человѣкъ съ 50 и до 100, отъ братьи братью, отъ дядь племянниковъ и отъ сусѣдъ сусѣдовъ, волею, кто похочетъ идти, а не съ тягла, и сажать на пашню по уговору, на которой доли кто похочетъ сѣсти, а пашню имъ и угодья всякія, и на подмогу и на лошади, и на дворовое строенье, деньги велѣно давать изъ нашіе казны.... а льготы имъ велѣно давать на годъ и на два и больши, смотря по пустотѣ“. (А. А. Э. т. II, № 133). Или, въ наказѣ 1632 года, данномъ прикащику Покровскаго монастыря, вольными людьми, которые прибирались въ крестьянство, названы крестьянскіе дѣти при отцахъ, племянники при дядяхъ и проч.; въ наказѣ сказано: „и приказщику на пустыя доли называти жильцовъ непахотныхъ крестьянъ или бобылей, охочихъ людей, тогожъ села и деревни, отъ отцовъ дѣтей, отъ братей братью, и отъ дядь племянниковъ и подсусѣдниковъ“. (А. А. Э. т. III, № 217). Или, въ отпискѣ изъ Верхотурья въ Чердынь 1637 года, сказано: „По государеву указу для крестьянскаго прибору посланы Верхотурскіе подгородные пахотные крестьяне Өедька Отрадный да Ивашко Лохтевъ, а велѣно имъ прибирать въ Верхотурской уѣздъ во крестьяне изо всякихъ вольныхъ людей, а не съ тягла“. (А. А. Э. т. III, № 265). Или, въ царской грамотѣ на Верхотурье 1640 года, предписывается: „и вы бъ старыхъ Верхотурскихъ пашенныхъ крестьянъ съ пашенъ на льготу отнюдь выпускати не велѣли, а велѣли бы на новыя мѣста прибирать въ пашенные крестьяне отъ отцовъ дѣтей, и отъ братьи

братью, и отъ дядь племянниковъ, и подсусѣдниковъ гулящихъ людей". (А. И. т. III, № 211). Такимъ образомъ ясно, что прикрѣплены были къ землѣ только крестьяне хозяева, состоящіе въ тяглѣ, имѣвшіе за собою извѣстную долю земли, данную имъ отъ общины или отъ землевладѣльца; всѣ же, не состоявшіе въ тяглѣ, по прежнему оставались вольными гулящими людьми, и могли переходить куда угодно, и селиться тамъ, гдѣ ихъ примутъ, и изъ сихъ то вольныхъ людей постоянно прибирались новые поселенцы на пустыя земли во все царствованіе Михаила Θеодоровича. Этотъ порядокъ прикрѣпленія прямо указываетъ, какъ уже сказано выше, что цѣль прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ главнымъ образомъ состояла въ томъ, что бы при сборѣ податей нельзя было показывать жилыхъ земель пустыми, какъ это дѣлалось при свободномъ переходѣ крестьянъ; въ противномъ же случаѣ законъ прикрѣпилъ бы къ землѣ всѣхъ сельскихъ и городскихъ жителей безъ различія, состоитъ ли кто въ тяглѣ, или не состоитъ; и тогда бы уже не было гулящихъ людей, упоминаемыхъ въ грамотахъ послѣ прикрѣпленія.

Значеніе прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ.

Опредѣливши, на основаніи источниковъ, къ кому относилось прикрѣпленіе, теперь постараемся указать, что значило прикрѣпленіе, какое измѣненіе въ общественной жизни крестьянъ отъ него послѣдовало. Первое и самое важное измѣненіе въ общественной жизни крестьянъ, происшедшее отъ прикрѣпленія ихъ къ землѣ, состояло въ томъ, что крестьяне лично свободные, полноправные члены русскаго общества, съ прикрѣпленіемъ къ землѣ, утратили право свободнаго перехода съ одной земли на другую; съ прикрѣпленіемъ каждый изъ нихъ на всю жизнь какъ бы приросъ къ той землѣ, на которой его засталъ указъ о прикрѣпленіи, на которой онъ занесенъ въ книги, безъ различія, была ли та земля дворцовая, или черная, или владѣльческая, помѣщичья, или вотчинная. Со времени прикрѣпленія, земля, какъ и прежде, по распоряженію правительства, или по частнымъ гражданскимъ сдѣлкамъ, могла переходить отъ владѣльца къ владѣльцу; но крестьяне, вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ, при всѣхъ переходахъ земли, всегда оставались на ней; они ни сами не могли сойти съ нея, ни владѣлецъ земли не могъ согнать ихъ. Конечно и прежде крестьяне зачастую жили и умирали на одной и той же землѣ, и даже передавали занятый ими участокъ своимъ наслѣдникамъ; такъ что не рѣдко на одномъ и томъ же участкѣ послѣдовательно жили и умирали прадѣдъ, дѣдъ, отецъ и сынъ, не смотря ни

на какіе переходы земли отъ одного владѣльца къ другому; бывало даже такъ, что одинъ и тотъ же крестьянинъ оставался неизмѣннымъ жильцомъ земли, хотя бы земля въ продолженіи его жизни переходила попеременно къ пяти владѣльцамъ и больше. Но все это бывало на основаніи свободныхъ гражданскихъ сдѣлокъ крестьянина съ землевладѣльцами; и при неизъявленіи взаимнаго согласія, при несостояніи сдѣлки, ни крестьянинъ насильно не могъ остаться на землѣ, ни господинъ не могъ удержать крестьянина. Со введеніемъ же прикрѣпленія, ни отъ крестьянина, ни отъ господина уже не требовалось этого согласія. Чтобы крестьянинъ постоянно жилъ на землѣ—сдѣлалось уже государственною повинностію, какъ для него, такъ и для господина. Получалъ ли господинъ землю отъ правительства, пріобрѣталъ ли ее на основаніи гражданскихъ актовъ, онъ вмѣстѣ съ правомъ на землю принималъ на себя и обязанность держать записанныхъ на ней крестьянъ, или, въ противномъ случаѣ, долженъ былъ платить всѣ подати и повинности, лежащія на крестьянской землѣ, и отнюдь не могъ назвать ее пустующею. Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, земля, лежащая подъ хозяйствомъ крестьянина, навсегда сдѣлалась крестьянскою и во всѣхъ актахъ стала называться крестьянскою землею, и господинъ собственно на крестьянскую землю какъ бы потерялъ право собственности; крестьянинъ, какъ бы въ награду за утрату права свободнаго перехода, получилъ неотъемлемое право на тотъ участокъ земли, на которомъ засталъ его указъ о прикрѣпленіи; земля эта у правительства уже навсегда зачислилась въ крестьянскія земли, и таковою постоянно писалась во всѣхъ правительственныхъ росписяхъ и книгахъ. Прямое свидѣтельство сему мы находимъ въ Бѣлевской писцовой книгѣ временъ царя Михаила Ѳеодоровича; въ ней постоянно во всѣхъ имѣніяхъ крестьянская земля называется прямо крестьянскою и пишется отдѣльно отъ господской; такъ напримѣръ: „за Петромъ Ивановымъ сыномъ Юшковымъ — сказано въ книгѣ—пашни паханныя вотчинниковы десять четвертей, да крестьянскія и бобыльскія пашни шестнадцать четвертей“ (Бѣлев. Библіоб. кн. II, стр. 51). Самое надѣленіе крестьянъ землею, кажется, уже не зависѣло отъ господина, а было опредѣлено закономъ; по крайней мѣрѣ въ Бѣлевской писцовой книгѣ мы постоянно видимъ одну мѣру земли на выть — на крестьянскую четыре чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, и на бобыльскую двѣ чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ *). Да и по самому ходу

*) Четвертью или четью тогда называлась половина десятины; посему четыре чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, на крестьянскую выть, по нынѣшней мѣрѣ будетъ двѣ

дѣлъ иначе не могло быть; ибо въ тяглѣ состояла только крестьянская земля, съ нея только шли подати и повинности, господская же земля была свободна; а тягло опредѣлялось правительствомъ и было одинаково для всѣхъ крестьянскихъ вытей; слѣдовательно и надѣлъ крестьянъ землею не могъ быть произвольнымъ, а былъ одинаковъ и постояненъ для всѣхъ земель безъ различія. Такъ именно въ книгѣ сошнаго письма 1629 года положено на крестьянскую выть по 12 четвертей доброй земли, по 14 четвертей средней земли и по 16 четвертей худой земли во всѣхъ трехъ поляхъ, и въ черныхъ волостяхъ, и въ дворцовыхъ, и въ монастырскихъ, и въ вотчинныхъ, и въ помѣстныхъ имѣніяхъ. (Врем. кн. XVII, Смѣсь, стр. 41—54).

Второе важное измѣненіе, необходимо вытекающее изъ перваго, состояло въ томъ, что съ прикрѣпленіемъ къ землѣ, крестьяне, какъ неотъемлемая принадлежность земли, стали поимянно писаться при землѣ во всѣхъ юридическихъ актахъ о переходѣ земли отъ одного владѣльца къ другому, чего прежде, до прикрѣпленія, не дѣлалось. Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ Новгородскаго митрополита 1599 года о раздѣлѣ имѣнія между братьями раздѣльщику предписано: „и тыбъ ему Якову Ракову крестьянъ отдѣлилъ на двѣ обжи его шестую выть семьями лучшихъ и среднихъ и молодшихъ людей, а Пинаю да Ивану потому жъ крестьянъ на ихъ двѣ выти пять вытей лучшихъ и середнихъ и молодшихъ людей семьями поровну, а имена крестьянъ и отдѣльныя деревни и пустоши велѣлъ церковному дьячку написати въ книги". (А. И. т. II, № 25). Тоже повторяется въ грамотѣ на отдачу по завѣщанію вотчины Троицкому монастырю въ 1611 году: „и что въ той вотчинѣ Живоначальныя Троицы и чудотворца Сергія откажешь селъ и деревень и починковъ и въ нихъ дворовъ, и во дворѣхъ людей по имяномъ, и пашни, и хлѣба, и лѣсу, и всякихъ угодій; и тыбъ то все велѣлъ написати въ книги подлинно порознь" (А. А. Э. т. II, № 192). Точно также въ одной купчей 1634 года перечисляются поимянно крестьянскіе дворы и крестьяне; въ купчей сказано: „а въ той деревни Осиповской дворъ вотчинниковъ, да дворъ приказщиковъ, да крестьянъ; во дворѣ Истома Аѳонасьевъ, у него пасынокъ Мокѣйка Даниловъ; во дворѣ Петрушка Прохоровъ, во дворѣ Карпъ Леоновъ; во дворѣ вдова Марѳа Мартынова жена, во дворѣ Никанъ Носоновъ съ зятемъ съ Осипкомъ и проч.", всего тринадцать дворовъ крестьянскихъ,

---

десятины въ одномъ полѣ, а во всѣхъ трехъ поляхъ шесть десятинъ въ доброй землѣ; а въ средней землѣ 14 чети или 7 десятинъ, а въ худой землѣ 16 чети или 8 десятинъ.

(въ моемъ собранiи грамотъ). Въ этой купчей ясно показано, что въ продажу поступила только земля вотчинника, а не крестьянская; въ купчей *сказано: „А въ той. деревнѣ вотчинной земли* семьдесять четвертей". Крестьянская же земля не обозначалась, какъ уже извѣстная и опредѣленная по числу вытей или крестьянскихъ дворовъ.

Но прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, сдѣлавши ихъ какъ бы неотъемлемою принадлежностью земли, не уничтожило ихъ гражданской личности; они по прежнему остались членами русскаго общества, безъ различія жили ли они на дворцовыхъ и черныхъ земляхъ, или на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Крестьяне по прежнему составляли общины и управлялись своими выборными начальниками, и подлежали одному суду, наравнѣ съ другими классами русскаго общества, и ежели когда по привилегіи судъ былъ предоставленъ землевладѣльцу, то и землевладѣлецъ судилъ не иначе, какъ по общему порядку суда, при посредствѣ старостъ и цѣловальниковъ Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, ихъ общественныя отношенія нисколько не измѣнились; правительство по прежнему признавало ихъ полноправными, и въ общественныхъ дѣлахъ непосредственно относилось къ крестьянской общинѣ, а не къ землевладѣльцу, а равнымъ образомъ и крестьяне въ общественныхъ дѣлахъ дѣйствовали чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ, а не чрезъ землевладѣльцевъ. Крестьянскія общины по прежнему состояли изъ волостей, селъ и деревень, по прежнему здѣсь не полагалось различія между крестьянами черныхъ земель и владѣльческихъ; т. е. община, волость, могла состоять изъ однихъ крестьянъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ, и изъ крестьянъ, живущихъ на черныхъ и владѣльческихъ земляхъ. Земли, какъ прежде, были различны по владѣнію, а крестьяне, какъ и прежде, пока еще составляли одинъ классъ общества.

Вотъ свидѣтельства объ этомъ предметѣ. Такъ въ наказѣ о судѣ и расправѣ въ Заонежскихъ погостахъ (1598—1605 г.) мы видимъ, что крестьянамъ по прежнему предоставлялось выбирать старостъ и цѣловальниковъ, и что старосты и цѣловальники по прежнему участвовали въ судѣ. Въ наказѣ сказано: „А того Кондратью беречи накрѣпко, чтобы въ тѣхъ погостѣхъ старосты и цѣловальники годы по два и по три не были, и заговоромъ старосты и цѣловальники не ставилися; а выбирали бъ старостъ и цѣловальниковъ всѣ крестьяне.... А въ судѣ велѣти съ собою быти тѣхъ погостовъ старостамъ и цѣловальникамъ и волостнымъ лучшимъ людемъ, человѣкамъ пятма или шестма". (Ак. Арх. Эк.

т. II, № 30). Или, въ царской грамотѣ о вотчинахъ Троицкаго монастыря сказано: „быти у нихъ въ ихъ монастырскихъ селѣхъ и деревняхъ, для татинныхъ и разбойныхъ дѣлъ, ихъ приказщику губному и губнымъ цѣловальникомъ и дьячку изъ волостныхъ крестьянъ, лихихъ людей татей и разбойниковъ сыскивати самимъ межъ себя, и на разбойниковъ и на татей имъ тюрмы дѣлати, и въ тюрмахъ сидѣльцовъ беречи имъ же крестьяномъ велѣно, а исцемъ съ разбойники и оговорными людьми велѣно управу чинити имъ же по нашему указу". (А. А. Э. т. II, № 19). Въ этой же грамотѣ сказано, что въ губные цѣловальники вообще по уѣздамъ узаконяется выбирать изъ крестьянъ помѣщичьихъ и вотчинничьихъ по разкладкѣ съ сохъ: „указали есмя въ тѣхъ городѣхъ быти губнымъ цѣловальникомъ и дьячькомъ и сторожемъ, и палачемъ и биричемъ, да и денежные доходы съ сохъ сбирати губнымъ же цѣловальникомъ, и быти имъ у тѣхъ дѣлъ перемѣняясь по годомъ. А имати въ цѣловальники крестьянъ съ сохъ, съ патріаршихъ и съ митрополичихъ и со архіепископскихъ и епископскихъ и съ боярскихъ, съ окольничихъ и съ дворянскихъ.... со всѣхъ земель, опричь посадовъ и нашихъ дворцовыхъ селъ. А первое велѣно имати съ большихъ помѣстій и вотчинъ, а послѣ того съ середнихъ, а за тѣмъ имати съ меньшихъ, смѣчая въ нихъ земли противъ большихъ помѣстій и вотчинъ". Или въ царской грамотѣ 1607 года предоставляется крестьянамъ Зюздинской волости не тянуть судомъ и данью къ Кайгородку, а судиться своими выборными судьями. Въ грамотѣ государь писалъ къ Пермскому намѣстнику: „А въ судьи для ихъ волостнаго дѣла, Зюздинскаго погоста крестьяномъ велѣлъ бы еси выбрати у себя въ погостѣ человѣка добра, кого они межъ себя излюбятъ и выборъ за выборныхъ людей руками дадутъ, и къ нашему крестному цѣлованью привелъ какъ и иныхъ судѣекъ". (А. А. Э. т. II. № 69). Или тоже предоставляется въ царской грамотѣ крестьянамъ Устьянскихъ волостей 1622 года; въ грамотѣ сказано: „а выбирати имъ межъ себя Устьянскихъ волостей крестьянамъ лучшимъ и середнимъ и молодшимъ людямъ, кому межъ ихъ управа чинити и наши доходы сбирати и къ намъ на срокъ привозить, изъ волостныхъ крестьянъ лучшихъ людей (по два человѣка изъ волости), да и списки излюбленные имянъ ихъ, за своими руками къ намъ прислати; и мы тѣхъ ихъ излюбленныхъ судей велимъ и къ цѣлованью привести, что имъ Устьянскихъ волостныхъ людей судити и управа чинити по Судебнику и по уставной грамотѣ". (А. А. Э. т. III. № 126.) Тѣхъ же выборныхъ судей и собственную управу мы находимъ и въ боярскихъ вотчинахъ; такъ въ наказ-

ной памяти крестьянамъ боярина Годунова, писанной въ 1594 году, сказано: „чтобы крестьяне Петръ Діаконовъ да Никита Ивановъ съ товарищи, и выборные судьи и старосты и цѣловальники, и сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, то берегли крѣпко, чтобъ у нихъ въ Вельскомъ стану продажнаго питья не было и проч“. (А. Ар. Эк. т. I. № 361.) Или, тотъ же бояринъ Годуновъ въ 1596 году писалъ въ свое имѣніе на Онегу, въ Шенкурскій станъ, чтобы выборные земскіе судьи сего стана съ боярскими приказными людьми учинили судъ о присадной землѣ между Ханинскими крестьянами и Богословскимъ монастыремъ. (А. И, т. I. № 248.) Здѣсь, по единогласному свидѣтельству всѣхъ приведенныхъ грамотъ, мы видимъ въ крестьянскихъ общинахъ судъ и управу чрезъ выборныхъ крестьянскихъ начальниковъ и судей, точно также, какъ это было въ прежнее время до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ; слѣдовательно, крестьянская община и по прикрѣпленіи осталась при томъ же значеніи и при той же силѣ, какія она имѣла при царѣ Иванѣ Васильевичѣ; прикрѣпленіе нисколько не измѣнило общественныхъ отношеній и значенія крестьянъ и ихъ общинъ; и такой порядокъ былъ, какъ свидѣтельствуютъ приведенныя грамоты, и въ черныхъ волостяхъ, и въ дворцовыхъ селахъ, и въ вотчинахъ монастырскихъ и боярскихъ. Явно, что крестьяне, всѣ безъ различія, продолжали еще представлять одинъ классъ, какъ это было и до прикрѣпленія, и составляли даже смѣшанныя общины изъ крестьянъ, живущихъ на черныхъ и владѣльческихъ земляхъ, какъ это и свидѣтельствуетъ одна царская грамота 1597 года, въ которой старецъ Соловецкаго монастыря говоритъ: „которыя ихъ Соловецкаго монастыря крестьяне, и казаки и всякіе промышленные люди и торговые, живутъ у ихъ монастырскихъ промысловъ въ Ковдѣ и въ Порьегубѣ, и они де съ Ковдяны и Порьегубцы всякіе государевы подати по расчету платятъ; и подводы даютъ, и во всемъ считаются по прежнему.“ (Доп. къ Ак. Ист. т. I. № 140).

Значеніе крестьянъ, какъ полноправныхъ членовъ общества, и по прикрѣпленіи къ землѣ, еще яснѣе выражается въ порядныхъ крестьянскихъ записяхъ, которыя и по прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ были почти одинаковы съ записями, дѣланными до прикрѣпленія; въ нихъ крестьянинъ и будучи прикрѣпленъ къ землѣ договаривается съ владѣльцемъ, какъ полноправный человѣкъ, какъ лицо, какъ членъ общества, а не безгласная и не безправная принадлежность къ землѣ. Такъ, напримѣръ, владѣлецъ, желая переселить крестьянина изъ одной своей деревни въ другую, дѣлалъ это не иначе, какъ по договору съ крестьяни-

номъ. Ясный образецъ сему представляетъ одна порядная крестьянъ съ Вежицкимъ монастыремъ, писанная въ 1599 году; въ ней крестьяне Вежицкаго монастыря говорятъ: „мы всѣ крестьяне Николы чудотворца Вежицкаго монастыря съ деревни того монастыря съ Глухіе Керести..... и живъ за Николою въ деревнѣ Керести и порядилися есми за Николу чудотворца въ Николинѣ вотчинѣ на пустошь на Пяти Липы, на обжу жити во крестьяне. И пришедъ намъ на ту пустошь на Пяти Липы, поставити по избѣ трехъ саженъ съ локтемъ, да по клѣти, да по хлѣву съ сѣнникомъ, и пашня намъ распахати и пожня разчистити.... а дали намъ игуменъ съ братьею льготы, дѣла не дѣлати, на годъ.... А не пойдемъ мы на ту пустошь на срокъ жити во крестьяне, или не поставимъ на той пустоши хоромъ, что въ записи писаны, или поль не распашемъ..., И на насъ игумену съ братьею взять денегъ по десяти рублевъ Московскую по сей записи". (Ак. Юр. № 190). Мало этого, крестьянинъ вступаетъ въ договоръ съ своимъ господиномъ, какъ сторонній, нисколько отъ него независящій человѣкъ, даже относительно работъ, ежели онѣ выходили изъ круга тѣхъ занятій по крестьянству, которыя значились въ первоначальной рядной, или которыя были уже опредѣлены закономъ. Такъ мы имѣемъ порядную крестьянъ Вежицкаго монастыря съ Вежицкимъ же монастыремъ о вывозкѣ лѣса и починкѣ мостовъ; въ порядной сей, писанной въ 1598 году сказано:.... „Мы Николины крестьяне Вежицкаго монастыря дали есми на себя запись Николы чудотворца Вежицкаго монастыря казначею Никодиму, въ томъ, что есми у нихъ нанялися на три тысячи лѣсъ возити на государевы мосты, по государеву наказу, на Иване-городскую дорогу, ихъ урочный урокъ, и взяли есми у нихъ найму на тысячу по осми рублевъ безъ четверти." (Ак. Юр. № 188, стр. 201). Еще замѣтнѣе свобода крестьянъ въ договорахъ съ владѣльцами при поступленіи ихъ вновь во крестьянство: здѣсь даже представляются намеки, что крестьяне, и по прикрѣпленіи къ землѣ, могли еще оставлять землевладѣльцевъ съ платежемъ только убытковъ, а навладѣльческихъ земляхъ по договору могли селиться, гдѣ имъ угодно. Такъ въ порядной 1624 года Евдокима Лукьянова съ Тихвинымъ монастыремъ сказано: „жити мнѣ Овдокиму у Пречистые Богородицы Тихвина монастыря въ монастырской вотчинѣ въ бобылѣхъ, деревнѣ Илмовѣ, и гдѣ индѣ полюбится, въ которой деревни нибуди; и живучи мнѣ Овдокиму монастырское всякое сдѣлье дѣлати и страда бобыльская страдати съ бобыли вмѣстѣ, что игуменъ съ братьею прикажутъ; а подмоги я Овдокимъ взялъ у игумена изъ казны хлѣба

четверть овса, да лошадь два рубля. И живучи мнѣ Овдокиму въ вотчинѣ въ бобылѣхъ на сторону никуды инуды не рядиться, и что учинится отъ меня монастырю убытка и волокиты, и тѣ убытки и волокита игумену на мнѣ Овдокимѣ взяти, что игуменъ съ братьею убытковъ своихъ скажутъ, *по сей рядной записи.*" (ibid. № 193). Тоже подтверждается, относительно возможности перехода крестьянъ, въ порядной Кручины Дементьева съ дѣтьми, данной въ 1626 году, по которой Кручина съ дѣтьми порядился въ крестьянство въ вотчину Тихвина монастыря: въ этой порядной сказано: „будетъ я Кручина учну за кого нибуди рядиться куда ни буди; и игумену съ братьею взяти на мнѣ на Кручинѣ и на моихъ дѣтяхъ по сей рядной записи денегъ пятдесять рублевъ Московскимъ числомъ." (ibid. № 194). *Тоже повторяетъ* порядная 1628 года, данная томужъ Тихвину монастырю крестьяниномъ Гаврилою Михайловымъ, гдѣ крестьянинъ пишетъ: „А учну я Гаврило отъ игумена съ братьею рядиться въ княжчину или въ монастырщину, или боярщину и за кого нибуди и пойду прочь съ Тихвины куды нибуди жити; и игумену съ братьею взяти на мнѣ Гаврилѣ за ихъ крестьянскую посадскую жилицу, Татьяну Агіеву дочь, что понялъ ее за себя съ животомъ, денегъ пятдесятъ рублевъ по сей рядной записи." (ibid. стр. 205). *Или тоже повторяютъ* крестьяне, давшіе порядныя записи въ 1630 году тому же Тихвину монастырю: „а учнемъ на сторонѣ во крестьяне въ монастырщину или боярщину или за кого нибуди рядитца жити; и игумену съ братьею взяти на насъ за денежную и за хлѣбную подмогу и за льготу на человѣкѣ денегъ по 30 рублевъ Московскую по сей рядной записи." (ibid. № 196. I. II). Напротивъ того, въ иныхъ порядныхъ записяхъ прямо говорится, что владѣлецъ отшедшаго отъ него крестьянина имѣлъ право возвратить, гдѣ бы его ни сыскалъ. Такъ въ одной порядной, данной въ 1635 году Тихвину монастырю, крестьяниномъ Иваномъ Ивановымъ, крестьянинъ сей пишетъ: „а по сей записи вездѣ мнѣ Ивану, на которомъ городѣ нибуди не отыматься отъ игумена съ братьею, ни стрѣльчествомъ, ни казачествомъ, ни которыми статьями: и вольно игумену съ братьею, и кому они прикажутъ, гдѣ меня въ которомъ городѣ ни изъѣдутъ, взять меня безъ пристава". (ibid. № 195. II). *Или*, въ порядной тому же монастырю 1634 года: „а будетъ язъ Петръ у игумена съ братьею не учну жити во крестьянѣхъ, и въ послушаніи во всемъ и государева тягла по волостному разрубу тянути.... или учну на сторону куды нибуди рядитца; и игумену съ братьею вольно меня Петра отовсюду къ себѣ взяти, и что учинитца убытка и воло-

киты въ проторехъ и во всемъ, и тѣ убытки и волокита игумену съ братьею взяти на мнѣ на Петрѣ по сей рядной записи все сполна". (ibid. № 199. III.).

Такимъ образомъ изъ порядныхъ крестьянскихъ записей оказывается, что съ прикрѣпленіемъ къ землѣ крестьяне не только не потеряли своей личности, значенія полноправныхъ членовъ русскаго общества, по которому они могли вступать въ гражданскіе договоры и съ своими землевладѣльцами, и съ посторонними людьми, и самою казною*); но даже не совершенно потеряли и право, перехода съ одной земли на другую. Это подтверждается довольно ясно и Бѣлевскою писцовою книгою временъ царя Михаила Өеодоровича, гдѣ нерѣдко встрѣчаются замѣчательная выраженія, а *„крестьянинъ бѣжалъ*, а *крестьянинъ сшелъ туда-то***). Такъ примѣръ: „за Медынцомъ за Михайломъ Семеновымъ сыномъ Плюскова полдеревни Хотуни, а въ ней крестьянскихъ дворовъ: (в) Пронька Фирсовъ съ зятемъ съ Өедькою Васильевымъ, (в) Сенька Аносовъ, да дворъ крестьянскій пустъ Сеньки Анофрѣева, а сенька сшелъ безвѣстно въ 136 году." (Бѣлев. Вивліоө. Кн. II. стр. 90). Или при описаніи помѣстья Романа Аөонасьева Чебышева: „жеребей деревни Ходыниной, а въ ней на его жеребей мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ пустыхъ: (м) Өедьки, прозвище Клубника, а Өедька сшелъ въ Бѣлевскій же уѣздъ за Богдана Нестерова въ деревню Предѣлъ въ 127 году, (м) Агейки Өедорова, (м) Сеньки Костентинова сошли безвѣстно. (ibid. стр. 151). Или, въ первой книгѣ Бѣлевской Вивліоөики: „дворъ пустъ Ивашки Васильева, а Ивашка живетъ бѣгаючи за Неустройкомъ Аөонасьевымъ, вышелъ въ 135 году." (стр. 124). Или „дворъ пусть крестьянской, Ефимка Ларіоновъ; Ефимка живетъ бѣгаючи въ Бѣлевскомъ уѣздѣ въ Руцкомъ стану за Иваномъ Траханіотовымъ въ деревнѣ Стояновѣ." (стр. 452). Здѣсь мы видимъ явно различіе въ выраженіяхъ о переходахъ крестьянъ,—одинъ *бѣжалъ* и *живетъ бѣгаючи*, а другой *сшелъ*; слѣдовательно было различіе и въ самомъ дѣйствіи, т. е., одни крестьяне убѣгали отъ господъ, не имѣвши права перехода, и господа имѣли право искать и возвращать таковыхъ, гдѣ бы ихъ ни нашли; а другіе крестьяне оставляли земли господъ, имѣвши

*) Относительно вступленія крестьянъ въ договоры съ казною лучшимъ для насъ свидѣтельствомъ служатъ оброчныя записи, по которымъ крестьяне и черныхъ волостей, и дворцовые и монастырскіе, и вотчинные, и помѣщичьи нанимали у казны разныя земли и угодья.

**) Какъ уже правильно замѣтилъ К. С. Аксаковъ въ своемъ разборѣ Бѣлевской писцовой книги, (Русск. Бесѣд.).

право перехода, и таковыхъ господа не имѣли права возвращать въ свое имѣніе. И право перехода, или неимѣніе права перехода явно зависѣли отъ порядныхъ крестьянскихъ записей. И мы въ порядныхъ записяхъ видѣли уже это различіе; именно: въ одн͏ихъ, крестьянинъ, порядившись отъ одного господина къ другому, платилъ первому господину только убытки; а въ другихъ записяхъ прямо говорится, что крестьянихъ уже не можетъ рядиться къ другому господину, или, въ противномъ случаѣ, первый господинъ имѣетъ право искать его и взять обратно къ себѣ, гдѣ бы его ни нашелъ. Отсюда ясно, что и съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, прикрѣпленіе это зависѣло отъ свободныхъ договоровъ самихъ крестьянъ. Но, кажется, это право крестьянъ рядиться такъ или иначе началось не раньше царя Михаила Ѳеодоровича; по первоначальному же указу о прикрѣпленіи, послѣдовавшему при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, прикрѣпленіе было безграничное, и крестьянинъ не могъ иначе рядиться съ господиномъ, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы никогда не оставлять принятой отъ господина земли; на это указываютъ съ одной стороны порядныя записи крестьянъ, въ которыхъ, за время царей Ѳедора Ивановича, Бориса Ѳедоровича и вообще до царя Михаила Ѳеодоровича, нигдѣ не упоминается о томъ, чтобы крестьяне изъ-за одного владѣльца могли рядиться къ другому; это право новой ряды мы встрѣчаемъ въ первый разъ въ порядной крестьянина Евдокима Лукьянова, данной Вежицкому монастырю въ 1624 году; слѣдовательно, около этаго времени, или вообще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ мы должны полагать измѣненіе первоначальнаго указа о прикрѣпленіи, т. е. разрѣшеніе крестьянамъ рядиться на землю владѣльца съ правомъ перехода. Съ другой стороны о томъ же дозволяютъ заключать указы 1601 и 1602 годовъ, допускавшіе переходъ нѣкоторыхъ разрядовъ крестьянъ по старымъ правиламъ Судебниковъ. Ежели бы по первоначальному указу о прикрѣпленіи крестьянамъ было предоставлено право рядиться на землю съ переходомъ или безъ перехода; то не зачѣмъ бы было и прибѣгать къ старому порядку, утвержденному Судебниками. Царь же Михаилъ Ѳеодоровичъ, послѣ временъ самозванщины и междуцарствія, когда общество явно перешло на сторону прикрѣпленія, не находя уже возможнымъ возвратиться къ Юрьеву дню и къ порядку Судебниковъ, и желая по возможности сократить неудовольствія и тяжбы по иску бѣглыхъ крестьянъ, по всему вѣроятію разрѣшилъ этотъ щекотливый вопросъ тѣмъ, что дозволилъ рядить крестьянъ на землю и съ такимъ условіемъ, чтобы за ними оставалось право перехода, но съ не-

премѣнною уплатою убытковъ, которые, какъ мы уже видѣли, прописывались въ самыхъ порядныхъ записяхъ, иногда глухо, не оцѣнивая убытковъ, а иногда съ опредѣленною напередъ цѣною.

Такимъ образомъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, кажется, образовалось два класса владѣльческихъ крестьянъ, изъ которыхъ одни были совершенно прикрѣплены къ землѣ, и въ случаѣ самовольнаго выхода назывались бѣглыми; господинъ имѣлъ право отыскивать ихъ вездѣ и возвращать на старыя мѣста. Къ этому виду принадлежали, какъ изстаринные крестьяне, прикрѣпленные до царя Михаила Ѳеодоровича, такъ и поступившіе вновь по ряднымъ записямъ, ежели они въ такомъ смыслѣ давали записи, что имъ и ихъ потомству не сходить съ земли и оставаться вѣчно за владѣльцемъ. Здѣсь крестьяне хотя поступали на землю, на основаніи частнаго права, по свободному взаимному договору, но, поступивши, они теряли право перехода, и уже навсегда должны были оставаться на занятой землѣ по государственному праву. Равнымъ образомъ и господинъ не могъ ссылать ихъ съ земли; крестьянская земля по государственному праву уже какъ бы изымалась изъ круга частныхъ оборотовъ вотчинника, и земля эта, какъ мы уже видѣли, имѣла постоянно одинаковую мѣру—по четыре чети въ полѣ на крестьянскую выть, и по двѣ чети на бобыльскую выть. Ко второму разряду принадлежали собственно новые крестьяне, поступавшіе въ крестьянство изъ гулящихъ людей, по порядным записямъ съ правомъ перехода, на основаніи взаимнаго договора по гражданскому праву. Этотъ разрядъ крестьянъ хотя по записямъ и имѣлъ право рядиться отъ одного владѣльца къ другому; но это право уже далеко не походило на прежнее право свободнаго перехода въ Юрьевъ день, ибо оно могло осуществляться только тогда, когда крестьянинъ имѣлъ средства уплатить господину цѣну убытковъ, или неустойку, обозначенную въ порядной записи, а эта цѣна всегда была такъ значительна, что господинъ былъ обезпеченъ на счетъ того, что крестьянинъ отъ него не уйдетъ, а если и уйдетъ, то долженъ будетъ или заплатить неустойку, записанную въ порядной, или воротиться назадъ.

Вообще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича хотя уже не было и рѣчи о Юрьевѣ днѣ и о своводномъ переходѣ крестьянъ, тѣмъ не менѣе и прикрѣпленіе ихъ къ землѣ было еще въ шаткомъ положеніи. Указъ 1642 года отъ 11 Марта прямо говоритъ, что бѣглыхъ крестьянъ можно было возвращать на прежнія мѣста только по суду, по крѣпостямъ и по сыску (А. И. т. III. стр. 110); слѣдовательно возвращался назадъ и признавался бѣг-

лымъ крестьяниномъ только тотъ, который подлежалъ возвращенію или по крѣпости, данной имъ самимъ, или по старинѣ, утвержденной писцовыми книгами, выписи изъ которыхъ и давалися владѣльцамъ для сыску бѣглыхъ крестьянъ; а который крестьянинъ не давакъ за себя въ порядной полной крѣпости, безъ права рядиться къ другимъ владѣльцамъ, тотъ по суду и по сыску пользовался правомъ перехода, какъ мы уже видѣли выше, съ платежемъ убытковъ господину. Права крестьянъ, какъ людей полноправныхъ, какъ членовъ общества, были еще признаваемы и охраняемы закономъ; господинъ не могъ еще удерживать за собою крестьянина, недавшаго на себя крѣпости, хотя бы таковый крестьянинъ и жилъ на его землѣ, и даже хотя бы онъ записалъ его за собою по писцовымъ книгамъ: въ такомъ случаѣ крестьянинъ имѣлъ полное право отойдти отъ господина; а ежели бы господинъ вздумалъ отыскивать его, какъ бѣглаго, то крестьянинъ могъ требовать суда, на которомъ ссылка на писцовыя книги безъ крѣпостей не имѣла силы. Вотъ образчикъ подобнаго случая: въ 1629 году Лукьянъ Ивановъ Лучниковъ записалъ за собою крестьяниномъ въ писцовыхъ книгахъ, жившаго у него, гулящаго человѣка Савелья Шеломова съ женою и дѣтьми; Шеломовъ, узнавши, что онъ записанъ въ крестьянахъ за Лучниковымъ, ушелъ отъ него въ Донковъ; и Лучниковъ вмѣсто того, чтобы взять его оттуда какъ бѣглаго, и поселить на своей землѣ, выдалъ ему въ 1635 году отпускную, въ которой писалъ: „А буде я Лукьянъ и мои дѣти и родъ и племя вступимся и учнемъ на его Савелья или на его родъ и племя бити челомъ государю и государевымъ бояромъ и дьякомъ и воеводамъ; и ему Савелью взяти по сей записи отпускной заряду на мнѣ на лукьянѣ и на женѣ моей и на дѣтяхъ и на моемъ роду и племяни пятдесятъ рублевъ“ (въ моемъ собраніи грамотъ). Здѣсь явно отпускная дана не по доброй волѣ Лучникова, а въ избѣжаніе отъ преслѣдованія суда за ложную записку по писцовымъ книгамъ гулящаго человѣка крестьяниномъ; въ добровольныхъ отпускныхъ заряда или не впускалъ въ договоръ съ господиномъ; а въ отпускной не вступалъ въ договоръ съ господиномъ; а въ отпускной, данной Лучниковымъ написанъ огромный зарядъ, или неустойка—пятдесятъ рублей; ясно, что отпускная сія была не иное что, какъ мировая сдѣлка, чтобы Шеломовъ не искалъ на Лучниковѣ ложной записи въ крестьянство. И Шеломовъ, послѣ сей сдѣлки, пятнадцать лѣтъ былъ свободнымъ со всею своею семьею, пока въ 1650 году не далъ на себя записи въ крестьянство къ Аѳанасью Толбузину. Такимъ образомъ прикрѣпленіе крестьянъ вновь въ царствованіе Ми-

хаила Өедоровича вполнѣ зависѣло отъ свободной воли самихъ крестьянъ. Ежели крестьянинъ находилъ для себя выгоднымъ дать на себя крѣпость, то давалъ ее, а не находилъ въ томъ выгоды, то не давалъ; и принудить его къ прикрѣпленію никто не могъ.

Но давши на себя полную крѣпость въ крестьянство, крестьяне самымъ прикрѣпленіемъ своимъ къ землѣ теряли уже много правъ даже по закону. Такъ, на примѣръ, ежели бы на господинѣ были какіе иски по суду, и онъ самъ ихъ не платилъ, то иски сіи переносились на его крестьянъ; въ указѣ 1628 года отъ 21 Ноября сказано: „которые городовые люди на Москвѣ стоятъ на правежѣ въ большихъ искѣхъ, рублевъ во стѣ и больше, а есть у нихъ въ городѣхъ вотчины и помѣстья.... и тѣхъ людей посылать въ вотчины и въ помѣстья, и велѣти править на людехъ ихъ и на крестьянѣхъ“. (А. И. т. III. стр. 101). Или, когда господинъ убьетъ чужаго крестьянина, или крестьянинъ одного владѣльца убьетъ крестьянина другаго владѣльца, неумышленно во время драки или въ пьяномъ состояніи, то господинъ за убитаго крестьянина отдавалъ свого крестьянина; въ указѣ 1615 года 17 Января сказано: „а убьетъ сынъ боярской, или сынъ его, или племянникъ, а съ пытки тотъ убійца въ томъ убивствѣ учнотъ говорити, что онъ убилъ въ дракѣ, а не умышленьемъ, или пьянымъ дѣломъ; и изъ его помѣстья взять лучшаго крестьянина съ женою и съ дѣтьми, которые дѣти живутъ съ нимъ вмѣстѣ, а не въ раздѣлѣ. и со всѣми животы, и отдать тому помѣщику, у кого крестьянина убили, во крестьяне. А убьетъ чей крестьянинъ крестьянина до смерти, а съ пытки тотъ убойца учнетъ говорити, что его убилъ пьянымъ дѣломъ, а не умышленьемъ; и съ того убитаго крестьянина мѣсто того убойца, бивъ кнутомъ и давъ на чистую поруку, выдать тому помѣщику, у кого крестьянина убили, съ женою и съ дѣтьми и съ животы“. (А. И. т. III. стр. 303). Такимъ образомъ крестьяне чрезъ прикрѣпленіе къ землѣ становились въ такое зависимое положеніе отъ землевладѣльцевъ, даже по закону, что въ иныхъ случаяхъ по суду отвѣчали за землевладѣльца, какъ имуществомъ своимъ, такъ и личностію, только съ непремѣннымъ условіемъ охраненія крестьянскихъ правъ, т. е. крестьянинъ поступалъ на мѣсто убитаго крестьянина въ крестьяне же, а не въ холопы; и при платежѣ исковъ, значащихся на господинѣ, крестьяне, не выдавались исцамъ головою въ заработку исковъ, а только платили исцамъ вотчинничьи или помѣщичьи доходы, вмѣсто того, чтобы платить ихъ своему владѣльцу. Вообще законъ, прикрѣпивши крестьянъ къ землѣ по видамъ государственнымъ финансовымъ, постоянно и преслѣдовалъ

сіи виды. Крестьянинъ, на чьей бы землѣ онъ ни жилъ, имѣлъ постоянно опредѣленныя отношенія къ государству, по правамъ и обязанностямъ своего сословія; и государство получало свои выгоды именно отъ того, что крестьянинъ былъ крестьяниномъ; по сему оно и заботилось о томъ только, чтобы крестьянинъ не выходилъ изъ крестьянства. А переводомъ помѣщичьихъ доходовъ съ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому, или перемѣщеніемъ крестьянина съ одной земли на другую по суду, крестьянинъ не переставалъ быть крестьяниномъ; и на этомъ то основаніи законъ и допускалъ и переводы доходовъ и перемѣщенія крестьянъ, какъ нарушавшія отношеній крестьянъ къ государству. Частныя же отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ здѣсь уже не принимались въ расчетъ, у крестьянина не спрашивали, хочетъ ли онъ жить за тѣмъ господиномъ, на землю котораго его переводятъ по суду; законъ и государство въ этомъ случаѣ какъ бы не признавали личности крестьянина, или пожертвовали ею для своихъ цѣлей.

Вслѣдъ за государствомъ и закономъ, съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, и частныя землевладѣльцы захватили себѣ болѣе правъ надъ крестьянами, нежели сколько имѣли до прикрѣпленія; порядныя, по которымъ крестьяне давали на себя обязательство, что бы ни имъ, ни ихъ потомству, не сходить съ земли владѣльца, значительно стѣсняли права крестьянъ. Землевладѣлецъ, по порядной давши крестьянину опредѣленный участокъ земли и снабдивши его ссудою на обзаведеніе крестьянскаго хозяйства, не принималъ на себя никакихъ другихъ обязательствъ; всѣ порядныя постоянно говорятъ только объ обязанностяхъ крестьянъ, а не объ обязанностяхъ владѣльцевъ; такъ напримѣръ, въ порядныхъ писалось: „и за тое ссуду жити намъ за Аѳонасьемъ Михайловичемъ въ крестьянѣхъ въ деревнѣ Куртицѣ, а пашню на него пахать и всякое дѣло дѣлать, и подать государеву и его помѣщикову платить“. Или: „жити мнѣ у игумена Васьяна съ братіею въ послушаньи, какъ и прочимъ крестьянамъ, и живучи мнѣ государево тягло тянути и монастырское всякое сдѣлье сдѣлати и страда монастырская всякая со крестьяны страдати, что игуменъ Васьянъ съ братьею прикажетъ“. Даже въ ввозныхъ и послушныхъ грамотахъ, дававшихся отъ правительства помѣщикамъ на владѣніе помѣстьемъ, всегда писалось: „и вы бъ всѣ крестьяне, которые въ томъ помѣстьѣ живутъ, его помѣщика слушали, пашню на него пахали и доходъ его помѣщиковъ платили“. Или: „и вы бъ крестьяне игумена съ братьею слушали во всемъ, и пашню пахали и оброкъ монастырской хлѣбной и денежный, и

всякой мелкій доходъ платили, чѣмъ васъ игуменъ съ братьею изоброчатъ". А посему, опираясь на порядныя записи и ввозныя грамоты, землевладѣльцы,—исполнивши главное закономъ назначенное условіе, т. е. давши крестьянину извѣстный участокъ земли и ссуду,—не только распоряжались работами, крестьянъ, но даже дозволяли себѣ мѣняться крестьянами пореводить ихъ съ одной земли на другую. Такъ въ одной раздѣльной записи 1632 года вдова Лукерья Куломзина съ дочерьми, получивши по раздѣлу деревню Юшковское, отдала нѣсколько крестьянъ изъ этой деревни пасынку своему; въ записи сказано: „да изъ той деревни Юшковскіе поступилася я Лукерья съ дочерми своими Василью Куломзину крестьянъ: Мишку Минина, да Шумилку Семенова, да Ларку Евстратьева съ женами и дѣтьтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животы и съ хоромы и съ хлѣбомъ молоченымъ, стоячимъ и землянымъ". Или въ одной мировой записи между братьями Ивашкиными и Романомъ Сатинымъ, писанной въ 1640 году. Романъ Сатинъ, уступивши Ивану Ивашкину пустую землю отъ своей деревни Осиповской, уступилъ ему и крестьянина изъ той же деревни съ семьей и съ дворомъ; въ записи сказано: „да онъ же Романъ на ту (пустую) землю поступился мнѣ Ивану изъ той же деревни Осиповской крестьянина съ помѣстной земли Ѳедьку, прозвище Чуканъ, съ женою и съ дѣтьми и съ животы, и съ хлѣбомъ, который въ землѣ, и съ гуменнымъ, и съ клѣтнымъ, и съ дворомъ и съ хоромы, и со всякою дворовою посудою и съ овиномъ". Или, въ записи 1625 года помѣщикъ Семенъ Марковъ отдалъ свое помѣстье землю и крестьянъ Углическому Алексѣевскому монастырю въ аренду на два года изъ оброка по 20 рублей на годъ. Въ записи сказано: „и на тѣхъ пустошахъ вольно намъ пашню пахать, луга косить, и тѣми крестьяны владѣти, какъ мы владѣемъ монастырскими крестьяны, и тѣхъ намъ его Семеновыхъ крестьянъ разно не разогнать, а отъ сторонъ намъ тѣхъ крестьянъ оборонять и въ обиду не давати никому". (А. А. Э. т. III. № 160).

Такимъ образомъ крестьяне, съ прикрѣпленіемъ къ землѣ, сдѣлались предметомъ частныхъ сдѣлокъ между землевладѣльцами еще въ первой половинѣ XVII вѣка, хотя по закону они еще не были собственностію владѣльцевъ, а были людьми свободными, составляли одно сословіе, несли одинакія подати съ крестьянами жившими на черныхъ земляхъ*). Конечно, это въ сущности было уже злоупотребленіе, которое, по незначительности случаевъ,

*) Допол. къ Ак. Истор. т. I. № 140).

едвали преслѣдовалось закономъ. При томъ съ одной стороны, для правительства, переводъ крестьянъ съ одной земли на другую и отъ одного владѣльца къ другому, не дѣлалъ ни какого различія; крестьянинъ на той или другой землѣ, у того или другаго владѣльца, оставался крестьяниномъ, и въ отношеніи къ государству несъ однѣ и тѣ же повинности. Сборъ податей отъ этого перевода нисколько не терпѣлъ, ибо участокъ земли, принадлежавшій переведенному крестьянину, оплачивался или новымъ крестьяниномъ, или самимъ землевладѣльцемъ; правительство же, съ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, уже не признавало землю пустою, ежели она разъ записана въ писцовыя книги жилою землею: оно брало подати и съ дѣйствительно жилыхъ земель, и съ земель, за переходомъ или переводомъ крестьянъ, лежащихъ въ пустѣ. Съ другой стороны, сами крестьяне еще не сильно замѣчали это злоупотребленіе ихъ владѣльцевъ, или по крайней мѣрѣ не очень тяготились имъ; ибо они и при переводѣ получали такой же участокъ земли, какимъ владѣли прежде, и находились въ такихъ же отношеніяхъ къ новому владѣльцу, въ какихъ были къ его предшественнику: порядная крестьянина съ переводомъ его къ другому владѣльцу не перемѣнялась. Здѣсь также не должно упускать изъ вида, что по всему вѣроятію въ то время переводы крестьянъ были незначительны и не были сопряжены съ дальнимъ переселеніемъ; по крайней мѣрѣ въ памятникахъ того времени я не встрѣчалъ указаній на дальнія и значительныя переселенія крестьянъ. Спора нѣтъ, что при ближнемъ и незначительномъ переселеніи уже нарушались права крестьянъ; но это нарушеніе правъ еще было не тяжело для крестьянъ, — по самой незаконности этого дѣйствія владѣльцы должны были стараться, чтобы переселеніе было по возможности не тягостно, а потому на него вѣроятно не было и жалобъ. Притомъ же предметомъ частныхъ сдѣлокъ между землевладѣльцами могли быть только крестьяне изстаринные, т. е. потомки прикрѣпленныхъ, или тѣ, которые сами въ своихъ порядныхъ записяхъ обязывались со всѣмъ своимъ потомствомъ быть крѣпкими землѣ, принадлежащей частному владѣльцу, а отнюдь не тѣ крестьяне, которые по своимъ порядным не налагали на себя этой обязанности.

Какъ бы то ни было, хотя прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ довольно сократило ихъ прежнія права, и новое ихъ положеніе въ сравненіи съ прежнимъ было тяжелѣе, и отношенія къ владѣльцамъ стѣснительнѣе, однако за крестьянами столько еще оставалось правъ и выгодъ, что гулящіе люди продолжали вступать въ крестьянство, какъ на черныя земли, такъ и на владѣльческія.

Этому доказательствомъ служитъ множество порядныхъ записей въ крестьянство, изъ которыхъ только нѣкоторыя для образца напечатаны въ послѣднее время въ разныхъ изданіяхъ, но которыхъ еще огромнѣйшая масса гибнетъ въ общественныхъ и частныхъ архивахъ, какъ ни куда негодныя бумаги.

Конечно, мы въ настоящее время не имѣемъ въ виду никакихъ прямыхъ законныхъ постановленій, служившихъ въ первой половинѣ XVII столѣтія ограниченіемъ власти землевладѣльца надъ крестьянами; но уже одно то основное постановленіе, чтобы крестьянинъ имѣлъ свой дворъ, свое хозяйство и пахатную землю, которая прямо называлась крестьянскою, и всегда рѣзко отличалась отъ владѣльческой, служило важнымъ ограниченіемъ власти землевладѣльца; онъ не могъ крестьянина лишить земли, перевести во дворъ, и обратить въ свои холопи; права крестьянина на землю, вмѣстѣ съ поселеніемъ его на ней, дѣлались неотъемлемыми, и никакое злоупотребленіе владѣльческой власти не могло посягать на нихъ. По закону, владѣлецъ, лишая крестьянина земли, съ тѣмъ вмѣстѣ разрывалъ всѣ свои отношенія съ крестьяниномъ и самъ лишался его; онъ не могъ ни продать, ни заложить крестьянина, онъ имѣлъ право только продавать или закладывать деревню съ крестьянами; а при таковыхъ продажѣ и залогѣ крестьяне только получали новаго владѣльца, всѣ же другія ихъ отношенія оставались прежними. Чтобы крестьянинъ непремѣнно имѣлъ ту или другую землю въ опредѣленномъ количествѣ, — это было государственнымъ постановленіемъ, которое не могло быть измѣнено ни какою частною сдѣлкою. Такимъ образомъ права крестьянина на землю были совершенно изъяты отъ произвола владѣльцевъ.

Вторымъ важнымъ ограниченіемъ власти землевладѣльцевъ надъ крестьянами была крестьянская община: всѣ порядныя крестьянъ постоянно свидѣтельствуютъ, что каждый крестьянинъ садился на землю владѣльца съ обязанностію всякія господскія сдѣлья и страды работать на ряду съ другими крестьянами; слѣдовательно, крестьянинъ явно поступалъ въ члены крестьянской общины, и всѣ распоряженія владѣльца относились къ цѣлой общинѣ, а не къ тому или другому крестьянину въ отдѣльности; для цѣлой же крестьянской общины, особенно въ первой половинѣ XVII вѣка, когда община, недавно прикрѣпленная къ землѣ, была еще очень сильна и имѣла полный свой судъ и управу, распоряженія владѣльца не могли быть отяготительны и произвольны; владѣльцы волей-не-волей сдерживали свой произволъ, ибо для нихъ борьба съ самостоятельною общиною была совсѣмъ не то, что борьба съ

одиночнымъ беззащитнымъ лицомъ, напримѣръ, съ кабальнымъ холопомъ.

Третьимъ ограниченіемъ власти землевладѣльцевъ служила нужда въ людяхъ. Землевладѣльцы въ то время болѣе заботились о привлеченіи къ себѣ крестьянъ льготами и разными выгодами, а не объ излишнихъ отягощеніяхъ. Законное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, въ жизни народа, было еще такъ молодо, слабо и непривычно, что для крестьянъ казалось тягостію и безъ излишнихъ отягощеній со стороны владѣльцевъ; крестьянскихъ побѣговъ такъ было много, и укрывательства еще такъ были удобны, что землевладѣльцамъ была одна главная забота—удерживать крестьянъ за собою. Землѣвладѣльцы ратовали другъ противъ друга, а не противъ крестьянъ; они старались превзойти одинъ другаго привиллегіями и льготами крестьянамъ, чтобы принимать къ себѣ больше людей. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ разрушило естественное соотвѣтствіе между запросомъ и предложеніемъ труда: оно въ одномъ мѣстѣ скопило многихъ работниковъ, къ явному обремененію владѣльцевъ, а другія мѣста оставило почти безъ работниковъ; отъ чего одни землевладѣльцы должны были принимать разныя средства для удержанія работниковъ даже лишнихъ, ибо, по закону за бѣглаго крестьянина платилъ подати самъ землевладѣлецъ, а другіе владѣльцы напротивъ должны были прибѣгать къ разнымъ мѣрамъ, чтобы пополнять недостатокъ въ работникахъ. Лучшимъ сему доказательствомъ служатъ всѣ иски о бѣглыхъ крестьянахъ, въ которыхъ постоянно владѣльцы жалуются на владѣльцевъ же, а не на крестьянъ. Во всѣхъ искахъ постоянно читаемъ жалобы, что такой то перевезъ крестьянъ силою, наѣздомъ, пріѣзжалъ въ деревню съ своими людьми, или такой-то присылалъ людей подговаривать крестьянъ, чтобы они къ нему переходили. Прямымъ сему свидѣтельствомъ служитъ челобитная дворянъ и дѣтей боярскихъ, поданная царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1641 году. въ которой написано: „бѣгаютъ изъ за нихъ старинные ихъ люди и крестьяне въ государевы дворцовыя и черныя волости и села, и въ боярскія помѣстья и вотчины.... и за всякихъ чиновъ за помѣщиковъ и вотчинниковъ на льготы; и тѣ многіе помѣщики и вотчинники тѣмъ ихъ бѣглымъ людемъ и крестьяномъ на пустыхъ мѣстѣхъ слободы строятъ и межъ ихъ бѣглые люди и крестьяне выживъ за тѣми людьми урочные годы, и надѣясь на тѣхъ сильныхъ людей, гдѣ кто учнетъ жити приходя изъ за тѣхъ людей, и достальныхъ людей и крестьянъ изъ за нихъ подговариваютъ, и домы пожигаютъ и проч.“ (А. И. т. III, стр. 106). Такимъ образомъ и законъ, и устройство общества и вы-

годы самихъ землевладѣльцевъ, въ первой половинѣ XVII столѣтія, были на сторонѣ крестьянъ; а посему прикрѣпленіе ихъ къ землѣ не лежало еще на крестьянахъ тяжелымъ гнетомъ. Крестьяне рѣзко еще отличались отъ рабовъ, и въ законѣ и въ жизни; въ крестьянскомъ быту столько еще было самостоятельности, независимости, обезпеченія и другихъ выгодъ, что крестьяне жили своими отдѣльными хозяйствами съ своими дворами и усадьбами, имѣли свой рабочій скотъ, и неотъемлемо владѣли данными имъ участками земли, даже нанимали себѣ земли и разныя угодья на сторонѣ, вели торговлю, имѣли дворы и лавки въ городахъ, и занимались другими разными промыслами отъ своего лица, а не отъ лица своего землевладѣльца; передъ судомъ и закономъ они признавались членами русскаго общества, а не безгласною собственностію землевладѣльцевъ. Крестьянскій бытъ, безъ различія на черныхъ и владѣльческихъ земляхъ, представлялъ еще столько выгодъ, что не рѣдко городскіе жители поступали въ крестьянство, закладывались за землевладѣльцевъ. Стѣсненіе крестьянъ большею частію было пока еще въ отвлеченныхъ правахъ, а не въ жизни. Жизнь крестьянская, напротивъ, съ прикрѣпленіемъ къ землѣ, пока еще представляла, говоря вообще, болѣе выгодъ противъ прежняго времени; ибо платежъ податей и отправленіе повинностей ложились равномѣрнѣе, а слѣдовательно были менѣе тягостны. И вообще тягость прикрѣпленія первоначально была ощутительнѣе для землевладѣльцевъ, а не для крестьянъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что по мѣрѣ привычки къ прикрѣпленію, и власть землевладѣльцевъ росла мало по малу; и владѣльцы сороковыхъ годовъ XVII столѣтія допускали уже болѣе произвола, чѣмъ владѣльцы двадцатыхъ годовъ того же столѣтія. Но правительство и законъ, въ слѣдъ за развитіемъ владѣльческой власти надъ крестьянами, принимали свои мѣры къ ограниченію этой власти. Правительство, въ своихъ ввозныхъ грамотахъ, хотя и предписывало, чтобы крестьяне слушались владѣльца и пашню на него пахали и оброкъ ему давали, требовало впрочемъ и отъ владѣльца, чтобы онъ не налагалъ работъ и оброковъ не посилѣ. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ Бѣлевской писцовой книги, временъ царя Михаила Θедоровича, работы крестьянъ на землевладѣльцевъ имѣли опредѣленный размѣръ; ибо, въ сей книгѣ, земля обработываемая крестьянами на владѣльца, постоянно показана въ меньшемъ количествѣ противъ земли обработываемой крестьянами на себя, а гдѣ владѣлецъ имѣлъ обширнѣйшую запашку противъ крестьянской, тамъ запашка эта производилась или дѣловыми людьми владѣльца, или вольно-наемными работниками мимо

крестьянъ; слѣдовательно, работы крестьянъ на владѣльца были опредѣлены, а не зависѣли отъ произвола. А судя, по позднѣйшимъ указамъ, даже временъ Петровскихъ, былъ также опредѣленъ и доходъ или оброкъ владѣльца. Даже, кажется, землевладѣлецъ не могъ насильно перевести крестьянъ съ оброка на барщину. По крайней мѣрѣ, въ одной царской грамотѣ, въ Нижній Новгородъ, 7126 года, мы читаемъ, что крестьяне села Столпинскаго подавали челобитную государю, что они имѣютъ грамоту, чтобы въ казну Благовѣщенскаго монастыря за пашню и за всякія издѣлія платити деньгами; и монастырь не иначе могъ принудить своихъ крестьянъ къ работамъ, какъ по суду государя, который послалъ грамоту къ воеводѣ. (Въ моемъ собр. грамотъ, № 14). Кромѣ того Котошихинъ, современникъ царя Алексѣя Михайловича, прямо указываетъ на мѣры правительства противъ притѣсненія крестьянъ владѣльцами. Онъ мѣры эти раздѣляетъ на два вида: именно, въ помѣстныхъ земляхъ и выслуженныхъ вотчинахъ, за притѣсненіе крестьянъ, земли отнимались у владѣльца на царя, сверхъ того онъ обязывался возвратить крестьянамъ все то, что сбиралъ съ нихъ противозаконно; а въ купленныхъ вотчинахъ земли и крестьяне отнимались у жестокаго владѣльца безденежно, и отдавались его родственникамъ добрымъ людямъ. Вотъ подлинныя слова Котошихина объ этомъ предметѣ: „какъ боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ даются помѣстья и вотчины; и имъ пишутъ въ жалованныхъ грамотахъ, что имъ крестьянъ своихъ отъ обидъ и налогъ остерегати, а подати съ нихъ имати по силѣ, а не черезъ силу.... А будетъ который помѣщикъ и вотчинникъ. нехотя за собою крестьянъ своихъ держати, и хочетъ вотчинныхъ крестьянъ своихъ продати, и напередъ учнетъ брать съ нихъ поборы великіе, не противъ силы, чѣмъ бы ихъ привести къ нуждѣ и бѣдности, а себя станетъ наполнивать для покупки иныхъ вотчинъ; и будетъ на того.... будетъ челобитье, что онъ надъ ними такъ учинилъ, исторонніе люди про то вѣдаютъ и скажутъ по сыску въ правду; и у такихъ помѣстья ихъ и вотчины, которыя даны будутъ отъ царя, возмутъ назадъ на царя, а что онъ съ кого имaлъ какихъ поборовъ черезъ силу и грабежомъ, и то велятъ на немъ взять и отдать тѣмъ крестьянамъ, а впредь тому человѣку, кто такъ учинитъ, помѣстья и вотчины не будутъ даны до вѣку. А будетъ кто учнетъ такъ чинить надъ своими вотчинными купленными мужиками; и у него тѣхъ крестьянъ возмутъ безденежно и отдадутъ родственникамъ его добрымъ людямъ“. Таковыя строгія мѣры ясно свидѣтельствуютъ, что законъ и правительство не поблажали помѣщикамъ и вотчинникамъ, и продол-

жали смотрѣть на крестьянъ, какъ на особое государственное сословіе съ своими общественными правами и обязанностями, старались поддержать это сословіе, и отнюдь еще не думали отдавать его власти землевладѣльцевъ. Не довѣрять современному свидѣтельству Котошихина мы не можемъ, ибо оно оправдывается Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, и вполнѣ согласно съ общественнымъ ходомъ дѣлъ того времени. Правительство, продолжая собирать подати по сохамъ, т. е. смотря по состоянію и средствамъ крестьянъ, естественно должно было заботиться, чтобы крестьяне имѣли болѣе средствъ; [redacted], ибо съ увеличеніемъ ихъ средствъ увеличивались и доходы казны, собираемые по животамъ и промысламъ, а съ уменьшеніемъ уменьшались. Ежели въ самомъ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ правительство видѣло финансовую мѣру для болѣе удобнаго и неотяготительнаго сбора податей, то, естественно, оно и должно было заботиться, чтобы эта мѣра достигала своей цѣли; а прямымъ препятствіемъ къ достиженію сей цѣли было раззореніе крестьянъ отъ помѣщиковъ, и вотчинниковъ; слѣдовательно, правительство для собственныхъ своихъ выгодъ, должно было брать строгія мѣры противъ произвола землевладѣльцевъ и охранять права крестьянъ.

До насъ дошли нѣкоторыя землевладѣльческія распоряженія относительно управленія ихъ крестьянами и объ обязанностяхъ крестьянъ въ отношеніи къ землевладѣльцамъ. Таковъ напримѣръ наказъ Воина Корсакова, главнаго управителя вотчинами Суздальскаго Покровскаго монастыря, къ приказщику Ѳедору, 1622 года. Въ этомъ наказѣ, во 1-хъ, опредѣляются доходы прикащика, которые состояли въ опредѣленныхъ сборахъ отъ продажи скота и избъ, въ опредѣленныхъ дарахъ на Пасху, на Рождество Христово и на Петровъ день, въ пошлинахъ отъ суда, отъ варки пива и меда, отъ явки пришлыхъ людей поступающихъ въ работники къ крестьянамъ. Во 2-хъ, подробно описывается порядокъ, какъ пахать монастырскую землю, сѣять и убирать хлѣбъ; вотъ подлинныя слова наказа. „А десятинную монастырскую пашню Ѳедору велѣти пахати тогожъ села и деревень крестьяномъ во время, не спустя пашеннаго и посѣвнаго времени, а семянъ на ту десятинную пашню высѣвати на десятину по двѣ чети ржи, по четыре чети овса, въ монастырскую въ казенную мѣру въ ровно; а на выть велѣти пахати крестьянамъ монастырскія пашни по двѣ десятины, да взгону на выть по десятинѣ въ полѣ а въ дву потомужъ; а что останется у сѣменнаго хлѣба верховъ, и тотъ хлѣбъ, верхи, перемѣрять и сыпать въ монастырскую житницу, да и тотъ посѣвъ и остаточные за сѣмены верхи написать на спи-

сокъ. А какъ дастъ Богъ монастырской хлѣбъ поспѣетъ; и Ѳедору велѣти жати тотъ хлѣбъ съ монастырскихъ десятинъ, снопы щитаючи сотницами, о по щоту сколько съ которой десятины числомъ сноповъ сотницъ будетъ, и Ѳедору велѣть писать въ ужинныя книги именно того жъ села земскому или церковному дьячу, подлинно, порознь.... И велѣти крестьяномъ, монастырская пашня пахати во время напередъ своей крестьянской пашни, неиспустя пашеннаго и посѣвнаго времени; и велѣти ту пашню пахати намягко, чтобы грудъ не было, и неоранныя бъ пашни межъ оранныхъ бороздъ крестьяне не пропускали. А навозъ на монастырскую десятинную пашню велѣти крестьяномъ возить съ монастырскихъ дворовъ, а будетъ съ монастырскихъ дворовъ навозу на десятинную монастырскую пашню будетъ мало, или будетъ гдѣ на монастырскомъ дворѣ животины монастырской нѣтъ; и Ѳедору на монастырскія десятины велѣть возить съ ихъ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ дворовъ, на выть по сороку колышекъ мѣрныхъ, а мѣра въ колышкѣ въ длину семь пядей, а поперегъ четыре пяди, а въ верхъ три пяди; и того ему смотрити и беречи накрѣпко, чтобъ крестьяне на монастырскую десятинную пашню навозъ возили по сему наказу сполна и на ближнія и на дальнія десятины ровно, а не довезши бъ до пашни по лѣсомъ и по врагомъ, для своей легкости, навозъ не метали, чтобъ одноличномо настырская десятинная пашня унавожена была вся горазцо". Въ 3-хъ, наказъ запрещаетъ крестьянамъ нанимать земли мимо монастырскихъ земель: „А на сторонахъ Ѳедору того села крестьяномъ наемныхъ пашенъ нигдѣ никому пахати невелѣти, а давати крестьяномъ пустыхъ вытей пашни пахать изъ выдѣльного хлѣба, изъ третьяго, или изъ четвертого, или изъ пятаго снопа, смотря по пашнѣ, какъ бы было монастырю прибыльнѣе.... А изъ денежнаго оброка пустыхъ пашенъ пахать недавати и на сторонахъ у вотчинниковъ и у помѣщиковъ, опричь Покровскихъ земель, пашенъ пахать, сѣна косить наймывати нигдѣ никому невелѣти, чтобъ монастырскія села непустѣли и пашня незапереложѣла". (А. А. Э. т. III. № 217). Изъ этого наказа мы видимъ, что крестьянскія работы и повинности, относительно къ землевладѣльцамъ, въ первой половинѣ XVII столѣтія были довольно значительны; но они однюдь не были значительнѣе работъ и повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ въ XVI столѣтіи, до прикрѣпленія ихъ землѣ. Чтобы яснѣе видѣть это, мы сравнимъ грамоту 1590 года, о повинностяхъ и работахъ крестьянъ Новинскаго монастыря, съ настоящимъ наказомъ. По настоящему наказу на крестьянскую выть положено по двѣ десятины, да згону десятину; въ уставной же

грамотѣ назначено только по полуторѣ десятины на выть; слѣдовательно наказъ повидимому требуетъ отъ крестьянъ сравнительно большихъ работъ. Но по наказу всѣ работы крестьянъ ограничиваются только унавоживаніемъ и пашнею земли, посѣвомъ и уборкою хлѣба въ скирды и одонья, другихъ работъ наказъ не требуетъ съ крестьянъ; напротавъ того, по уставной грамотѣ, кромѣ пашни, унавоживанія, посѣва и уборки хлѣба, съ крестьянъ еще требуются, въ пользу монастыря: сѣнокосъ, молка и отвозъ въ Москву хлѣба, по двѣ четверти на выть, возка на монастырскія строенья, по трехсаженному бревну съ выти, и платежъ по алтыну за каждую подводу въ томъ году, въ которомъ ни дровъ, ни бревенъ не требуется въ монастырь, строить своимъ кочтомъ изъ монастырскаго лѣса монастырскіе дворы и хоромы по селамъ, и сверхъ того оброкъ въ пользу монастыря съ выти, на Петровъ день и на Рождество Христово, по 20 яицъ; да на тотъ же срокъ на Рождество Христово съ выти по двѣ гривенки коровьяго масла, по сыру, да по овчинѣ, а ежели деньгами, такъ за овчину по алтыну, за сыръ по двѣ деньги, да повытно же прясть ленъ и посконь на скатерти и шерсть съ монастырскихъ овецъ на сукна. Такимъ образомъ, сравненіе наказа съ уставной грамотою ясно показываетъ, что въ первыя пятьдесятъ или сорокъ лѣтъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, ихъ работы и повинности въ отношеніи къ землевладѣльцамъ не только не увеличились, но, кажется, еще уменьшились, въ сравненіи съ работами и повинностями, которыя они несли до прикрѣпленія къ землѣ. Слѣдовательно, здѣсь доказывается самымъ дѣломъ высказанное мною выше заключеніе, что съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, по отсутствію свободнаго уравненія между запросомъ и предложеніемъ труда, владѣльцы старались не объ отягощеніи крестьянъ, а о доставленіи имъ большихъ льготъ, дабы такимъ образомъ привлекать къ себѣ больше работниковъ.

Вообще должно сказать, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, въ послѣдствіи сдѣлавшее ихъ крѣпостными людьми владѣльцевъ, до Уложенія 1649 года было еще довольно слабо, и не совершенно уничтожало прежніе ихъ переходы отъ одного владѣльца къ другому; сроки давности на отысканіе бѣглыхъ крестьянъ, сперва пятилѣтній, а потомъ деситилѣтній, довольно ясно намѣкаютъ, что законъ и правительство еще не совсѣмъ были противъ переходовъ, не рѣшались на совершенное ихъ уничтоженіе. Тогдашніе землевладѣльцы хорошо понимали, что сроки давности сильно препятствуютъ полному прикрѣпленію крестьянъ, и въ общей своей челобитной, поданной царю Михаилу Ѳеодоровичу въ

1641 году писали: „которыхъ они бѣглыхъ своихъ крестьянъ за кѣмъ провѣдаютъ, а урочные лѣта тѣмъ бѣглымъ крестьянамъ не отойдутъ: и они въ тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянѣхъ суда и указу добиться не могутъ, а которые и засудясь за суднымъ дѣломъ за вершенымъ волочатся многое время; а которые де ихъ бѣглые крестьяне изъ урочныхъ лѣтъ выйдутъ; и въ тѣхъ имъ крестьянѣхъ и отъ суда урочными лѣты отказываютъ. И государь бы ихъ пожаловалъ, бѣглымъ изъ за нихъ крестьянамъ урочные лѣта велѣлъ отставить; а велѣлъ бы имъ государь тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавати по помѣстнымъ имъ и вотчиннымъ дачамъ и по писцовымъ книгамъ и по выписямъ, что кому чѣмъ крѣпокъ". (А. И. т. III. стр. 110). Но царь въ то время не рѣшился исполнить просьбу землевладельцевъ, и оставилъ десятилѣтній срокъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ, и тѣмъ самымъ снова законно подтвердилъ возможность переходовъ, хотя и противозаконныхъ. Такимъ образомъ, во время царствованія Михаила Θеодоровича, крестьяне не только не были крѣпостными людьми землевладѣльцевъ, но и къ самой землѣ не совсѣмъ были крѣпки; частное же ихъ хозяйство, по всему вѣроятію, значительно улучшилось, ибо съ прикрѣпленіемъ къ землѣ платежъ казенныхъ податей и отправленіе повинностей сдѣлались равномѣрнѣе; что же касается до общественнаго положенія крестьянъ, какъ сословія, то оно осталось нисколько неизмѣннымъ противъ того, каковымъ было до прикрѣпленія; прикрѣпленіе легло одинаково не только на всѣхъ крестьянъ государевыхъ и владѣльческихъ, но и на посадскихъ и служилыхъ людей; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи сравняло всѣ сословія.

Крестьяне въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича.

а) (положеніе крестьянъ по закону).

Положеніе крестьянъ вскорѣ по смерти царя Михаила Θеодоровича измѣнилось; десятилѣтній срокъ, такъ много еще способствовавшій крестьянскимъ переходамъ, и такъ неугодный землевладѣльцамъ, наконецъ, при новомъ царѣ, былъ отмѣненъ совершенно. Еще въ первый же годъ по смерти царя Михаила Θеодоровича, дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ били челомъ царю Алексѣю Михайловичу и въ челобитной своей писали: „Служили мы отцу твоему государеву тридцать два года, также и прежнимъ государемъ служили безпрестанныя службы, и отъ слу-

хлѣбъ обѣдняли и одолжали великими долги, и коньми опали, а помѣстья и вотчины наши опустѣли, и домы наши оскудѣли и раззорены безъ остатку отъ войны и отъ сильныхъ людей, которые люди наши и крестьяне выходятъ изъ за насъ за сильныхъ людей за бояръ и окольничихъ, и за ближнихъ людей, и за власти, и за монастыри; и государевъ указъ къ отдачѣ тѣхъ нашихъ бѣглыхъ крестьянъ урочные годы десять лѣтъ. А мы по вся годы бываемъ на государевыхъ службахъ; и въ тѣ урочные годы про тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ, провѣдати не можемъ. А иные сильные люди бѣглыхъ нашихъ крестьянъ для тѣхъ урочныхъ лѣтъ развозятъ по дальнымъ своимъ вотчинамъ; и какъ тѣмъ нашимъ бѣглымъ крестьянамъ урочные годы пройдутъ, и они тѣхъ нашихъ бѣглыхъ крестьянъ привозятъ въ вотчины свои, которыя съ нами смежно, да и достальныхъ людей нашихъ и крестьянъ изъ за насъ вывозятъ въ свои жъ вотчины и помѣстья, и тѣхъ нашихъ бѣглыхъ крестьянъ называютъ своими старинными крестьяны. А иныхъ крестьянъ нашихъ тѣ бѣглые крестьяне, живучи за сильными людьми, пишутъ въ писцовыя книги и въ ссудныя записи заочно, дружа тѣмъ, за кѣмъ они живутъ, бѣгая отъ насъ. И государь бы насъ пожаловалъ, велѣлъ въ отдачѣ бѣглыхъ крестьянъ урочные лѣта отставить, и пожаловалъ бы государь, велѣлъ тѣхъ бѣглыхъ нашихъ крестьянъ отдавать намъ по писцовымъ книгамъ и по выписямъ, какъ мы тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдаемъ, и не въ урочные лѣта". (А. Ар. Эк. т. IV. № 14). Это челобитье въ сущности своей одинаково съ подобнымъ челобитьемъ, поданнымъ городовыми дворянами царю Михайлу Ѳеодоровичу въ 1641 году; въ томъ и другомъ ясно изображается, что урочные годы, для отысканія бѣглыхъ крестьянъ, служили важнымъ средствомъ для перехода ихъ съ одной земли на другую, слѣдовательно, при урочныхъ годахъ крестьяне еще не совсѣмъ были крѣпки земли.

Въ 1641 году челобитье дворянъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, какъ мы уже видѣли, не имѣло успѣха, царь оставилъ десятилѣтній срокъ въ законной силѣ; но второе челобитье 1645 года была успѣшнѣе: новый царь отмѣнилъ урочные годы на будущее время, но за прошедшее оставилъ въ прежней силѣ старый десятилѣтній срокъ. Въ писцовомъ наказѣ 1646 года сказано: „государь царь и в. к. Алексѣй Михайловичъ всея Русіи указалъ и бояре приговорили: той статьѣ о крестьянѣхъ быть по уложенью прежнихъ государей, и какъ учинено при его государевѣ отцѣ, блаженныя памяти при великомъ государѣ, царѣ и в. к. Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Русіи въ 149 году, потому что предъ уло-

женіемъ прежнихъ государей прибавлено пять лѣтъ, и учинено вдвое, дѣсять лѣтъ.... А гдѣ писцы наѣдутъ пустые дворы, и учнутъ имъ помѣщики и вотчинники сказывать, что отъ нихъ изъ тѣхъ дворовъ крестьяне и бобыли побѣжали; и имъ о томъ разпрашивать подлинно, и писать тѣхъ крестьянъ и бобылей, и ихъ дѣтей, и братью, и племянниковъ съ отцы и съ прозвищи, и кто въ которомъ году выбѣжалъ, въ указные десять лѣтъ, а далѣе десяти лѣтъ не писать. А то имъ сказывать, будетъ кто чужаго крестьянина напишетъ за собою въ бѣгахъ, а послѣ про то сыщется; и имъ быть въ жестокомъ наказаньѣ. А какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ; и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне у бобыли, и ихъ дѣти, и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ, и которые народятся послѣ той переписки, и учнутъ жить дворами вновь, и тѣхъ дворовъ лишними дворами не ставить, потому что отцы ихъ въ переписныхъ книгахъ написаны" (ibidem). Такимъ образомъ писцовымъ наказомъ 1646 года, крестьяне, попавшіе въ новую перепись, на всегда прикрѣплены къ землѣ съ своими дѣтьми, братьями и племянниками, живущими не отдѣльно, и съ тѣмъ вмѣстѣ для всѣхъ сихъ крестьяну и для ихъ потомства навсегда отмѣнены урочные годы, они объявлены крѣпкими землѣ и безъ урочныхъ лѣтъ.

Писцовый наказъ 1646 года извѣстенъ печатно только въ циркулярѣ къ писцамъ Московскаго уѣзда; но на дѣлѣ касался не одной Москвы съ уѣздомъ, а всего Московскаго государства. Я имѣлъ въ рукахъ рукописныя переписныя книги 1646 года Суздальскаго и нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ, составленныя по сему наказу; слѣдовательно, распоряженія сего наказа о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ безъ урочныхъ лѣтъ были для всей Россіи. Но правительство не остановилось и на этомъ наказѣ: въ слѣдующемъ же 1647 году и десятилѣтній срокъ для вывоза крестьянъ за прежніе годы былъ измѣненъ въ пятнадцатилѣтній. Въ царской грамотѣ отъ 19-го Октября 1647 года сыщику Константину Койсарову, сказано: „и ты бъ нашихъ Сумерскіе волости и Старополья сошлыхъ крестьянъ, которые живутъ за Новгородскимъ митрополитомъ и за монастыри и за помѣщики, сыскивалъ по нашему наказу и выводилъ тѣхъ сошлыхъ крестьянъ въ Сумерскую волость на прежніе ихъ участки, гдѣ кто жилъ, за пятнадцать лѣтъ, или малымъ чѣмъ больши, со всѣми ихъ животы". То же подтверждено опредѣленіемъ отъ 24 Октября того же года, относительно бѣглыхъ крестьянъ изъ Заонѣжскихъ погостовъ; въ опредѣленіи семъ сказано: „послать грамоты къ Василью Золота-

реву (сыщику), велѣть вывозить всякихъ крестьянъ по государеву указу, за пятнадцать лѣтъ, а больши пятнадцати лѣтъ не вывозить, и даней никакихъ больши того неимать, и насильства никому ни какого не ченить". (Допол. къ ак. Истор. т. II. №№ 32 и 33).

Наконецъ Соборное Уложеніе 1649 года совершенно отмѣнило урочные годы и за прежнее время; оно указало: бѣглыхъ крестьянъ всѣхъ безъ различія,—какіе бы они не были, дворцовые ли, или черныхъ волостей, или помѣщичьи, или вотчиничьи—возвращать на старыя мѣста жительства безсрочно; а терминомъ съ котораго считать ихъ принадлежащими той или другой мѣстности, положило писцовыя книги, составленныя послѣ пожара 1626 года; кто гдѣ записанъ по симъ писцовымъ книгамъ, тотъ непремѣнно и безсрочно и доженъ быть возвращенъ туда, гдѣ записанъ, даже дѣти записаннаго въ сихъ писцовыхъ книгахъ должны возвращаться на старое мѣсто жительства отца, хотя бы сами и не были записаны въ писцовыхъ книгахъ. Правиламъ этого новаго прикрѣпленія въ Уложеніи посвящена XI глава.

Первая статья XI главы Уложенія прямо говоритъ: „Которые государевы дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей крестьяне и бобыли, выбѣжавъ изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей, живутъ за патріархомъ, и за митрополиты.... и за всякими вотчинники и помѣщики; а въ писцовыхъ книгахъ, которыя книги писцы подали въ помѣстный и иные приказы послѣ Московскому пожару, прошлаго 134 году, тѣ бѣглые крестьяне или отцы ихъ написаны за государемъ; и тѣхъ государевыхъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, сыскивая, возити въ государевы дворцовыя села и черныя волости, на старые ихъ жеребьи, по писцовымъ книгамъ, съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животы безъ урочныхъ лѣтъ". Почти тоже повторяетъ вторая статья той же главы относительно бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, бѣжавшихъ съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель; только здѣсь по самому ходу дѣла терминомъ возвращенія положены не однѣ писцовыя книги, поданныя послѣ 1626 года, но и другіе документы о правахъ вотчинника или помѣщика. „Будетъ ли, сказано во статьѣ, тѣ ихъ бѣглые крестьяне, или тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ отцы, въ тѣхъ писцовыхъ книгахъ за ними написаны, или послѣ тѣхъ писцовыхъ книгъ, тѣже ихъ крестьяне или ихъ дѣти по новымъ дачамъ написаны за кѣмъ въ отдѣльныхъ или въ оказанныхъ книгахъ". Симъ положеніемъ Соборное уложеніе 1649 года признало порядокъ перваго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, узаконенный въ концѣ XVI столѣтія, и отмѣнило всѣ укло-

ненія отъ сего порядка, бывшія до сего времени, и однимъ почеркомъ пера уничтожило не только свободу, но и возможность крестьянскаго перехода съ одной земли на другую. Теперь крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ и отписанный таковымъ по писцовымъ книгамъ, поданнымъ послѣ 1626 года, уже потерялъ всѣ законные способы оставить одну землю и поселиться на другой, и ни одинъ землевладѣлецъ уже ничѣмъ не могъ извиниться въ принятіи бѣглаго крестьянина. Само Уложеніе ясно говоритъ, что теперь только крестьяне окончательно прикрѣплены къ землѣ; въ третьей стѣтьѣ XI главы сказано: „А владѣнья за тѣхъ крестьянъ на прошлые годы, до сего нынѣшняго Уложенія, не указывать; и которые крестьяне, будучи въ бѣгахъ, дочери свои дѣвки, или сестры, или племянницы выдали замужъ за крестьянъ тѣхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, за кѣмъ они жили, или на сторону въ иное село или деревню, и того въ вину не ставить, и по тѣмъ дѣвкамъ мужей ихъ прежнимъ вотчинникамъ и помѣщикамъ не отдавать. Потому что о томъ, по нынѣшній государевъ указъ, государевы заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати, а указаны были бѣглымъ крестьянамъ урочные годы".

Полное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ по Уложенію простиралось не только на самихъ крестьянъ, записанныхъ въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ, но и на ихъ дѣтей, которые родились у крестьянина въ то время, когда онъ въ бѣгахъ жилъ за другимъ владѣльцемъ, и даже на зятьевъ, ежели крестьянинъ будучи въ бѣгахъ выдалъ за кого свою дочь, или крестьянская дѣвка или вдова въ бѣгахъ вышла за кого замужъ; всѣ эти лица по суду и по сыску возвращались старому владѣльцу, отъ котораго бѣжалъ крестьянинъ отецъ, записанный въ писцовыхъ или переписныхъ книгахъ; не возвращались только тѣ сыновья, которые жили отдѣльно отъ отца, своимъ семействомъ, своимъ дворомъ. Въ 28 статьѣ XI главы сказано: „и доведутся тѣ крестьяне, по суду взявъ у отвѣтчика, отдать исцу; и тѣхъ крестьянъ отдавать исцомъ во крестьянство съ женами и съ дѣтьми, которыхъ дѣтей тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ хотя и въ писцовыхъ книгахъ не написано, а живутъ съ отцомъ своимъ и съ матерью вмѣстѣ, а не въ раздѣлѣ". А въ 17-й статьѣ той же главы: „А будетъ изъ за кого выбѣжитъ крестьянинъ или бобыль, и въ бѣгахъ дочь свою дѣвку, или вдову выдастъ замужъ за чьего кабальнаго человѣка, или за крестьянина, или за бобыля того, къ кому онъ прибѣжитъ, а послѣ того тотъ бѣглый крестьянинъ по суду доведется отдать съ женою и съ дѣтьми тому, изъ за кого онъ выбѣ-

житъ; и съ тѣмъ бѣглымъ крестьяниномъ или бобылемъ прежнему его помѣщику отдать и зятя его, за кого онъ въ бѣгахъ дочь свою выдастъ. А будетъ у зятя будутъ дѣти съ первою его женою; и тѣхъ его первыхъ дѣтей челобитчику не отдавати". А 18-я статья той же главы гласитъ, что ежели бы крестьянинъ въ бѣгахъ выдалъ дочь свою замужъ на сторону, а не въ томъ имѣньи, гдѣ онъ жилъ въ бѣгахъ, то по суду, при возвращеніи бѣглаго крестьянина къ прежнему владѣльцу, отдавался прежнему владѣльцу и зять его, живущій на сторонѣ.

Но прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ по Уложенію было только чисто финансовою мѣрою правительства, нисколько не касаясь правъ крестьянства, какъ государственнаго сословія; единственную цѣль прикрѣпленія составляла удобность собирать казенныя подати съ земель, постоянно занятыхъ крестьянами. Это прямо и ясно свидѣльствуютъ слѣдующія статьи XI главы Уложенія. Статья 6-я: „А изъ за кого они (крестьяне) будутъ взяты; и съ тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ государевыхъ поборовъ никакихъ по переписнымъ книгамъ за нихъ не имать; а имать государевы всякіе поборы съ тѣхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, за кѣмъ они по отдачѣ учнутъ жити во крестьянѣхъ". Статья 7-я: „А у которыхъ вотчинниковъ, по суду и по сыску и по писцовымъ книгамъ, крестьяне взяты будутъ и отданы исцомъ изъ купленныхъ ихъ вотчинъ; а купили тѣ вотчины съ тѣми крестьяны послѣ писцовъ, а въ купчихъ тѣ крестьяне у нихъ написаны; и тѣмъ вотчинникомъ мѣсто тѣхъ отдаточныхъ крестьянъ, взяти на продавцахъ такихъ же крестьянъ, со всѣми животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ изъ иныхъ ихъ вотчинъ". А еще яснѣе въ 10-й статьѣ: „А будетъ кто съ сего государева уложенія учнетъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, и ихъ дѣтей, братью и племянниковъ принимать и за собою держать, а вотчинники и помѣщики тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ за нимъ сыщутъ; и имъ тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей по суду и по сыску и по переписнымъ книгамъ отдавать съ женами и съ дѣтьми, и со всѣми ихъ животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ и съ земленымъ безъ урочныхъ лѣтъ. А сколько они за кѣмъ съ сего государева уложенія въ бѣгахъ поживутъ; и на тѣхъ, за кѣмъ они учнутъ жить, за государевы подати и за помѣщиковы доходы, взять за всякаго крестьянина по десяти рублевъ на годъ, и отдавать исцомъ, чьи тѣ крестьяне и бобыли".

Въ первой изъ приведенныхъ статей мы видимъ, что по новому прикрѣпленію государевы подати собирались съ того имѣнія, въ которое бѣглый крестьянинъ переводился по суду и по сыску,

а не съ того, гдѣ онъ жилъ въ бѣгахъ, и гдѣ неправильно записанъ по переписнымъ книгамъ 1646 и 1647 годовъ; слѣдовательно, главная забота новаго прикрѣпленія состояла въ томъ, чтобы не было путаницы при сборѣ податей; правительство и законъ, передавши бѣглаго крестьянина старому владѣльцу, на его имѣніе возлагали и платежъ податей, хотя бы по порядку этотъ платежъ лежалъ на томъ имѣніи, въ которомъ крестьянинъ во время бѣговъ записанъ по переписнымъ книгамъ. А вторая статья, не нарушая частныхъ сдѣлокъ, совершенныхъ правильно по установленнымъ законамъ, въ тоже время строго преслѣдуетъ финансовую цѣль, чтобы подати не пропали съ того имѣнія, откуда бѣжалъ крестьянинъ; у покупателя она не отнимаетъ бѣглаго крестьянина, ежели онъ купленъ имъ вмѣстѣ съ вотчиною, но за то требуетъ съ продавца, принявшаго бѣглаго крестьянина, чтобы онъ отдалъ своего крестьянина изъ другой вотчины со всѣмъ крестьянскимъ имуществамъ и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ. Третья же статья показываетъ, что владѣльцы земель, съ которыхъ бѣжали крестьяне, платили за нихъ государевы подати въ продолженіи всего времени, какъ крестьяне находились въ бѣгахъ; иначе бы закону не зачѣмъ было взыскивать подати за прошлые годы съ того, кто держалъ бѣглыхъ крестьянъ. Слѣдовательно, переманиваніе и передерживаніе бѣглыхъ крестьянъ не только доставляло работниковъ передерживателю, но и представляло ту выгоду, что съ сихъ работниковъ не шло казенныхъ податей. А ежели это такъ, то можно заключить, что и крестьяне бѣгали, сколько изъ того, что у одного владѣльца лучше было жить, нежели у другаго, столько изъ того, что въ бѣгахъ они укрывались отъ казенныхъ податей.

Вообще первоначальное прикрѣпленіе крестьянъ, ослабляемое урочными годами, какъ мы уже видѣли изъ челобитной дворянъ, поданной царю Алексѣю Михайловичу въ 1645 году, представляло еще обширное поле разнымъ плутнямъ; и плутни эти особенно были тягостны для землевладѣльцевъ, долженствовавшихъ платить подати и за тѣхъ крестьянъ, которые отъ нихъ бѣжали и работали у другихъ владѣльцевъ. А посему ясно, что Уложеніе, вмѣстѣ съ писцовымъ наказомъ 1646 года, прямо отвѣчало на челобитную 1645 года и, отмѣняя урочные годы, прикрѣпляя крестьянъ совершенно и преслѣдуя бѣглыхъ, собственно заботилось о томъ, чтобы подати не пропадали, и чтобы при сборѣ ихъ не было путаницы и безпорядковъ, чтобы въ платежѣ податей не было излишняго отягощенія однихъ землевладѣльцевъ передъ другими.

Еще яснѣе представляется чисто финансовая цѣль закона о прикрѣпленіи въ 24-й статьѣ той же XI главы Уложенія. Статья сія узаконяетъ, чтобы не считать за утайку дворовъ, ежели послѣ переписныхъ книгъ 154 и 155 годовъ окажутся въ имѣніяхъ новые дворы, образовавшіеся чрезъ раздѣлъ старыхъ крестьянскихъ семействъ, записанныхъ уже въ переписныхъ книгахъ. Въ статьѣ сказано: „А у которыхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ крестьянъ ихъ братьи и дѣти и племянники, написаны въ переписныхъ книгахъ во дворехъ со отцы своими и съ племенемъ вмѣстѣ, а послѣ переписки отдѣлилися и учали жить себѣ дворами; и тѣхъ дворовъ въ утайку не ставить, и лишними дворами не называть, потому что они въ переписныхъ книгахъ написаны со отцы своими и съ племенемъ вмѣстѣ“. Далѣе тою же статьею запрещается съ 1-го Сентября 157 года подача челобитенъ о утаенныхъ дворахъ; въ статьѣ сказано: „И впредъ съ Сентября съ 1-го числа нынѣшняго 157 года, о утаенныхъ дворѣхъ никому государю не бить челомъ, и въ помѣстномъ приказѣ о томъ ни у кого челобитенъ не принимать, для того, что въ прошломъ 154 и въ 155 годѣхъ, по государеву указу, за всякими вотчинники и за помѣщики крестьянъ и бобылей переписывали стольники и дворяне Московскіе за крестнымъ цѣлованіемъ. А которые писали не по правдѣ, и въ тѣ мѣста посылали переписывать вдругорядъ, а за неправое письмо переписчикамъ учинено жестокое наказанье“. Эта статья прямо говоритъ, что всѣ заботы закона преимущественно обращены были на то, чтобы не было, такъ обычныхъ въ то время*), утаекъ въ крестьянскихъ дворахъ, чтобы не было избылыхъ при платежѣ государственныхъ податей и отправленіи повинностей, а лучшею и вѣрнѣйшею для этого мѣрою считалось прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

Но прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, по Уложенію, не смотря на свою полноту и строгость, еще не дѣлало крестьянъ крѣпостными людьми своихъ землевладѣльцевъ. Уложеніе считало крестьянъ только крѣпкими землѣ, землевладѣльцамъ же крестьяне принадлежали постольку, поскольку землевлевладѣлецъ имѣлъ право на

---

*) Въ XVII вѣкѣ землевладѣльцы принимали разныя средства, чтобы при составленіи писцовыхъ книгъ, хотя сколько нибудь дворовъ показать пустыми. Вотъ нѣкоторыя мѣры, употреблявшіеся для этой цѣли, тогдашними землевладѣльцами, замѣченныя писцовымъ наказомъ 1646 года. Землевладѣльцы для записи въ писцовыя книги переводили на это время крестьянъ изъ нѣсколькихъ дворовъ въ одинъ, чужихъ крестьянъ и бобылей писали за собою за очно, какъ бы находящимся въ бѣгахъ, называли крестьянскіе дворы людскими, на время переписки укрывали крестьянъ въ лѣсахъ, монастыри называли крестьянъ служками дѣтенышами, и проч.

землю. Такъ полный землевладѣлецъ-собственникъ, имѣлъ болѣе правъ и на крестьянина, живущаго въ его вотчинѣ, а помѣщикъ, не полный владѣлецъ, имѣлъ менѣе правъ и на крестьянина, живущаго въ его помѣстьѣ.

Помѣщикъ, во 1-хъ, не имѣлъ права переводить крестьянъ съ своей помѣстной земли на вотчинную, на томъ основаніи, что помѣстная земля была не совсѣмъ крѣпка своему владѣльцу, не составляла его частной собственности, а была государственною землею, отданною во временное владѣніе. Тридцатая и тридцать первая статья XI главы Уложенія прямо свидѣтельствуютъ о запрещеніи переводить крестьянъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя. Въ нихъ сказано: „А за которыми помѣщики и вотчинники крестьяне и бобыли въ писцовыхъ, или въ отдѣльныхъ, или въ отказныхъ книгахъ и выписяхъ написаны, на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ порознь; и тѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ крестьянъ своихъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя свои земли не сводить, и тѣмъ своихъ помѣстій не пустошить. А будетъ которые помѣщики и вотчинники крестьянъ своихъ учнутъ съ помѣстныхъ своихъ земель сводить на вотчинныя свои земли, а послѣ того помѣстья ихъ даны будутъ инымъ помѣщикомъ; и тѣ новые помѣщики учнутъ бить челомъ о тѣхъ крестьянѣхъ. И тѣмъ новымъ помѣщикомъ тѣхъ крестьянъ съ вотчинныхъ земель на помѣстныя земли отдавать со всѣми ихъ крестьянскими животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ“. А седьмая статья XVI главы Уложенія, дозволяя помѣщикамъ мѣнять свои жилыя помѣстья на пустыя вотчинныя земли, требуетъ, чтобы при таковой мѣнѣ крестьяне переводились на промѣнныя пустыя земли. Въ статьѣ сказано: „А будетъ, кто учнетъ государю бить челомъ о роспискѣ мѣновнаго своего помѣстья, или вотчины, со крестьяны, а вымѣняетъ онъ на то свое жилое помѣстье, или на вотчину помѣстную или вотчинную пустую землю, а про крестьянъ жилаго своего помѣстья или вотчины напишетъ, что ему крестьянъ изъ помѣстья своего свезти на иную свою помѣстную землю; и такія помѣстья или вотчины по заручнымъ челобитнымъ росписывать“.

Въ 2-хъ, третья статья XV главы Уложенья не только запрещаетъ переводить крестьянъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя, но даже не дозволяетъ помѣщику отпускать крестьянъ на волю. „А будетъ который крестьянинъ отпущенъ будетъ изъ помѣстья и того крестьянина по писцовымъ книгамъ отдать новому помѣщику; потому что изъ помѣстій помѣщикомъ крестьянъ на волю отпускать не указано“.

Въ 3-хъ, самый трудъ крестьянина на помѣщика по Уложенію имѣлъ опредѣленныя закономъ границы, и помѣщикъ, сверхъ положенной закономъ мѣры на тягло, не имѣлъ права принуждать крестьянъ обработывать лишнюю землю; а ежели хотѣлъ имѣть запашку больше той мѣры, которая ему приходилась, смотря по крестьянскимъ тягламъ; то долженъ былъ дѣлать это или чрезъ своихъ дѣловыхъ людей, или посредствомъ свободнаго найма, а отнюдь не обязательнымъ крестьянскимъ трудомъ. Ибо по 38-й статьѣ XVI главы Уложенья, въ случаѣ, ежели бы у кого помѣстье было отписано и отдано въ раздачу другимъ помѣщикамъ, то хлѣбъ, сѣянный па стараго помѣщика, крестьяне обязывались сжать въ его пользу; но только тотъ хлѣбъ, землю подъ который они сами пахали на помѣщика, хлѣбъ же, который сѣялъ помѣщикъ дѣловыми людьми и наймитами, крестьяне не обязывались убирать. Вотъ слова статьи: „А будетъ у кого по государеву указу взято будетъ помѣстье, и отдано въ роздачу; а въ тѣхъ помѣстьяхъ сѣяна будетъ рожъ на старыхъ помѣщиковъ крестьянскіе пахоты, и съ тое ржи новымъ помѣщикомъ дати сѣмена на живущую пашню крестьянскіе пахоты; тоже, что сѣяно было на стараго помѣщика и приполонъ отдавать старымъ помѣщикомъ, а сжать тотъ хлѣбъ тѣмъ-же крестьяномъ, которые тотъ хлѣбъ сѣяли. А который хлѣбъ на старыхъ помѣщиковъ сѣяли дѣловые или наемные люди; и тотъ хлѣбъ жати старымъ помѣщикомъ самимъ, а крестьянъ того хлѣба, пахоты дѣловыхъ и наемныхъ людей, жати не заставливать“.

Въ 4-хъ, наконецъ 45-я статья той же XVI главы прямо ограничиваетъ власть помѣщика, и даже налагаетъ на него отвѣтственность передъ правительствомъ, ежели по своему нерадѣнію или злому умыслу онъ будетъ пустошить свое помѣстье и отягощать крестьянъ налогами и насильствами. Въ статьѣ сказано: „А будетъ которыя Мурзы и Татарове не хотя государю служитъ, и своимъ воровствомъ не проча себѣ, свои помѣстья всякихъ чиновъ людемъ сдавать, или мѣнять и продавать, и въ закладъ и въ наемъ отдавать, и пустошить и крестьянъ грабить, и налоги и насилье чинить, и отъ ихъ налоги изъ тѣхъ ихъ помѣстій крестьяне разбѣгутся, и тѣ помѣстья запустоша, или проворовавъ, учнуть бѣдать и отъ службы отбывать, а послѣ про то сыщется; и тѣмъ Мурзамъ и Татарамъ за то чинить наказанье, что государь укажетъ“.

Но отношеніе вотчинниковъ къ крестьянамъ живущимъ на ихъ вотчинныхъ земляхъ, по всему вѣроятію, были иныя противъ отношеній помѣщиковъ къ своимъ помѣстнымъ крестьянамъ; ибо на

самыя земли вотчинниковъ имѣли другія права, а не тѣ, которыя были у помѣщиковъ. Вотчинникамъ земля принадлежала въ полную собственность, они безпрепятственно могли ее продавать, дарить, закладывать, или другимъ способомъ отчуждать, — по крайней мѣрѣ имъ принадлежали всѣ сіи права въ купленныхъ вотчинахъ. Слѣдовательно и на крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ, вотчинники имѣли болѣе правъ, чѣмъ помѣщики на своихъ крестьянъ; по крайней мѣрѣ всѣ ограниченія помѣщичьихъ правъ, указанныя выше, въ Уложеніи, нигдѣ не распространены на вотчинниковъ. Такъ по Уложенію, во 1-хъ, на вотчинниковъ не распространено запрещеніе переводить крестьянъ съ одной вотчиной земли на другую; во 2-хъ, у вотчинниковъ не отнято право увольнять крестьянъ; въ третьей статьѣ XV главы Уложеніе прямо сказано: „и будетъ который крестьянинъ или бобыль отпущенъ изъ вотчины съ отпускною; и того крестьянина новому вотчиннику не отдавать“. Тогда какъ о помѣстномъ крестьянинѣ узаконено: „А будетъ который крестьянинъ отпушенъ будетъ изъ помѣстья; и того крестьянина по писцовымъ книгамъ отдавать новому помѣщику“. Въ 3-хъ, при выкупѣ родственниками проданныхъ вотчинъ, вновь прибылые крестьянскіе дворы увеличивали цѣну выкупа, причемъ каждый прибылый крестьянскій дворъ по закону цѣнился въ пятьдесятъ рублей. Въ 27-й статьѣ XVI главы Уложенія сказано: „А что сверхъ купчихъ и закладныхъ у кого въ вотчинѣ прибыло дворовъ крестьянскихъ и въ нихъ людей, и росчистные пашни и сѣнныхъ покосовъ изъ лѣсные поросли; и за то прибылое вотчинное строенье вотчинникомъ, кто учнетъ выкупать, платить тѣмъ людемъ, у кого они учнутъ выкупать тѣ вотчины, по суду и по сыску. За крестьянскій дворъ съ людьми пятдесятъ рублевъ; за распашную землю, которая разчищена вновь изъ лѣсные поросли, по три рубли за десятину; за сѣнные покосы, которые разчищены вновь изъ лѣсные же поросли, по два рубля за десятину“. Слѣдовательно, при продажѣ населенныхъ вотчинныхъ земель, продавались и крестьяне вмѣстѣ съ землею, какъ неотъемлемая принадлежность земли, но отнюдь не какъ собственность вотчинника.

Впрочемъ полное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ, указанныя Уложеніемъ, нисколько еще не доказываютъ, чтобы крестьяне съ прикрѣпленіемъ къ землѣ сдѣлались крѣпостными людьми своихъ землевладѣльцевъ, чтобы сравнялись съ полными холопами, съ рабами. Землевладѣльцы по Уложенію еще не могли продавать крестьянъ отдѣльно отъ земли, какъ продавали холоповъ; въ Уложеніи даже нѣтъ и на-

меновъ о возможности таковой продажи крестьянъ; напротивъ, въ Уложенiи мы видимъ довольно ясныя указанiя, что законъ еще не смѣшивалъ крестьянъ съ холопами, и дозволялъ только продажу земель съ крестьянами, (причемъ крестьяне не продавались, а только переходили съ землею къ новому владѣльцу), а не крестьянъ отдѣльно отъ земли. Самыя ясныя указанiя на такой взглядъ Уложенiя представляетъ сравненiе 27 и 29 статей XVII главы съ 51 и 91 статьями XX главы. По 27 и 29 статьямъ крестьянскiй дворъ съ людьми оцѣненъ въ 50 рублей, и по 51 и 91 статьямъ холопъ оцѣненъ также въ 50 рублей; слѣдовательно, повидимому, крестьянинъ и холопъ поставлены въ одну категорiю продажныхъ цѣнностей; а по сему ежели холопы были крѣпостными людьми своихъ господъ, то и крестьяне также были ихъ крѣпостными, ихъ полною собственностiю; но эта одинаковость, это сходство были видимыя, въ сущности же значенiе холопа и значенiе крестьянина были далеко неодинаковы, даже самыя цѣны имѣли большую разницу. По 27 статьѣ XVII главы въ пятдесятъ рублей былъ оцѣненъ цѣлый крестьянскiй дворъ съ людьми, въ крестьянскомъ же дворѣ, какъ мы знаемъ изъ писцовыхъ книгъ, могло быть по пяти человѣкъ и больше однихъ мущинъ; напротивъ того, въ 51 и 91 статьяхъ XX главы, въ пятдесятъ рублей оцѣненъ одинъ холопъ, а не цѣлая семья; въ статьяхъ прямо сказано: „за всякаго человѣка отдать по пятидесяти рублевъ". Слѣдовательно, разность цѣнъ очевидна. Можно сказать, что это еще не доказываетъ что крестьяне не были крѣпостными людьми своихъ землевладѣльцевъ, а свидѣтельствуетъ только, что крестьяне продавались дешевле холоповъ,— во что былъ оцѣненъ по закону одинъ холопъ, въ тоже оцѣненъ крестьянскiй дворъ. Но здѣсь особенно важны основанiе и форма оцѣнки, въ нихъ заключается прямое указанiе, что крестьяне не были крѣпостными людьми своихъ землевладѣльцевъ. Холопъ оцѣнивается какъ полная собственность господина въ самомъ своемъ лицѣ, и по закону имѣетъ опредѣленную цѣну пятдесятъ рублей за голову; напротивъ того, крестьянинъ, какъ лицо, не подлежитъ оцѣнкѣ, законъ не говоритъ, что стоитъ крестьянинъ, а оцѣниваетъ только крестьянскiй дворъ съ людьми, не опредѣляя нисколько числа людей во дворѣ,—ясно, что по закону крестьнину не назначается цѣны, а чему нѣтъ цѣны, то и не подлежитъ продажѣ; слѣдовательно, по Уложенiю крестьянинъ не подлѣжалъ продажѣ, а продавались только вотчины съ крестьянскими дворами и живущими въ нихъ крестьянами, причемъ крестьянскiй дворъ съ людьми принимался какъ выть, тягло, какъ

представитель извѣстной опредѣленной доли земли, приносящей доходъ и подлежащей платежу опредѣленной доли государственныхъ податей. А посему законъ, въ 27 и 29 статьяхъ XVII главы, опредѣляя, что каждый прибылой крестьянскій дворъ увеличивалъ цѣнность вотчины въ пятьдесятъ рублей, утверждаетъ только что крестьянскій дворъ приноситъ лишняго дохода съ вотчины но столько же, на сколько бы приносилъ процентовъ капиталъ въ пятьдесятъ рублей, а отнюдь не выражаетъ того, чтобы крестьянская семья стоила пятьдесятъ рублей, ибо въ такомъ случаѣ нужно бы было опредѣлить число людей составляющихъ крестьянскую семью. Слѣдовательно, отсутствіе опредѣленія числа людей въ крестьянской семьѣ прямо говоритъ, что крестьянская семья не составляла собственности владѣльца, и по сему не подлежала оцѣнкѣ*), оцѣнивался же только жилой крестьянскій дворъ съ приписанною къ нему долею земли, капиталъ приносящій доходъ землевладѣльцу.

Значеніе крестьянъ, какъ не крѣпостныхъ людей своихъ землевладѣльцевъ, указанное 27 и 29 статьями XVII главы, вполнѣ подтверждается и еще яснѣе высказывается въ другихъ главахъ Уложенія. Такъ, во 1-хъ, сто шестьдесятъ первая статья X главы Уложенія прямо признаетъ крестьянъ членами русскаго общества, т. е. свободными полноправными лицами, наравнѣ съ духовенствомъ, дворянами, купцами и посадскими людьми. Въ сей статьѣ о порядкѣ повальнаго обыска сказано: „и посылать сыскивать повальнымъ образомъ всякихъ чиновъ многими людьми безъотводно: архимандриты, игумены и старцы по иноческому обѣщанію, а протопопы и попы и дьконы по священству, а дворяны и дѣтьми боярскими и всякими служилыми и посадскими людьми и дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей старосты, и цѣловальники, и крестьяны, и вотчинниковыми и помѣщиковыми прикащики, и старосты, и цѣловальники, и крестьяны, и всякихъ чиновъ Русскими людьми, по государеву крестному цѣлованію.“ Изъ настоящей статьи мы не видимъ никакого различія между

*) Мнѣ можетъ быть возразятъ, что такого строгаго разграниченія въ значеніи холопа и крестьянина не могло быть во время Уложенія, по неразвитости юридическихъ понятій въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ; но разсужденіе о возможности или не возможности не имѣетъ мѣста, когда на самомъ дѣлѣ по свидѣтельству закона существовало такое разграниченіе, когда по приведеннымъ статьямъ Уложенія дѣйствительно иначе оцѣнивались холопы и иначе крестьяне, и когда Уложеніе прямо запрещало землевладѣльцамъ брать на своихъ крестьянъ служилыя кабалы, т. е. обращать ихъ въ холопы, какъ прямо сказано въ 113 статьѣ XX главы Уложенія: „По государеву указу никому на крестьянъ своихъ и на крестьянскихъ дѣтей кабалъ имать не велено“,

крестьянами дворцовыми и черныхъ волостей и между крестьянами вотчинничьими и помѣщичьими; тѣ и другіе одинаково признаются членами русскаго общества, и ихъ показанія въ повальномъ обыскѣ одинаково принимаются съ показаніями духовенства, дворянъ и другихъ чиновъ Русскихъ людей, тогда какъ съ холоповъ, рабовъ, какъ непричисленныхъ къ членамъ русскаго общества, въ повальномъ обыскѣ показаній не спрашиваютъ. Кромѣ того, по свидѣтельству настоящей статьи, вотчинничьи и помѣщичьи крестьяне въ общественныхъ своихъ дѣлахъ управляются выборными старостами и цѣловальниками точно также, какъ и крестьяне дворцовые и черныхъ волостей. О томъ же значеніи крестьянъ, какъ полноправныхъ членовъ русскаго общества, свидѣтельствуютъ 94, 159 и 162 статьи той же X главы Уложенія. Такъ въ 94 статьѣ назначается пеня за безчестье безъ различія, будутъ ли они дворцовые, черныхъ волостей или владѣльческіе; въ статьѣ сказано: „дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей государевымъ крестьяномъ безчестья по рублю человѣку, а боярскимъ служилымъ людямъ, по пяти рублевъ человѣку. А дѣловымъ людямъ, и монастырскимъ помѣщиковымъ и вотчинниковымъ крестьяномъ и бобылемъ за безчестье учинить указъ противъ государевыхъ дворцовыхъ селъ крестьянъ". Или по 162 статьѣ въ случаѣ ослушанія при повальномъ обыскѣ, крестьяне, безъ различія на какихъ бы земляхъ ни жили, подвергаются пени, какъ и другіе классы общества; въ статьѣ сказано: „съ стольниковъ, и съ стряпчихъ, и съ дворянъ Московскихъ, и съ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, на ослушниковъ, которые обысковъ давать не учнутъ, по 30 рублевъ съ человѣка. Съ посадскихъ старостъ по 20 рублевъ съ человѣка, съ посадскихъ людей и съ ямщикомъ и съ вотчинниковыхъ и помѣщиковыхъ приказщиковъ, по 10 рублевъ съ человѣка, съ старостъ и цѣловальниковъ по 5 рублевъ съ человѣка, съ крестьянъ и бобылей по рублю съ человѣка". Или 159 статья признаетъ крестьянъ свидѣтелями на судѣ наравнѣ съ другими классами общества, и узаконяетъ ссылаться на ихъ свидѣтельство тяжущимся, и по ихъ свидѣтельству судьямъ рѣшать дѣло. Въ статьѣ сказано: „А будетъ съ суда истецъ или отвѣтчикъ слатися гостиные и суконные и черныхъ сотенъ, и слободъ на посадскихъ людей, и на стрѣльцовъ, и на казаковъ, и иныхъ чиновъ на служилыхъ людей, и на ямщиковъ, и на монастырскихъ служекъ, и на крестьянъ въ двадцати рублевъ на десять человѣкъ; и тѣхъ людей потому допрашивать, и вершить дѣло по сказкѣ тѣхъ людей, на кого будетъ ссылка". Во всѣхъ сихъ статьяхъ ни разу не упоминается о хо-

лопахъ; слѣдовательно, Уложеніе ясно отличало крестьянъ отъ холоповъ, и послѣднихъ, какъ собственность частныхъ людей, не признавало въ числѣ членовъ русскаго общества, крестьянъ же, какъ не составляющихъ частной свобственности, признавало людьми полноправными, членами русскаго общества, наравнѣ съ другими классами*).

Во 2-хъ, Уложеніе признаетъ за крестьянами право общаго суда, наравнѣ съ прочими классами общества. Такъ въ 124 статьѣ X главы Уложенія сказано: „А пошлинъ въ государеву казну по суднымъ дѣламъ имати у бояръ, и окольничихъ, и у думныхъ людей, и у стольниковъ и у дворянъ Московскихъ.... и у гостей, и у дворовыхъ людей всѣхъ чиновъ, и у подьячихъ и у гостинные, и у суконные и черныхъ сотенъ и слободъ у посадскихъ людей, и у всякихъ служилыхъ людей, и у помѣщиковыхъ, и у вотчинниковыхъ крестьянъ и бобылей съ рубля по гривнѣ". Или 38 статьѣ XVIII главы о взятіи пошлинъ съ грамотъ въ управныхъ дѣлахъ сказано: „А будетъ, кто учнетъ бить челомъ государю одинъ вмѣсто посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ; и съ тѣхъ грамотъ пошлинъ имать по рублю съ четвертью". Правду сказать, что 7 статья XIII главы Уложенія свидѣтельствуетъ,

*) Мнѣ могутъ возразить, что въ 94. статьѣ упоминаются боярскіе служилые люди, которымъ законъ назначаетъ за безчестье по 5 рублей, а въ 124 статьѣ встрѣчаются съ правомъ суда дворовые люди всѣхъ чиновъ, и въ статьѣ о повальномъ обыскѣ сказано: „а съ людьми бы и съ крестьяны своими и дворяне и дѣти боярскіе въ одни обыскныя рѣчи написалися". Слѣдовательно и холопы, рабы, люди, здѣсь являются съ тѣми же общественными правами, какъ крестьяне и другіе классы общества. Но это возраженіе не имѣетъ надлежащей силы; ибо въ приведенныхъ статьяхъ говорится не о рабахъ, холопахъ; но о свободныхъ людяхъ; состоящихъ въ услуженіи, о холопахъ же собственно не упомянуто ни разу. Такъ *боярскіе служилые люди,* записанные въ 94 статьѣ, означаютъ тѣхъ вольныхъ слугъ, которые сопровождали бояръ въ военныхъ походахъ, на коняхъ, вооруженные; это тѣже свободные люди, какъ и государевы воины, только состоящіе на боярскомъ содержаніи; они, какъ свидѣтельствуютъ памятники, состояли изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; правительство даже требовало, чтобы не записывались въ боярскіе слуги тѣ изъ дворянъ и боярскихъ дѣтей, которые верстаны государевымъ жалованьемъ и помѣстьями. *Дворовые люди, всѣхъ чиновъ,* упоминаемые въ 124 статьѣ, означаютъ разныхъ чиновъ служителей при государевѣ дворѣ, а не нынѣшнихъ дворовыхъ людей при господскихъ дворахъ. И наконецъ *люди,* упоминаемые въ статьѣ о повальномъ обыскѣ, также означаютъ не рабовъ, а свободныхъ людей, живущихъ въ услуженіи у дворянъ и дѣтей боярскихъ. 174 статья X главы Уложенія, не только не допускаетъ свидѣтельства холоповъ, но даже и вольноотпущенныхъ; въ статьѣ сказано: „А будетъ кто холопа своего или рабу по какому нибудь случаю отъ себя отпуститъ на волю, *а послѣ того на томъ, кто холопа или рабу* отпуститъ, или на его сынѣ учнетъ кто чего искать, и въ иску учнетъ слатися на того отпущеннаго холопа или рабу; и тѣхъ отпущенныхъ холопа и рабу по такой ссылкѣ недопрашивать, и въ ссылку ихъ не ставить.

что за крестьянъ своихъ отвѣчаютъ ихъ вотчинники и помѣщики во всякихъ дѣлахъ, кромѣ татьбы, разбою, поличнаго и смертныхъ убійствъ. Но дозволеніе вотчинникамъ и помѣщикамъ искать и отвѣчать за своихъ крестьянъ, еще не доказываетъ, чтобы крестьяне не имѣли права суда; ибо помѣщики и вотчинники искали и отвѣчали не отъ себя, а отъ крестьянъ, какъ ихъ ходатаи и покровители; слѣдовательно, самое это дозволеніе еще болѣе утверждаетъ право общаго суда за крестьянами, наравнѣ съ прочими классами общества. Крестьяне по закону и сами могли искать и отвѣчать на судѣ въ своихъ дѣлахъ, и, дѣйствительно, въ тогдашней судебной практикѣ нерѣдко встрѣчались иски крестьянъ отъ своего лица; помѣщикамъ же и вотчинникамъ предоставлялось право ходатайствовать только въ облегченіе крестьянъ, которые особенно въ лѣтнее время не могли отрываться отъ сельскихъ работъ. Самая 7 статья XIII главы ясно указываетъ на эту цѣль при дозволеніи владѣльцамъ искать и отвѣчать за своихъ крестьянъ; въ статьѣ сказано: „А на пашенныхъ и на всякихъ людей, въ управныхъ дѣлахъ судъ давать на тѣже сроки, на которые сроки указано будетъ судъ давать на дворянъ и на дѣтей боярскихъ, потому что за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ они жъ дворяне“. А въ прежнее время до Уложенія, какъ извѣстно по памятникамъ, крестьянамъ назначались особые судные сроки въ зимнее время, что конечно дѣлало большія остановки и замедленія въ судебныхъ дѣлахъ, и Уложеніе, во избѣжаніе сего, назначило одни сроки и предоставляло владѣльцамъ отвѣчать за крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ.

Въ 3-хъ, Уложеніе признаетъ за крестьянами собственность и право вступленія въ договоры, мимо своихъ владѣльцевъ, даже съ казною. Въ 23 статьѣ XVII главы сказано: „А которые бортные ухожаи и рыбные ловли, и бобровые гоны, и вспуды, и перевѣсья, и мѣльницы, и перевозы, и сѣнные покосы, и всякія угодья на государевыхъ земляхъ, а не на помѣстныхъ и не на вотчинныхъ земляхъ, и которые бортные ухожаи и всякія угодья на отхожихъ земляхъ, а владѣютъ ими тѣхъ же помѣщиковъ и вотчинниковъ крестьяне, и иные всякіе люди на оброкѣ; и тѣмъ оброчникамъ и впредь съ тѣхъ земель и со всякихъ угодей оброкъ платить, а изъ окладу того оброку не выкладывать“. Здѣсь помѣщичьи и вотчинничьи крестьяне одинаково съ прочими свободными людьми вступаютъ въ договоръ съ казною и владѣютъ оброчными казенными угодьями, мимо своихъ землевладѣльцевъ; слѣдовательно, и государство и общество признаютъ за крестьянами личность, и не считаютъ ихъ частною собственностію вла-

дѣльца. Конечно и въ наше время владѣльческіе крестьяне и дворовые люди могутъ снимать подряды и брать въ оброчное содержаніе угодья у казны и у частныхъ лицъ; но дѣло въ томъ, что въ настоящее время владѣльческіе крестьяне и дворовые люди могутъ вступать въ договоры съ казною не иначе какъ съ дозволенія и отъ имени господина, тогда какъ по Уложенію крестьянинъ вступалъ въ договоры съ казною и бралъ въ оброчное содержаніе угодья отъ своего лица; притомъ приведенная выше статья Уложенія даже не намекаетъ, чтобы холопы или рабы допускались къ содержанію казенныхъ угодій, а въ настоящее время и дворовый человѣкъ можетъ вступать въ подряды съ казною и имѣть собственность на имя господина. Слѣдовательно, Уложеніе ясно и сознательно отличало крѣпостныхъ людей, холоповъ отъ крестьянъ; нынѣшнее же дозволеніе вступать въ подряды владѣльческимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ безъ различія прямо указываетъ на позднѣйшее смѣшеніе тѣхъ и другихъ, котораго смѣшенія въ Уложеніи еще незамѣтно.

Такимъ образомъ, Уложеніе 1649 года отмѣною урочныхъ лѣтъ хотя вполнѣ прикрѣпило къ землѣ всѣхъ крестьянъ, безъ различія,—жили ли въ дворцовыхъ селахъ и черныхъ волостяхъ, или на земляхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ; но тѣмъ не менѣе оно не измѣнило значенія крестьянъ, какъ государственнаго сословія, какъ свободныхъ и полноправныхъ членовъ русскаго общества, и не положило никакого различія между крестьянами дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей и между крестьянами, живущими на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ. Крестьяне и послѣ полнаго прикрѣпленія къ землѣ, установленнаго Уложеніемъ, не сдѣлались крѣпостными людьми своихъ землевладѣльцевъ и не смѣшались съ холопами, рабами. Правду сказать, Уложеніе 1649 года ни въ одной статьѣ своей не сдѣлало юридическаго опредѣленія общественнаго значенія крестьянъ, но этого съ одной стороны оно не могло сдѣлать по своему казуистическому характеру; въ немъ нѣтъ юридическихъ опредѣленій ни для дворянства, ни для духовенства, ни для другихъ сословій; съ другой стороны для того времени не настояло и нужды въ юридическихъ опредѣленіяхъ: тогда достаточно было написать одно названіе крестьянъ, чтобы всякій понялъ, какое общественное значеніе имѣетъ крестьянинъ, ибо это значеніе жило еще въ самой жизни общества и въ немъ никто немогъ ошибиться. Тогда еще не было въ обществѣ того смѣшенія разныхъ юридическихъ понятій, которое пришло послѣ, въ слѣдствіе смѣшенія понятій въ самомъ законодательствѣ, не всегда заимствовавшемъ свои положенія изъ жизни народной. Самое при-

крѣпленіе крестьянъ къ землѣ, вполнѣ совершенное Уложеніемъ, ясно свидѣтельствуетъ, что законодательство того времени сильно было увѣренно, что отъ этого прикрѣпленія нисколько не пострадаетъ общественное значеніе крестьянъ, что это значеніе для всѣхъ такъ ясно и понятно, что противъ него не можетъ быть и спора. Никоимъ образомъ нельзя и представить, чтобы тогдашнее законодательство ни съ того ни сего наибольшую половину свободныхъ Русскихъ людей обратило въ рабовъ, въ крѣпостныхъ; этому противорѣчитъ весь смыслъ Уложенія и предшествовавшихъ и современныхъ ему законовъ. Одно уже то, что по Уложенію и по прежнимъ законамъ крестьяне всѣ безъ различія, наравнѣ съ посадскими людьми и съ другими тяглецами, должны были платить въ государеву казну разныя подати и отправлять повинности по мірскимъ разрубамъ и разметамъ, тогда какъ крѣпостные люди, холопы, не платили государевыхъ подадей и не отправляли повинностей, служитъ яснымъ свидѣтельствомъ, что съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ законъ и не думалъ обращать ихъ въ крѣпостныхъ людей, въ частную собственность землевладѣльцевъ. Да и притомъ, какимъ образомъ признавать по Уложенію крестьянъ крѣпостными, когда въ то время крѣпостнымъ назывался тотъ, кого можно было продать, заложить, на кого можно было совершить крѣпость, а на крестьянъ крѣпостей не совершалось, по закону ихъ нельзя было ни продать, ни заложить; тогда продавались холопы, на нихъ писались крѣпости, слѣдовательно они и были крѣпостные; крестьяне же по Уложенію еще не были крѣпостными, а только прикрѣпленными къ землѣ, какъ тяглые люди, и прикрѣпленными по государственному праву, а не по частной сдѣлкѣ,—крѣпости. Законъ въ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ преслѣдовалъ только финансовыя цѣли, отнюдь не думая измѣнять значеніе крестьянъ, какъ государственнаго сословія. Правительству тогда вовсе не было выгодъ обращать крестьянъ въ крѣпостныхъ людей, холоповъ, рабовъ; ибо рабы тогда не платили государевыхъ податей; слѣдовательно, обращая крестьянъ въ рабовъ, правительство лишало бы себя всѣхъ доходовъ, получаемыхъ съ крестьянъ, а этого не видать ни изъ одной статьи Уложенія. По Уложенію законъ заботился не объ уничтоженіи свободы крестьянъ: онъ только хотѣлъ, чтобы крестьяне не бродили съ мѣста на мѣсто, и такимъ образомъ не уклонялись отъ платежа государственныхъ податей, чтобы земельное тягло не пустовало, а всегда имѣло плательщика. Уложеніе даже не прикрѣпляло крестьянскихъ дѣтей, ежели они выдѣлялись изъ отцовской семьи, на что указываетъ 28 статья XI главы Уложенія; а

по другимъ памятникамъ мы встрѣчаемъ множество крестьянскихъ сыновей, считавшихся вольными людьми и жившихъ по наймамъ разными работами, не поступая ни въ одну крестьянскую общину и не записываясь ни за одного землевладѣца. Законъ и въ черныхъ волостяхъ, и въ вотчинныхъ, и помѣстныхъ имѣніяхъ заботился только о томъ, чтобы тяглая земля не лежала въ пустѣ; а лишніе люди, не получившіе еще выти въ тяглой землѣ, были совершенно свободны; по закону на нихъ никто не могъ предъявлять правъ до тѣхъ поръ, пока они сами по доброй волѣ не порядятся въ тягло на какой либо участокъ земли. Разумѣется, правомъ свободнаго перехода не могли пользоваться тѣ крестьянскіе сыновья, которые, не выдѣляясь, жили въ отцовской семьѣ,— они вмѣстѣ съ отцомъ считались прикрѣпленными къ землѣ, и послѣ отца поступали на его выть земли, получали званіе крестьянъ и тянули тягло; и даже вмѣстѣ съ отцомъ вносились въ писцовыя и переписныя книги.

Послѣ Уложенія, почти во все время царствованія Алексѣя Михайловича, по закону положеніе и значеніе крестьянъ нисколько не измѣнилось; всѣ указы царя Алексѣя Михайловича до послѣднихъ мѣсяцевъ его жизни служатъ только развитіемъ мысли Уложенія о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, не измѣняя ихъ значенія, какъ государственнаго сословія. Такъ по времени ближайшій къ Уложенію указъ, изданный 26 Іюня 1649 года, запрещаетъ крестьянамъ, живущимъ на черныхъ земляхъ, продавать свои участки и угодья; слѣдовательно и сихъ крестьянъ наравнѣ съ владѣльческими считаетъ только безсмѣнными жильцами, а не полными хозяевами занятой ими земли,—преслѣдуя постоянно старую финансовую цѣль, чтобы земля изъ тягла не выходила, какъ объ этомъ заботились и прежде еще въ XV и XVI столѣтіяхъ. Въ указѣ сказано: „которые Заонежскихъ погостовъ крестьяне участки свои продали, и велѣно по прежнему государеву указу тѣ ихъ участки и угодья имать назадъ безденежно, и сажать на нихъ тѣхъ крестьянъ, кто на передъ того жилъ, и впредъ велѣно о томъ заказъ учинить крѣпкой, чтобъ никто ни у кого участковъ и угодей не покупалъ и въ закладъ не имал“. (Пол. Соб. Зак. № 40). Тоже утверждаетъ указъ 1653 года, въ которомъ сказано: „По челобитью всѣхъ Каргопольскихъ и Турчасовскихъ крестьянъ, которые крестьяне учнутъ бить челомъ на крестьянъ же, о закладныхъ своихъ деревенскихъ участкахъ, по писцовымъ книгамъ; и тѣ тяглые деревенскіе участки, которые заложили послѣ писцовъ, въ бѣдности, велѣно отдавать челобитчикамъ, безденежно, сыскавъ до пряма“ (ibid. № 112). Здѣсь въ томъ и

другомъ указѣ доля земли, занятая крестьяниномъ, прямо названа участкомъ, каковое названіе показываетъ, что крестьянское владѣніе было еще общинное; участокъ, занятый хозяйствомъ крестьянина, составлялъ часть цѣлаго, часть земли, принадлежащей общинѣ; такой участокъ былъ связанъ съ своимъ цѣлымъ, считался его дробью, вытью, а не полною отдѣльною единицею. Такимъ образомъ изъ сего указа видно, что полное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ по Уложенію нисколько не измѣнило прежняго общиннаго владѣнія; земля, какъ и прежде, съ жильцами имѣвшими право свободнаго перехода, такъ и теперь съ постоянными жильцами, потерявшими право перехода, постоянно оставалась общинною землею, да и сами крестьяне въ своихъ порядныхъ называли себя только жильцами и тяглецами безвыходно, а не владѣльцами земли.

Далѣе, указъ отъ 13 Августа 1651 года служитъ прямымъ свидѣтельствомъ, что и по Уложенію, также какъ и прежде, крестьяне казенные, или живущіе на черныхъ земляхъ, и крестьяне владѣльческіе, составляли еще одно нераздѣльное сословіе свободныхъ людей, членовъ русскаго общества. По этому указу положена одна и таже пеня, десять рублей въ годъ, за держаніе бѣглаго ямщика, которая положена 10 статьею XI главы Уложенія за держаніе помѣстныхъ и вотчинныхъ бѣглыхъ крестьянъ. Въ указѣ сказано: „имать пени по десяти рублевъ за бѣглаго ямщика,“ (Пол. Соб. Зак. № 68). А царская грамота, отъ 23 Августа того же года, свидѣтельствуетъ, что вотчинные и помѣстные крестьяне относительно сбора податей и отправленія повинностей были въ одномъ разрядѣ съ крестьянами, живущими въ дворцовыхъ селахъ и черныхъ волостяхъ, и даже верстались между собою службами, такъ что и вотчинные и помѣстные крестьяне, наравнѣ съ черными дворцовыхъ селъ, участвовали въ мірскихъ выборахъ цѣлой волости или уѣзда и назначались въ выборныя должности. Такъ изъ грамоты видно, что Севрюковъ крестьянинъ Пятаго Семенъ Кулюскинъ былъ выбранъ въ старшіе цѣловальники на Бѣлозерскій казенный рыбный дворъ; въ грамотѣ сказано, что цѣловальникъ Сенька Кулюскинъ съ товарищи подали за руками челобитную, а въ челобитной ихъ написано: „въ нынѣшнемъ въ 159 году съ Срѣтеньева дни да по Срѣтеньевъ же день 160 году, Бѣлозерскаго уѣзда помѣщики дворяне и дѣти боярскіе, Смольняне, и монастырскихъ вотчинъ старосты и цѣловальники и крестьяне выбрали ихъ на нашъ Бѣлозерскій рыбный дворъ въ цѣловальники, и выборы на нихъ на рыбный дворъ прикащику Якову Коскову за своими руками да-

ли, а имъ дали приговоры за своими жъ руками". (Допол. къ ак. Ист. т. III № 82).

Указы отъ 11 Мая 1656 года и отъ 15 Іюля 1657 года свидѣтельствуютъ, что крестьяне помѣщичьи и вотчинничьи наравнѣ съ другими тяглыми людьми несли военную службу по переписнымъ книгамъ, а холопы, рабы, напротивъ, не несли вмѣстѣ съ крестьянами военной службы, и не платили никакихъ государевыхъ податей. Въ первомъ указѣ сказано: „съ помѣстій и вотчинъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, стольниковъ и дворянъ и дьяковъ, которымъ по государеву указу нынѣшняго лѣта на государевѣ службѣ быть не велѣно, взять на государеву службу даточныхъ людей по переписнымъ книгамъ съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ тридцати дворовъ по человѣку, конныхъ и оружныхъ со всею съ полною службою и съ запасы". (Пол. Соб. Зак. № 177). А второй указъ свидѣтельствуетъ, что служба эта была распространена на крестьянъ и другихъ вѣдомствъ; въ указѣ написано: „для обереганья отъ приходу Нѣмецкихъ людей и Латышей указалъ государь въ селѣхъ, и погостѣхъ, и въ волостѣхъ, и въ деревняхъ, которые по берегу Ладожскаго озера и по рѣкамъ, и съ тутошнихъ жилецкихъ и со всякихъ чиновъ людей выбрать въ пѣшій строй двѣ тысячи человѣкъ, (ibid. № 208). Это былъ старый порядокъ, и въ XV и въ XVI столѣтіяхъ, еще при свободномъ переходѣ, крестьяне какъ члены русскаго общества, всѣ безъ различія, на чьихъ бы земляхъ ни жили, несли временно военную службу; и полное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, по Уложенію, нисколько не нарушило этого порядка; слѣдовательно, не измѣнило государственнаго значенія крестьянъ, какъ сословія.

Но полное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, не смотря на сохраненіе ихъ значенія, какъ государственнаго сословія. и не смотря на права, удержанныя ими по закону, какъ полноправными членами русскаго общества, очевидно, не нравилось крестьянамъ; прежніе свободные переходы и еще недавнія урочныя лѣта были еще очень памятны, и вовсе безвыходное положеніе сильно тяготило ихъ. Они продолжали бѣгать отъ своихъ землевладѣльцевъ, не смотря на строгости закона; и ежели помѣщики и вотчинники принимали свои принудительныя мѣры для ихъ удержанія, то крестьяне нерѣдко кончали дѣло грабежами и убійствами, и все-таки бѣгали, и находили для себя новыхъ землевладѣльцевъ. Прикрѣпленіе къ землѣ, установленное закономъ, еще не утвердилось въ жизни. Это ясно свидѣтельствуетъ указъ отъ 15 Февраля 1658 года, въ которомъ государь прямо говоритъ:

„Вѣдомо намъ великому государю учинилось, что Замосковныхъ разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей, люди ихъ и крестьяне разоряютъ, животы ихъ грабятъ, и ихъ дома пожигаютъ, а иныхъ и женъ ихъ и дѣтей до смерти побиваютъ; разоря помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ, бѣгаютъ и живутъ въ бѣгахъ за всякихъ чиновъ людьми". Таковое напряженное состояніе крестьянъ вызвало цѣлый рядъ узаконеній съ цѣлію, по возможности прекратить побѣги и пріемъ бѣглыхъ. Помянутый указъ отъ 15 Февраля, не довольствуясь частнымъ отысканіемъ бѣглыхъ крестьянъ самими землевладѣльцами, разослалъ отъ правительства сыщиковъ, которые должны были ѣздить по уѣздамъ изъ селенія въ селеніе, пересматривать и переспрашивать всѣхъ крестьянъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ, и, какъ сказано въ указѣ: „сыскивать бѣглецовъ всякими обычаи, а кого сыщутъ, по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ, и по всякимъ крѣпостямъ отдавать съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы, людей въ холопство, а крестьянъ въ крестьянство, прежнимъ ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, за кѣмъ кто жилъ напередъ сего". Мало этого, настоящій указъ назначилъ особое наказаніе бѣглымъ крестьянамъ, чего вовсе не было ни по Уложенію, ни по прежнимъ узаконеніямъ, гдѣ назначались только пени владѣльцамъ за пріемъ бѣглыхъ крестьянъ. Въ указѣ сказано: „а крестьяномъ за ихъ воровство, что они разоря помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ, отъ нихъ бѣжали, велѣли имъ чинить наказанье, бить кнутомъ нещадно; а на тѣхъ людей, за кѣмъ тѣ крестьяне жили въ бѣгахъ, велимъ доправить владѣнья по нашему указу и по соборному Уложенью; а пущихъ воровъ, которые бѣжавъ помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ, или женъ ихъ и дѣтей до смерти побили, или домы ихъ сожгли, указали мы казнить смертію, по сыску велѣли вѣшать, чтобъ впредь инымъ такъ воровать было неповадно". (П. С. З. № 220).

Строгій указъ 1658 года, разосланный по всей Россіи, впрочемъ, далеко не достигъ своей цѣли: крестьяне продолжели бѣгать, а владѣльцы и ихъ приказщики по прежнему принимали бѣглыхъ крестьянъ. Таковое положеніе вызвало новый указъ отъ 15 Сентября 1661 года, по которому приказщики, принимавшіе бѣглыхъ крестьянъ, наказывались кнутомъ, ежели они это дѣлали самовольно, безъ дозволенія господъ. А ежели они принимали бѣглыхъ крестьянъ по приказанію господъ, то приказщики не подвергались наказанію, но за то сами господа обязывались не только на свой счетъ перевозить на своихъ подводахъ бѣглыхъ крестьянъ со всѣми ихъ животы къ прежнимъ ихъ владѣльцамъ, за

которыми они значатся по книгамъ и другимъ крѣпостямъ; но сверхъ того за каждаго бѣглаго крестьянина должны были отдавать еще своего крестьянина съ женою и съ дѣтьми и со всѣмъ крестьянскимъ имѣніемъ. (ibid. № 307.) Но и этого строгаго указа было недостаточно, и въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1664 года былъ изданъ еще указъ, по которому владѣльцы, принимавшіе бѣглыхъ крестьянъ, наказывались за это отнятіемъ четырехъ своихъ крестьянъ за каждаго бѣглаго крестьянина; въ указѣ сказано: „а взять изъ тѣхъ вотчинъ или изъ помѣстья за каждаго бѣглаго крестьянина по четыре крестьянина, которые ему крѣпки, а не на бѣглыхъ чужихъ крестьянъ, за кѣмъ жили, съ женами и съ дѣтьми, и съ хлѣбомъ; и отвозить на ихъ подводахъ, гдѣ бѣглый крестьянинъ жилъ“. (ibid. № 364).

Конечно, всѣ сіи и подобныя строгія мѣры, противъ бѣглыхъ крестьянъ и ихъ принимателей, касались только до тѣхъ крестьянъ и владѣльцевъ, которыми нарушался законъ о прикрѣпленіи, и нисколько не измѣняли положенія крестьянъ вообще; оно и при этихъ указахъ должно было оставаться таковымъ же, каковымъ утверждено по Уложенію 1649 года. И дѣйствительно оно оставалось таковымъ во многихъ отношеніяхъ, но не во всѣхъ. Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича владѣльцы начали переводить крестьянъ и мѣняться ими безъ земли, какъ крѣпосными людьми по сдѣлочнымъ записямъ и по купчимъ. Это прямо свидѣтельствуетъ дошедшая до насъ память 1675 года, присланная изъ холопья приказа въ помѣстный; въ ней написано: „въ приказѣ холопья суда въ записной холопьей книгѣ всякихъ чиновъ людямъ старинныхъ и полонныхъ людей и вотчинныхъ крестьянъ по поступнымъ записямъ записываютъ; и записавъ въ книги тѣ поступныя записи за дьячею приписью изъ приказу холопья суда отдаютъ тѣмъ людямъ, кому тѣ поступныя даны, и съ тѣхъ поступныхъ пошлинъ великаго государя въ приказѣ холопья суда поголовныхъ емлютъ по три алтына съ человѣка“.

Такимъ образомъ крестьяне, подобно холопамъ, стали предметомъ частныхъ сдѣлокъ между владѣльцами; ихъ начали продавать и мѣнять отдѣльно отъ земли, какъ будто бы они были крѣпки не землѣ, а владѣльцамъ, и сдѣлки сіи записывались въ приказѣ холопья суда, въ холопьей книгѣ, съ взятіемъ поголовныхъ пошлинъ—по три алтына съ человѣка, именно тѣхъ пошлинъ, которыя брались по закону съ записки холопьихъ кабалъ; тогда какъ при запискѣ крестьянскихъ порядныхъ брались пошлины или съ заряду или ссуды, а отнюдь не съ головы. При такомъ прямомъ свидѣтельствѣ приказа холопья суда можно по-

думать, что былъ изданъ новый, не дошедшій до насъ законъ, обратившій крестьянъ въ крѣпостныхъ холоповъ, или допустить, что само Уложеніе 1649 года сравняло крестьянъ съ холопами, или по крайней мѣрѣ тогдашняя приказная практика такъ толковала статьи Уложенія о крестьянахъ; но таковаго закона за время царя Алексѣя Михайловича до 1675 года не было, и приказная тогдашняя практика не допускала подобнаго толкованія статей Уложенія. Этому яснымъ свидѣтельствомъ служитъ одна оффиціальная справка помѣстнаго приказа при докладѣ 1682 года; въ ней написано: „Въ Уложеніи 157 года въ XI главѣ, въ 6 статьѣ напечатано: изъ за кого бѣглые крестьяне и бобыли по суду, по сыску и по писцовымъ книгамъ будутъ отданы исцамъ, или безъ суда кто отдастъ по Уложенью; и тѣхъ крестьянъ по челобитью тѣхъ людей, за кѣмъ они въ бѣгахъ жили, записывать въ помѣстномъ приказѣ за тѣми людьми, кому они будутъ отданы. А кто кому поступится крестьянъ въ бѣгахъ, и тѣхъ крестьянъ по сдѣлочнымъ записямъ записывать ли? того въ Уложеньи не напечатано. А съ Уложенья 157 года по 184 годъ, по сдѣлочнымъ записямъ, записки крестьянамъ въ помѣстномъ приказѣ не было“. Ясно, что помѣстный приказъ не имѣлъ въ виду никакого закона, по которому бы можно было записывать крестьянъ по сдѣлочнымъ записямъ, и слѣдовательно таковаго закона до 184 года не было, и Уложенье таковой записки крестьянъ по сдѣлочнымъ записямъ не разрѣшало, какъ прямо гласитъ приведенная справка помѣстнаго приказа. Поэтому приказъ холопья суда записывалъ крестьянъ наравнѣ съ холопами по поступнымъ записямъ самовольно, не имѣя на это никакого закона, да и въ самой памяти его, приведенной выше, нѣтъ ссылки ни на одинъ законъ, ни на толкованіе Уложенія 1649 года. Ясно, что всѣ сдѣлки по мѣнѣ и продажѣ крестьянъ безъ земли начали появляться въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, какъ злоупотребленіе власти землевладѣльцевъ; но дѣло на этомъ не остановилось. Въ концѣ 1675 года знаменитый царскій любимецъ, бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, пользуясь полною довѣренностію царя Алексѣя Михайловича, 13 Октября 1675 года выхлопоталъ указъ, по которому царь дозволилъ ему записать за собою крестьянъ по сдѣлочнымъ записямъ въ помѣстномъ приказѣ; а за царскимъ любимцомъ и другіе стали также записывать за собою крестьянъ по сдѣлочнымъ записямъ. Объ этомъ прямо и ясно говоритъ приведенная выше справка помѣстнаго приказа. Вотъ подлинныя слова справки: „И во 184 году Октября съ 13 числа, по указу блаженныя памяти великаго государя,

по подписной челобитной, за помѣтою думнаго дьяка Ларіона Иванова, по челобитью Артемона Матвѣева, по сдѣлочнымъ записямъ крестьянъ въ помѣстномъ приказѣ за нимъ Артемономъ, и съ того числа за иными по сдѣлочнымъ же крѣпостямъ и по купчимъ крестьяне записываны безъ подписныхъ челобитенъ“ (П. С. З, № 046). Такимъ образомъ самовольная, не основанная на законѣ, практика землевладѣльцевъ и приказа холопья суда въ первый разъ утверждена закономъ въ послѣдніе мѣсяцы жизни царя Алексѣя Михайловича, и съ симъ утвержденіемъ тѣсно связано имя знаменитаго царскаго любимца Матвѣева; по его челобитью и для него собственно былъ изданъ указъ отъ 13 Октября 1675 года, а послѣ уже и другіе стали на него ссылаться. Помѣстный приказъ началъ записывать крестьянъ по сдѣлочнымъ крѣпостямъ и по купчимъ, уже безъ подписныхъ челобитенъ, т. е. безъ доклада государю, какъ прямо сказано въ справкѣ помѣстнаго приказа. И такъ не произвольное толкованіе Уложенія 1649 года, котораго тогдашняя юридическая практика не допускала, какъ свидѣльствуютъ сами памятники; *) а злоупотребленіе власти землевладѣльцевъ, поддерживаемое приказомъ холопья суда, и наконецъ законъ, данный по челобитью царскаго любимца, къ концу царствованія Алексѣя Михайловича, допустили продажу крестьянъ безъ земли, и такимъ образомъ до нѣкоторой степени сравняли крестьянъ съ холопами, но только до нѣкоторой степени, а не совсѣмъ. Указъ 13 октября 1675 года положилъ собственно начало этому сравненію, но въ сущности, во все время царствованія Алексѣя Михайловича и долго еще послѣ него, за крестьянами много еще было отличій противъ холоповъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

*) Правду сказать, новѣйшіе изслѣдователи прямо говорятъ, что поводомъ къ сравненію крестьянъ съ холопами было само Уложеніе 1649 года. Они указываютъ, что, по 30 и 31 статьямъ XI главы по 5 статьѣ XIX главы Уложенія, владѣльцы могли переселять крестьянъ съ одной своей земли на другую свою же землю; но переселеніе на свою же землю не есть еще продажа крестьянъ безъ земли. Или по 12 статьѣ XI главы бѣглые крестьяне переводились по суду и по сыску на старыя земли съ женами и съ дѣтьми, и даже съ зятьями, или по 73 статьѣ XXI главы въ случаѣ убійства крестьянина одного владѣльца крестьяниномъ другаго владѣльца, убійца или другой крестьянинъ по выбору отдавался со всею семьею тому владѣльцу, которому принадлежалъ убитый. Но въ сихъ статьяхъ крестьяне переводились съ земли одного владѣльца на землю другаго по суду, по разспоряженію государства; слѣдовательно, законъ по Уложенію еще не подчинялъ частнымъ сдѣлкамъ переводъ крестьянъ съ одной земли на другую, а переводъ по суду никоимъ образомъ нельзя признавать поводъ къ частной продажѣ крестьянъ безъ земли. По крайней мѣрѣ, какъ мы уже видѣли изъ справки Помѣстнаго Приказа,—тогдашняя судебная практика не допускала подобнаго толкованія статей Уложенія; по сему нынѣшнія предположенія изслѣдователей падаютъ сами собою.

b) (положеніе крестьянъ въ жизни, на практикѣ).

Отъ законодательныхъ памятниковъ о крестьянствѣ мы теперь перейдемъ къ частнымъ дѣламъ, касающимся того же предмета, обратимся къ самой жизни общества при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и посмотримъ—насколько общественная и частная жизнь въ отношеніи къ крестьянству согласовались съ закономъ, какое вліяніе полное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, по Уложенію, имѣло на положеніе крестьянъ въ обществѣ, и на ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ, что̀ измѣнилось въ крестьянскомъ быту и что̀ осталось неприкосновеннымъ, въ чемъ жизнь отстала отъ закона, и въ чемъ опередила его.

Говоря объ указѣ отъ 15-го февраля 1658 года, я уже имѣлъ случай замѣтить, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, установленное Уложеніемъ, еще не утвердилось въ жизни; и это дѣйствительно было такъ, чему служитъ явнымъ свидѣтельствомъ рядъ указовъ противъ бѣглыхъ крестьянъ и ихъ принимателей, каковые указы продолжались еще издаваться и послѣ царя Алексѣя Михайловича; слѣдовательно, жизнь русскаго общества еще туго мирилась съ закономъ о прикрѣпленіи. Въ жизни столько еще было противорѣчій прикрѣпленію, что оно не могло вполнѣ удовлетворить ни землевладѣльцовъ, ни крестьянъ; побѣги крестьянъ и приманіе бѣглыхъ продолжались въ значительныхъ размѣрахъ, не смотря ни на какія строгости закона, что за свидѣтельствовано множествомъ жалобъ и тяжбъ, относящихся до бѣглыхъ крестьянъ. Строгости Уложенія и послѣдующихъ указовъ здѣсь также мало помогали, какъ и уклончивыя, болѣе мягкія мѣры, прежняго законодательства; разладицу жизни съ закономъ нельзя уничтожить ни строгостію, ни мягкостію. Жизнь обыкновенно долго противоборствуетъ закону, несогласному съ ея кореннымъ устройствомъ, выработаннымъ исторіею; она, болѣе или менѣе удачно, всегда находитъ средства обойти неугодный законъ; и эта-то борьба русской жизни съ закономъ о прикрѣпленіи была одною изъ главныхъ причинъ того, что и послѣ Уложенія 1649 года крестьяне долго еще оставались почти въ томъ же общественномъ и частномъ положеніи, въ какомъ они были до прикрѣпленія, частію на основаніи закона, а частію мимо закона. Мы уже видѣли, въ какое положенін крестьяне были поставлены закономъ по Уложенію; теперь разсмотримъ, что̀ они удержали изъ прежней своей жизни, или по согласію съ закономъ, или противъ закона, по прежней привычкѣ и по тѣмъ удобствамъ или неудобствамъ, которыя представляло общественное устройство тогдашней жизни.

По согласію съ закономъ—крестьяне и послѣ Уложенія 1649 года удержали за собою древнее право свободно рядиться на любую землю, гдѣ ихъ примутъ. Уложеніе далеко не всѣхъ крестьянъ прикрѣпило къ землѣ: всѣ крестьянскіе дѣти, отдѣлившіеся отъ отцовской семьи и непопавшіе въ переписныя книги, по Уложенію считались вольными государевыми людьми; они ходили по наймамъ, кормились разными работами и безпрепятственно переходили изъ города въ городъ, изъ волости въ волость, нанимались въ годы и поденно, какъ находили для себя удобнѣе, занимались и земледѣліемъ въ качествѣ вольно-наемныхъ работниковъ, и другими промыслами, даже женились и заводились семействами; и ни одна община, ни одинъ землевладѣлецъ не могъ предъявлять на нихъ своихъ правъ до тѣхъ поръ, пока они сами не изъявляли согласія поселиться на чьей либо землѣ, или, какъ тогда писалось, дать на себя порядную во крестьянство. Только съ выдачею порядной они переставали быть вольными государевыми людьми, и дѣлались крѣпкими землѣ, на которой поселились, становились крестьянами. Порядная во крестьянство была чисто гражданскою сдѣлкою, взаимнымъ договоромъ землевладѣльца съ крестьяниномъ — ни законъ, ни правительство въ это дѣло не мѣшались; всѣ условія порядной, за исключеніемъ прикрѣпленія къ землѣ, зависѣли отъ взаимнаго согласія договаривающихся сторонъ; вольнаго государева человѣка никто не могъ принудить дать на себя порядную, или написать въ порядной такія условія, на которыя онъ несогласенъ. Порядныя, писанныя при свободномъ крестьянскомъ переходѣ, и порядныя по прикрѣпленіи крестьянъ и послѣ Уложенія 1649 года, совершенно одинаковы, и вся разница состоитъ только въ томъ, что по прикрѣпленіи стали писать — „а съ той земли мнѣ не сойти и ни за кого не порядиться и не задаться“; но и это условіе, требуемое Уложеніемъ, не было постояннымъ; встрѣчаются порядныя во крестьянство, въ которыхъ крестьяне и послѣ Уложенія выговариваютъ себѣ право перехода, или съ платежемъ убытковъ, или съ обязанностію посадить жильца на свой участокъ. Такъ напримѣръ вольный государевъ человѣкъ Иванъ Ѳедоровъ, 20-го іюня 7157 года, давая на себя крестьянскую порядную запись въ Софійскую вотчину за митрополита Никона въ Тесовскую волость, въ деревню на Судовую Пристань, пишетъ: „А будетъ мнѣ Ивану тутъ не поживется; и мнѣ бы вольно на свое мѣсто иного порядить на тотъ участокъ, а мнѣ бы выйти на иное мѣсто въ Софійскую же вотчину или куды сгяжно“. (Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Записная книга № 36, листъ 80). Такимъ образомъ жизнь по возможности обходила требова-

ніе закона; по Уложенію крестьянинъ былъ крѣпокъ землѣ, а въ порядной крестьянинъ выговариваетъ себѣ право перехода, ежели не поживется, только съ условіемъ на свое мѣсто сыскать жильца; и эта порядная, какъ актъ совершенно законный, безпрепятственно записывается въ крѣпостныя оффиціальныя книги въ приказной избѣ; стало быть само правительство смотритъ какъ бы сквозь пальцы на то, что жизнь старается обойти требованія закона; ему нужно только, чтобы земля не лежала въ пустѣ.

По свидѣтельству порядныхъ, крестьяне въ своихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ почти совершенно зависѣли отъ условій, въ которыя сами поставляли себя въ своихъ порядныхъ, слѣдовательно, отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ болѣе или менѣе опредѣлялись взаимнымъ согласіемъ землевладѣльца съ крестьяниномъ, а не произволомъ землевладѣльца. Крестьянинъ зажиточный, ненуждающійся въ господской ссудѣ, выговаривалъ себѣ условія болѣе выгодныя и льготныя, а крестьянинъ бѣдный, нуждающійся въ господской ссудѣ, пришедшій къ господину, какъ тогда писалось, только тѣломъ и душой, соглашался на условія менѣе выгодныя. Крестьяне зажиточные, ненуждающіеся въ господской ссудѣ, и послѣ Уложенія сохраняютъ характеръ жильцовъ, постоянныхъ наемщиковъ, и платятъ только оброкъ, обозначенный въ порядной, но не участвуютъ въ господскихъ работахъ, или участвуютъ въ извѣстномъ размѣрѣ, ими же опредѣленномъ. Такъ напримѣръ, крестьянскій сынъ Иванъ Ивановъ, давая на себя порядную въ бобыли, пишетъ: „Се язъ Иванко Ивановъ, сынъ крестьянской, вольный человѣкъ, урожденецъ Выгозерскаго погоста, портной мастеръ, порядился есми Вотекіе пятины за Богдана Ивановича Самарина въ бобыли нынѣшняго 157 года октября 8 числа, за оброкъ мнѣ Ивану своего бобыльства своего рукодѣлья портнаго мастерства шити на него Богдана и на сына его Василья, всякъ годъ съ Покрова Богородицы четыре недѣли въ году. А за иного помѣщика и за митрополита, и за монастырскіе вотчины во крестьяне и бобыли нерядиться. И вольно мнѣ Ивану въ государевѣ землѣ по городамъ и по деревнямъ промышлять своимъ рукодѣльемъ портнаго мастерства“ (ibid. л. 86). Или другой вольный человѣкъ, крестьянскій сынъ, въ своей порядной пишетъ: „и мнѣ Захарью съ своего бобыльскаго участка государю своему Богдану Ивановичу оброкъ платить денегъ по рублю, Московскимъ числомъ, на всякъ годъ, а дѣла его помѣщицкаго никакова не дѣлать, опричь того, что оброкъ ему платити“ (ibid. № 35 и 136). Или подобное же условіе,—не работать на землевладѣльца въ рядъ съ другими крестьянами, пишетъ въ своей порядной Игнатій Ива-

новъ, 25 октября 7158 года. Вотъ самая порядная: „Се язъ Игнатій Ивановъ сынъ, вольный человѣкъ, и съ дѣтьми своими, съ Трофимомъ, да съ Иваномъ, да съ Прокофьемъ, порядилися есми Николы Чудотворца за Лятцкой монастырь за строителя старца Гурья и съ дѣтьми своими во крестьяне въ Колотовской погостѣ, въ Никольскую вотчину, въ деревню въ сельцо Ушерско, на выть земли въ готовые хоромы. И мнѣ Игнатью съ дѣтьми своими жити за тѣмъ Никольскимъ монастыремъ во крестьянѣхъ безвыходно, и на той выти земли въ сельцѣ Ушерско, да въ пустоши Тополевѣ въ Никольской землѣ въ половины пашню пахать и сѣно косить. И мнѣ Игнатью и съ дѣтьми своими будучи во крестьянѣхъ, монастырскаго здѣлья не дѣлать, а давать мнѣ Игнатью и съ дѣтьми своими ему строителю старцу Гурью за монастырскую работу и за сдѣлье, и за сѣнную копну по два рубли на всякой годъ; а съ пашни мнѣ Игнатью и съ дѣтьми своими давать по вся годы четвертый снопъ. Да мнѣ Игнатью сверхъ того одному во всякомъ году работать въ монастырь недѣля, да на всякій годъ привозить въ монастырь мнѣ Игнатью по четыре возы дровъ“ (ibid. л. 408). Такое же почти условіе написалъ Еремей Ивановъ въ своей порядной, данной ноября 7158 года, въ порядной сказано: „И мнѣ Еремею жити за тѣмъ Никольскимъ Лятцкимъ монастыремъ въ крестьянѣхъ безвыходно.... И мнѣ Еремею за монастырскую страду и сдѣлье на всякой годъ платить и за сѣнокосъ по рублю, а съ пашни мнѣ Еремею на всякой годъ давать четвертый снопъ, а привозити мнѣ Еремею обмолотя тотъ хлѣбъ въ монастырь, да привозить по два возы дровъ, да сверхъ того работать въ монастырѣ три дни“ (ibid. л. 405). Или вольный человѣкъ Артюшка Ивановъ, 30 генваря 7158 года, поряжаясь во крестьяне за Тимофея Сукина, въ порядной своей пишетъ: „А послѣ льготныхъ годовъ на него Тимофея мнѣ всякое дѣло дѣлать въ недѣли по два дни съ лошадью“ (ibid. л. 477). Или въ порядной, данной въ 1661 году, вольный государевъ человѣкъ Ѳедоръ Семеновъ пишетъ: „порядился есми съ женою и дѣтьми въ бобыльство Пречистые Богородицы Тихвина монастыря.... въ деревню Новинку, на Лазаревской участокъ; и на томъ мнѣ участкѣ поставить хоромы, и тотъ участокъ пахатъ, а съ году на годъ платить въ монастырь, за монастырскую страду оброку по рублю. А учнутъ изъ монастыря приносить кузло; и мнѣ на монастырь ковать всякое кузло, а имъ за кузло въ оброчные деньги въ тотъ годовой рубль заворачивать; а съ участка съ тяглого имать въ монастырь снопъ, какъ у иныхъ бобылей ведется, а на монастырскую работу мнѣ съ того участка ни на какую не

ходить и работы никакой не наметывать сверхъ того оброчнаго рубля, и съ участка мнѣ никуда не сойти, ни за кого не рядитца" (Ак. Юрид. стр. 211).

Вообще условія новопорядныхъ крестьянъ, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ порядным, были весьма разнообразны. Вотъ нѣсколько образчиковъ таковыхъ условій взятыхъ изъ порядныхъ записей. Одинъ вольный человѣкъ Афонька Ивановъ, давая крестьянскую порядную Ивану Скобельцыну съ братьями, пишетъ: „мнѣ государево тягло тянуть и дѣло ихъ боярское дѣлать въ недѣлю по дню съ лошадью, и подати платить какъ и прочіе крестьяне". Или другой вольный человѣкъ Куземка Елизарьевъ въ своей порядной пишетъ: „а на него (владѣльца) всякое здѣлье дѣлать въ недѣли день, а въ другой недѣли два дни съ лошадью„ (Кн. 35, л. 423). Или еще Симашко Ивановъ условливается въ порядной: „мнѣ за государемъ своимъ Яковомъ Петровымъ сыномъ Львовымъ живучи въ бобыляхъ всякое сдѣлье дѣлать на него въ недѣли по дни пѣшему, и государево тягло тянуть и подати платить, какъ и прочіе крестьяне и бобыли по развыткѣ" (ibid. 426). Крестьяне же, болѣе нуждающійся, большею частію садились на землю безъ особыхъ условій, а писали въ порядныхъ такъ: „за государемъ своимъ жить во крестьянствѣ, какъ и прочіе живутъ крестьяне, доходъ всякой помѣщицкой платить и работу работать и тягло тянуть, и изгороды въ поляхъ разгораживать". Или: „и живучи за нимъ во крестьянѣхъ государевы всякіе подати платить и мірскіе доходы и его государя моего оброкъ, чѣмъ онъ государь мой меня пооброчитъ, и здѣлье дѣлать безъ ослушанья". Но каковы бы ни были условія порядной, всегда они писались добровольно по согласію крестьянина съ владѣльцемъ. Въ допросахъ при порядныхъ крестьяне постоянно говорили: „и такову порядную на себя даю своею волею".

Право рядиться во крестьянство по доброй волѣ принадлежало не только пришлымъ вольнымъ людямъ, но и дѣтямъ и родственникамъ крестьянъ—старожильцевъ, ежели они хотѣли выдѣлиться изъ семьи и имѣть свой дворъ или свой участокъ земли, а равнымъ образомъ могли вновь рядиться съ владѣльцемъ и тѣ крестьяне, которые уже живутъ за нимъ на своихъ отдѣльныхъ участкахъ, ежели хотятъ перемѣнить, или увеличить свои участки, т. е. съ полувыти сѣсть на цѣлую выть. Такъ напримѣръ, крестьянинъ Дементья Сукина, Дмитрейко Тимофѣевъ, въ своей вторичной порядной пишетъ: „живу я у Дементья Тимофѣевича Сукина въ крестьянѣхъ; по прежней записи, шелъ я въ домъ къ крестьянину его въ годы и въ животы, и женился у крестьянина его у Лукья-

на на дочери его въ деревнѣ Опаринѣ; и нынѣча я Дмитрейко, а прозвище Ивашко, съ сыномъ своимъ Симанкомъ отдѣлился отъ тестя своего на свой жеребей въ деревнѣ Опаринѣ и порядную на себя далъ по нынѣшнему государеву указу. А живу я у государя своего Дементья Тимофѣевича Сукина во крестьянѣхъ, тому пятнадцать лѣтъ, и взяли есми на подмогу у государя своего денегъ и хлѣба и всякой ссуды на пять рублевъ" (ibid. л. 475). Или другой крестьянинъ Петръ Фроловъ въ допросѣ при порядной Еуфимину монастырю сказался: „родомъ Старо-Рускаго уѣзда отца и матери остался малъ, и взросъ и жилъ на Ловотѣ рѣкѣ во крестьянѣхъ за государемъ въ деревнѣ Сергіевѣ, а какъ съ тое деревни вышелъ тому нынѣ лѣтъ съ шесть, и въ свое де мѣсто на тяглой участокъ посадилъ крестьянина Ануфрейка, а чей сынъ того не упомнитъ. А сподъ жилъ у Еуфимина монастыря въ вотчинѣ въ деревни въ Пересыти въ бобылкахъ, а нынѣ де Еуфимина жъ дѣвича монастыря въ тое жъ деревню Пересыти во крестьяне порядился, и такову на себя ссудную запись даю своею волею" (л. 370). Или въ допросѣ при порядной 7156 г. крестьянскій сынъ говоритъ: „я, Тимошка, вольный человѣкъ, родомъ Новгородецъ, отецъ мой жилъ во крестьянѣхъ за Юрьевымъ монастыремъ на Волховѣ на городищѣ, и отца моего и матери остался малъ, а послѣ отца и матери въ Юрьевской вотчинѣ и по инымъ волостямъ жилъ походя, кормился, коровы пасъ, а нынѣ билъ челомъ во крестьяне Юрьева монастыря въ вотчину на Волхово городище: на Михайловской участокъ Матвѣева въ готовой дворъ". (№ 35, л. 340).

Крестьяне съ прикрѣпленіемъ къ землѣ по Уложенію не потеряли значенія не раздѣльнаго крестьянскаго сословія; и не смотря на то, на какихъ бы земляхъ они ни жили, на черныхъ ли, или на владѣльческихъ, они составляли общія волости, станы и погосты, и всѣ государевы подати платили сообща по волостнымъ разрубамъ и разметамъ, безъ отношенія къ своимъ землевладѣльцамъ. Даже при платежѣ оброковъ и отправленіи работъ на землевладѣльца, крестьянинъ является не отдѣльнымъ лицомъ, а членомъ общины, и несетъ общинное тягло; онъ, поряжаясь въ крестьяне, прямо поряжается въ общину и только по землѣ крѣпокъ владѣльцу; и владѣлецъ къ крестьянину, поселившемуся на его землѣ, не иначе относится, какъ къ члену крестьянской общины, и не можетъ съ него требовать больше противъ того, что приходится по общинной раскладкѣ, или по порядной записи, ежели въ порядной написаны какія либо особенности противъ другихъ крестьянъ. Такъ о крестьянскихъ об-

щинахъ и платежѣ государевыхъ податей по общинной раскладкѣ по волостнымъ разрубамъ и разметамъ свидѣтельствуютъ почти всѣ порядныя, которыя пишутся такъ: *государевы подати и волостные разметы платить мнѣ съ моего участка съ волостными людьми вмѣстѣ*. Такъ крестьянинъ Борисъ Дмитріевъ, порядившійся въ Софійскую вотчину, пишетъ: „и съ того своего участка государевы подати, и Софійское тягло и волостные разрубы платить съ волостними людьми вмѣстѣ". (№ 56 л. 442). Или въ порядной крестьянина Василья Мартемьянова, данной Еуфимину монастырю, сказано: „и съ того своего живущаго участка государевы подати и монастырскіе доходы платити, и волостные разрубы съ волостными людьми своими сусѣды платити же". (№ 35 л. 365). Или въ порядной Семена Кононова: „съ того своего участка мнѣ государевы всякіе подати давати съ сусѣды вмѣстѣ, съ чего меня положатъ и его помѣщицкое сдѣлье дѣлати и всякія его подати давати съ сусѣды вмѣстѣ". (352). Или въ порядной крестьянина Власа Дементьева: „государево тягло съ погостными людьми съ своими сусѣды съ своего крестьянскаго участка платити". (л. 134). Или о податяхъ и работахъ на владѣльца въ порядныхъ обыкновенно писалось: и *мнѣ государево тягло тянути и помѣщицкое дѣло дѣлати съ сосѣды вмѣстѣ по своему жеребью* Здѣсь прямо говорится, что крестьянинъ платилъ оброкъ помѣщику и работалъ на него только по своему жеребью, т. е. въ размѣрѣ участка занимаемой имъ земли, сообразно съ своими сосѣдами. Такъ въ порядной крестьянина Ларіона Потапова сказано: „и мнѣ Ларкѣ за государемъ своимъ за Иваномъ Степановичемъ Косицкимъ живучи на пашнѣ, государево тягло тянути, и его помѣщицкое всякое дѣло дѣлати, чѣмъ онъ меня помѣщикъ пожалуетъ изоброчить, съ сосѣды вмѣстѣ по своему жеребью". (№ 36. л. 465). Или въ порядной, данной Ивану Аничкову, крестьянинъ пишетъ: „жити мнѣ за государемъ своимъ Иваномъ Михайловичемъ на томъ своемъ крестьянскомъ участкѣ во крестьянѣхъ, и съ того участка государевы подати платить и помѣщицкіе доходы давати и всякое сдѣлье дѣлати по своему участку со крестьяны вмѣстѣ". Крестьяне на своихъ порядныхъ обыкновенно писались не крѣпостными людьми своихъ землевладѣльцевъ, а только жильцами и тяглецами. Такъ напримѣръ, въ порядной, данной Ивану Буртурлину 17 Марта 7157 года, крестьянинъ Емельянъ Корнильевъ пишетъ: „А впредь таки и Емельянъ на томъ своемъ участкѣ за нимъ Иваномъ во крестьянѣхъ крестьянинъ и жилецъ, и тяглецъ, жити мнѣ во крестьянѣхъ безвыходно на томъ своемъ участкѣ". (л. 89). Та-

кимъ образомъ въ жизни русскаго общества, въ половинѣ XVII столѣтія, по свидѣтельству порядныхъ, крестьянинъ и съ прикрѣпленіемъ къ землѣ удержалъ свой прежній характеръ жильца и тяглеца: до прикрѣпленія онъ былъ жильцомъ временнымъ, могъ перемѣнять мѣсто своего жительства, а съ прикрѣпленіемъ сдѣлался жильцомъ постояннымъ, безъ права мѣнять мѣсто жительства, каковое право впрочемъ онъ могъ еще выговаривать себѣ въ порядной.

Уложеніе 1649 года въ жизни русскаго общества не уничтожило стараго обычая крестьянъ бродить по разнымъ областямъ въ качествѣ вольныхъ государевыхъ людей; по Уложенію, какъ мы уже видѣли, были прикрѣплены только тѣ лица, которыя состояли въ тяглѣ и записаны тягловыми въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ, всѣ же непопавшіе въ тягло по переписнымъ книгамъ, или выдѣлившіеся изъ тяглыхъ семействъ, по прежнему считались и дѣйствительно были вольными людьми, не прикрѣпленными къ землѣ. Таковые вольные люди были въ значительныхъ массахъ и по городамъ, и по селеніямъ, и на черныхъ земляхъ, и на владѣльческихъ, и могли оставаться таковыми вольными людьми и годъ, и два, и двадцать лѣтъ, и цѣлую жизнь, до тѣхъ поръ пока сами вздумаютъ сѣсть на землю, принять тягло, поступить въ общину или записаться въ какую либо службу или въ кабальные холопи. Я имѣлъ возможность прочесть не одну сотню порядныхъ крестьянскихъ и кабальныхъ записей*), изъ которыхъ ясно и наглядно представляется, что прикрѣпленіе, по Уложенію, точно также какъ и по прежнимъ узаконеніямъ, простиралась далеко не на всѣхъ черныхъ людей, и что вольные государевы люди изъ конца въ конецъ безпрепятственно ходили и занимались разными промыслами по всей Россіи во все царствованіе Алексѣя Михайловича. Вотъ подлинныя тому свидѣтельства разныхъ порядныхъ и кабальныхъ записей. Такъ напримѣръ крестьянинъ Василій Андреевъ въ допросѣ при порядной, данной въ 7158 году, говоритъ: „уроженецъ я Новгородскаго уѣзду Щепецкаго погосту деревни Гусильца, а отецъ мой и мать моя жили въ Щепецкомъ погостѣ въ деревнѣ Гусильцѣ, и отецъ мой сшелъ и меня съ собою свелъ за Литовскій рубежъ за Новгородокъ, и тамъ отецъ мой преставись, и я послѣ отца своего вышелъ на государеву сторону въ Печерскую вотчину на посадъ

*) Возможностію воспользоваться таковымъ числомъ порядныхъ и кабальныхъ записей я обязанъ просвѣщенному вниманію начальника Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, князя Михаила Андреевича Оболенскаго.

въ Жалоцкой, и тамъ я жилъ на посадѣ на Жалоцкѣ не на пашнѣ, кормился хотя работою по наймамъ; а спелъ изо Псковщины съ посаду съ Жалоцкаго тому третій годъ, и пришелъ въ Новгородской уѣздъ въ Прибужской погосчъ на деревню на Черневу къ Никифору Иванову сыну Гурьеву, и порядную запись на себя даю волею". (№ 36 л. 482). Или въ одной кабальной 7157 года, дающій на себя кабалу пишетъ: „родомъ я Карпушка Каргапольскаго уѣзду крестьянской сынъ, а отецъ мой жилъ на государевомъ участкѣ, остался малъ, а отецъ мой остался въ Каргопольскомъ уѣздѣ на старинѣ, а нынѣ онъ живъ или мертвъ того не вѣдомо; а я Карпушка отъ отца своего сошелъ тому лѣтъ съ пятнадцать, а сошедъ отъ отца жилъ на Устюгѣ Великомъ и въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Боровичахъ и на Крестцахъ и въ Ручьяхъ, походя кормился работою, а въ холопѣхъ ни у кого не служивалъ, и въ крестьянѣхъ и въ бобыляхъ ни за кѣмъ не живалъ, а нынѣ бью челомъ во дворѣ служить Нелюбу Иванову сыну Пушкину, и служилую кабалу на себя даю" (л. 31). Или при порядной въ крестьянство, данной въ 7158 году, поряжающійся въ допросѣ говоритъ: „урожепецъ я Псковскаго уѣзда, а отецъ мой Филиппъ Ивановъ уроженецъ Новгородскаго уѣзда, бобылекъ Василья Ѳедоровича Турова; а я Ивашко послѣ отца своего кормился работою своею, а нынѣ иду на пашню на участокъ Парамона Васильевича Турова, и порядную даю своею волею". (ibid. 173 л.) Или при кабальной записи 7457 года, кабальный человѣкъ въ допросѣ сказался: „я именемъ Васька, сынъ крестьянской государевой волости Шунскіе, вольной человѣкъ, пашни де подо мной небыло съ молодыхъ дней, послѣ отца своего бродилъ во многихъ мѣстѣхъ, и выучился веселому промыслу скоморошеству, а нынѣ билъ челомъ въ холопи Антону Дружинину," (л. 96). Или при порядной 7156 года, дающій порядную въ допросѣ сказался: „родомъ я Андрюшка города Торжку посадскаго человѣка Панкратовъ сынъ, отецъ де его и мать и нынѣ живы, живутъ въ Торжку на посадѣ, а онъ де отъ отца своей и отъ матери отошелъ въ прошломъ въ 155 году о святой недѣли, и пришелъ въ Новгородскій уѣздъ въ Деревскую пятину, въ деревню въ Ярцево, и билъ челомъ во крестьяне за Микифора Оничкова, и женился на крестьянкѣ его, на вдовѣ Марфицѣ, шелъ въ домъ, въ готовые животы, и порядную запись на себя даю волею, а прежде сего въ холопѣхъ ни у кого не служивалъ, и во крестьянѣхъ, ни въ бобыляхъ ни за кѣмъ не живалъ, и въ посадскихъ писцовыхъ книгахъ и въ тяглѣ не записанъ, сказалъ себѣ двадцать восемь лѣтъ". (№ 35 л. 332).

Или въ допросѣ при кабалѣ, кабальный говоритъ: „я Сенька работной гулящій человѣкъ, родомъ Устюга Великаго, отца моего звали Окундинкомъ; прозвище Куйда, и отецъ де мой жилъ въ Устюжкомъ уѣздѣ въ деревни Плесѣ на пашни за государемъ, и отца де моего въ животѣ не стало тому лѣтъ семь, а я де Сенька оставя отца кормился на Устюгѣ Великомъ работою, а иное игралъ въ скрыпку, а съ Устюга де пришелъ въ Новгородъ тому лѣтъ съ пять, и жилъ въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Шелонской пятинѣ по деревнямъ, походя кормился тѣмъ же промысломъ, а въ крестьянѣхъ ни за кѣмъ не живалъ, и во дворѣ въ холопѣхъ ни у кого не живалъ, а нынѣ Микифору Максимову сыну Харламову во дворъ бью челомъ“ (ibid. л. 261). Или при другой кабалѣ въ допросѣ кабальный сказался: „именемъ Павелко Самсоновъ, уроженецъ Казаранюскаго погоста, вольной человѣтъ, крестьянской сынъ, въ холопѣхъ ни у кого не служивалъ, жена его Офимьица Парфеньева дочь, уроженица Псковская, вольная, бродили по наймамъ, кормились работою; а нынѣ бьемъ челомъ Юрью Ѳедорову сыну Одинцову во дворъ въ холопи“ (л. 112). Или еще иной кабальный, въ вопростѣ при подачѣ кабальный, въ попросѣ при подачѣ кабальной записи, сказался: „я Ивашко Микифоровъ уроженецъ Костромскаго уѣзду села Домнецкаго; а отецъ мой и мать осталися на участкѣ, а я отъ нихъ пошелъ малъ, и учился портному мастерству въ Новѣгородѣ Нижнемъ, а послѣ того ходилъ въ мірѣ и кормилъ свою голову своимъ мастерствомъ, а у мѣста нигдѣ не бывалъ, и житьемъ не живалъ, и во крестьянствѣ ни за кѣмъ не живалъ, и въ холопствѣ ни у кого не служивалъ, а вѣкомъ мнѣ лѣтъ тридцать“ (л. 107). Изъ сихъ порядныхъ и кабальныхъ записей каждый можетъ ясно видѣть, что прикрѣплены были къ землѣ только тяглые люди, записанные въ писцовыхъ или переписныхъ книгахъ, на посадѣ или въ уѣздѣ, въ тяглѣ, на городскомъ или уѣздномъ тягломъ участкѣ земли, всѣ же незаписанные въ тягло, непринявшіе на себя участка, земли, по прежнему оставались вольными государевыми людьми, и свободно могли перемѣнять мѣсто жительства, занимаясь разными промыслами и работами.

Добровольное прикрѣпленіе къ землѣ и принятіе тягла, на основаніи частныхъ гражданскихъ сдѣлокъ, также указываетъ на старый обычай, нисколько не уничтоженный Уложеніемъ 1649 года, а только нѣсколько сокращенный тѣмъ, что разъ принявшій на себя тягло не могъ уже оставить его и считался крѣпкимъ землѣ. Въ жизни русскаго общества и послѣ Уложенія принятіе тягла, прикрѣпленіе къ землѣ, по прежнему не считалось

лишеніемъ правъ состоянія, поступленіемъ въ крѣпость, въ частную собственность, а признавалось добровольною частною сдѣлкою крестьянина съ землевладѣльцемъ, каково оно было и въ XVI вѣкѣ до прикрѣпленія. Да и на самомъ дѣлѣ по закону землевладѣлецъ не могъ ни продать, ни заложить крестьянина; слѣдовательно, не имѣлъ на него правъ собственности. Крестьянинъ, какъ мы уже видѣли въ порядныхъ, былъ только жильцомъ и тяглецомъ на землѣ господина. Самый обычай вольныхъ людей садиться на чужую землю съ принятіемъ тягла, постоянно продолжавшійся и послѣ Уложенія, ясно показываетъ, что поступленіе во крестьянство считалось вольными государевыми людьми не только уменьшеніемъ правъ состоянія, но даже улучшеніемъ жизни и пріобрѣтеніемъ новыхъ правъ. Именно, вольный государевъ человѣкъ поступленіемъ въ крестьянство мѣнялъ только право бродить свободно изъ конца въ конецъ Россіи, не имѣя нигдѣ постояннаго пристанища, на право имѣть осѣдлость, хотя и на чужой землѣ, быть самостоятельнымъ хозяиномъ и развивать свое хозяйство по мѣрѣ своихъ средствъ, и въ тоже время не только не теряя правъ личности, но и пріобрѣтая еще права состоянія, права члена извѣстнаго сословія и извѣстной общины. Конечно эти новыя права, эти пріобрѣтенія давались не даромъ, вольный государевъ человѣкъ не только прикрѣплялся къ землѣ, но и долженъ былъ принять на себя разныя обязанности въ отношеніи къ общинѣ и землевладѣльцу; но очевидно обязанности сіи своею тяжестію не равнялись съ выгодами, пріобрѣтаемыми вольнымъ человѣкомъ, поступающимъ въ крестьянство, выгоды крестьянскаго состоянія очевидно были значительнѣе и дороже тѣхъ обязанностей, которыя принималъ на себя крестьянинъ. Въ противномъ случаѣ, не было бы охотниковъ изъ вольныхъ людей поступать въ крестьянство, а мы уже знаемъ, что поступленіе въ крестьянство совершенно зависѣло отъ воли самаго поступающаго, и порядную во крестьянство поступающій давалъ самъ, самъ изъявлялъ согласіе на принятій условій, и конечно отъ него зависѣло отвергнуть тѣ условія, которыя бы онъ считалъ невыгодными. Отношенія новопорядного крестьянина къ землевладѣльцу и общинѣ опредѣлялись порядною, въ которой поступающій на землю крестьянинъ и принимающій его землевладѣлецъ одинаково пользовались правами лицъ, вступающихъ другъ съ другомъ въ свободный договоръ, и заключали договоръ по взаимному согласію.

Но крестьянское сословіе состояло не изъ однихъ новопорядныхъ крестьянъ,—были еще крестьяне изстаринные, которыхъ дѣ-

ды и отцы жили на тѣхъ же земляхъ и за тѣми же землевладѣльцами, за которыми и они живутъ. У этихъ крестьянъ не было уже порядныхъ записей съ владѣльцами, они жили по старинѣ, ежели и не наслѣдственно на тѣхъ же участкахъ, на которыхъ жили дѣды и отцы, то покрайней мѣрѣ въ тѣхъ же селеніяхъ и за тѣми же владѣльцами или ихъ наслѣдниками; посему ихъ отношенія къ землевладѣцамъ естественно и незамѣтно теряли характеръ договорныхъ отношеній: договора между изстариннымъ крестьяниномъ и землевладѣльцемъ уже не было. Теперь рождается вопросъ, что же опредѣляло отношеніе таковыхъ крестьянъ къ своимъ землевладѣльцамъ? не измѣнялся ли съ тѣмъ вмѣстѣ характеръ крестьянъ? не терялась ли ихъ самостоятельность? не обращались ли они изъ крѣпкихъ къ землѣ, по первоначальному договору и по закону, въ крѣпостныхъ людей землевладѣльца, по давности? На всѣ эти вопросы Уложеніе 1649 года отвѣчаетъ полнымъ отрицаніемъ какого либо различія между новопорядными и изстаринными крестьянами, оно нигдѣ даже по имени не отличаетъ новопорядныхъ крестьянъ отъ изстаринныхъ, и вездѣ признаетъ одно крестьянское сословіе, безъ различія—были ли то крестьяне новопорядные или изстаринные и жили ли они на черныхъ или владѣльческихъ земляхъ; слѣдовательно, по закону не признавалося никакого различія между новопорядными и изстаринными крестьянами, ни въ ихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ, ни въ ихъ общественномъ и государственномъ значеніи. Но не было ли различія въ самой жизни мимо закона, не присвоевали ли землевладѣльцы какихъ либо излишнихъ правъ надъ старинными крестьянами противъ крестьянъ новопорядныхъ? Вѣроятно въ частности случаи таковаго присвоенія излишнихъ правъ надъ изстаринными крестьянами бывали, какъ я уже имѣлъ случай указать при разсмотрѣніи вопроса о продажѣ крестьянъ по поступнымъ записямъ и купчимъ; но случаи сіи, какъ исключенія, не измѣняли общаго характера отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, характера, опредѣляемаго и положительнымъ закономъ и обычаемъ. Лучшимъ доказательствомъ сему служатъ разобранныя уже выше крестьянскія порядныя, въ нихъ мы большею частію встрѣчаемъ слѣдующее общее условіе: „и съ того своего участка государевы подати платити и помѣщицкіе доходы давати и сдѣлье всякое дѣлати по своему участку со крестьяны вмѣстѣ“. Или: „государево тягло платити съ сусѣды вмѣстѣ по своему участку, и помѣщицкая дань, чьимъ помѣщикъ изоброчитъ и всякое помѣщицкое сдѣлье дѣлати съ сусѣды вмѣстѣ“. Слѣдовательно, отношенія землевладѣльцевъ и къ изстариннымъ кресть-

янамъ были опредѣлены, и нисколько не зависѣли отъ полнаго произвола землевладѣльца. Не очертя же голову шелъ новопорядный вольный человѣкъ въ крестьянство, не зная куда; онъ имѣлъ полное право выбора, и ежели выбиралъ того или другаго землевладѣльца, и поступалъ къ нему въ крестьяне безъ особыхъ условій, на которыя имѣлъ право, то, значитъ, условія изстаринныхъ крестьянъ находилъ на сколько опредѣленными и выгодными, что не имѣлъ надобности предлагать новыхъ условій.

Все различіе въ отношеніяхъ изстариннаго крестьянина съ новопоряднымъ состояло въ томъ, что новопорядный крестьянинъ самъ лично опредѣлялъ свои отношенія взаимнымъ договоромъ съ владѣльцемъ, а изстаринные крестьяне дѣйствовали не лично, отдѣльно каждый, а общиною. Землевладѣлецъ въ старинныхъ крестьянахъ относился къ общинѣ, а не къ одному крестьянину; здѣсь община принимала или не принимала распоряженія владѣльца, а извѣстно, что произволъ владѣльца не могъ такъ сильно развиться надъ общиною, какъ онъ бы развился надъ отдѣльнымъ лицомъ. Поэтому для новопоряднаго крестьянина, какъ для отдѣльнаго лица, и нуженъ былъ договоръ, порядная, а изстаринные крестьяне, какъ община, не имѣли нужды въ новыхъ порядныхъ съ каждымъ новымъ землевладѣльцемъ: отношенія ихъ опредѣлялись безобидно, и безъ порядныхъ. Каждый изстаринный крестьянинъ, по свидѣтельству вышеприведенныхъ порядныхъ, платилъ и государевы подати и помѣщиковы доходы и сдѣлье помѣщичье дѣлалъ по мірской раскладкѣ съ того участка земли, на которомъ сидѣлъ; землевладѣлецъ могъ дѣлать какія-либо новыя распоряженія на цѣлую общину крестьянъ, а не на того или другаго крестьянина, крестьянинъ не обязывался ни платить, ни дѣлать лишняго на владѣльца сверхъ своей доли, достающейся ему по мірской раскладкѣ. Это общинное отношеніе служило лучшимъ обезпеченіемъ самостоятельности и не зависимости изстаринныхъ крестьянъ, какъ членовъ общины, и пока община была сильна, пока власть землевладѣльца не получила права дѣйствовать на того или другаго крестьянина отдѣльно отъ общины, до тѣхъ поръ и отношенія владѣльцевъ къ изстаринымъ крестьянамъ были опредѣленны, и не смотря на прикрѣпленіе къ землѣ носили тотъ же характеръ, который имѣли до прикрѣпленія къ землѣ.

Но нельзя отрицать, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ много содѣйствовало къ развитію власти землевладѣльца въ ущербъ крестьянской самостоятельности и къ ослабленію правъ общины, особенно въ изстаринныхъ крестьянахъ. Здѣсь жизнь волей-не-

волей пошла мимо закона, и прежде всего дала землевладѣльцу страшное и противоестественное право тѣлеснаго наказанія крестьянъ. До прикрѣпленія землевладѣлецъ могъ управиться съ непослушнымъ или нерадивымъ крестьяниномъ, отказавши ему отъ участка земли, но съ прикрѣпленіемъ землевладѣлецъ потерялъ эту возможность: отказъ отъ земли или увольненіе крестьянина перестало уже быть наказаніемъ и угрозою, а на противъ сдѣлалось милостію; увольняя крестьянина, владѣлецъ давалъ ему свободу идти и рядиться куда угодно, и принималъ на себя платежъ государственныхъ податей; лежащихъ на оставленномъ участкѣ; слѣдовательно, по неволѣ владѣльцы должны были прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ принужденія,—къ денежнымъ пенямъ, а какъ съ инаго нерадиваго и ослушнаго крестьянина и взять было нечего, то къ тѣлесному наказанію. Изъ этихъ двухъ мѣръ первая еще иногда употреблялась и до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Такъ въ извѣстной намъ уставной грамотѣ крестьянамъ Новинскаго монастыря, писанной въ 1590 году, сказано: „а который крестьянинъ ослушается въ каковѣ монастырскомъ дѣлѣ; и игумену на ослушникѣ велѣти приказщику взяти гривну въ монастырскую казну, а ослушника послати на монастырское дѣло". О второй же мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій до прикрѣпленія, о ней не упоминается ни въ одномъ старомъ наказѣ объ управленіи крестьянъ, ни въ одной уставной грамотѣ; даже по прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ эта мѣра не вдругъ вошла въ употребленіи между землевладѣльцами. Такъ въ наказѣ 1632 года, данномъ управителю вотчинъ Суздальскаго Покровскаго монастыря, всѣ наказанія крестьянъ ограничивались разными денежными пенями; но въ другомъ наказѣ объ управленіи тѣми же вотчинами, данномъ въ 1653 году, уже являются и тѣлесныя наказанія, но еще не во многихъ случаяхъ; въ наказѣ сказано: „а буде кои крестьяне закону не учнутъ слушать, и по кабакамъ станутъ животы свои пропивать; и тѣхъ крестьянъ имать и за первую вину велѣть передъ попомъ, передъ старостою и передъ крестьяны на сходѣ бить батоги нещадно, да съ нихъ же имать на монастырь пени по осми алтынъ по двѣ деньги, и записывать тѣхъ крестьянъ вины въ тетрадь подлинно, за что который крестьянинъ битъ и за какую вину, и что съ него пени на монастырь будетъ взято". (А. Ар. Эк. т. IV. № 67). Таже мѣра въ другой разъ встрѣчается въ наказѣ 1673 года, данномъ управителю вотчинъ Вяжицкаго монастыря; въ наказѣ сказано: „которые крестьяне утаятъ какого хлѣба; и ему старцу Іоасафу съ цѣловальникомъ, свѣдавъ, утаенный хлѣбъ вынять и описать весь на

монастырь безповоротно; а того, который утаитъ, бить батоги передъ волостными людьми нещадно, и доправить на немъ пени два рубли, четыре алтына полторы деньги". (Допол. къ Ак. Ист. т. IV. № 86). По прямому свидѣтельству памятниковъ, тѣлесныя наказанія крестьянъ землевладѣльцами вошли въ употребленіе только послѣ Уложенія 1649 года, т. е. со времени полнаго прикрѣпленія къ землѣ; впрочемъ и въ это время они еще не были во всеобщемъ употребленіи; такъ напримѣръ, въ наказѣ 1658 года, данномъ управителю вотчинъ Печерскаго Нижегородскаго монастыря, наказанія крестьянъ еще по прежнему ограничиваются денежными пенями; въ наказѣ сказано: „да ему же старцу имати съ огурникомъ по гривнѣ, которые крестьяне по цѣловальникову и по заказщикову наряду на монастырское сдѣлье не пойдутъ". (ibid. № 43). Какъ бы то ни было, съ полнымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ, мало по малу тѣлесное наказаніе крестьянъ владѣльцами въ послѣдствіи вошло во всеобщее обыкновеніе, и было однимъ изъ главныхъ средствъ къ развитію и злоупотребленію власти землевладѣльцевъ, въ ущербъ крестьянской самостоятельности.

Вторымъ важнымъ послѣдствіемъ полнаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, способствовавшимъ злоупотребленію землевладѣльческой власти въ ущербъ крестьянской самостоятельности, была продажа крестьянъ безъ земли. Эта продажа по закону, какъ мы уже видѣли, была допущена не прежде послѣднихъ мѣсяцевъ жизни царя Алексѣя Михайловича; но на дѣлѣ она, хотя изрѣдка, встрѣчается еще въ началѣ царствованія сего государя. Такъ до насъ дошла одна поступная крестьянская запись, писанная 17-го Мая 1647 года: въ ней Дружина, Осипъ и Семенъ Ивановы дѣти Протопопова пишутъ: „дали есмя на себя сію запись Гарасиму Васильеву сыну Веригину въ томъ, что мы поступилися ему Гарасиму изъ вотчинной своей деревни изъ Хвощна, Глажинскаго погоста, вотчинного своего крестьянина Титка Михайлова, а прозвище Максимка, съ женою и съ дѣтьми съ сыномъ Исачкомъ да съ сыномъ Мокейкомъ, самачетверта за долгъ безповоротно: и ему Гарасиму того нашего вотчиннаго крестьянина Титка, а прозвище Максимка, съ женою и съ дѣтьми самачетверта, опроче животовъ, что мы ему Титку, а прозвище Максимку, давали въ подмогу, изъ тое нашей вотчинной деревни изъ Хвощна, вольно ему Гарасиму того поступнаго нашего крестьянина перевезть въ свои вотчинные деревни и въ помѣстья, куда онъ Гарасимъ похочетъ". (М. Г. А. М. И. Д. Кн. 35, л. 92).

Значеніе крестьянъ въ царствованіе царя Алексѣе Михайловича.

Но злоупотребленія землевладѣльческой власти, породившіяся въ слѣдствіе полнаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, не уничтожили еще прежняго значенія крестьянъ, ни по закону, ни въ жизни. Мы уже видѣли, какое значеніе крестьянамъ давалъ законъ, теперь посмотримъ, сколько дозволяютъ дошедшіе до насъ памятники, какое значеніе за крестьянами, безъ различія за новопорядными и изстаринными, оставляла жизнь русскаго общества за время царя Алексѣя Михайловича.

Здѣсь на первомъ планѣ представляются отношенія государственныя. По закону мы уже видѣли, что въ отношеніи къ государству не полагалось никакого различія между крестьянами дворцовыхъ земель и черныхъ волостей, и между крестьянами владѣльческими; тоже самое безразличіе въ правахъ и обязанностяхъ въ отношеніи къ государству мы встрѣчаемъ и въ жизни. Крестьяне, владѣльческіе, и дворцовые, и черныхъ волостей, всѣ вмѣстѣ, сообща, составляли волости, погосты, станы и уѣзды, и безразлично вкладывались въ волостные и уѣздные разрубы и разметы по платежу государственыхъ податей и отправленію повинностей, и составляли одно нераздѣльное крестьянское сословіе. Такъ напримѣръ въ поручной записи 1670 года, крестьяне Суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря пишутъ: „Се язъ Володимерского уѣзду Боголюбовскаго стану, вотчины Покровскаго дѣвичья монастыря, что въ Суздалѣ, Талецкой волости села Усолья съ деревнями, старосты: Кононко Тимоѳѣевъ, да язъ Кондратей Ивановъ, да язъ Потапъ Ивановъ, да язъ Василей Артемьевъ, и всѣ крестьяне тое вотчины, въ нынѣшнемъ 178 году, іюля въ 26 день, порядили мы Володимерца посацкаго человѣка Микиту Емельянова сына Мухина, да Спаса Золотоворотцкаго монастыря сторожа Ивана Микифорова на Володимерское городовое дѣло. А дѣлать имъ подрядчикамъ Микитѣ да Ивану, Володимерскаго уѣзду Боголюбовскаго стану, съ вотчины Покровскаго дѣвичья монастыря, что въ Суздалѣ, Талецкія волости, села Усолья съ деревнями, съ 24 чети съ полуосминою, Володимерское городовое дѣло, башенное или огороденное или тайницкое, гдѣ имъ подрядчикамъ на тое вотчину на 24 чети съ полуосминою въ Володимерѣ изъ приказной избы указано будетъ, все въ отдѣлкѣ поставить.... А рядили мы старосты и всѣ крестьяне имъ подрядчикамъ Микитѣ да Ивану, отъ того городоваго дѣла съ тое вотчины, съ 24 чети съ полуосми-

ною, съ чети по семи рублевъ, и того 169 рублевъ 25 алтынъ" (Доп. къ А. И. т. IV, стр. 54). Здѣсь явно владѣльческіе крестьяне несутъ государственную повинность, укрѣпленіе городскихъ стѣнъ, наравнѣ съ другими сословіями (по общей уѣздной развыткѣ на ихъ долю досталось съ 24 жилыхъ чети съ полуосминою), и несутъ эту повинность отъ себя, а не отъ имени владѣльца. Въ приведенной порядной записи, и во всемъ дѣлѣ по предмету укрѣпленія стѣнъ, ни владѣлецъ—Покровскій дѣвичій монастырь, ни его приказщики, не принимаютъ никакого участія. Крестьяне сами черезъ своихъ старостъ подаютъ челобитную Владимірскому городскому воеводѣ о выдачѣ имъ изъ приказной избы выписи, сколько на ихъ долю по развыткѣ нужно приготовить матеріаловъ для подѣлки городскихъ стѣнъ; сами черезъ старостъ рядятъ подрядчиковъ, сами пишутъ условіе, и сами отвѣчаютъ за неисполненіе по условію, какъ прямо сказано въ записи: „а буде мы старосты и всѣ крестьяне имъ подрядчикамъ рядныхъ денегъ на срокъ платить не учнемъ, и тому городовому дѣлу учинимъ какое мотчаніе; и имъ подрядчикомъ на насъ старостахъ и всѣхъ крестьянахъ взять по сей записи триста рублевъ съ полтиною, и харчи и убытки все сполна". Правда, изъ дѣла видно, что игуменья Покровскаго монастыря съ сестрами, въ 1667 году, подавала царю челобитную, относящуюся до участія въ укрѣпленіи Владимірскихъ стѣнъ; но въ челобитной своей она писала только о томъ, чтобы выключить изъ оклада тринадцать чети съ полуосминою *), ибо по старымъ книгамъ Өедора Скрябина въ монастырской вотчинѣ было положено тридцать семь чети съ осминою, а изъ нихъ убыло тринадцать чети съ полуосминою, и сіи-то пустующія чети игуменья просила исключить изъ оклада; слѣдовательно, она здѣсь хлопотала не о крестьянскомъ дѣлѣ, а о своемъ монастырскомъ, ибо по тогдашнему закону за пустующіе дворы платили не состоящіе на лицо крестьяне, по разскладкѣ, а сами землевладѣльцы. Такимъ образомъ, по свидѣтельству памятниковъ, и въ жизни, также какъ и въ законѣ, крестьянская община въ отношеніи къ государству стояла отдѣльно отъ своего владѣльца; государство относилось чрезъ свои органы прямо къ крестьянской общинѣ безъ посредства землевладѣльца, точно также и крестьянская община обращалась непосредственно къ органамъ государства мимо своего землевладѣльца. Тоже самое мы видили и въ

*) По раскладкѣ, установленной при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ, въ монастырскихъ вотчинахъ на четь полагалось 6 крестьянскихъ и три бобыльскихъ двора, всего девять дворовъ; слѣдовательно, на 13 четей приходилось 127 дворовъ.

крестьянскихъ порядныхъ, гдѣ новопорядные крестьяне постоянно пишутъ: „а государево тягло и подати платити мнѣ съ своего участка съ волостными людьми вмѣстѣ, по волостнымъ разрубамъ и разметамъ, во что волостью обложатъ". Слѣдовательно, здѣсь не требовалось распоряженія или приказа отъ землевладѣльца; въ немъ вовсе не было нужды, землевладѣлецъ здѣсь оставался въ сторонѣ, хотя конечно и онъ могъ принять на себя отвѣтственность по этому дѣлу; такъ напримѣръ въ порядныхъ, землевладѣлецъ по своимъ разсчетамъ могъ поставить условіе, что онъ самъ будетъ вѣдаться съ казною по платежу крестьянскихъ податей, но это не было его обязанностію, и въ порядныхъ такихъ условій я не встрѣчалъ. Правительство прямо относилось къ владѣльцу только къ требованіями податей за пустые крестьянскіе дворы, а относительно жилыхъ дворовъ оно относилось къ самой крестьянской общинѣ, къ стану, къ волости.

Послѣ отношеній крестьянина временъ Уложенія къ государству, посмотримъ на его отношенія къ другимъ членамъ русскаго общества и къ казнѣ. И здѣсь тоже находимъ, что крестьянинъ въ своихъ отношеніяхъ былъ независимъ отъ землевладѣльца, могъ свободно вступать въ договоры, и заниматься торговлею и другими промыслами отъ своего лица, безъ отношенія къ землевладѣльцу, къ которому относился только по участку занятой у него земли. Крестьянинъ въ полномъ смыслѣ былъ только безсмѣннымъ жильцомъ землевладѣльца, и выполнивъ лежащія на немъ обязанности по условію жильца и заемщика, ежели бралъ у владѣльца ссуду,— былъ совершенно свободенъ въ своей дѣятельности, и вездѣ принимался какъ самостоятельный и полноправный членъ русскаго общества, могъ напримѣръ свободно нанимать разныя земли и угодья и у своего владѣльца, и у постороннихъ лицъ, ежели на это не было исключенія въ первоначальномъ условіи. Такъ въ порядныхъ на бортныя угодья, писанныхъ въ 1663 году, мы читаемъ: „се азъ Нижегородскаго уѣзду, вотчины Калины Андреевича Скриплева, деревни Сонина, крестьяне, Ѳеофилъ Савельевъ, да азъ Кузка Андреевъ сынъ, бортники, дали есми на себя сію запись Макарья Желтоводскаго монастыря игумену Пахомію съ братьею въ томъ: въ нынѣшнемъ 171 году Іюля въ день пустили они игуменъ съ братьею насъ въ свой жалованной бортной Отреньевской ухожей. А платить намъ бортникамъ съ того знамени съ полупуда медвеный оброкъ и пошлинныя деньги и за куницы пудъ меду, а оброкъ платити безпереводно ежегодно.... А буде мы бортники по сей записи съ того знамени оброку платить не учнемъ.... и на насъ игумену съ братьею взять заряду по сей

записи пятдесять рублевъ серебряныхъ денегъ". (Ак. Юр. стр. 311). Таковую же порядную запись далъ на себя крестьянинъ Михайлы Осиповича Кондратій Носовъ, также сиявшій бортный ухожай у Макарьевскаго монастыря въ 1664 году (ibid. стр. 213). Въ обѣихъ этихъ и во многихъ другихъ подобныхъ записяхъ нѣтъ и помину о дозволеніи землевладѣльца, вездѣ крестьяне вступаютъ въ договоръ отъ своего лица. Или крестьяне того времени принимали на себя разныя казенныя поставки, также отъ своего лица и подъ своею отвѣтственностію. Такъ въ одной челобитной 1669 года крестьянинъ Еремея Вельяминова Гришка Корабейниковъ пишетъ: „Государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ! пожалуй насъ сиротъ своихъ, вели намъ поставить по уговору, изъ приказу Устюжскія четверти, къ Соли Вычегодской на свои государевы кружечные дворы двѣ тысячи ведеръ вина". А въ дѣлѣ о поставкѣ этаго вина наведено было на справку, что подобное же прошеніе подавалъ Ивановъ крестьянинъ Зубова Антипка Карайботовъ, желавшій также принять поставку вина. (Доп. къ ак. Ист. т. V, № 93). Или еще владѣльческіе крестьяне могли вести торговлю также отъ своего имени и безъ отношенія къ землевладѣльцу; такъ въ царской грамотѣ 1671 года, писанной къ Архангелогородскому воеводѣ, прописывается челобитье Двинскихъ земскихъ людей, въ которомъ они жалуются на крестьянина Соловецкаго монастыря Минку Микалева; въ ихъ челобитной написано: „въ нынѣшнемъ 179 году пришли изъ за моря на корабляхъ иноземцы съ хлѣбными запасы и почали хлѣбъ продавать по полтора рубли четь; и Соловецкаго монастыря крестьянинъ Минка Михалевъ пришелъ изъ Сумского острогу на лодьяхъ, и учалъ у иноземцевъ хлѣбъ скупать въ отвозъ большими статьями, и на хлѣбъ цѣну поднялъ" (ibid. т. VI, № 35). Здѣсь жалоба на монастырскаго крестьянина, за перекупку хлѣба и поднятіе цѣны, подана не въ монастырь, а къ государю; по праву же землевладѣльца Соловецкій монастырь долженъ бы быть компетентнымъ судьею крестьянину, живущему на монастырской землѣ. Слѣдовательно, монастырь былъ судьею крестьянина только по дѣламъ крестьянской общины, живщей на монастырской землѣ, по дѣламъ съ своими же крестьянами,—а по торговлѣ и вообще по отношеніямъ не съ своими крестьянами, крестьянинъ, какъ полноправный и самостоятельный членъ общества, не подлежалъ суду землевладѣльца. Землевладѣлецъ былъ въ сторонѣ во всѣхъ дѣлахъ крестьянина ~~ел~~ не на его землѣ; конечно онъ могъ его защищать, ходатайствовать за него, или какъ тогда говорилось, оборонять

отъ сторонъ, но только тогда, когда крестьянинъ просилъ объ этомъ.

Такимъ образомъ полное прикрѣпленіе крестьянъ, въ продолженіе почти всего царствованія Алексѣя Михайловича, было чисто финансовою мѣрою; оно имѣло въ виду только то, чтобы люди, состоящіе въ тяглѣ, не укрывались отъ лежащихъ по тяглу обязанностей: отсюда вытекали всѣ строгости преслѣдованія бѣглыхъ, и наказанія, и большіе штрафы, налагаемые на принимателей и укрывателей бѣглыхъ. Законъ одинаково преслѣдовалъ и бѣглыхъ посадскихъ людей, оставлявшихъ городское тягло, и бѣглыхъ крестьянъ изъ черныхъ волостей и съ владѣльческихъ земель. Правительству жаловались и города, и черные волости, и вотчинники, и помѣщики, и настоятельно просили его о принятіи дѣятельныхъ мѣръ къ возвращенію бѣглыхъ на старыя мѣста; и правительство съ постоянною энергіею дѣйствовало по тѣмъ и по другимъ жалобамъ. Такъ мы видѣли рядъ указовъ, одинъ другаго строже, противъ укрывателей бѣглыхъ крестьянъ изъ владѣльческихъ имѣній; но еще прежде и сильнѣе сихъ указовъ мы находимъ указы противъ землевладѣльцевъ, принимавшихъ бѣглыхъ посадскихъ людей; стоитъ для этого припомнить указъ 1649 года, по которому съ одной стороны всѣ владѣльческія села и слободы, стоявшія въ рядъ съ посадами отписаны на государя, а съ другой стороны вотчинники и помѣщики, за пріемъ бѣглыхъ посадскихъ людей въ свои имѣнія, лишались самыхъ имѣній. Въ указѣ объ отпискѣ слободъ и селъ сказано: „около Москвы и на Москвѣ, и въ городѣхъ слободы, которыя на посадѣхъ, и села и деревни, которыя въ рядъ съ посады и около посадовъ съ торговыми и съ ремесленными людьми и со крестьяны и съ бобыли, и съ закладчики и со всякими ремесленными людьми, и съ откупщики взять и отписать на государя, безъ лѣтъ и безъ сыску, гдѣ кто нынѣ живетъ, на тяглыхъ и не на тяглыхъ на дворовыхъ мѣстѣхъ, опричь кабальныхъ людей... а впредь опричь государевыхъ слободъ, ничьимъ слободамъ въ городѣхъ не быть“. О непріятіи же посадскихъ людей въ закладчики указъ говоритъ: „А которые посадскіе люди, сами или отцы ихъ, въ прошлыхъ годѣхъ живали на посадѣхъ и въ слободахъ въ тяглѣ и тягло платили, а иные жили на посадѣхъ и въ слободахъ у тяглыхъ людей въ сидѣльцахъ и въ наймитахъ, а нынѣ они живутъ въ закладчикахъ... за всякихъ чиновъ людьми на ихъ дворѣхъ и въ вотчинахъ, и въ помѣстьяхъ и на церковныхъ земляхъ; и тѣхъ сыскивать и свозить на старыя посадскія мѣста, гдѣ кто живалъ напередъ сего безлѣтно и безповоротно; и впредь

тѣмъ всѣмъ людямъ, которые взяты будутъ на государя, ни за кого въ закладчики не записываться и ничьими крестьяны, или людьми, не называться, и имъ за то чинить жестокое наказанье, бити ихъ кнутомъ по торгамъ и ссылать въ Сибирь на житье, на Лену; да и тѣмъ людемъ, которые учнутъ ихъ впередъ за себя принимать въ закладчики, потомужъ быть отъ государя въ великой опалѣ, и земли, гдѣ за ними тѣ закладладчики впредь учнутъ жить, имать на государя." (Ак Ар. Эк. т. IV. № 36). Конечно мѣры здѣсь выставленныя гораздо сильнѣе тѣхъ, которыя предписываются извѣстными уже указами противъ принятія бѣглыхъ владѣльческихъ крестьянъ; тамъ, по самому строгому указу, съ принимателя бѣглыхъ крестьянъ, съ одного бѣглаго отнимались четверо своихъ крестьянъ, а здѣсь приниматель лишался самой земли въ пользу казны, здѣсь однимъ указомъ всѣ слободы и сѣла, стоявшія около посадовъ, отписаны на государя. Но конечно нельзя и подумать, чтобы въ строгости, съ которою преслѣдовались и возвращались бѣглые посадскіе люди, заключалась защита и охраненіе чьей либо частной собственности, ибо посадскіе тяглые люди не были ни чьею собственностію,—они были полноправные и свободные члены русскаго общества; вся забота закона и правительства здѣсь явно состояла въ томъ, чтобы тяглые городскіе участки не были оставляемы своими владѣльцами, тяглыми людьми, чтобы за бѣглыхъ не приходилось оплачивать тягла небѣглымъ тяглымъ людямъ. Слѣдовательно и въ преслѣдованіи бѣглыхъ владѣльческихъ и черносошныхъ крестьянъ была въ виду таже цѣль, чтобы тяглые участки земли не оставались впустѣ, чтобы за бѣглыхъ не платить податей землевладѣльцу или общинѣ; условія и основанія запрещенія оставлять тягло въ томъ и другомъ случаѣ были одни и тѣже; стало быть и значеніе прикрѣпленія было одно и для тяглыхъ посадскихъ людей и для тяглыхъ крестьянъ владѣтельческихъ и черносошныхъ, и значеніе это одинаково принималось и закономъ и жизнію. Мы уже видѣли изъ порядныхъ крестьянскихъ записей, что вольные гулящіе люди одинаково были и въ деревняхъ и въ городахъ, и что вольными людьми назывались именно: дѣти посадскихъ людей и крестьянъ, непопавшіе въ тягло, или выдѣлившіеся изъ тяглыхъ семействъ, или такія люди, которые на свое тягло нашли охотниковъ. Ясно, что прикрѣпленіе не стѣсняло свободы выбора—куда кому поступить, каждый принималъ на себя то тягло, которые находилъ выгоднымъ, одинъ городское, а другой волостное, на черной или на владѣльческой землѣ. оно только запрещало переходъ съ выборнаго тягла.

При такихъ условіяхъ прикрѣпленія, крестьяне также, какъ и посадскіе тяглые люди, удерживали свое прежнее значеніе и почти всѣ прежнія права, которыя имъ принадлежали до прикрѣпленія. Они по прежнему оставались нераздѣльнымъ государственнымъ сословіемъ, и именно по тяглу, въ которомъ вообще не принималось различія между крестьянами владѣльческими и черныхъ волостей или дворцовыхъ селъ; по прежнему они были членами русскаго общества полноправными и свободными. Въ Уложеніи 1649 года нѣтъ ни одной статьи, которая бы полагала въ общественныхъ правахъ между крестьянами владѣльческими и крестьянами черныхъ волостей и дворцовыхъ селъ; за тѣми и другими оставалось право вступленія въ договоры, какъ съ землѣвладѣльцами, такъ съ посторонними лицами и казною; тѣ и другіе пользовались невозбранно правомъ собственности, которую въ случаѣ споровъ могли защищать судомъ; тѣмъ и другимъ по прежнему оставалось неприкосновеннымъ право найма, займа, и свободнаго отправленія разныхъ промысловъ отъ своего лица, а не отъ имени землевладѣльца и не за его отвѣтственностію; все это ясно засвидѣтельствовано подлинными современными памятниками, приведенными выше*). Крестьяне по прежнему составляли общины, села, волости и станы, имѣли своихъ выборныхъ начальниковъ и свою общинную управу. Впрочемъ здѣсь, на основаніи древняго обычая и законовъ, изданныхъ еще до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, имѣли большое участіе и землевла-

*) Въ нашей исторической литературѣ высказано мнѣніе: крестьяне только фактически владѣли отдѣльною собственностію, что Русскій законъ, въ XVII столѣтіи, нигдѣ не представляетъ опредѣленій о правѣ крѣпостныхъ людей на отдѣльное имущество, и движимое имущество крестьянина не почиталось его полною собственностію. Дѣйствительно, законъ нигдѣ прямо не говоритъ, что крестьяне имѣютъ права собственности, но изъ этого нельзя еще заключить, что владѣніе крестьянъ отдѣльною собственностію было только фактическое, что крестьяне не имѣли на это права утвержденнаго закономъ: по Уложенію крестьяне не были крѣпостными людьми своихъ землевладѣльцевъ. Уложеніе ихъ постоянно признаетъ полноправными членами русскаго общества; слѣдовательно ему и не было надобности дѣлать особаго опредѣленія, что крестьяне имѣютъ права на отдѣльную собственность; полноправные члены русскаго общества имѣли закономъ утвержденное право собственности: стало быть имѣли его и крестьяне, и Уложеніе признаетъ за ними это право очень ясно; ибо по 124 статьѣ X главы даетъ имъ право судебнаго иска, наравнѣ со всѣми другими сословіями, и на крестьянъ полагаетъ судебныхъ пошлинъ съ исковаго рубля по гривнѣ. Есть и еще мнѣніе, что будто бы Уложеніе отняло у крестьянъ право занимать деньги на общемъ основаніи, безъ дозволенія владѣльца; но въ Уложеніи нѣтъ ни одной статьи, которая бы хотя намекала на подобный законъ; и мнѣніе сіе подробно и вѣрно разобрано и опровергнуто г. Побѣдоносцевымъ въ его замѣткахъ для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи, а посему я не нахожу нужнымъ доказывать уже доказанное.

дѣльцы, хотя и не всѣ: отъ нихъ зависѣло предоставить управу самимъ крестьянскимъ общинамъ, или прислать своихъ приказщиковъ и управителей; но владѣльческіе приказщики не иначе могли судить и давать управу крестьянамъ, какъ, на основаніи древнихъ узаконеній; вмѣстѣ съ выборными старостами, цѣловальниками и лучшими крестьянами, какъ это постоянно свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ наказы приказщикамъ. Крестьянскія общины по прежнему сами дѣлали разкладку податей и повинностей какъ государственныхъ, такъ и владѣльческихъ, и по государственнымъ податямъ и повинностямъ сами сносились съ органами правительства. Таково было значеніе и положеніе крестьянъ въ отношеніи къ обществу по Уложенію.

Въ отношеніи къ землевладѣльцамъ, полнымъ прикрѣпленіемъ къ землѣ, Уложеніе также ставило за крестьянами почти всѣ прежнія права, какими они пользовались до прикрѣпленія. Крестьяне по прежнему были только жильцами и тяглецами на занятой ими землѣ, вся разница противъ прежняго положенія состояла въ томъ, что съ полнымъ прикрѣпленіемъ къ землѣ крестьяне сдѣлались постоянными жильцами и тяглецами и потеряли старое право свободнаго перехода. Къ землевладѣльцамъ своимъ крестьяне относились обязательно только по обязанностямъ жильцовъ и тяглецовъ, и только эти отношенія были утверждены закономъ прикрѣпленія; а во всемъ прочемъ крестьянинъ по закону имѣлъ право относиться къ своему землевладѣльцу точно также, какъ и ко всякому постороннему лицу, по взаимному согласію, свободно, а не по обязанности. Такъ напримѣръ крестьянинъ нужныя для него вещи могъ покупать и у своего землевладельца и на сторонѣ, также свои произведенія могъ продавать и господину и на сторонѣ, разные подряды и работы (сверхъ обязательныхъ) могъ снимать и на сторонѣ и у господина, точно также и относительно найма угодій. Снимая же подрядъ или работу, или нанимая у господина угодья, онъ съ нимъ заключалъ точно такой же договоръ, какъ и съ постороннимъ лицомъ.

Правда, что оброки и повинности крестьянъ нигдѣ не опредѣлены прямо ни Уложеніемъ, ни другимъ какимъ либо извѣстнымъ указомъ, а въ послушныхъ громотахъ предписывалось крестьянамъ въ общихъ выраженіяхъ; „пашню на помѣщика или вотчинника пахать и доходъ вотчинниковъ ему платить, или чтить и слушать такого-то, пашню на него пахать и доходъ платить". Но во 1-хъ таковыя же послушныя грамоты и въ тѣхъ же выраженіяхъ давались помѣщикамъ и вотчинникамъ и до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ; такъ напримѣръ въ вводной грамотѣ

на помѣстье, данной въ 1589 году Смирново-Балдину, написано: „И выбъ всѣ Смирново-Балдина и его приказщика слушали во всемъ, а пашню на него пахали и доходъ ему помѣстной хлѣбной и денежной и всякой мелкой доходъ платили, чѣмъ васъ Смирной изоброчитъ.“ (Ак. отн. до Юрид. быт. Рос. стр. 74). А до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ назначеніе оброковъ и работъ не было самопроизвольнымъ, а зависѣло отъ взаимнаго согласія землевладѣльца и крестьянина, живушаго на его землѣ, и придерживалось законныхъ условій, по которымъ, смотря по угодью, платили и оброкъ владѣльцу. Слѣдовательно общія выраженія послушныхъ грамотъ по прикрѣпленіи,—слушать помѣщика во всемъ и доходъ ему платить, чѣмъ онъ изоброчитъ,—здѣсь нисколько не доказываютъ неопредѣленности и произвола въ назначеніи крестьянскихъ повинностей и оброковъ: выраженія эти употреблялись и до прикрѣпленія. Во 2-хъ, мы имѣемъ и нѣкоторыя указанія памятниковъ о томъ, что работы и оброки крестьянъ на землевладѣльцевъ были до извѣстной степени опредѣлены закономъ отъ давнихъ временъ, ежели не по прикрѣпленіи. Такъ въ одной послушной грамотѣ, 1593 года, данной Ивану Хметевскому съ дѣтьми, сказано: „и выбъ всѣ крестьяне, которые въ той пустоши учнутъ жити, Ивана Хметевскаго да его дѣтей Дмитрѣя да Тимофѣя слушали пашню, на нихъ пахали и доходъ помѣщиковъ имъ платили до тѣхъ мѣстъ, какъ тое пустошь писцы наши или большіе мерщики опишутъ и измѣряютъ и учинитъ за ними пашни по нашему указу“ (ibid. стр. 75). Тоже повторяется и въ иныхъ послушныхъ грамотахъ. Въ самомъ Уложеніи 1649 года уже приблизительно опредѣляется годичный доходъ владѣльца съ крестянина, вмѣстѣ съ государевыми податьми, въ десять рублей (Улож. Гл. XI ст. 10). Слѣдовательно, оброки и повинности крестьянъ въ пользу владѣльца опредѣлялись до нѣкоторой степени закономъ, и кажется посредствомъ писцовыхъ и мѣрныхъ книгъ, и земладѣльцы должны были ограничивать свои требованія съ крестьянъ соразмѣрностію съ землею. Эту же мысль подтверждаютъ и писцовыя и переписныя книги 136, 137 и 154 годовъ, въ которыхъ или прямо описывается сколько земли за каждымъ крестьянскимъ или бобыльскимъ дворомъ, всегда въ одинаковой мѣрѣ, на крестьянскую выть по четыре чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, или кратко показывается, что за такимъ-то владѣльцемъ въ такой-то деревнѣ столько то крестьнскихъ дворовъ и столько то бобыльскихъ съ показаніемъ въ каждомъ дворѣ крестьянскаго или бобыльскаго семейства. А въ порядныхъ крестьянскихъ записяхъ постоянно гово-

рится, что такой-то садится на крестьянской или бобыльской участокъ, на полную выть или на полвыти, и работать ему на помѣщика и платить помѣщичій доходъ съ своего участка съ крестьянами вмѣстѣ, съ своими сосѣды. Слѣдовательно оброки и повинности крестьянъ на землевладѣльцевъ и послѣ прикрѣпленія, по закону были опредѣлены, и не зависѣли отъ произвола землевладѣльца. Землевладѣлецъ по закону требовалъ съ крестьянина на столько, на сколько самъ давалъ ему, т. е. крестьянинъ, сидящій на участкѣ въ полвыти, только и работалъ и платилъ оброкъ съ полвыти, и ежели больше или меньше былъ участокъ крестьянина, то и работы и оброки крестьянина были больше или меньше, сообразно съ участкомъ. Въ разсчетъ оброковъ и работъ крестьянина входила еще ссуда, даваемая землевладѣльцемъ; получившій ссуду работалъ больше, а не взявшій у владѣльца ссуды въ работахъ на владѣльца былъ свободнѣе, о чемъ прямо говоритъ порядныя записи крестьянъ.

Ежели законъ и обычай не допускалъ произвола въ назначеніи работъ и оброковъ: то еще менѣе допускался произволъ владѣльца въ назначеніи крестьянину участка земли, каковое назначеніе рѣшительно зависѣло отъ взаимнаго согласія землевладѣльца съ крестьяниномъ, и было тѣсно связано съ назначеніемъ оброковъ и работъ. По закону, какъ свидѣтельствуютъ всѣ книги сошнаго письма за XVII столѣтіе, было положено общимъ правиломъ, чтобы вовладѣльческихъ имѣніяхъ на крестьянсяую выть было не менѣе 12 четвертей доброй земли, въ средней землѣ 14 четвертей, и въ худой землѣ 16 четвертей; по этому правилу законъ и правительство разсчитывали всѣ государственныя подати и повинности съ крестьянъ; слѣдовательно, здѣсь не было возможности убавить мѣру выти. Но крестьянинъ и землевладѣлецъ еще не были лишены возможности договариваться другъ съ другомъ относительно мѣры поземельнаго участка. Конечно, ежели крестьянинъ садился на цѣлой выти, то ему давалась опредѣленная закономъ мѣра земли на выть, но отъ воли крестьянина и землевладѣльца зависѣло то, сѣсть ли крестьянину на цѣлой выти, или на полвыти, или на четверти выти, или даже на двѣнадцатой доли выти. Слѣдовательно, въ дѣйствительности крестьянскій участокъ могъ быть и въ 12-ть четвертей, когда крестьянинъ садился на цѣлую выть, и въ 4 четверти, когда крестьянинъ садился на треть выти, и въ одну четверть, когда крестьянинъ садился на двѣнадцатой доли выти; но въ такомъ случаѣ и платежъ податей и отправленіе повинностей увеличивались или уменьшались соразмѣрно съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ участ-

ка; слѣдовательно, собственныя выгоды владѣльца заставляли его не уклоняться отъ назначенія крестьянину достаточнаго участка земли и соразмѣрять его по согласію съ самимъ крестьяниномъ или съ крестьянскою общиною. Лишить же крестьянина участка земли совершенно, перевесть его во дворъ, владѣлецъ не имѣлъ права; ибо Уложеніе прямо запрещаетъ обращать крестьянъ въ кабальные холопи, а во дворѣ крестьянинъ не могъ быть иначе, какъ кабальнымъ холопомъ. Конечно, по разнымъ памятникамъ XVII столѣтія, мы встрѣчаемъ крестьянъ дворниками на городскихъ дворахъ вотчинниковъ или помѣщиковъ; но это еще не значитъ, чтобы за таковыми крестьянами не было участка земли: за крестьяниномъ оставался поземельный участокъ и во время его дворничества въ городѣ; городское дворничество, по свидѣтельству памятниковъ, всегда доставляло крестьянину значительныя выгоды; слѣдовательно крестьянинъ, будучи дворникомъ, всегда могъ или отдавать въ наймы свой участокъ земли, или воздѣлывать его чрезъ наемныхъ работниковъ, какъ дѣйс.вительно и бывало. Бывали еще случаи, что землевладѣльцы брали къ себѣ во дворъ малолѣтныхъ крестьянскихъ сиротъ; но во 1-хъ, это были только случаи, а не общее правило; напротивъ изъ крестьянскихъ порядныхъ мы видимъ, что крестьянскіе сироты большею частію оставались вольныии людьми и кормились Христовымъ именемъ или своею работою, ходя по городамъ и селеніямъ; а во 2-хъ, принятіемъ во дворъ владѣлецъ не могъ обратить крестьянскаго сироту въ полнаго раба; а на противъ, или долженъ былъ взять съ него кабальную запись, когда онъ выростетъ, и не иначе какъ по добровольному его согласію, или по добровольной порядной надѣлить его крестьянскимъ или бобыльскимъ участкомъ земли. Всему этому служатъ прямымъ доказательствомъ множество служилыхъ кабалъ и порядныхъ записей, данныхъ крестьянскими сиротами, въ малолѣтствѣ принятыми владѣльцемъ во дворъ; тогда какъ мы не встрѣчаемъ во весь XVII вѣкъ ни одной полной записи въ полное рабство, данной крестьянскимъ сиротою, жившимъ въ господскомъ дворѣ; а безъ крѣпости свободный человѣкъ не могъ быть крѣпостнымъ.

Хотя прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ сущности не измѣнило ни значенія, ни положенія крестьянъ, и въ продолженіе всего царствованія Алексѣя Михайловича дѣйствительно значеніе и положеніе ихъ оставались большею частію прежнія; но потеря права перехода съ одной земли на другую и отмѣна урочныхъ лѣтъ лишили крестьянъ многаго, и тѣмъ болѣе, что за владѣльцами по привилегіямъ оставались неприкосновенными право суда

и управы въ своихъ имѣніяхъ, и право собственности на землю. Права сіи, при свободномъ переходѣ неотяготительныя и слабыя для крестьянъ, съ полнымъ прикрѣпленіемъ получили большую силу и не замѣтно развили власть землевладѣльцевъ до большихъ размѣровъ. Въ прежнее время крестьянинъ, недовольный управою и притѣсненіями владѣльца, оставлялъ его землю и тѣмъ прекращалъ всѣ свои къ нему отношенія; теперь же хотя крестьянинъ и не былъ лишенъ права, какъ палноправный членъ русскаго общества, жаловаться на притѣсненія и самоупрямство землевладѣльца и судиться съ нимъ впередъ установленными органами правительства; но судъ не представлялъ крестьянину прежнихъ удобствъ перехода и отвлекалъ его отъ необходимыхъ занятій; а посему къ суду противъ землевладѣльцевъ крестьяне едва-ли прибѣгали, а скорѣе по прежней привычкѣ переходили тайно къ другому владѣльцу, и за это, какъ бѣглые, по закону наказывались и возвращались къ прежнему владѣльцу. Такимъ образомъ прикрѣпленіе незамѣтно подало средства къ злоупотребленіямъ землевладѣльческой власти надъ крестьянами, каковыя злоупотребленія мало по малу вошли въ обычай, а изъ обычая пробрались, какъ требованія жизни, и въ положительное законодательство. Начало сему положено, какъ мы уже видѣли, указомъ 1675 года отъ 13 Октября, которымъ дозволено въ помѣстномъ приказѣ записывать поступныя на крестьянъ безъ земли; впрочемъ здѣсь только одно слабое начало, которое еще не могло вдругъ измѣнить положеніе крестьянъ и сдѣлать ихъ, изъ крѣпкихъ землѣ, крѣпостными людьми своихъ господъ; борьба стараго законнаго порядка съ новыми требованіями землевладѣльцевъ продолжалась еще и въ послѣдующія царствованія, къ которымъ мы теперь и обратимся.

Крестьяне въ послѣдніе сорокъ лѣтъ передъ первою ревизіею.

Послѣ указа отъ 13 октября, 1675 года, въ продолженіи слишкомъ сорока лѣтъ значеніе и положеніе крестьянъ постепенно измѣнялось и падало, и къ первой ревизіи дошло до того, что по ревизіи крестьяне были сравнены съ полными холопами. И хотя старый порядокъ еще долго не терялъ своей силы, и въ указахъ встрѣчаются, относительно значенія крестьянъ, основныя мысли Уложенія 1649 года; но тѣмъ не менѣе новыя требованія жизни, новыя идеи о значеніи прикрѣпленія, годъ отъ году растутъ и заглушаютъ старое: что было прежде злоупотребленіемъ, теперь

мало по малу переходитъ въ обычай и незамѣтно утверждается закономъ; незаконныя купчія на крестьянъ безъ земли, скрываемыя прежде владѣльцами, теперь мало по малу выходятъ на свѣтъ, и явно записываются въ крѣпостныя книги присутственныхъ мѣстъ лѣтъ черезъ десять отъ первоначальнаго ихъ написанія. Къ концу настоящаго сорока-двухъ-лѣтняго періода вопросъ о крестьянахъ какъ-то смѣшивается съ вопросомъ о холопахъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ законодательствѣ. Дѣла относительно крестьянъ такъ запутываются и осложняются, что само правительство относительно этого предмета находится въ недоумѣніи и нерѣшительности; оно то издаетъ указы о крестьянахъ, согласныя съ Уложеніемъ 1649 года, то принимаетъ мѣры, которыя прямо клонятся къ измѣненію стараго положенія крестьянъ. Въ это время, кажется, повторялась старая исторія крестьянскаго вопроса, которая уже была пройдена Русскою жизнію, отъ перваго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ до Уложенія 1649 года, когда законъ урочными годами старался примирить борьбу стараго порядка съ новымъ; только теперь мѣсто урочныхъ годовъ заступили указы, то поддерживающіе старый порядокъ, то открывающіе дорогу новому порядку. Таковое положеніе дѣла запутанное и для правительства, для крестьянъ совсѣмъ было непонятно; и они то высказывали по мѣстамъ непослушаніе *), то молча, не подавая отъ себя голоса, покорялись всѣмъ распоряженіямъ, ожидая, что одинъ невыгодный для нихъ указъ будетъ смѣненъ другимъ выгоднымъ. И дѣйствительно за временными невыгодами приходили и временныя выгоды; а между тѣмъ незамѣтно узелъ прикрѣпленія затягивался туже и туже, земля ускользала изъ подъ крестьянъ, и они изъ прикрѣпленныхъ къ землѣ дѣлались крѣпостными своихъ господъ, наравнѣ съ холопами.

(МѢРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРОТИВЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ПОБѢГОВЪ).

Крестьяне, еще отъ дѣдовъ своихъ слышавшіе о старомъ свободномъ переходѣ ихъ съ одной земли на другую и отъ одного владѣльца ко другому, продолжали по старому обычаю переходить съ земли на землю, хотя по закону давно уже не должны были этого дѣлать. Однако же обычай продолжалъ существовать

*) Напримѣръ въ 1713 году крестьяне царя Арчила, Нижегородскаго уѣзда села Лыскова, Ростовскаго архіерея, Ростовскаго уѣзда села Поречья, и иноземца Вахромея Меллера, Верейскаго уѣзда Вышегородской волости, явно отложились отъ своихъ владѣльцевъ и выгнали ихъ приказщиковъ, и правительство должно было прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, чтобы принудить ихъ къ послушанію. (П. С. З. № 2668).

на перекоръ закону, не только между крестьянами, но и у землевладѣльцевъ, которые еще находили выгоднымъ для себя принимать бѣглыхъ крестьянъ, не смотря на строгости указа 1664 года, по которому приниматель за каждаго принятаго бѣглаго крестьянина платился четырьмя своими крестьянами въ придачу къ бѣглому. И по всему вѣроятію побѣги крестьянъ были такъ сильны, что правительство, недоумѣвая, что дѣлать, рѣшилось отмѣнить строгости указа 1664 года, и въ 1681 году 31 августа царь Θедоръ Алексѣевичъ издалъ новый указъ, которымъ предписывалось обратиться къ Соборному Уложенію 1649 года, и взыскивать съ пріемщика по десяти рублей за годъ на каждаго бѣглаго крестьянина, до пройсти и волокиту по гривнѣ на день, со дня подачи челобитной до перевоза бѣглаго крестьянина къ старому владѣльцу, а перевозить пріемщику на своихъ подводахъ (Пол. Соб. № 891).

Указъ 1681 года послѣдствіемъ своимъ имѣлъ то, что побѣги крестьянъ и приниманіе бѣглыхъ усилились болѣе прежняго, и въ 1682 году всѣ помѣщики и вотчинники подали новымъ государямъ, царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, общую челобитную, въ которой писали: „что ихъ крестьяне, подымаючи ихъ на дальнія службы и платя великимъ государемъ всякія подати, отъ нихъ многіе разбѣжались.... а они отъ тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ многіе раззорились безъ остатку, а имъ за службами и за раззореньемъ о тѣхъ бѣглыхъ крестьянахъ для провѣдыванья въ дальніе городы ѣхать не вмочь.... А въ прошлыхъ годѣхъ при отцѣ ихъ государевѣ посланы были сыщики о бѣглыхъ крестьянѣхъ во всѣ Понизовые и Украинные городы; и въ то время тѣ сыщики бѣглыхъ ихъ людей и крестьянъ сыскивали и отдачи имъ чинили, и пожилыя деньги правили и наддаточные крестьяне имали.... И по указу брата ихъ царя Θедора Алексѣевича посланы указныя статьи во всѣ городы о бѣглыхъ крестьянѣхъ, а про наддаточные крестьяне въ томъ указѣ отставлено; и воеводы въ тѣхъ городѣхъ и Украинныхъ городовъ помѣщики и вотчинники, провѣдавъ про тое статею, что наддаточныхъ крестьянъ имать не велѣно, и тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ принимаютъ и держатъ за собою безстрашно. И великіе государи пожаловали бы ихъ, велѣли имъ свой милостивый указъ учинить, послать сыщиковъ во всѣ Украинные и Понизовые городы; и за кѣмъ тѣ бѣглые люди и крестьяне объявятся, высылать ихъ за поруками къ Москвѣ, съ тѣми ихъ бѣглыми людьми и крестьяны“ (А. А. Э. т. IV, № 279). Въ слѣдствіе таковаго общаго челобитья вотчинниковъ и помѣщиковъ, въ томъ же 1682 году 1 декабря состоялся указъ, которымъ отмѣ-

ненъ указъ 1681 года и велѣно брать за бѣглыхъ крестьянъ по прежнему, за каждаго бѣглаго по четыре наддаточныхъ крестьянина съ женами и дѣтьми. (П. С. З. № 972). Потомъ 3 января 1683 года, вмѣсто наддаточныхъ крестьянъ, предписано за каждаго бѣглаго крестьянина платить ихъ владѣльцамъ пожилого по 20 рублей на годъ. (ibid. 985).

Но и указъ 1683 года не прекратилъ крестьянскихъ побѣговъ, какъ прямо свидѣтельствуетъ царскій указъ отъ 14 марта 1698 года, гдѣ сказано: „вѣдомо великому государю учинилось, что изъ за многихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ люди ихъ и крестьяне бѣгутъ, а помѣщики, и вотчинники, и люди ихъ, и крестьяне, презрѣвъ прежніе великихъ государей указы, такихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ принимаютъ". Въ слѣдствіе чего государь указалъ во всѣ городы послать грамоты и сыщиковъ для сыску бѣглыхъ людей и крестьянъ. Причемъ повелѣно: „бѣглыхъ людей и крестьянъ отдавать прежнимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ по крѣпостямъ, да въ тѣхъ же грамотахъ писать съ подкрѣпленіемъ; буде кто бѣглыхъ людей и крестьянъ учнетъ принимать, и за пріемъ за всякаго крестьянина имать по четыре крестьянина съ женами и дѣтьми и съ животы, и отвозить ихъ на прежнія мѣста на ихъ подводахъ, кто принималъ, да на нихъ же сверхъ наддаточныхъ крестьянъ имать за пожилые годы по 20 рублевъ на годъ, а людемъ ихъ за пріемъ чинить наказанье, по прежнимъ указамъ, бить кнутомъ". (ibid. № 1623). Но въ указѣ о посылкѣ сыщиковъ, изданномъ въ томъ же 1698 году, 23 марта, взятіе наддаточныхъ крестьянъ отмѣнено, и оставлена только пеня за пожилое, за каждаго бѣглаго крестьянина по 20 рублей на годъ. (ibid. № 1625). Въ этомъ же указѣ выставлены замѣчательныя предостереженія: „а буде помѣщики, и вотчинники, и люди ихъ, и крестьяне учинятся сильны, для поимки бѣглыхъ людей и крестьянъ въ села свои и въ деревни посыльныхъ и служилыхъ людей не пустятъ, и села и деревни запрутъ, и посыльныхъ и служилыхъ людей учнутъ бить; и тѣхъ по розыску за такіе побои жестоко бить кнутомъ. А будетъ изъ присыльныхъ людей кому учинятъ смертное убійство; и ихъ за то смертное убійство, по розыску, самихъ казнить смертною казнію". Слѣдовательно, возвращеніе и отысканіе бѣглыхъ крестьянъ было очень не легко даже для оффиціальныхъ сыщиковъ, имѣвшихъ вооруженную силу; для частныхъ же лицъ оно даже едва ли было возможно, не смотря ни на какія строгости закона.

Указъ 1698 года очевидно мало имѣлъ успѣха, подобно прежнимъ указамъ; а посему 16 февраля 1706 года былъ изданъ но-

вый указъ, которымъ предписывалось, чтобы „приниматели бѣглыхъ людей и крестьянъ, безъ пеней и наддаточныхъ крестьянъ, безъ сысковъ и челобитенъ, сами присылали бѣглыхъ людей и крестьянъ съ женами и дѣтьми и съ ихъ животы къ прежнимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ немедленно, и отвозили бъ къ нимъ на своихъ подводахъ, и конечно бы о томъ чинили по сему указу, чтобъ тѣ бѣглые люди и крестьяне, за прежними помѣщики и вотчинники, на прежнихъ мѣстахъ съ сего числа поставлены были въ полгода. А буде кто тѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, съ сего числа въ полгода не поставитъ, а великому государю о томъ будетъ извѣстно; и у тѣхъ людей половина помѣстій и вотчинъ отписана будетъ на государя, а другая половина отдана будетъ тѣмъ людемъ, чьи въ тѣхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ бѣглые люди и крестьяне явятся“. (ibid. № 2092). Но и этотъ указъ очевидно не имѣлъ успѣха, какъ свидѣтельствуетъ указъ отъ 5 апрѣля 1707 года, въ которомъ сказано: „вѣдомо великому государю учинилось, что многіе помѣщики и вотчинники, забывъ страхъ Божій, тотъ великаго государя указъ призрѣли, бѣглыхъ людей и крестьянъ держатъ за собою, а иные изъ помѣстій своихъ и вотчинъ высылаютъ и въ прежнія мѣста не отвозятъ, а другіе, не допустя ихъ до прежнихъ мѣстъ, вновь принимаютъ“. Посему государь повелѣлъ подтвердить, что съ ослушниками будетъ поступлено по указу 1706 года неотложно, и сверхъ того указалъ: „для сыску бѣглыхъ людей и крестьянъ въ уѣзды воеводамъ ѣздить самимъ, и сверхъ сказокъ помѣщиковъ, и вотчинниковъ, и прикащиковъ и старостъ, которые до сего числа дали, и которые не дали, тѣхъ же селъ и деревень, выбравъ изъ крестьянъ по пяти и по шести, а въ большихъ по 10 и по 15 человѣкъ, добрыхъ и знатныхъ, и о вышеписанныхъ бѣглыхъ людѣхъ и крестьянѣхъ взять у нихъ сказки, по евангельской заповѣди и подъ опасеніемъ смертныя казни. И съ сего указа по всѣмъ воротамъ прибить листы, а въ города послать грамоты и въ приказы, куды надлежитъ, памяти“. (ibid. № 2147). Но едва ли и этотъ указъ былъ успѣшнѣе прежнихъ; ибо выгоды отъ побѣговъ и отъ пріема бѣглыхъ крестьянъ были соблазнительны, и годъ отъ году, съ развитіемъ податей и разныхъ повинностей, не уменьшались, а увеличивались. Наконецъ правительство, кажется, перестало дѣлать новыя распоряженія о преслѣдованіи бѣглыхъ крестьянъ, покрайней мѣрѣ съ указа отъ 5 апрѣля 1707 года до насъ не дошло ни одного новаго распоряженія объ этомъ предметѣ.

Законодательство, видя постоянную безуспѣшность указовъ о преслѣдованіи бѣглыхъ крестьянъ, обратилось къ инымъ мѣрамъ,

и мало по малу стало готовить средства къ тому, чтобы побѣги крестьянъ съ одной земли на другую представляли имъ сколько можно менѣе интереса, и лучшимъ средствомъ для сего признало отдѣленіе тягла отъ земли и перенесеніе его на крестьянина. Первая попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана еще въ 1682 году относительно посадскихъ людей и крестьянъ въ дворцовыхъ владѣніяхъ. Въ указѣ этого года сказано: „которые посадскіе люди и крестьяне перешли изъ одного дворцоваго города или села въ другой дворцовый городъ или село до переписки новыхъ писцовъ, которые были съ 182 года, и въ писцовыхъ книгахъ и въ тяглѣ или въ оброкѣ написаны; и тѣмъ быть въ тѣхъ городѣхъ и селѣхъ, гдѣ они живутъ, а на прежніе ихъ жеребьи, откуда они пришли, не возить и сыщикамъ къ розыску не отсылать. А которые сошли послѣ новыхъ писцовъ; и тѣхъ свозить на прежніе ихъ жеребьи, откуда кто пришелъ“. (ibid. № 980). Здѣсь законъ уже ясно допускаетъ давность въ крестьянскихъ побѣгахъ, которую прямо отрицало Уложеніе 1649 года, отмѣнившее урочные годы. По новому закону бѣглый крестьянинъ, попавшій въ переписныя книги и записанный въ тягло на новомъ мѣстѣ, уже не считался бѣглымъ и не переводился на старое мѣсто жительства. Конечно, здѣсь говорится пока только о крестьянахъ, переходящихъ съ одной земли дворцоваго вѣдомства на другую землю дворцоваго же вѣдомства; но, какъ бы то ни было, прикрѣпленіе къ землѣ уже замѣтно теряетъ свою прежнюю силу, явилось другое прикрѣпленіе къ тяглу, — только бы крестьянинъ былъ крѣпокъ тяглу, землю же можетъ и мѣнять; эту мѣну утверждаютъ само правительство, занося бѣглаго въ писцовыя книги на новомъ мѣстѣ жительства. Это новое прикрѣпленіе указало дорогу къ отдѣленію крестьянъ владѣльческихъ отъ дворцовыхъ и черныхъ волостей, къ раздѣленію прежде недѣлимаго крестьянскаго сословія. Земли государева и владѣльческая были одинаковы между собою, слѣдовательно и крестьяне, живущіе на нихъ, были одинаковы; тягло же государево и тягло владѣльческое были не одинаковы; слѣдовательно и крестьяне живущіе на нихъ не могли уже быть однимъ нераздѣльнымъ сословіемъ. Это ясно выражено въ статьяхъ о бѣглыхъ крестьянахъ, внесенныхъ въ наказы писцамъ 1682 года. Въ сихъ статьяхъ написано: „дворцовыхъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей и посадскихъ людей по писцовымъ и переписнымъ книгамъ сыскивать и изъ за помѣщиковъ и вотчинниковъ вывозить, а сколько за кѣмъ въ бѣгахъ жили, и то писать въ книги, именно. Которые бѣглые крестьяне, выбѣжавъ изъ дворцовыхъ городовъ и селъ, въ Москвѣ живутъ и въ городѣхъ въ службѣ

и въ тяглѣ; и тѣхъ писать въ книгахъ именно особъ статьею, а до указу съ Москвы и изъ городовъ не вывозить. Которые крестьяне, не хотя платить государевыхъ доходовъ, тяглые свои дворы и жеребьи кому сдали, или продали, а сами живутъ въ тѣхъ же или въ иныхъ дворцовыхъ селѣхъ у кого въ сосѣдяхъ и въ захребетникахъ, а государевыхъ податей ничего не платятъ; и тѣхъ вывозить и селить на старые ихъ жеребьи, или гдѣ пристойно, чтобы въ захребетникахъ безъ тягла никто не жилъ. Пожилыхъ денегъ на прошлые годы за дворцовыхъ бѣглыхъ крестьянъ на помѣщикахъ и вотчинникахъ, также на дворцовыхъ крестьянѣхъ помѣщикомъ и вотчинникомъ за ихъ бѣглыхъ крестьянъ неимать". (ibid. № 981). Тоже подтверждаетъ и другой указъ того же года, которымъ предписывается выдавать бѣглыхъ людей и крестьянъ ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, ежели они бѣжали послѣ разбора 183 года; но только въ такомъ случаѣ, когда будутъ о нихъ челобитчики, а о которыхъ челобитчиковъ не будетъ, и тѣхъ не отсылать, чтобы въ томъ дворцовымъ селамъ тягостей и сбору доходовъ остановки не было. А изъ за помѣщиковъ и вотчинниковъ тутошнихъ же (т. е. дворцовыхъ) городовъ бѣглыхъ пришлыхъ людей и крестьянъ отдавать по крѣпостямъ безъ урочныхъ лѣтъ по Уложенію (ibid. 982). Изъ обоихъ узаконеній прямо видно, что правительство пыталось уже проводить новую мысль отдѣленія тягла отъ земли, и имѣло въ виду главную цѣль, чтобы въ захребетникахъ безъ тягла никто не жилъ; мысль же, кто принадлежитъ къ которой землѣ, уже становилась на второмъ планѣ; законъ прямо запрещаетъ переводить бѣглыхъ крестьянъ на старыя мѣста, ежели не будетъ челобитчиковъ.

Съ тою же мыслію объ отдѣленіи тягла отъ земли, притомъ въ болѣе общихъ размѣрахъ, были изданы послѣдующіе указы. Такъ указомъ отъ 1 января 1699 года дозволяется вотчинничьимъ крестьянамъ для промысловъ записываться въ тягло по городамъ и слободамъ; въ указѣ сказано: „которые люди государевы, патріаршіе, и монастырскіе, и помѣщиковы крестьяне походятъ жить для торговыхъ своихъ промысловъ на Москвѣ, и имъ велѣно по купечеству записываться въ слободы, гдѣ кто похочетъ, а всякіе государевы подати платить и службы служить, также изъ слободы въ слободу не закладываться". (ibid. 1666). Или въ указѣ отъ 11 марта 1700 года сказано: „дворцовыхъ, архіерейскихъ, и монастырскихъ, и помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ, которые живутъ въ городѣхъ на тяглыхъ земляхъ и тягло платятъ, взять въ посады; а которые изъ нихъ въ посады не похотятъ, и имъ въ городѣхъ на тяглыхъ земляхъ не жить, и не торговать,

и лавокъ и кожевенныхъ промысловъ и откуповъ не держать, а продавать ихъ лавки и кожевенные и иные заводы по Уложенью тяглымъ людямъ, а самимъ имъ не владѣть". (ibid. № 1775). Здѣсь въ обоихъ указахъ платежъ государева тягла и поступленіе на тяглую городскую землю уничтожаетъ всѣ другія крѣпости, и крестьяне еще признаются людьми свободными, членами общества, а не частною собственностію; отъ ихъ усмотрѣнія зависитъ принять на себя городское тягло, и съ тѣмъ вмѣстѣ оставить землю владѣльца, освободиться отъ обязанностей владѣльческаго крестьянина. По послѣднему указу крестьяне только тогда возвращались помѣщикамъ и вотчинникамъ, когда за ними не было городской собственности и городскаго промысла; въ указѣ сказано: „а у которыхъ крестьянъ въ городѣхъ торгу въ лавкахъ и владѣнія ихъ кожевенныхъ и иныхъ заводовъ нѣтъ; и тѣхъ велѣть изъ посадовъ отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ, за кѣмъ они были, и кому крѣпки, а въ посадѣхъ быть не велѣть" Конечно таковое узаконеніе могло явиться только при условіи не брать податей съ землевладѣльцевъ за пустые дворы ихъ бѣглыхъ крестьянъ, принявшихъ на себя городское тягло; и дѣйствительно указаніе на подобное условіе мы встрѣчаемъ въ указѣ отъ 12 февраля 1710 года, гдѣ написано: „за пустые дворы, которые запустѣли послѣ переписныхъ книгъ 186 года, во всѣ приказы денежныхъ податей, и окладнаго, и запроснаго, и провіанта, и рекруты, и работныхъ людей на прошлые годы доимочныхъ съ тѣхъ вотчинъ, на остальныхъ крестьянѣхъ не имать для того, чтобъ отъ того оставшимъ крестьянамъ тяготы не было и къ тому большие пустоты не учинилось". (ibid. № 2252). Конечно этотъ указъ былъ еще частнымъ распоряженіемъ, относящимся собственно къ городамъ тогдашней Московской губерніи; но эта частная попытка уже указываетъ на новый взглядъ правительства относительно сбора податей и отправленія земскихъ службъ.

Наконецъ, къ довершенію устраненія всѣхъ неудобствъ по сбору податей и къ отдѣленію тягла отъ земли, указомъ отъ 4 февраля 1714 года, дозволено торговать всѣмъ крестьянамъ безъ различія, только бы платили подати и торговыя и крестьянскія; въ указѣ сказано: „Дворцовымъ, монастырскимъ, и помѣщиковымъ и вотчинниковымъ крестьяниномъ, которые на Москвѣ торгуютъ всякими товары въ лавкахъ, платить съ тѣхъ своихъ торговъ десятую деньгу и подати съ посадскими людьми въ рядъ ни чѣмъ не обходно, кромѣ слободскихъ служебъ; а быть имъ во крестьянствѣ по прежнимъ крѣпостямъ, и всякіе доходы помѣщиковы платить въ ровенствѣ съ своею братіею крестьяны". (ibid. № 2770).

А отъ 6 мая того же 1714 года изданъ указъ, чтобы по всей Россіи пустыхъ дворовъ не класть въ разкладку для сбора податей и отправленія повинностей, а брать только съ наличныхъ жилыхъ дворовъ, безъ различія старые ли-то дворы, или новоприбылые, хотя бы кто пришелъ за день до сего указа. Вотъ подлинныя слова указа: „понеже не всѣ крестьяне на Донъ или въ Сибирь ушли, а большая часть живетъ, ушедъ отъ своихъ помѣщиковъ, за иными помѣщиками; того ради равнымъ образомъ переписать вездѣ и прибылыя дворы, въ которыхъ селѣхъ и въ деревняхъ сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ крестьянъ прибыло; и хотя бы за день до сего указа перешли куда жить, то брать съ прихожихъ тожъ, что и съ подлинныхъ доведется взять за всѣ годы, за которые доимка не взята. А понеже иные не платили за пустотою, то съ оныхъ отнюдь не править“ (ibid. № 2807). Такимъ образомъ для государства побѣги крестьянъ и пріемъ бѣглыхъ потеряли свое прежнее значеніе, государство стало брать съ крестьянина тамъ, гдѣ онъ записанъ по переписнымъ книгамъ; слѣдовательно, побѣгъ крестьянина сдѣлался чисто частнымъ дѣломъ, и пріискивать новыя мѣры строгости уже не было нужды. Съ тѣмъ вмѣстѣ пріемъ бѣглыхъ сталъ не столько заманчивымъ, какъ прежде; ибо и съ бѣглыхъ также требовались подати и повинности, какъ и съ записанныхъ въ писцовыя и переписныя книги; новоприбылые крестьяне по указу уже не рознились отъ старинныхъ.

(государственное значеніе крестьянъ по закону).

Отъ мѣръ противъ крестьянскихъ побѣговъ мы теперь перейдемъ къ тогдашнему государственному значенію крестьянъ, и здѣсь также увидимъ колебаніе закона между желаніемъ держаться стараго порядка и дать дорогу новымъ требованіямъ жизни. Колебаніе это явно совершается, какъ и первоначальное прикрѣпленіе, подъ вліяніемъ чисто финансовыхъ государственныхъ интересовъ. У закона и правительства въ виду разныя мѣры къ развитію финансовыхъ средствъ, а значеніе крестьянъ само собою измѣняется въ слѣдствіе сихъ мѣръ. Ежели предпринимаются правительство финансовыя мѣры съ прежнимъ характеромъ и направленіемъ, то и значеніе крестьянъ остается старое, а при мѣрахъ съ новымъ характеромъ, и значеніе крестьянъ новое. Финансовыя же мѣры явно условливались измѣненіями и развитіемъ жизни общества.

Такъ указомъ отъ 20 марта 1677 года предписывается: „у смотру и у разбору взять у служилыхъ людей сказки за ихъ рука-

ми, въ которыхъ городахъ и сколько за кѣмъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ порознь нынѣ на лицо. А кто въ сказкахъ своихъ крестьянскіе дворы за собою утаитъ и не напишетъ, а послѣ про то сыщется, или на тѣ утаенные дворы будутъ челобитчики, и тѣ утаенные дворы указалъ великій государь отдавать челобитчикамъ безповоротно". (ibid. № 685). Здѣсь видѣнъ еще старый порядокъ, по которому служба владѣльцевъ опредѣляется числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ за ними состоящихъ; почему и крестьяне здѣсь имѣютъ прежнее государственное значеніе и рѣзко отличаются отъ холопей, которые, какъ частнаа собственность, нейдутъ въ разсчетъ при опредѣленіи службы ихъ владѣльцевъ. Тотъ же старый порядокъ въ указѣ отъ 23 Мая 1681 года, гдѣ сказано: „буде кто къ кому впредь послѣ кого станутъ бить челомъ въ холопство люди и крестьяне съ отпускными; и вы бъ по тѣмъ отпускнымъ имали на тѣхъ людей служилыя кабалы, а на крестьянъ ссудныя записи, на Москвѣ въ приказѣ холопьяго суда, а въ городѣхъ въ съѣзжихъ избахъ; а безъ кабалъ у себя по отпускнымъ людей не держали, а записывать кабалы и ссудныя въ два года". (ibid. № 869). Здѣсь крестьяне удерживаютъ еще прежнее свое значеніе, и даже форма принятія крестьянъ, или крѣпость, остается старая, т. е. ссудная запись, и крестьяне рѣзко отличены отъ холоповъ. Тоже старое значеніе крестьянъ замѣтно и въ писцовомъ наказѣ 1684 года. Въ 7-й статьѣ этого наказа прямо сказано: „и вотчинники, и помѣщики крестьянъ, и бобылей своими людьми не называли бы". (ibid. № 1074). На тоже старое значеніе указываетъ и указъ отъ 29 сентября 1686 года. По этому указу на жалованье ратнымъ людямъ предписывается сбирать только съ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, а не съ дворовыхъ и дѣловыхъ людей. (ibid. № 1210).

А въ указѣ отъ 7 Апрѣля 1690 года встрѣчаемъ прямой поворотъ къ порядку Уложенія 1649 года, относительно перевода крестьянъ съ вотчинныхъ земель на помѣстныя и съ помѣстныхъ на вотчинныя. Указомъ отъ 1 Февраля 1689 дозволено было переводить крестьянъ безъ различія съ помѣстныхъ земель на вотчинныя и на оборотъ; въ указѣ же 1690 года это отмѣнено, и прямо написано: „по прежнему указу отца своего великимъ государей и по Уложенію помѣщикамъ и вотчинникамъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя земли крестьянъ не переводить.... А прежній свой указъ о переводѣ съ помѣстныхъ на вотчинныя земли 197 года, февраля 1 числа великіе государи указали отставить". (ibid. № 1370). Въ наказѣ Нерчискимъ воеводамъ отъ

18 февраля 1696 года предписывается пашенныхъ крестьянъ, которые тамъ поселены и впредь прибылыхъ и новоприборныхъ изъ вольныхъ людей, селить на пашнѣ съ великимъ раденьемъ. А пахать имъ крестьянамъ десятинныя пашни во всѣтъ трехъ поляхъ поровну, и которому крестьянину велѣно будетъ пахать пашни десятина въ полѣ, а въ дву потомужъ; и тому на себя пахать особенные пашни, противъ Илимскаго, по четыре десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ. (ibid. № 1542). Это рѣшительно еще старый порядокъ, здѣсь даже опредѣляется сколько владѣльческой земли долженъ обработывать крестьянинъ соразмѣрно съ тѣмъ жеребьемъ земли, на которомъ онъ сидитъ. Тотъ же старый порядокъ и тотъ же старый взлядъ на значеніе крестьянъ, какъ на тяглое сословіе, крѣпкое только землѣ, замѣтенъ въ указѣ отъ 23 Декабря 1700 года, по которому предписывается не сводить крестьянъ съ пашни, и даже не принимать ихъ въ военную службу, хотя бы на то были согласны помѣщики и вотчинники, на земляхъ которыхъ записаны крестьяне. Въ указѣ сказано: „которые солдаты записались помѣщиковы и вотчинниковы люди монастырскими и дворцовыми крестьяны, а что они утаили, а помѣщики и вотчинники на нихъ крѣпости положили, и бьютъ челомъ объ отдачѣ, а иные о зачетѣ вмѣсто даточныхъ.... и такимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ крестьянъ отдавать, а не зачитать (за даточныхъ), а въ даточные имъ ставить дворовыхъ... Которые люди записались побѣжавъ отъ всякихъ чиновъ людей, и приняты въ солдатскую службу и къ полковникамъ отосланы; быть имъ въ солдатахъ и въ холопство ихъ не отдать, и женъ ихъ взять, отдать имъ солдатамъ, а дѣтей къ нимъ имать, которые ниже 12 лѣтъ.... а тѣмъ людямъ, у которыхъ они служили, зачесть во всякіе денежные поборы по 11 рублей за человѣка.... А которые тутъ же (т. е. въ солдатахъ) явились съ жеребьевъ крестьяне; и тѣхъ отдавать челобитчикамъ.... и съ пашни отнюдь крестьянъ не принимать, и предъ которые явятся отдавать челобитчикамъ". (ibid. № 1820)) Или въ указѣ отъ 8 Марта 1710 года, повелѣно какъ съ купеческихъ такъ и съ крестьянскихъ дворовъ собрать по четыре алтына со двора. Или въ указѣ отъ 11 Іюля 1713 года при сборѣ денегъ за даточныхъ людей считаются только одни крестьянскіе дворы, а не задворныхъ и дѣловыхъ людей; въ указѣ сказано: „А за которыми царедворцы и городовыми меньше десяти дворовъ, и съ тѣхъ даточныхъ конныхъ не имать, а взять съ нихъ за персону по полтора рубли, да съ крестьянъ по полтинѣ: а за которыми крестьянъ нѣтъ, т съ тѣхъ взять только съ персоны по полтора рубли

съ человѣка". (ibid. № 2695). Или указъ отъ 22 октября 1715 года свидѣтельствуетъ, что дворовые люди еще отличались отъ крестьянъ; въ указѣ велѣно представить на смотръ маіору Ушакову только дворовыхъ, задворныхъ и дѣловыхъ людей, а не крестьянъ. (ibid. № 2944). Во всѣхъ сихъ указахъ замѣтенъ еще старый порядокъ, законъ смотритъ на крестьянъ, какъ на крѣпкихъ землѣ, какъ на свободное сословіе, несоставляющее частной собственности землевладѣльца, и отнюдь не смѣшиваетъ съ дворовыми и даже дѣловыми и задворными людьми, а дворы крестьянскіе ставитъ въ одинъ разрядъ съ посадскими дворами.

Но рядомъ съ сими узаконеніями идутъ и другія узаконенія, въ которыхъ уже проглядываетъ новый порядокъ, вытекающій изъ новыхъ требованій жизни. Такъ на примѣръ въ жизни русскаго общества въ XVII столѣтіи мало по малу укоренился обычай между землевладѣльцами сажать, наровнѣ съ крестьянами, на поземельные участки задворныхъ и дѣловыхъ людей, которые въ сущности не были крестьянами, не состояли въ числѣ членовъ сельской общины и не подлежали мірскимъ разрубамъ и разметамъ, а непосредственно зависѣли отъ самаго владѣльца, какъ его наемники или кабальные и даже полные холопы. Этотъ обычай былъ замѣтенъ еще въ XVI столѣтіи, какъ свидѣтельствуютъ писцовыя книги; но тогда число дѣловыхъ и задворныхъ людей, поселенныхъ на земельныхъ участкахъ, было очень незначительно; къ концу же XVII столѣтія землевладѣльцы, видя большія выгоды отъ таковыхъ поселенцевъ, какъ неплатящихъ крестьянскихъ казенныхъ податей, до того распространили въ своихъ имѣніяхъ эту новую мѣру уклоненія отъ податей, что правительство необходимо должно было обратить вниманіе на такія злоупотребленія; но не видя сподручныхъ средствъ дѣйствовать запрещеніемъ, оно обратилось къ удобнѣйшему для себя средству,—къ поднятію дѣловыхъ и задворныхъ людей почти до значенія крестьянъ *). Эта мѣра въ первый разъ была принята, кажется, при

---

*) Да и на самомъ дѣлѣ, въ жизни, дѣловые люди въ отношеніи къ своимъ владѣльцамъ именно занимали мѣсто крестьянъ, а въ отношеніи къ государству имѣли значеніе рабовъ, частной собственности господина, они не платили казенныхъ податей и не были членами крестьянской общины. Лучшимъ изображеніемъ того, что значили дѣловые люди, служитъ слѣдующая ссудная запись написанная въ 7195 году: „Се язъ Григорій Ларіоновъ сынъ, по прозванью отца своего Водоньяновъ, старинной Ерофея Ивановича Мостинина, и родился у него во дворѣ, далъ есми на себя сію ссудную запись въ Нижнемъ Новѣгородѣ сыну его стряпчему Петру Ерофеевичу Мостиничу въ томъ; въ нынѣшнемъ 195 году Декабря въ 24 день взялъ я Григорій съ женою своею и съ дѣтьми у него государя своего у Петра Ерофеевича на ссуду себѣ на всякой домовой заводъ 5 руб, денегъ да лошадь; и мнѣ Григорью, и женѣ моей, и дѣтямъ мо-

составленіи переписныхъ книгъ 1678 и 1679 годовъ, гдѣ были уже переписаны какъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы, такъ и дворы дѣловыхъ и задворныхъ людей. Потомъ на эту же мѣру указываетъ указъ отъ 7 мая 1680 года, гдѣ сказано: „въ которыхъ городѣхъ и сколько за кѣмъ изъ васъ въ помѣстьяхъ вашихъ и въ вотчинахъ по нынѣшнимъ переписнымъ книгамъ, и послѣ того прибыло и нынѣ на лицо крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ порознь, также дѣловыхъ и задворныхъ людей, которые построены у васъ на пашнѣ; и у васъ, великій государь, указалъ взять о томъ сказки за руками. Для того, которые сказки взяты были у васъ въ разрядѣ напередъ сего; и послѣ тѣхъ сказокъ за многими изъ васъ крестьянскіе дворы прибыли многіе, а у иныхъ убыло". (П. С. З. № 821). Въ 1695 году отъ 15 февраля повелѣно взять „въ Московскихъ чиновъ людей съ помѣстій ихъ и вотчинъ съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ дворовъ, и съ задворныхъ и дѣловыхъ людей, которые живутъ дворами, по полтинѣ съ двора на жалованье ратнымъ людямъ". (ibid. № 1504). А при составленіи народныхъ переписей, начиная съ 1704 года, предписывается постоянно вносить въ переписныя книги, какъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы, такъ и дворы дворовыхъ, задворныхъ и дѣловыхъ людей, и въ нихъ людей по именамъ. Потомъ по указу отъ 20 февраля 1705 года относительно набора въ военную службу задворовые и дѣловые люди, устроенные дворами, рѣшительно сравнены съ крестьянами; указъ сей предписываетъ: „взять въ солдаты съ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и съ задворныхъ и дѣловыхъ людей съ 20 дворовъ по человѣку" (ibid. № 2036). Наконецъ по указу отъ 1 марта 1711 года крѣпостные дворовые люди наровнѣ съ крестьянами должны были поступать въ число даточныхъ людей на службу государству. Въ указѣ семъ сказано: „со всѣхъ вотчинниковъ у помѣщиковъ, за которыми есть деревни и дворовые люди свои, для предначинаемой съ салтаномъ Турскимъ войны, собрать въ даточные на время треть людей ихъ, у кого сколько на Москвѣ и въ гу-

имъ съ тою его ссудою жити у него Пертра Ерофѣевича и у дѣтей его во дворѣ въ дѣловыхъ людяхъ, гдѣ они укажутъ, и живучи всякую работу на него Петра Ерофѣевича и на дѣтей его работать по вся дни, и тягло имъ всякое платить безъ ослушанья, и изъ за него государя своего Петра Ерофѣевича и изъ за дѣтей ево не бѣжать, и сбѣжавъ не заложиться ни за кого, и отъ него Петра Ерофѣевича и отъ дѣтей ево ни чѣмъ не отпираться А буде я Григорій и жена моя и дѣти мои не учнемъ у него государя своего и у дѣтей его жить, или изъ за него и дѣтей его бѣжимъ и за кого заложимся; и ему Петру Ерофѣевичу по сей ссудной записи взять меня Григорья и жену мою и дѣти мои по прежнему въ дѣловыя люди и своя ссуда". IA. М. И. Д. к. л. 36).

берніяхъ въ домахъ ихъ и въ деревняхъ есть, и о томъ у всѣхъ взять сказки за руками съ подкрѣпленіемъ“ (ibid. № 2326),

Такимъ образомъ цѣлымъ рядомъ указовъ отъ 1678 по 1711 годъ сперва задворные и дѣловые люди, помѣщенные дворами и устроенные пашнею, а потомъ и дворовые крѣпостные люди мало по мало сдѣлались почти равными крестьянамъ по платежу податей и несенію государственной службы; слѣдовательно, въ правахъ своихъ оставаясь по прежнему безправною собственностію владѣльцевъ, по обязанностямъ въ отношеніи къ государству получили государственное значеніе, и стали заноситься въ народныя переписи наровнѣ съ другими тяглыми людьми. Этотъ новый порядокъ, вызванный самою жизнію общества и доставившій государству значительное число новыхъ людей, какъ для службы, такъ и для платежа податей, естественно не могъ не отразиться своею невыгодною стороною на крестьянахъ: у крестьянъ въ несеніи государственнаго тягла явились новые товарищи съ отличительнымъ признакомъ рабства, каковый признакъ незамѣтно долженъ былъ сообщиться и крестьянамъ; ибо съ одной стороны владѣльцы, потерявъ часть своихъ выгодъ и правъ въ холопахъ, старались вознаградить себя присвоеніемъ новыхъ правъ надъ крестьянами, а съ другой стороны, государство, объявивъ себя дольщикомъ въ правахъ на крѣпостныхъ дворовыхъ людей, составлявшихъ прежде исключительную частную собственность владѣльцевъ, естественно должно было допустить и право частной собственности землевладѣльцевъ на крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ ихъ землѣ. И это тѣмъ удобнѣе было сдѣлать, что права эти помимо закона уже проникли въ жизнь русскаго общества; здѣсь государству оставалось только признать законнымъ то, что уже существовало въ обществѣ, какъ злоупотребленіе землевладѣльческой силы.

Первое утвержденіе закона злоупотребленій землевладѣльческихъ правъ мы уже видѣли въ указѣ отъ 13 октября 1675 года, которымъ было разрѣшено продавать крестьянъ безъ земли. Оно же вновь подтверждено указомъ отъ 25 Іюня 1682 года, и продаваемыхъ безъ земли крестьянъ велѣно записывать въ крѣпостныя книги въ холопьемъ приказѣ, и изъ сего приказа выдавать новымъ владѣльцамъ крѣпости на купленныхъ ими крестьянъ безъ земли, съ взятіемъ поголовныхъ пошлинъ по три алтына съ головы. (П. С. З. № 946). Здѣсь къ сравненію крестьянъ съ холопами противъ прежняго указа прибавлено то, что и съ крѣпостей на крестьянъ предписано брать поголовныя пошлины, которыя прежде собирались только съ крѣпостей на холоповъ. Но

указомъ отъ 30 Марта 1688 года записка крѣпостей изъ холопьяго приказа переведена въ помѣстный приказъ, и поголовныя деньги оставлены только въ такомъ случаѣ, когда въ крѣпости не будетъ означено цѣны. Въ указѣ сказано: „проданныхъ и поступныхъ по сдѣлочнымъ записямъ крестьянъ безъ земли записывать въ помѣстномъ приказѣ въ особыя приходную и записную книги, и при запискѣ съ купчихъ и записей, въ которыхъ написана будетъ поступка за деньги, брать пошлины съ рубля по алтыну, а въ которыхъ крѣпостяхъ денегъ не написано, и съ тѣхъ имать съ человѣка по три алтына". (ibid. № 1293). Потомъ указомъ отъ 18 февраля 1700 года таковыя крѣпости разрѣшено записывать въ Московскомъ судномъ приказѣ, и порядокъ взиманія крѣпостныхъ пошлинъ оставленъ прежній, т. е. ежели въ крѣпости означена цѣна, то съ рубля по три деньги; а ежели цѣны нѣтъ, то съ головы по три алтына. Далѣе изъ указа отъ 7 Сентября 1696 года видно, что за землевладѣльцами уже было признано право брать крестьянскихъ дѣтей во дворъ и обращать ихъ въ дворовыхъ людей. Въ указѣ сказано: „Послѣ умершихъ всякихъ чиновъ людей дворовымъ ихъ, и кабальнымъ, и полоннымъ, и крестьянскимъ дѣтямъ, которые были изъ крестьянъ взяты во дворъ, давать отпускныя изъ приказа холопья суда". (ibid. № 1383). Такимъ образомъ продажа крестьянъ безъ земли и переводъ ихъ въ дворовые были утверждены закономъ, и крестьяне съ тѣмъ вмѣстѣ изъ прикрѣпленныхъ къ землѣ обратились въ крѣпостныхъ своимъ землевладѣльцамъ; но земля еще не ускользала изъ подъ нихъ окончательно, и, какъ мы видѣли изъ разныхъ указовъ, крестьяне еще по закону отличались отъ холоповъ, хотя въ тоже время по другихъ указамъ и смѣшивались съ ними.

Не смотря на сильное развитіе землевладѣльческой власти надъ крестьянами, крестьяне по закону продолжали еще имѣть многія права самостоятельныхъ членовъ русскаго общества, которыхъ рабы, или полные холопи, не имѣли. Такъ напримѣръ, по писцовому наказу 1684 года, по 38 статьѣ, крестьяне безъ различія—помѣщичьи, вотчинничьи, дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей, имѣли право владѣть разными оброчными угодьями по условію съ казною. Въ наказѣ сказано: „и которыя бортныя ухожья и всякія угодья на отхожихъ земляхъ, а владѣютъ ими помѣщиковы и вотчинниковы крестьяне и иные всякіе люди на оброкѣ; и тѣмъ оброчникамъ и впредь съ тѣхъ земель и со всякихъ угодій оброкъ платить". (ibid. 1074). А указъ отъ 18 сентября 1695 года свидѣтельствуетъ, что владѣльческія крестьяне имѣли

право ѣздить по городамъ съ своими товарами и торговать отъ своего имени, и обязаны были платить съ своихъ товаровъ узаконенныя пошлины по торговому уставу. (ibid. № 1517). Или изъ указа отъ 26 ноября 1696 года видно, что владѣльческіе крестьяне еще не совсѣмъ были отдѣлены отъ крестьянъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей; по указу владѣльческіе крестьяне еще отправляли земскія повинности сторожей и цѣловальниковъ при тюрьмахъ по общимъ волостнымъ выборамъ. (ibid. № 1857). А указъ отъ 30 декабря 1701 года прямо признаетъ крестьянъ самостоятельнымъ сословіемъ наровнѣ съ другими сословіями; указомъ симъ предписано, чтобы крестьяне наровнѣ съ боярами и со всѣми служилыми людьми и купцами писались въ челобитныхъ и другихъ приказныхъ бумагахъ полными именами съ прозваніями своими. (ibid. № 1884). Указъ же отъ 30 августа 1705 года свидѣтельствуетъ, что владѣльческіе крестьяне по прежнему управлялись своими земскими старостами и подчинены были суду и управѣ мѣстныхъ городскихъ воеводъ наровнѣ съ другими уѣздными людьми и по мірской раскладкѣ (ibid. № 2069). Тоже подтверждаетъ указъ отъ 3 декабря 1713 года, въ которомъ о волостяхъ, приписанныхъ къ Невьянскому завому Демидова, сказано: „А что съ тѣхъ волостей нынѣ и впредь надлежитъ быть окладныхъ и неокладыхъ сборовъ и иныхъ какихъ поборовъ, равно съ другими крестьянами той губерніи; и тѣ всѣ въ Сибирскую губернію сбирать по прежнему". (ibid. 2746).

Но были уже и нѣкоторыя ограниченія крестьянскихъ правъ противъ прежняго времени, впрочемъ только ограниченія, но отнюдь не отрицанія. Такъ указомъ отъ 13 Іюля 1704 года постановлено, что крестьяне имѣютъ право вступать въ подряды съ казною; но напримѣръ у монастырскихъ или архіерейскихъ крестьянъ при подрядахъ должны присутствовать архіерейскіе или монастырскіе стряпчіе. Эта мѣра въ сущности была принята не для ограниченія крестьянскаго права вступать въ подряды, а для огражденія крестьянъ отъ раззореній и притѣсненій, какъ прямо сказано въ указѣ: „для того, по тѣмъ записямъ, они крестьяне берутъ напередъ многія деньги, а порукою по себѣ пишутъ свою же братью крестьянъ, и руки вмѣсто ихъ прикладываютъ заочно пьяницы; и тѣхъ припасовъ по записямъ они крестьяне въ указныхъ мѣстахъ не ставятъ, и отъ такихъ порядныхъ записей патріаршимъ, архіерейскимъ и монастырскимъ вотчиннымъ крестьянамъ въ приказахъ чинятся многіе убытки и волокиты". (ibid. № 1984). Далѣе указомъ отъ 29 октября, 1707 года крестьяне были лишены права брать на откупъ таможенные и кабацкіе сбо-

ры; но не потому, чтобы они считались неполноправными членами русскаго общества, а потому, что они вѣдались не въ ратушѣ, которая отдавала на откупъ таможенные и кабацкіе сборы, и потому, что изъ крестьянъ въ это время набирались въ драгуны, солдаты и рекруты. Въ указѣ прямо сказано: „не допускать крестьянъ къ откупамъ, а отдавать откупы купцамъ; для того купеческаго чина люди Московскіе и городовые жители всякими денежными платежами и иными поборами и Московскими городовыми службами, и расправными всякими купеческими дѣлами вѣдомы въ ратушѣ; а дворцовые крестьяне подъ особымъ судомъ, и во всемъ вѣдомы въ канцеляріи дворцовыхъ дѣлъ, а архіерейскіе въ монастырскомъ приказѣ, а помѣщиковы и вотчинниковы въ другихъ приказахъ; а въ ратушѣ тѣ дворцовые и ничьи крестьяне, кромѣ корчемныхъ дѣлъ, ни чѣмъ не вѣдомы. Да и тѣхъ же дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщиковыхъ, и вотчинниковыхъ крестьянъ въ нынѣшнее военное время набираютъ въ драгуны и въ солдаты и въ рекруты. И если чьимъ крестьянамъ такіе сборы на откупы отданы будутъ, а изъ нихъ кого возьмутъ на службу; и въ такихъ сборахъ отъ того опасно порухи“. (ibid. № 2165).

(ОТНОШЕНІЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ КЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ПО ЗАКОНУ).

Крестьянскія общины на владѣльческихъ земляхъ по прежнему еще составляли юридическое цѣлое, и предъ правительствомъ являлись не чрезъ посредство своихъ землевладѣльцевъ, а чрезъ своихъ выборныхъ старостъ; правительство въ дѣлахъ, относящихся до крестьянской общины, сносилось прямо съ общиною, а не съ землевладѣльцемъ. Такъ въ указѣ отъ 17 сентября 1617 года сказано, что староста и крестьяне Вологодской домовой архіерейской вотчины подавали въ сенатъ заручную челобитную, чтобы вотчинѣ сей быть въ вѣдѣніи въ домѣ архіерейскомъ; и сенатъ положилъ: „по приговору правительствующаго сената, да и по заручному челобитью той вотчины старосты и крестьянъ, той вотчинѣ быть въ вѣдѣніи въ домѣ архіерейскомъ по прежнему, и съ той вотчины съ крестьянъ всякія подати, также и съ церквей данные и всякіе окладные и неокладные доходы сбирать въ архіерейскій домъ по окладу сполна“. (ibid. № 3038).

Раскладка и сборъ податей по прежнему лежали на самихъ крестьянахъ и ихъ выборныхъ старостахъ, а не на землевладѣльцахъ, а посему и предписанія начальства по этому предмету пря-

мо писались къ старостамъ и крестьянамъ т. е. къ цѣлой общинѣ. Такъ въ памяти Ковской волости старостѣ и крестьянамъ, писанной отъ 7 Марта, 1681 года сказано: „на нынѣшній 189 годъ собрать по рублю со двора, смотря по тяглу и промысламъ; и обложить сбирать тѣ деньги самимъ вамъ земскому старостѣ и выборнымъ лучшимъ людямъ за вѣрою; а кто будетъ выбранъ къ тому окладу, и тѣхъ людей вамъ велѣть по чиновной книгѣ въ Св. церкви священнику привесть къ вѣрѣ, и быти имъ за выборомъ всѣхъ крестьянъ и бобылей, кому вы межъ себя вѣрите. И чтобы богатые полные люди передъ бѣдными во льготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости не были. И того вамъ межъ собою земскимъ старостамъ и выборнымъ лучшимъ людямъ и окладчикамъ смотрѣть на крѣпко, чтобы никто въ избылыхъ не былъ. И учинить тебѣ старостѣ книги за своею рукою и окладчиковыми руками: и тѣ книги за своею рукою и окладчиковыми руками, держать вамъ въ земской избѣ впредь для сбору". И сборъ этотъ назначенъ не для одной Ковской волости; въ памяти сказано: и впредь имать со всѣхъ городовъ съ посадовъ и уѣздовъ съ прежнихъ и прибыльныхъ дворовъ по нынѣшнимъ переписнымъ книгамъ указною статьею". (А. А. Э. т. IV, № 243). Тоже повторено въ общемъ росписаніи во всѣ города при окладныхъ книгахъ того же года, гдѣ сверхъ того прибавлено: „а буде которые посадскіе люди и волостные крестьяне учинятся сильны, и стрѣлецкихъ денегъ платить не станутъ; и въ городѣхъ воеводы и приказные люди давали бъ земскимъ старостамъ и выборнымъ людямъ стрѣльцовъ и пушкарей, сколько человѣкъ надобно будетъ, по тѣхъ людей для посылки; и править на тѣхъ людяхъ стрѣлецкіе деньги земскому старосуѣ и выборнымъ людямъ". (ibid. № 250). Тотъ же порядокъ повторяетъ другая память Ковской волости старостѣ и всѣмъ крестьянамъ, писанная 11 января 1687 года; въ памяти сказано: „и тебѣ бъ земскому старостѣ и всѣмъ крестьянамъ межъ себя выбрать окладчиковъ къ тому сбору, а выбравъ окладчиковъ, велѣть имъ окладчикамъ Ковской волости крестьянъ обложить десятою деньгою съ ихъ торговли и промысловъ и со всякихъ заводовъ". (ibid. № 293). Во всѣхъ сихъ памятяхъ незамѣтно посредниковъ между правительствомъ и крестьянскими общинами, о землевладѣльцахъ здѣсь нѣтъ и помину, противъ ослушниковъ правительство предлагаетъ свое пособіе прямо общинамъ и ихъ выборнымъ начальникамъ, а не землевладѣльцамъ. Здѣсь крестьяне черныхъ земель и крестьяне владѣльческіе находятся въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ правительству, государству, какъ полноправные члены общества.

Самая разскладка земли въ выти для сбора податей и отправленія повинностей и въ настоящее время, по прежнему, оставалась одинаковою, какъ для владѣльческихъ крестьянъ, такъ и для крестьянъ черныхъ земель, какъ прямо свидѣтествуетъ роспись о полевой мѣрѣ, изданныя въ 1709 году; въ этой росписи и въ помѣстныхъ, и въ вотчинныхъ, и въ монастырскихъ имѣніяхъ, и въ черныхъ земляхъ на крестьянскую выть полагалась одна мѣра по 12 четвертей въ доброй землѣ, по 14 четвертей въ средней, и по 16 четвертей въ худой землѣ, во всѣхъ трехъ поляхъ.

Такимъ образомъ по закону крестьяне, въ продолженіе послѣднихъ сорока лѣтъ прикрѣпленія къ землѣ, съ одной стороны во многомъ сравнялись съ холопами, т. е. изъ прикрѣпленныхъ къ землѣ, по Уложенію, въ послѣдствіи обратились почти въ крѣпостныхъ людей своихъ землевладѣльцевъ; землевладѣльцы получили право переводить крестьянъ съ земли на дворъ, т. е. обращать въ дворовыхъ людей, и право продавать крестьянъ безъ земли, и даже въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ переписяхъ крестьянъ стали записывать на ряду съ дворовыми и дѣловыми людьми. Но съ другой стороны за крестьянами осталось еще много старыхъ правъ, по которымъ они считались самостоятельными членами русскаго общества, а не частною собственностію землевладѣльцевъ. За ними оставалось право на общій судъ; наровнѣ съ другими классами общества они судомъ и данью продолжали тянуть къ городу, а не къ своему землевладѣльцу. Законъ признавалъ еще за крестьяниномъ личность, и полагалъ пеню за безчестье креянина, за безчестье же полнаго раба пени не полагалось; законъ еще признавалъ за крестьяниномъ особыя отношенія къ землѣ, сообщавшія крестьянину извѣстное государственное значеніе, отличавшіе его не только отъ раба, но и отъ полусвободныхъ слугъ. По закону крестьяне черныхъ земель, также и владѣльческіе имѣли общее управленіе по волостямъ чрезъ выборныхъ начальниковъ изъ среды самихъ крестьянъ; и всѣ общественныя обязанностм крестьянъ лежали прямо на нихъ безъ посредства землевладѣльцевъ; въ этомъ отношеніи правительство прямо относилось къ крестьянскимъ обществамъ, а не къ землевладѣльцамъ. По закону крестьяне, какъ гражданскія лица, имѣли право собственности независимо отъ землевладѣльцевъ, могли вступать въ подряды съ частными лицами и съ казною, безпрепятственно пользовались правомъ торговли отъ своего лица и другими промыслами. По закону крестьяне, во многихъ отношеніяхъ по прежнему оставались еще безсмѣнными жильцами и тяглецами какъ на владѣльческихъ,

такъ и на черныхъ земляхъ; даже законъ не совершенно еще уничтожилъ право перехода крестьянъ, по крайней мѣрѣ по закону владѣльческій крестьянинъ могъ принять на себя городское тягло, жить и промышлять въ городѣ, и совершенно сложить съ себя обязанности по крестьянству.

XI

(ПОЛОЖЕНІЕ И ЗНАЧЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ЖИЗНИ НА ПРАКТИКѢ).

Положеніе и значеніе крестьянъ въ жизни представляется еще разнообразнѣе, чѣмъ въ законѣ: здѣсь мы встрѣчаемъ не рѣдко самыя противоположныя крайности; крестьяне то являются съ старыми правами только прикрѣпленныхъ къ землѣ, то чуть не рабами своихъ господъ. Но при всемъ разнообразіи еще замѣтно прежнее значеніе крестьянъ, какъ полноправныхъ членовъ русскаго общества, и всѣ уклоненія отъ этого значенія въ тогдашнемъ положеніи крестьянъ являются какъ злоупотребленія землевладѣльческой силы; или законы, способствововавшіе чрезмѣрному развитію этой силы, большею частію относились къ администраціи, слѣдовательно дѣйствовали косвенно; прямаго же отрицанія прежнихъ крестьянскихъ правъ почти не было, за исключеніемъ предоставленія владѣльцамъ права перевода крестьянъ во дворъ и продажи безъ земли. Нѣтъ сомнѣнія, что право продажи крестьянъ безъ земли—и право перевода во дворъ весьма важны и далеко развивали власть землевладѣльцевъ; но при неуничтоженіи прежнихъ личныхъ правъ крестьянина положительнымъ закономъ, они еще многое оставляли за крестьянами въ жизни и практикѣ, что по строгой логикѣ не должно бы оставаться за ними. И что всего важнѣе, и по закону и въ жизни крестьяне еще рѣзко отличались отъ рабовъ или полныхъ холоповъ и не составляли безгласной частной собственности владѣльцевъ; а посему при всякомъ удобномъ случаѣ безпрепятственно пользовались прежними своими правами свободныхъ людей и ни законъ, ни жизнь не отрицали сихъ правъ. Русское общество и законъ еще хорошо помнили прежнее значеніе крестьянъ и ни какъ не могли отрѣшиться отъ него вполнѣ; хотя по частямъ это значеніе уже было подрыто съ разныхъ сторонъ, но еще продолжало держаться своею историческою силою.

При таковомъ порядкѣ дѣлъ въ жизни русскаго общества въ послѣдней четверти XVII и въ началѣ XVIII столѣтій уживались рядомъ самыя крайнія противоположности относительно значенія крестьянъ. Съ одной стороны землевладѣльцы могли продавать и закладывать крестьянъ безъ земли, какъ полную частную соб-

ственность, не имѣющую гражданскаго значенія лица; таковыя купчія и закладныя совершались оффиціально и записывались въ крѣпостныя книги въ присутственныхъ мѣстахъ. А съ другой стороны владѣльческіе крестьяне, какъ полноправныя гражданскія личности, имѣли право сами покупать на свое имя крѣпостныхъ людей, продавать ихъ, мѣнять,—каковаго права не имѣли полные холопи, какъ безгласная частная собственность своихъ владѣльцевъ. Вотъ подлинные факты, свидѣтельствующіе первое положеніе относительно владѣльцевъ. Въ закладной кабалѣ Ивана Созонова 1697 года написано: „Се язъ, Иванъ, Осиповъ сынъ Созоновъ, въ нынѣшнемъ 205 году февраля въ 26 день занялъ я Иванъ у Якова, Лукина сына Созонова, восемь рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ прямыхъ безъ приписи, впредъ до сроку, сентября по 1-е число 206 году; а въ тѣхъ деньгахъ я Иванъ заложилъ ему Якову крестьянскую свою дѣвку, Тульскаго уѣзду Заунскаго стану, деревни Прилѣпъ, Дашку Копяшкину дочь. А та моя Иванова дѣвка прежъ ево Якова иному никому не заложена и не продана и ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплена". (въ моемъ Собран. грам.). Или вотъ еще свидѣтельство одной записи 167: года объ отдачѣ крестьянъ на свозъ въ приданое за дочерьми. Въ записи сказано: „Се язъ Ѳедоръ, Ивановъ сынъ Арсеньевъ, въ нынѣшнемъ въ 184 году сентября, въ 20 день, далъ я Ѳедоръ зятю своему Лукѣ Юрьеву сыну Созонову, за дочерью своею Пелагѣю въ приданые купленную свою вотчинную крестьянку, вдову, Агафьицу Викулину дочь, Милюткину жену Ѳатѣева, съ дѣтьми ея.—съ Кузкою, да съ Карпикомъ да съ Остапкою, да съ Тихонкомъ, да съ дочерми дѣвкою Дарьинею да Матрешкою, и съ животами ея крестьянскими, съ лошадьми и съ коровою, и со всякою мелкою скотиною, и со всякою мелкою рухледью, что у ней животовъ есть, и съ хлѣбомъ стоячимъ, и съ молоченымъ, и съ земленымъ, что у ней какого хлѣба будетъ; да мнѣ же Ѳедору той крестьянкѣ дать съ двора своего избу да двѣ клѣти въ нынѣшнемъ въ 184 году апрѣля въ 9 день. И впередъ мнѣ Ѳедору и женѣ моей и дѣтемъ до той крестьянки вдовы Агафьицы и до дѣтей ея, что въ сей записи писаны, и до животовъ ея дѣла нѣтъ". (Такъ же). А вотъ свидѣтельство и о томъ, что владѣльческія крестьяне имѣли своихъ рабовъ. Въ одной поступной записи 1686 года написано: „Се язъ Андреянъ, Климонтовъ сынъ Михалевъ, Нижегородецъ посадской человѣкъ, далъ сію запись въ Нижнемъ Новѣгородѣ патріарша домоваго Благовѣщенскаго монастыря крестьянину Тимофею, Суворову сыну Прядильщику, въ томъ: въ нынѣшнемъ во 195 году искати бы-

ло ему Тимофею бѣглой своей дворовой дѣвки, Татарки Матренки Семеновой дочери, что она жила у меня Андреяна. и я Андреянъ не дожидаясь великимъ государямъ отъ него Тимофея на меня челобитья, поступился ему Тимофею дворовою же своею дѣвкою Русскою Окулькою, Яковлевою дочерью, вмѣсто его Тимофѣевой дѣвки Матренки, и съ нимъ Тимофѣемъ Андреянъ въ сносѣ и въ жилыхъ годахъ во всѣмъ раздѣлался. И впередъ мнѣ Андреяну въ ту свою дѣвку невступаться". (А М. И. Д. кн. № 43). Сія поступная явлена въ Нижегородской приказной избѣ и въ книгу записана, и пошлинъ 8 алтынъ двѣ деньги взято; слѣдовательно права крестьянина Тимоѳея на его дворовую дѣвку признавались законными.

Или съ одной стороны землевладѣльцы пользовались правомъ суда надъ своими крестьянами, и явно стремились къ устраненію суда правительственнаго не только въ дѣлахъ между своими крестьянами, но и въ дѣлахъ своихъ крестьянъ съ посторонними людьми; а равно и постороннія лица обращались иногда съ жалобами на крестьянъ не къ воеводамъ и другимъ судьямъ поставленнымъ отъ правительства, а къ землевладѣльцамъ,—хотя у насъ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы землевладѣльцы въ концѣ XVII столѣтія получали отъ правительства особыя привиллегіи на право суда, какъ бывало въ прежнее время, по Уложенію 1649 года всѣ подобныя привеллегіи были уничтожены. Съ другой стороны судебная практика представляетъ множество примѣровъ судебныхъ дѣлъ у владѣльческихъ крестьянъ передъ судьями, поставленными правительствомъ, въ которыхъ и крестьяне бьютъ челомъ у судей на постороннія лица, и посторонніе люди подаютъ челобитныя на крестьянъ въ обыкновенныхъ судахъ; даже не было особаго крестьянскаго суда, подобнаго холопьему суду; слѣдовательно, крестьяне, какъ полноправныя гражданскія лица, пользовались общимъ судомъ наровнѣ съ другими классами русскаго общества. Для доказательства того и другаго положенія изъ многихъ свидѣтельствъ я здѣсь представлю только самыя рѣзкія, въ которыхъ видны крайности того и другаго положенія. Такъ въ 1705 году одинъ дворянинъ землевладѣлецъ, Михайло Сатинъ, билъ челомъ на крестьянъ госпожи Нарышкиной, не судьямъ поставленнымъ отъ правительства, а самой Нарышкиной, и по приказу Нарышкиной въ ея вотчинной конторѣ прикащикъ судилъ, пыталъ и наказывалъ также какъ и судьи, поставленные правительствомъ; и крестьяне безпрекословно повиновались сему суду. Вотъ подлинная челобитная Сатина: „Государынѣ боярынѣ Аннѣ Леонтьевнѣ бьетъ челомъ Михайло Тимофѣевъ сынъ Сатинъ. Въ прошломъ, госуда-

рыня, 704 году, билъ челомъ я блаженныя памяти боярину Льву Кириловичу и тебѣ государынѣ, Рязанскаго уѣзда, вотчины государыня вашей, села Протасьева на крестьянъ вашихъ, на Михайла Кирилова сына Селиванова съ товарищи, по оговору Рязанскаго уѣзда села Старыкина дьячка Лаврентья Дементьева, въ разбойныхъ моихъ животахъ. И по вашему, государыня, указу, а по моему челобитью посланъ вашъ, государыня, указъ; а въ томъ вашемъ указѣ о розыскѣ въ село Куркино къ приказному вашему человѣку Юрью Бахтѣеву, велѣно ему Юрью про тѣ мои животы розыскать накрѣпко, а что тѣхъ моихъ животовъ сыщется, велѣно ему отдать мнѣ съ роспискою, а которые мои животы они Михайло и Самойло продавали, или кому отдавали, и тѣ мои пожитки велѣно ему Юрью на нихъ доправить деньгами и отдать мнѣ. И онъ Юрій, пріѣхавъ въ то сего Протасьево по тому вашему, государыня, указу, которые пожитки мои сыскались, отдалъ мнѣ съ роспискою. А объ иныхъ моихъ пожиткахъ, въ чемъ они у розыску и съ пытки винились, продавали и отдавали кому, по тому вашему, государыня, указу, онъ Юрій на нихъ не доправилъ и указу мнѣ не учинилъ. А что сыскано и въ чемъ винились, и Юрій Бахтѣевъ къ вамъ, государыня, писалъ. Умилостивись, государыня, боярыня, Анна Леонтьевна, пожалуй меня противъ прежнего своего указу, каковъ посланъ къ Юрью Бахтѣеву, тѣ мои пожитки, въ чемъ они винились и не запирались, на нихъ доправить и отдать мнѣ. И о томъ, государыня, вели дать мнѣ указъ, противъ прежняго своего указа приказному своему человѣку Артемью Шахову, чтобъ тѣ мои пожитки *) напрасно не пропали. Государыня, смилуйся пожалуй" (въ моемъ собраніи грамотъ). Или вотъ свидѣтельство, изъ котораго видно, что владѣльцы старались избѣгать общаго суда надъ ихъ крестьянами, и заботились о томъ, чтобы судныя дѣла поканчивать своимъ судомъ. Такъ князь Петръ Михайловичъ Долгорукій въ приказѣ отъ 1 сентября 1701 года пишетъ къ своему приказщику: „писалъ ты къ намъ въ отпискѣ своей, что переловилъ воровъ и отвелъ въ городъ; и тебѣ бъ въ городъ ихъ возить не для чего, а поимавъ отдать было Ильѣ Летцарову, для того, что тѣ воры Мугрѣевскихъ нашихъ крестьянъ не грабили. А который Мугрѣевскій нашъ крестьянинъ Агафошка Ѳилалатой приличился къ воровству, и дер-

---

*) А покрадено было у Сатина и невозвращено: холсты, скатерти, полотенцы питья, 20 овчинъ, ножъ булатный, ножны серебряныя, узда браная серебряная, ларчикъ жестяной, а въ немъ 2 цѣпи серебряныя съ крестами, 2 перстня золотыхъ, 8 перстней серебряныхъ, 5 золотниковъ жемчугу, три портища пуговицъ серебряныхъ.

жать будто ево въ Мугрѣевѣ не возможно; тебѣ бъ его послѣ дѣловой поры съ женою и съ дѣтьми прислать къ намъ къ Москвѣ, а скотину его и хлѣбъ велѣлъ продать, а къ каковому воровству онъ приличился, и когда именно объявленъ, о томъ писать.... А что ты вынялъ изъ подполья у крестьянина моего у Мишки Спиридонова; и тебѣ его Мишку допросить, для чего онъ воровъ у себя держалъ, и нѣтъ ли за нимъ Мишкою какого воровства, да о томъ къ намъ писалъ, а ему учини наказанье" (въ моемъ собраніи грамотъ). О томъ же самосудѣ землевладѣльцевъ свидѣтельствуютъ слѣдующія приказы того же князя Долгорукаго, 1-й приказъ отъ 24 апрѣля 1700 года, гдѣ сказано: „Да послана наша грамота въ село Верхній Ландехъ, да грамота боярина князь Михайла Алегуковича Черкасскаго въ вотчину его, въ село Нижній Ландехъ; и тебѣ тѣ грамоты разослать тотчасъ. Билъ намъ челомъ Василій Мухановъ: крестьяне де наши Мытцкіе Сенька Шубеникъ, Ивашко Торопынинъ били его на рѣкѣ на Луху весломъ, и хотѣли было де топоромъ рубить и носъ у него до руды разбили; и онъ де Василей пріѣзжалъ къ тебѣ (прикащику) и на тѣхъ крестьянъ жаловался, и ты де управы на тѣхъ крестьянъ не далъ; и то ты дѣлаешь не гораздо, что управы на тѣхъ крестьянъ не далъ, хотя бы онъ и незнакомецъ нашъ былъ. И буде тѣмъ крестьяномъ наказанье не учинено; и тебѣ бъ ихъ при немъ Васильѣ бить батоги нещадно. А хотя бы отъ него Василья къ нимъ какая обида была; и они бъ били челомъ намъ, а сами не управливались". 2-й приказъ отъ октября 1705 года: „А что писалъ ты (прикащикъ) про ссору, что учинили крестьяне села Нижняго Ландеха по приказу Дмитрія Татаринова, и грабили и били крестьянъ нашихъ и ругали; и тебѣ бъ о томъ послать говорить къ нему Дмитрію, чтобъ грабежное все отдалъ крестьянамъ нашимъ, и ссориться не велѣлъ, и указъ къ нему отъ боярина будетъ посланъ". Или 3-е, въ приказѣ отъ 4 сентября 1700 года написано: „Писалъ Дмитрій Татариновъ изъ Нижняго Ландеха къ Москвѣ въ письмѣ, что будто наши крестьяне Мугрѣевскіе и Мытцкіе ѣздятъ собраньемъ съ ружьемъ въ угоду боярина князя Михайла Алегуковича Черкасскаго, села Нижнего Ландеха, и ягоды де берутъ и грибы, и лѣсъ рубятъ и угоду пустошатъ, и крестьянъ де и крестьянокъ села Нижнего Ландеха будто грабятъ и бьютъ, и у крестьянъ де села Нижнего Ландеха пропали лошади, и тѣ де лошади будто украли наши крестьяне, и которые Мытцкіе или Мугрѣевскіе про то именно не пишетъ. И какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ; и тебѣ бъ спросить и освѣдомиться у старосты и выборныхъ крестьянъ,—до пріѣзду твоего не ѣздили

ли Мытцкіе крестьяне въ угоду боярина князя Михайла Алегуковича Черкасскаго для чего, и не учинили ли какіе ссоры въ чемъ и драки, также объ лошадяхъ пропажныхъ, не было ли присылки на Мытѣ до тебя отъ него Дмитрея по какимъ вѣдомостямъ; и освѣдомясь о томъ обо всемъ писать къ намъ именно, и съ нимъ Дмитріемъ тебѣ и крестьяномъ нашимъ не ссориться отнюдь. И какое будетъ дѣло прилучитца межъ вотчинами; и тебѣ о томъ писать къ намъ, и посылать къ нему Димитрію говорить, чтобъ договорясь чинить раздѣлки домашнимъ розыскомъ безсорно. А самому тебѣ не управливаться, не отписавши къ намъ, и въ угоду села Нижнему Ландеха крестьянамъ нашимъ отнюдь въѣзжать не велѣть ни для чего, и о томъ приказать тебѣ накрѣпко, и самому смотрѣть, чтобъ ссоры не было. А есть ли учинишь ссору и тебѣ быть отъ насъ въ гнѣвѣ“.

А вотъ факты, указывающіе на существованіе общаго суда для владѣльческихъ крестьянъ, мимо суда ихъ владѣльцевъ, гдѣ владѣльческіе крестьяне въ качествѣ истцовъ и отвѣтчиковъ судятся въ обыкновенныхъ судахъ, поставленныхъ отъ правительства, и какъ люди, пользующіеся правами признанной закономъ личности, независимо отъ своихъ владѣльцовъ мирятся и продолжаютъ свои тяжбы. Такъ въ одной челобитной Галицкія приказныя избы подъячего написано: „Въ нынѣшнемъ, государь, въ 7204 году билъ тебѣ челомъ, великому государю, а въ Галичѣ въ приказной избѣ стольнику и воеводѣ Петру Парамоновичу Титову да подьячему Роману Кусыкину подалъ челобитную Галичанинъ, посадской человѣкъ Оська Зыковъ, а въ челобитной его написано: въ прошломъ де во 194 году былъ у него Оськи судъ боярина князя Алексѣя Андреевича Голицына, а нынѣ жены его боярыни вдовы Ирины Ѳедоровны, съ крестьяниномъ ея съ Иваномъ Исаевымъ по таможенной запискѣ въ пяти рубляхъ“. Или въ мировой записи Савелія Арсеньева, мы находимъ, что землевладѣльцы искали суда надъ крестьянами другихъ землевладѣльцевъ у судей поставленныхъ правительствомъ. Въ записи сказано: „Се язъ Савелій, Демидовъ сынъ Арсеньевъ, въ нынѣшнемъ 200 году іюля, въ 27 день, далъ я на себя сію запись Лукѣ да Демиду, Юрьевымъ дѣтямъ Созонова, что билъ челомъ Государямъ я Савелій въ нынѣшнемъ 200 году на Тулѣ, на людей ихъ и крестьянъ, на Трошку Васильева сына съ товарищи въ краденой коровѣ и во всякихъ кражахъ, и то дѣло отослано въ Новосиль; и нынѣ я Савелій поговоря съ ними Лукою да съ Демидомъ межъ себя полюбовно, въ томъ во всемъ потому дѣлу въ кражехъ, договорились и во всемъ помирились“. Или вотъ еще дѣло о завладѣніи кре-

стьянами Силы Пушкина землею, принадлежащею стольнику Евстафію Суворову, въ которомъ Суворовъ судится съ крестьянами Пушкина у воеводы мимо владѣльца, и владѣлецъ вовсе не принимаетъ участія въ дѣлѣ. Дѣло начинается слѣдующею челобитною Суворова: „Въ прошломъ, государь, въ 710 году Силы Өедорова сына Пушкина, деревни Чеканова, крестьяне Прокопей Степановъ съ братьями съ Алексѣемъ, да съ Митрофаномъ, той же деревни Чекановы въ моей половинѣ на моей землѣ насильно пашню пахали, и рожъ и яровой хлѣбъ сѣяли, и сѣно косили; а цѣна, государь, той моей землѣ за десятину и сѣннымъ моимъ покосамъ по Уложенью. Великій государь, прошу вашего царскаго величества, да повелитъ ваше державство, вели, государь, по тѣхъ вышеписанныхъ крестьянъ послать солдата, и тѣхъ крестьянъ взять и привесть въ Кашинъ въ приказную избу, и въ томъ вышеписанномъ насильномъ завладѣньи допросить". Далѣе изъ дѣла видно, что помянутые крестьяне были приведены въ приказную избу; и въ допросѣ крестьянинъ Алексѣй Степановъ отвѣчалъ, что „они земли Евтифѣя Иванова Суворова въ деревнѣ Чекановѣ въ его половинѣ насильно не пахали и сѣнныхъ покосовъ не кашивали, только де въ его Евтифѣевѣ долѣ Суворова въ той деревнѣ отдалъ имъ въ наймы Евтифѣевъ же крестьянинъ Петръ Трифоновъ въ томъ же 710 году свой пустой жеребей". Или одна мировая запись владѣльческаго крестьянина съ постороннимъ владѣльцемъ еще яснѣе показываетъ, что относительно суда владѣльческіе крестьяне пользовались на основаніи общихъ законовъ полнымъ правомъ личности, и судились и мирились по своему усмотрѣнію. Въ записи написано: „Се азъ Кашинскаго уѣзду, Кашина монастыря крестьянинъ деревни Дубровы Иванъ, прозвище Жданко, Петровъ сынъ, въ прошломъ во 198 и въ нынѣшнемъ во 199 году, ималъ по меня Өедоръ Борисовъ двѣ государевы грамоты въ потравѣ пустошей своихъ и въ посѣченомъ лѣсу, и во владѣньи земли своей въ восьми десятинахъ, въ иску въ оброкѣ въ восьми рубляхъ. И я Иванъ съ нимъ Өедоромъ, поговоря полюбовно и не ходя въ судъ, въ той спорной землѣ и въ иску въ оброкѣ въ восьми рубляхъ сыскали и помирились на томъ, что мнѣ Ивану ево Өедоровою землею деревни Өатьяновы да пустоши Покосовы отъ деревни Дубровы правая сторона земля и угодья ево Өедорова по оселокъ Бернятинъ, о которой онъ Өедоръ на меня билъ челомъ великому государю, и мнѣ Ивану тою землею впредь не владѣть и на пустошахъ его потравы не чинить и лѣсъ ево безъ явки не сѣчь" (въ моемъ собраніи грамотъ). О томъ же правѣ суда владѣльческихъ крестьянъ передъ

городскими воеводамъ, а не передъ своими владѣльцами свидѣтельствуетъ указная грамота 1678 года Рязанскому воеводѣ Ефиму Зыбину, въ которой предписывается, „чтобы онъ судомъ и расправою во всякихъ дѣлахъ не вѣдалъ и посыльныхъ людей не посылалъ къ крестьянамъ стольника Ивана Скуратова, а что бы крестьяне сіи вѣдались судомъ и расправою у воеводы Коломенскаго“. (Ак. отн. до Юрид. быт. Рос. № 377). Самыя послушныя грамоты отъ государя вотчиннымъ крестьянамъ писались по прежнему: „и вы бъ всѣ крестьяне, которые (въ такихъ то деревняхъ) живутъ и впредь учнутъ жить (такого-то вотчинника) слушали, пашню на него пахали и доходъ вотчинниковъ платили“; но о подчиненіи суду вотчинника ни въ одной грамотѣ конца XVII вѣка не упоминается. Такимъ образомъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка въ русскомъ обществѣ уживались рядомъ и полный самосудъ владѣльцевъ надъ крестьянами, какъ надъ безличною собственностію, даже въ дѣлахъ уголовныхъ, и судебныя тяжбы владѣльческихъ крестьянъ даже съ посторонними владѣльцами передъ судьями поставленными правительствомъ, въ которыхъ тяжбахъ крестьяне являются лицами полноправными, и относительно прекращенія или продолженія судебной тяжбы нисколько не зависимыми отъ своихъ владѣльцевъ.

Но еще большую противоположность представляютъ слѣдующіе случаи: съ одной стороны крестьянинъ является полною собственностію господина, и даже теряетъ званіе крестьянина и передается другому господину вмѣсто полнаго холопа, купленнаго плѣнника; а съ другой стороны господинъ пишетъ своихъ крестьянъ рядомъ съ собою въ заемной записи, какъ бы поручителей въ исправности платежа занятыхъ денегъ, или какъ бы участниковъ займа. Такъ въ поступной сдѣлочной записи 193 года января 27 дня поступщикъ пишетъ: „Се язъ стряпчей Алексѣй Петровъ сынъ Жадовской далъ сію запись на Москвѣ Нижегородцу посадскому человѣку Андреяну Климонтову, сыну Михоневу, въ томъ: въ нынѣшнемъ въ 193 году искати было ему Андреяну на мнѣ Алексѣѣ бѣглаго своего купленнаго Татарина Ивашка Яковлева съ женою Наташкою да съ сыномъ Гришкою, да съ дочерью Дунькою, что тотъ его Андреяновъ Татаринъ съ женою и съ дѣтьми въ бѣгахъ жилъ за мною Алексѣемъ и отъ меня сбѣжалъ, а взять мнѣ его Алексѣю негдѣ. И нынѣ я Алексѣй съ нимъ Андреяномъ не ходя въ судъ, поговоря межъ собою полюбовно, учинили раздѣлку; вмѣсто того его Андреянова Татарина Ивашки Яковлева и жены его и дѣтей поступился я Алексѣй ему Андреяну стариннаго своего помѣстнаго крестьянина, Костромскаго уѣзду Шас-

цебольскаго стану деревни Михалей, Якушку Васильева съ женою Анюткою Дементіевою дочерью, да съ сыномъ Куземкою, да съ дочерми дѣвками Окулькою да съ Малашкою, да съ Оринкою; и впредь мнѣ Алексѣю и женѣ моей и дѣтямъ и роду моему и племени до того своего крестьянина Якушки Васильева и до жены и до дѣтей дѣла нѣтъ и не вступатца". (А. М. И. Д. кн. 41. л. 42). „Сія поступная 12 января 195 года въ Нижегородской съѣзжей избѣ явлена и въ книгу записана, и пошлины по указу взяты по алтыну съ рубля и того десять рублевъ съ полтиною". А напротивъ въ одной заемной кабалѣ 201 года заемщикъ самъ признаетъ личность своихъ крестьянъ, и пишетъ ихъ въ кабалѣ вмѣстѣ съ собою, какъ участниковъ займа и какъ поручателей. Вотъ подлинная кабала: „Се язъ Степанъ Григорьевъ сынъ Полѣновъ съ крестьяны своими, Костромскаго уѣзду Которскаго стану, съ Ваською Прокофьевымъ да съ Стенькою Григорьевымъ деревни Отредавицы, и со всѣми своими крестьянами, что за мною Степановъ есть, въ нынѣшнемъ 201 году генваря въ 16 день, занялъ я Степанъ съ крестьяны своими у Абросима Сидорова сына Верховскаго десять рублевъ денегъ прямыхъ безъ приписи; а заплатить мнѣ Степану съ крестьяны своими тѣ его Обросимовы заемныя деньги на срокъ на другой годъ; а неотыматца мнѣ Степану отъ сея заемныя кабалы ни коими дѣлы и великихъ государей службою, а крестьяномъ моимъ ни пахотною порою, гдѣ сія кабала выляжетъ, тутъ по ней судъ и правежъ". Или въ другой заемной кабалѣ 194 года написано: „Се азъ Матвей Ѳедосѣевъ сынъ, съ сыномъ своимъ Даниломъ, Лошаковы, и со крестьяны своими, Ржевскаго уѣзду Горышевской волости деревни Киселевы, съ Софронкомъ Игнатьевымъ, съ Титкомъ Бисеровымъ, съ Ваською Бисеровымъ, съ Ивашкою Ѳедоровымъ, съ Левкою Ѳадѣевымъ съ товарищи, въ нынѣшнемъ во 194 году, апрѣля въ 28 день заняли мы на Москвѣ у Ѳедора Ѳедорова сына Головцына 50 рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ, впредъ до сроку до Рождества Христова 495 году. А будетъ мы Матвей и Данило со крестьяны своими ему Ѳедору тѣхъ его заемныхъ денегъ на тотъ срокъ всѣхъ сполна не заплатимъ; и на насъ Матвеѣ и Данилѣ и на крестьянахъ нашихъ, кои въ сей кабалѣ имяны писаны съ товарищи, кто насъ въ лицѣхъ будетъ, взять ему Ѳедору по сей заемной кабалѣ тѣ свои заемные деньги пятьдесятъ рублевъ сполна". (въ моемъ собр. грам.). Въ обѣихъ сихъ кабалахъ крестьяне написаны какъ участники займа, равные съ своими господами, а отнюдь не какъ предметъ залога, ибо закладные писались иначе.

Далѣе какъ отрицаніе полнаго развитія владѣльческаго права полной собственности надъ крестьянами, и какъ свидѣтельство сохранявшейся еще полноправности крестьянъ и признанія за ними правъ гражданской личности, служатъ слѣдующія явленія въ жизни русскаго общества въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія.

1-е. Владѣльческіе крестьяне удерживали еще за собою старое право заключать договоры и съ казною и съ посторонними лицами мимо своихъ господъ; правительство признавало за ними это право и записывало ихъ договоры въ крѣпостныя книги. Такъ въ одной воеводской отписи 1701 года сказано: „Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! по твоему государеву указу велѣно отдавать въ оброкъ всякихъ чиновъ людямъ. Въ Кашинскомъ, государь, уѣздѣ въ Хотчевскомъ стану рѣчка Хотча съ малыми рѣчками отдана была въ оброкъ Павлову крестьянину Зиновьева, Степану Маркову, и нынѣ той рѣчкѣ Хотчѣ приходитъ срочное число; и ты государь какъ укажешь“ (въ моемъ собраніи грамотъ). Или по одной записи 201 года владѣльческій крестьянинъ беретъ землю въ кортому у другаго владѣльца; въ записи сказано: „Се язъ Ивановъ крестьянинъ Ѳоонасьевича Полозова, Костромскаго уѣзду деревни Крутина, Артемій Андреевъ, взялъ я Артемея у Ѳедора Ѳедорова сына Головцына въ кортому помѣстные его земли, въ Костромскомъ уѣздѣ, его жеребей въ пустоши Клиновой, въ третьемъ общемъ полѣ, пашню съ лѣсомъ, опричь сѣнныхъ покосовъ, съ 202 году Семенова дни лѣтоначатца впредь по учету на восемь лѣтъ по тожъ число; а кортомы рядилъ я Артемей у него Ѳедора Головцына на всякой годъ денегъ по 4 алтына, да по хлѣбу да по калачу, а картомы платить на срокъ на Семенъ день лѣтоначатца. И въ тѣ урочные годы мнѣ Артемью отъ того его жеребья не отстать и кортому погодно на сроки платить вся сполна. А буде я Артемей ему Ѳедору Головцыну кортомы погодно платить не стану, или въ чемъ противъ сей записи не устою; и на мнѣ Артемьѣ взять ему Ѳедору Головцыну и женѣ его и дѣтямъ по сей записи за неустойку пять рублевъ“. (ibid.) Здѣсь владѣлецъ Артемія вовсе не принимаетъ участія въ сдѣлкахъ своего крестьянина и Головцынъ не требуетъ обезпеченія со стороны владѣльца, а имѣетъ дѣло только съ крестьяниномъ.

2-е. Крестьяне мимо своихъ владѣльцевъ снимали разные подряды и писали условія въ присутственныхъ мѣстахъ безъ всякихъ довѣренностей отъ своего владѣльца, какъ лица самостоятельныя. Такъ въ одной подрядной записи 1705 года сказано: „Лѣта 1705 Маія въ 13 день стольника князя Петра Алексѣевича Коркодинова,

Костромскаго уѣзду села Измайлова, деревни Плускова, крестьянинъ Артемій Степановъ далъ сію запись Ѳедорову старостѣ Ѳедорова сына Головцына, Карпу Прокофьеву съ товарищи, въ томъ, что порядился я Артемей у него Карпа съ разныхъ помѣстій и вотчинъ.... всего съ 85 дворовъ поставить мнѣ Артемью на Костромѣ, у приказныя избы къ запискѣ, съ тѣхъ вышеписанныхъ дворовъ, лошадь свою добрую и не старую съ крѣпкою тѣлегою и со всякими путевыми припасы и съ проводникомъ, а отъ записки тое лошади со всякими путевыми припасы и съ проводникомъ поставить въ Смоленску, или гдѣ великій государь укажетъ въ нынѣшнихъ въ скорыхъ числѣхъ.... А рядился я Артемей у него старосты Карпа съ товарищи за тое подводу съ двора по шести алтынъ, а тѣ деньги взялъ напередъ. А порукою по мнѣ Артемьѣ ему старостѣ во всемъ противъ сей записи писались стольника Степановъ крестьянинъ Кондратьева сына Черторижскаго, деревни Широкова, Андрей Захаровъ, Андреевъ крестьянинъ Тимофѣева сына Тихменева, сельца Телешова, Сава Ѳедосѣевъ, Михайловъ крестьянинъ Григорьева сына Овцына, почника Деревкина, Яковъ Алексѣевъ“. Здѣсь даже поручаются за подрядчика крестьяне разныхъ владѣльцевъ, а не подрядчиковъ владѣлецъ. И запись сія, какъ и многія подобныя и на большіе подряды, составлена оффиціально и записана въ крѣпостныя книги, какъ прямо значится въ слѣдующей надписи на оборотѣ: „1705 года Маія въ 31 день за письмо и за записку четыре алтына двѣ деньги взято, и сія запись на Костромѣ у крѣпостныхъ дѣлъ въ книгу записана. Подъячей крѣпостныхъ дѣлъ Петръ Поликарповъ.

3-е. Крестьяне, какъ владѣльческіе, такъ и черносошные безъ различія, пользовались полнымъ правомъ собственности какъ движимой, такъ и не движимой, и правомъ заниматься разными промыслами и торговлей; мы уже видѣли изъ указовъ привительства 1695 и 1714 годовъ, что крестьянамъ свободно были дозволены всѣ промыслы сельскіе и городскіе, только по городскимъ промысламъ они должны были платить подати и пошлины наровнѣ съ городскими людьми. И это законное дозволеніе въ жизни на практикѣ не рѣдко приводилось въ дѣйсвительность въ значетельныхъ размѣрахъ, такъ что городскіе жители не рѣдко подавали жалобы государямъ, что владѣльческіе крестьяне отбиваютъ у нихъ промыслы, и правительство не рѣдко дѣлало ограниченія крестьянскимъ промысламъ, но никогда не лишаго крестьянъ права на городскіе промыслы,

4-е. Крестьяне, какъ владѣльческіе, такъ и черныхъ земель

по прежнему составляли общины, управлявшійся старостами и другими выборными властями. И крестьянскія общины относительно своихъ общественныхъ дѣлъ были еще довольно независимы отъ владѣльцевъ. Именно въ отношеніи отправленія общественныхъ повинностей и службъ они почти не относились къ владѣльцамъ, вступали въ договоры и верстались между собою мимо владѣльцевъ, и составляли общинѣ изъ имѣній принадлежащихъ разнымъ вотчинникамъ. Какъ это видно изъ одной росписи 1705 года, данной Мытцкимъ старостою вотчины князя Долгорукаго старостамъ вотчинъ боярина Лопухина и Василья Внукова. Въ роспискѣ сказано: „Лѣта 1705 году Маія въ 30 день Суздальскаго уѣзду вотчины стольника князя Петра Михайловича Долгорукаго села Мыту староста Михайло Андреевъ далъ сію росписку Суздальскаго жъ уѣзду, вотчины боярина Өедора Абрамовича Лопухина села Дунилова съ деревнями, старостѣ Егору Никитину да выборному Петру Шалаеву и всѣмъ крестьяномъ, да Опольскаго стану, Василья Никифорова сына Внукова, села Молчанова, старостѣ Артемью Иванову и крестьяномъ въ томъ". По указу великаго государя и по грамотѣ изъ помѣстнаго приказу за приписью дьяка Семена Жукова отдалъ я съ вотчины государя своего, съ села Мыту съ деревнями, съ десяти дворовъ солдата Аөонасья Колобова; а у него старосты Егора принялъ я Михайло въ складъ того села Дунилова съ деревнями въ одного солдата къ десяти дворамъ семь дворовъ, да съ села Молчанова три двора; а съ тѣхъ прикладныхъ дворовъ договорились съ ними старостами полюбовно; и тѣ деньги по договору я Михайло у нихъ старостъ взялъ тому солдату на платье, на хлѣбъ и на обувь по рублю со двора. А буде тотъ солдатъ умретъ, или убитъ будетъ, и по указу великаго государя вмѣсто того солдата спросятъ иного солдата поставить, гдѣ великій государь укажетъ; и имъ Егору и Петру съ складными Василья Внукова тремя дворы вопче, а мнѣ Михайлу дать къ тѣмъ десяти дворамъ деньги по рублю съ двора, и того солдата поставить имъ противъ нынѣшнего договору во всякой одеждѣ и въ хлѣбъ, дать и деньги противъ указу великаго государя имъ Егору, и Петру изъ тѣхъ взятыхъ денегъ, которыя они у меня примутъ, и во всѣмъ мнѣ старостѣ чинить противъ сей росписи, что писано выше сего, съ ними старостами и выборными и противъ обчего нашего договору непремѣнно безо всякаго отлагательства. А съ сей росписки для подлинной вѣдомости взялъ я списокъ, У сей роспискѣ свидѣтель Богоявленской слободы крѣпостныхъ дѣлъ дьячекъ Василей Рахманиновъ. А росписку писалъ Суздальскихъ крѣпостныхъ

дѣлъ подъячей Игнатій Патрикѣевъ,“ (въ моемъ с. гр.). На мірскіе расходы крестьянская община иногда занимала деньги отъ лица своего міра или отъ лица выборнаго старосты, вовсе не относясь объ этомъ къ своему землевладѣльцу. Такъ въ одной записи 1707 года написано: „Лѣта 1707 году декабря въ 5 день, вотчины Калязинскаго монастыря, села Пирогово, староста Яковъ Родіоновъ далъ сію записную память города Кашина подьячему Андрею Григорьеву сыну Сысоеву въ томъ, что занялъ я Яковъ у него Андрея на мірскія нужды денегъ четыре рубли; а заплатить мнѣ Якову ему Андрею тѣ ево деньги нынѣшняго 707 году декабря 25 дня“. (ibid.).

Въ случаѣ какихъ либо отягощеній со стороны землевладѣльца, крестьянская община чрезъ своихъ старостъ и выборныхъ подавала челобитныя объ отмѣнѣ тѣхъ службъ и повинностей, которыя она считала для себя тягостными и разорительными. Такъ въ одной челобитной, поданной во 196 году монастырскимъ властямъ, крестьяне пишутъ: „государю отцу архимандриту Никанору, строителю старцу Сергію, казначею іеродіакону Мардарію съ братьею бьютъ челомъ сироты ваши приписной Зосиминской пустыни крестьянишки, старостишка Артемка Никитинъ, цѣловольничишка Андрюшка Михайловъ и всѣ крестьянишки, милости у васъ, государи, просимъ: съ насъ сиротъ изволили вы государи взять трехъ наемныхъ даточныхъ, да вы жъ государи трехъ человѣкъ взяли съ насъ сиротъ къ каменному дѣлу, да къ сѣнному покосу трехъ человѣкъ, и того, государи, у васъ въ монастырѣ девять человѣкъ работниковъ, да въ Зосимной пустыни съ насъ сиротъ на всякій день по два деньщика, и староста, да цѣловальникъ; и намъ сиротамъ стало не въ моготу по тринадцать человѣкъ ставить на работу. Да по вашему, государи, властельскому указу живетъ у насъ въ Зосиминѣ пустыни служебникъ Василій Купреяновъ и поѣздокъ въ Дудинъ и Астраганской монастырь съ вашими властелинскими памятьми не ѣздитъ и въ монастырѣ не днюетъ; а ему отведена, государи, земля, и подъ яровой хлѣбъ землю мы сироты міромъ пахали. Милостивые государи власти, пожалуйте насъ сиротъ своихъ работниковъ убавить или денщика, и Василью служебнику укажите, государи, ему съ памятьми въ Астраганской и Дудинъ монастырь ѣздить, а намъ де тѣхъ волокитъ много“. (въ моемъ собр. грам.). И ихъ челобитная была исполнена, монастырскія власти велѣли уволить деньщиковъ и впредь ихъ не брать, а служкѣ и дневать въ монастырѣ и ѣздить съ памятьми.

Иногда крестьяне цѣлою деревнею просили землевладѣльцевъ

о переселеніи на другую удобнѣйшую мѣстность; и получали на это дозволеніе. Такъ крестьяне деревни Макарихи писали въ 1678 году монастырскимъ властямъ: „государю отцу архитандриту Никанору, строителю старцу Сергію, казначею іеродіакону Мардарію съ братьею, бьютъ челомъ сироты ваши приписно вашей Зосиминской пустыни, крестьянишки деревни Макарихи Агафонко Марковъ, Ульянко Никитинъ, Лукашка Фроловъ; деревенишка, государи, наша отъ той Зосиминой пустыни отдалѣла и грязи великія, а се, государи, намъ сиротамъ въ той нашей Макарихи деревни не положилось, хлѣбъ не родитца, да и скотъ не ведетца и отъ воды далеко. Прикажите государи насъ сиротъ изъ той деревни изъ Макарихи на житье перепустить на пустошь на Пантелѣеву“. На это власти отвѣчали: „Будетъ та пустощь Пантелѣева пустоши Макарихи стоитъ ближе; и имъ челобитчикамъ велѣть поселитца на пустоши Пантелѣевѣ, а пустошь Макариху пахать и сѣно косить на монастырь“. (ibid.). Крестьянскія общины не только просили о переселеніяхъ, но иногда подавали челобитныя своимъ владѣльцамъ съ ходатайствомъ и о пріобрѣтеніи выгодныхъ сосѣднихъ земель, Такъ въ 1697 году крестьяне писали своимъ монастырскимъ властямъ: „государю архимандриту Іову.... и всему собору бьютъ челомъ сироты ваши села Костомы старостишко Мишка Ларіоновъ, да цѣловальничишко Антонъ Сафоновъ, да крестьянишка Ѳедка Васильевъ, Еремка Ѳедоровъ... и всѣ крестьянишки села Костомы и приселка Горокъ и деревень. Въ нынѣшнемъ, государи въ 205 году вѣдомо намъ сиротамъ починилось, что билъ челомъ вамъ государямъ дворянинъ Яковъ Ѳедоровъ сынъ Жадовской, по обѣщанью своему, въ домъ чудотворца Сергія въ конные слуги, а помѣстье свое со всемъ вкладомъ даетъ чудотворцу Сергію. А то ево Яковлево помѣстье поверстный лѣсъ Троицкой вотчинѣ къ селу Костомѣ усадьба Родіонова да деревня Боярское, поверстный его Яковлевъ лѣсъ, съ нашимъ десятиннымъ лѣсомъ, что написанъ въ писцовыхъ межевыхъ книгахъ къ Суховертью и сѣнные покосы, сошелся смежно; и по вся годы на мѣльницу ради заплоты землю и лѣсъ его Яковлевы земли возимъ, и миноватися, государи, намъ сиротамъ опрочѣ тое Яковлевы земли и лѣсу на мельницу взять будетъ никоими дѣлы негдѣ. А если, государи, онъ Яковъ за скудостію своею тое свое помѣстье продастъ кому мочному, или промѣнитъ; и про то его Яковлево помѣстье будетъ съ нами сиротами ссора и убытки великіе. Милости у васъ, государей своихъ, просимъ, пожалуйте насъ сиротъ своихъ бѣдныхъ, велите, государи, о томъ его Яковлевѣ челобитьѣ, какъ вамъ государямъ

Богъ по сердцу положитъ и о томъ, что вы, государи, укажете, государи, смилуйтеся пожалуйте“. (ibid.).

(отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ).

Отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ въ послѣдней четверти XVII и въ началѣ XVIII вѣка по прежнему были двухъ видовъ: первый видъ составляли крестьяне новопорядные, а вторый видъ крестьяне изстаринные. Отношенія новопорядныхъ крестьянъ по прежнему опредѣлялись порядными или ссудными записями, которыя крестьяне добровольно давали землевладѣльцамъ по взаимному согласію. Ссудныя или порядныя сіи нисколько не отличались отъ ссудныхъ или порядныхъ, дававшихся до 1675 года; въ нихъ также по прежнему писались разныя условія, какія та и другая, изъ договаривающихся сторонъ, находили для себя выгодными, и дать на себя ссудную могъ только вольный человѣкъ. Ссудныя сіи по прежнему записывались въ государевы крѣпостныя книги съ платежемъ пошлинъ, и при запискѣ дѣлался допросъ дающему на себя ссудную,—по своей ли волѣ поступаетъ онъ во крестьянство. Такъ напримѣръ въ одной ссудной 1687 года написано: „Се язъ вольный человѣкъ, Василей Игнатьевъ сынъ Щелинъ, далъ есми на себя ссудную запись въ Нижнемъ Новгородѣ, сытнаго дворца стряпчему Ивану Тимофѣевичу Познякову въ томъ: „въ нынѣшнемъ 195 году Февраля въ 24 день взялъ я Василей у него Ивана Тимофѣевича Познякова на ссуду себѣ десять рублевъ денегъ; а за тое ссуду жить мнѣ Василью у него Ивана Тимофѣевича во крестьянствѣ во Владимірскомъ уѣздѣ, въ деревни Молодиловѣ со крестьяны вмѣстѣ, и всякая работа работать, и великихъ государей и его Ивана Тимофѣевича подати со крестьяны платить вмѣстѣ, и на него Ивана Тимофѣевича всякая работа работать безъ ослушанья, и никуды не сбѣжать, и иному никому на себя ссудной записи и никакой крѣпости не давать.“ (Ар. М. И. Д. л. 68) Или въ другой ссудной записи 1695 года написано: „Се азъ Евтифей Зотовъ сынъ, съ женою своею Лукерьею Алексѣевою дочерью, и съ дѣтьми, съ сыномъ Евстратомъ, съ сыномъ Евдокимомъ, съ сыномъ Карпомъ, въ нынѣшнемъ 204 году, декабря въ 21 день, взялъ я Евтифей у стольника и Михайлы Тимофѣевича Сатина на ссуду на хлѣбъ, и на лошади, и на коровы, и на мелкую скотину, и на дворовое строенье и на всякой крестьянской заводъ десять рублевъ денегъ. А съ тою ссудою мнѣ Евтифею съ женою своею и съ дѣтьми жити за нимъ государемъ своимъ во

крестьянствѣ, въ помѣстьѣ или въ вотчинѣ, гдѣ онъ повелитъ. А живучи мнѣ за нимъ государемъ своимъ, изъ за него ни куды не сбѣжать, и кромѣ его государя своего во крестьнство и въ кабальное холопство нигдѣ ни закого не закладываться, ни въ какіе служилые и въ тяглые посадскіе люди не записываться, и тое его ссуды не снесть. А гдѣ онъ государь мой меня Евтифѣя съ женою и дѣтьми въ бѣгахъ сыщетъ, и та его на насъ ссудою, а крестьянство и впредь во крестьянство. У сей ссудной записи послухъ Василей Бобенковъ. А ссудную запись писалъ Коломенскіе площади подьячей Ѳедька Ошурковъ. Лѣта 7204 года, декабря въ 21 день". Въ обѣихъ сихъ записяхъ новопорядные крестьяне не выговариваютъ себѣ особыхъ условій, а рядятся спрявлять работы и платить подати наровнѣ съ другими крестьянами. Но встрѣчаются образцы записей, въ кототорыхъ крестьянами предлагаются и особыя условія. Такъ въ одной ссудной 1687 года крестьянинъ, кажется, выговариваетъ себѣ право перехода, съ обязанностію въ такомъ случаѣ возвратить ссуду. Въ записи написано: „Се азъ Ѳедоръ Ерофѣевъ Сынъ Галкинъ, великихъ государей вольной человѣкъ, далъ есми на себя сію запись въ Нижнемъ Новѣгородѣ, боярина князя Михаила Яковлевича Черкасскаго, человѣку его Михѣю Небольсину въ томъ: въ нынѣшнемъ 195 году, марта 17 день, по указу боярина князя Михайза Яковлевича Черкасскаго, далъ онъ Михей мнѣ Ѳедору въ крестьянскую ссуду изъ боярскіе казны денегъ тридцать рублевъ; да три лошади 15 рублевъ, да двѣ коровы цѣною четыре рубли; за ту крестьянскую ссуду жити мнѣ Ѳедкѣ съ женою своею и съ дѣтьми, а по мнѣ и внучатамъ моимъ, по смерть свою за бояриномъ за князь Михайломъ Яковлевичемъ Черкасскимъ въ его вотчинѣ, гдѣ онъ государь изволитъ. И живучи мнѣ всякая крестьянская работа работать и его боярскіе подати съ своею братьею съ крестьяны платить, и изъ за него боярина князя Михайлы Яковлевича Черкасскаго ни за кого незакладываться, и съ тою крестьянскою ссудою изъ вотчинъ государя своего не сбѣжать. А буде я Ѳедка за государемъ своимъ за бояриномъ за князь Михайломъ Яковлевичемъ Черкасскимъ въ вотчинахъ его жить не стану, или изъ за него государя своего за иного кого заложусь во крестьянство или въ холопство, или крестьянскіе работы работать и всякихъ податей платить не учну, или съ тою крестьянскою ссудою изъ вотчины государя моего куды сбѣгу; и ему Михею, или государя моего инымъ приказнымъ людямъ, кто въ вотчинахъ его по немъ Михеѣ на приказахъ будутъ, на мнѣ Ѳедкѣ, и на женѣ моей и на дѣтехъ и

на внучатахъ нашихъ взяти тое крестьянскую всю ссуду деньги и скотину всю сполна. А на то пошлуси Нежегородскіе площади подъячіе Иванъ Борисовъ, Василей Декшинъ. Запись сія явлену въ Нижегородской приказной избѣ и въ книгу записана, и пошлины по алтыну съ рубля, и того полтора рубли взяты". (ibid- л. 90). Въ этой записи нѣтъ еще прямаго показанія, что крестьянинъ можетъ оставить землю господина; но упущеніе выраженія; *а крестьянство*, въ случаѣ побѣга, *и впредь крестьянствомъ*, уже указываетъ на возможность перехода за уплатою ссуды. Но вотъ одна поручная запись, которая прямо говоритъ о правѣ перехода новопорядныхъ крестьянъ въ Юрьевъ день осенній. Въ поручной сей сказано: „Се азъ Бѣлевцы, посадскіе люди, Борисъ Матвѣевъ Коноплинъ, да язъ Титъ Никитинъ сынъ Дубынинъ, да язъ Бѣлевскій стрѣлецъ Михайло Яковлевъ сынъ Грачовъ, въ нынѣшнемъ въ 189 году, Ноября въ 26 день поручился есмы по крестьянинѣ Ивана Васитьевича Кирѣевскаго, по Филиппу Иванову сыну, Козельской деревни Повѣткиной въ томъ, что ему Филиппу, за нашею порукою, жить въ деревнѣ Повѣткиной за нимъ Иваномъ Васильевичемъ во крестьянствѣ и всякую работу работать съ своею братьею въ рядъ, и тягло и всякая подать платить по очереди, съ сего числа годъ до ста девяностаго года, Ноября по 26 число, и изъ за него Ивана Васильвича не сбѣжать. А будетъ онъ Филиппъ за нашею порукою съ сего числа года за нимъ Иваномъ Васильевичемъ во крестьянствѣ въ деревнѣ Повѣткиной жить не станетъ, и изъ за него Ивана Васильевича не дождавъ года сбѣжитъ; и на насъ па поручикахъ вмѣсто его всякая работа, и всякія подати, и платежъ сполна взяти ему Ивану Васильевичу на насъ порутчикахъ. И на то послухъ Яковъ Ивановъ сынъ Роговъ. А поручную запись писалъ Бѣлевскія площади подъячей Ѳедка Ярославлевъ, лѣта 7189 году, ноября въ 26 день". (Бѣлев. Вивліоѳ. Кн. II. прилож. № III). Я не представляю здѣсь иныхъ подобныхъ записей, ихъ довольно много осталось отъ конца XVII вѣка. Даже въ началѣ XVIII столѣтія почти до первой ревизіи довольно еще было охотниковъ изъ вольныхъ государевыхъ людей поступать въ кабальное холопство или во крестьянство; безпріютная бродячая свобода постоянно почти оканчивалась добровольнымъ принятіемъ крестьянства или кабальнаго холопства, или поступленіемъ въ городское или сельское тягло. Бродячая воля, безъ средствъ къ жизни, съ однимъ только правомъ кормиться ручною работою, рано или поздно надоѣдала, и вольный государевъ человѣкъ охотно мѣнялъ волю на возможность жить домомъ и хозяйствомъ, хотя и на чу-

жой землѣ, и съ обязанностію быть крѣпкимъ землѣ и землевладѣльцу.

Второй видъ,—крестьяне изстаринные, по прежнему жили общинами, и общинами опредѣлялись ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ; но въ описываемое время, при большемъ развитіи владѣльческой власти, отношенія сіи болѣе и болѣе стали опредѣляться волею самаго землевладѣльца. Землевладѣлецъ, получивши закономъ утвержденное право продавать и покупать крестьянъ безъ земли, съ тѣмъ вмѣстѣ получилъ больше власти и надъ крестьянами; община, зная, что владѣлецъ можетъ безпрепятственно продать и заложить любаго изъ ея членовъ, какъ крѣпостнаго человѣка, естественно потеряла свою прежнюю силу. А продажа крестьянъ безъ земли, прежде, довольно скрытная, и являвшаяся подъ именемъ поступныхъ и сдѣлочныхъ записей, теперь сдѣлалась гласною, и купчія на крестьянъ, прежде скрываемыя, теперь безпрепятственно стали записываться по приказамъ въ крѣпостныя книги. У меня есть одна купчая на крестьянъ безъ земли, писанная еще въ 1670 году, а явленная и записная въ крѣпостныя книги въ ссудномъ приказѣ только въ 1687 году. Сверхъ того, а можетъ быть и въ слѣдствіе того же, т. е. усиленія землевладѣльческой власти, общины, обижая своихъ членовъ, сами волей, неволей подверглись суду и управѣ землевладѣльцевъ; ибо обиженные, преимущественно бѣдняки и малосильные, не находя управы въ общинѣ, подавали челобитныя землевладѣльцамъ. Вотъ одна изъ подобныхъ челобитныхъ, поданная монастырскимъ властямъ въ 196 году. „Государю отцу архимандриту Никанору, строителю старцу Сергію, казначею іеродіакону Мардарію съ братьею бьетъ челомъ сирота вашъ, приписной вашей Засиминской пустыни, деревни Глазкова, Алешка Макѣевъ. Въ нынѣшнемъ, государи, во 196 году по вашему, государи, властелинскому указу прибавлено на меня сироту съ братьями четвертку вновь; а мы живемъ порознь, а которые есть и семьянистые, сохи по три выходятъ на поле, а я сирота противъ нихъ одинъ, и меня сироту изгоняютъ, и которые есть захребетные полоски травенки, и они меня изобижаютъ, велятъ косить вмѣстѣ, а мнѣ сиротѣ за ними гдѣ угоняться, они семьянистые, а я одинъ; а нынѣ на вашей монастырской работѣ безпрепятственно, а въ дѣлъ я сирота звалъ, а они не пошли, Милостивые государи власти, пожалуйте меня сироту, велите, государи, и иныхъ поверстать съ нами въ новоприбавочные доли, что они семьянистые и моготою своею отъ тѣхъ новоприбавочныхъ доль отбиваются, и уваливаютъ на насъ скудныхъ и одинокихъ. А я

сирота радъ вамъ государямъ работать. А которые семьянистые; и тѣмъ подъ сею челобитною роспись. Государи власти, смилуйтеся, пожалуйте". Далѣе слѣдуетъ роспись семьянистымъ, но окончаніе ея утрачено. А на оборотѣ челобитной рѣшеніе монастырскихъ властей: „196 году іюля въ 7 день приписной Зосиминой пустыни строителю старцу Мисаилу, да приказщику Сергѣю Константинову разсмотрѣть; и будетъ онъ челобитчикъ скуденъ и одинокъ, а тягло къ старому его жеребью вновь прибавлено, и тому такъ и быть. А которыя семьянистые крестьяне, а тягла подъ ними малые, а пустовыя доли есть, и на нихъ тѣ пустовы доли въ прибавку по разверсткѣ наложить тотъ часъ безо всякія поноровки, и чтобъ пустовыхъ доль въ излишкѣ не было, а разверстаны бы и наложены были на семьянистыхъ крестьянъ. А будетъ противъ указу на семьянистыхъ крестьянъ тяголъ не прибавите; и что съ тѣхъ тяголъ взять приведется, то все взято будетъ на васъ безъ пощады". (Въ моемъ собр. грам.). Здѣсь ослабленіе крестьянской общины высказывается такъ сильно, что членъ общины какъ бы выдѣляется отъ нея, и своею жалобою владѣльцу считаетъ себя въ правѣ уничтожить мірской приговоръ. А вотъ свидѣтельство и еще большаго ослабленія крестьянской общины, дошедшаго до того, что владѣлецъ самъ, чрезъ своихъ приказныхъ людей, распоряжается и развыткою крестьянской земли и тяголъ. Крестьянинъ Сергѣй Өедоровъ въ 1680 году подаетъ монастырскимъ властямъ слѣдующую челобитную". Государю отцу архимандриту Никанору.... съ братьею бьетъ челомъ сирота вашъ, крестьянинъ приписной Зосиминой пустыни деревни Глазковой, Сергушка Өедоровъ. Сижу я, государи, на четверткѣ; и нынѣ, государи изволили вы на меня сироту наложить еще пустовую долю крестьянина Алексѣя Макѣева, который переходитъ въ деревню Степаново; и я, государи, человѣченко одинокой, врядъ мнѣ и стараго своего тягла тянуть. И строитель той Зосиминой пустыни старецъ Мисайло велитъ того крестьянина Алексѣя мнѣ перевезти въ деревню Степанову; а я человѣченко, государи, одинокой, врядъ мнѣ ваше монастырское тягло тянуть также и свое; не велите, государи, въ конецъ меня разорить. Милостивые государи власти, пожалуйте меня сироту своего, не вели, государи, мнѣ того крестьянина въ дернвню Степанову перевозить, потому что, государи, я человѣченко одинокой и неперевезть мнѣ того крестьянина будетъ въ не моготу. А про мое житье, государи, извольте допрошать прежняго строителя и приказщиковъ. Государи, смилуйтеся". По этой челобитной властьми опредѣлено: „Зосимины пустыни строителю и приказщику кресть-

янина велѣть перевезти міромъ, и быть ему на полуосмакѣ, а не на четверткѣ, и инымъ быть также на осмакахъ, а на четверткахъ тяглецовъ отнюдь бы не было". (Въ моемъ собр, грам.). Здѣсь владѣлецъ, монастырь, вовсе уже не спрашиваетъ крестьянскую общину о развыткѣ тяголъ. Далѣе есть еще свидѣтельство, что крестьяне даже на вступленіе въ бракъ спрашивали дозволеніе у владѣльца. Вотъ подобное челобитье крестьянина: „Государю нашему Ивану Прокофьевичу бьетъ челомъ крестьянишко твой Панька Кузминъ, Галицкаго твоего помѣстья деревни Власова. Волею Божіею женишка у меня умерла, а послѣ ее осталось трое робятъ; и я, сирота твой, другой годъ не женатъ, а въ чужихъ барщинахъ не даютъ, за выводъ прошаютъ рубля по три за дѣвку; и ты пожалуй меня крестьяниномъ по старому, есть въ твоемъ государевѣ помѣстьѣ, въ деревнѣ Полутинѣ, дѣвка у Мишки Абрамьева; и ты пожалуй меня сироту твоего, Иванъ Прокофьевичь, освободи мнѣ на той дѣвкѣ женитца. А Мишка Абрамьевъ жеребей земли своей совсемъ покинулъ, могуты его пахать не стало, а онъ Мишка и съ дѣвкою хочетъ брести изъ твоего государева помѣстья прочь, жеребей земли Абрамьевъ взялъ пахать братъ мой родной Ивашко Кузминъ, и оброкъ твой государевъ платить и всякіе подати. (Въ моемъ собр. грам.).

Крестьяне, какъ изстаринные, такъ и новопорядные, по своимъ отношеніямъ къ землевладѣльцамъ, раздѣлялись на оброчныхъ и издѣльныхъ или барщинскихъ. Первые не обработывали земли на господина, а платили только ему денежной или другой какой оброкъ; а вторые обработывали опредѣленную часть земли на землевладѣльца, и своими работами оплачивали состоящіе за ними жеребьи владѣльческой земли. Отношенія сихъ двухъ видовъ крестьянъ къ владѣльцамъ во многомъ разнились между собою; а потому мы каждый изъ сихъ видовъ крестьянъ разсмотримъ отдѣльно.

(Оброчные владѣльческіе крестьяне).

Мы не имѣемъ никакихъ узаконеній за описываемое время, опредѣляющихъ отношенія оброчныхъ крестьянъ къ своимъ землевладѣльцамъ, да и таковыхъ узаконеній тогда вовсе не было, а оброки опредѣлялись самими землевладѣльца по взаимному согласію съ крестьянами. Поэтому нельзя отыскать общей мѣрки оброковъ, а можно только указать на тотъ или другой образецъ отношенія оброчныхъ крестьянъ къ своему землевладѣльцу, и вотъ одинъ изъ таковыхъ образцовъ, представляемый приказами князя

Петра Михайловича Долгорукаго, писанными (въ 1700, 1701, 1704 и 1705 годахъ) въ его оброчное имѣніе, село Мытъ съ деревнями, состоящее въ Суздальскомъ уѣздѣ. Изъ сихъ приказовъ видно

1-е. Оброчныя имѣнія управлялись или выборными старостами, или приказными людьми, присылаемыми отъ господина, но также вмѣстѣ съ выборными старостами, такъ что вмѣстѣ дѣйствовали двѣ власти; мірская выборная, и владѣльческая приказная,—слѣдовательно власть господина не уничтожала ни въ какомъ случаѣ общиннаго устройства крестьянъ. Такъ или иначе управляться имѣнію зависѣло отъ воли господина,—онъ могъ или прислать своего приказнаго человѣка, или оставить имѣніе подъ управленіемъ старосты съ міромъ. Такъ по приказамъ князя Долгорукаго, писаннымъ въ 1700 году, видно, что село Мытъ съ деревнями; управлялось приказнымъ человѣкомъ Семеномъ Лукачевымъ, а по приказамъ 1705 года тоже село сперва управлялось старостою Даниломъ Ивановымъ да выборнымъ Матвѣемъ Дмитріевымъ, а потомъ въ томъ же году старостою Михайломъ Андреевымъ съ товарищи.

Приказный человѣкъ зависѣлъ только отъ господина, міръ не имѣлъ на него никакихъ правъ, и могъ только жаловаться господину на его безпорядки или притѣсненія. Староста напротивъ зависѣлъ какъ отъ господина, такъ и отъ міра. Господинъ взыскивалъ съ старосты всѣ неисправности по управленію и наказывалъ его. Такъ въ приказѣ отъ 15 Августа 1705 года князь Долгорукій пишетъ: „А если не пришлете Сентября къ 10 числу оброчныхъ денегъ; и для выбору тѣхъ оброчныхъ денегъ будетъ съ Москвы человѣкъ нарочной, а вамъ старостѣ и выборнымъ укажемъ учинить наказанье, бить кнутомъ нещадно и взять пеню“. А съ другой стороны міръ каждогодно считалъ старосту и въ случаѣ начета взыскивать деньги. Такъ въ приказѣ отъ 10 января 1705 года старостѣ, выборнымъ и всѣмъ крестьянамъ села Мыта, между прочимъ написано: „Билъ челомъ намъ Мытской крестьянинъ деревни Бѣлкова Ѳадей Ефремовъ, а въ челобитьѣ его пишетъ: въ прошломъ году по мірскому выбору сидѣлъ онъ въ старостахъ, и какъ годъ отсидѣлъ, и міромъ де его въ боровыхъ деньгахъ противъ пріему съ расходомъ считали, а въ начетѣ де почитаете на немъ мірскихъ денегъ двадцать рублевъ; и тѣ деньги взочли на него напрасно“. Но староста могъ искать противъ міра защиты или суда у господина, и господинъ назначалъ людей для повѣрки счетовъ; такъ въ томъ же приказѣ далѣе написано: „по боровымъ росписямъ считали его люди на-

ши на Мыту Василій Володиміровъ и Алексѣй Алатырцовъ, и по счету де ихъ начету на немъ никакого не явилось. И билъ челомъ онъ Ѳадей, чтобъ его по боровымъ пріемнымъ росписямъ счетъ въ расходѣ въ Московскихъ отпускахъ и въ тамошнихъ; и онъ по указу нашему на Москвѣ по боровымъ росписямъ противъ пріему въ расходѣ считанъ, и начету ничего на немъ не явилось, и передъ пріемомъ въ расходѣ явилось лишку денегъ 2 рубли, 26 алтынъ, 5 денегъ. И какъ къ вамъ сей нашъ указъ придетъ; и вамъ бы денегъ двадцати рублевъ на Ѳадеѣ не править, а про то отписать къ намъ какіе деньги на немъ въ начетѣ". А въ приказѣ отъ 22 іюня 1700 года сказано: „которые приказщики на Мыту будутъ, старостъ по вся годы, который староста годъ отходитъ, и ихъ считать, а какъ сочтутъ, и тѣ счетныя книги оставливать на Мыту, а съ нихъ списки присылать ежегодно къ намъ къ Москвѣ". При чемъ по приказу отъ февраля мѣсяца 1701 года присылались въ Москву и сами старосты для подачи отчета по своему управленію.

2-е. Количество и разныя условія оброка, платимаго крестьянами господину, опредѣлялись окладными книгами. Въ приказѣ князя Долгорукаго отъ 20 января 1701 года сказано; „и тебѣ бъ (приказщику) по сему нашему указу оброчные столовые доходы противъ окладной книги, всѣ сполна выбравъ, прислать къ намъ къ Москвѣ". Кѣмъ и какъ составлялись окладныя книги, изъ приказовъ не видно; но по всему вѣроятію они составлялись самимъ землевладѣльцемъ, или по его приказу, съ согласія крестьянъ. Село Мытъ съ деревнями въ то время, къ которому относятся приказы, имѣло 312 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, и крестьяне владѣли всею землею, принадлежащею къ этому имѣнію кн. Долгорукаго, за исключеніемъ мельницъ и другихъ угодій, отдававшихся на откупъ; господской же запашки вовсе не было. Оброка на село Мытъ съ деревнями было положено 600 рублей въ годъ; оброчныя деньги высылались въ Москву на три срока, въ каждый по 200 рублей: 1-й срокъ къ 25 декабря, Рождественская треть, вторый къ 1-му марта, Евдокеинская треть, и третій къ 15 августа, Успенская треть Но кромѣ денегъ, шести сотъ рублей; въ оброкъ шли разные столовые и домашніе припасы по окладной книгѣ, высылаемые также по третямъ. Такъ въ приказѣ отъ 29 января князь Долгорукій пишетъ: „по твоей присылкѣ принято на Москвѣ у Мытцкихъ крестьянъ у Петрушки Сурина съ товарещи оброчныхъ денегъ на нынѣшній на 1701 годъ первой рождественской трети съ Мытцкихъ съ сельскихъ и съ деревенскихъ крестьянъ двѣсти рублевъ, да сто

двадцать бѣлокъ, тридцать аршинъ сукна сермяжнаго сѣраго, мяса свинаго сто пудъ, масла коровья десять пудъ, сала свинаго полтора пуда, пятдесятъ гусей, да вмѣсто утокъ двадцать гусей, двадцать поросенковъ, сорокъ пять курицъ русскихъ, шестьсотъ яицъ, тридцать шесть аршинъ тонкихъ новинъ, тридцать шесть аршинъ ровныхъ новинъ, тридцать шесть аршинъ редины, семдесятъ двѣ нитки аршинныхъ двойныхъ маленькихъ грибовъ, семь четвериковъ большихъ грибовъ; да еще принято тринадцать ужищъ лычныхъ, тринадцать возжей, тринадцать тяжей, тринадцать гужей, тринадцатеры завертки, тринадцать обратей посконные, три епанчи, три войлока, пятеры сани пошовни, масла конопляннаго полтретья ведра". Въ Евдокеинской второй трети, высылалось съ Мыту и съ деревень оброчныхъ денегъ двѣсти рублевъ, да двѣнадцать хомутовъ ременныхъ, да стапъ колесъ коретной, да восемь становъ колесъ тѣлежныхъ, да девять пудъ меду, да верховаго меду 39 гривенокъ, да четыре пуда масла коровья, да полтретья ведра масла конопляннаго, да десять человѣкъ работниковъ. Въ приказѣ отъ 20 апрѣля 1700 года написано: „взять мѣсто сихъ припасовъ деньгами двадцать четыре рубли. А о работникахъ крестьяне писали: велѣно де по нашему указу имать съ нихъ по пяти, а не по десяти человѣкъ, и что у нихъ на то наша грамота есть; и буде нашъ указъ есть, взять деньги за пять человѣкъ, по три рубли за человѣка". Въ Успенской трети съ села Мыту и деревень высылалось князю Долгорукому сверхъ оброчныхъ 200 рублей, еще сто барановъ, да десять человѣкъ косцовъ съ косами и съ топорами къ Петрову дни, свѣжей рыбы 69 щукъ паровыхъ, 100 щукъ колодокъ, 1350 щукъ ушныхъ, 300 окуней и плотицъ. О косцахъ въ приказѣ отъ 5-го іюня 1784 года сказано: „а косцамъ быть на нашемъ хлѣбѣ, а идтить имъ съ міру дать на дорогу только человѣку въ полуполтинѣ, а больше не давать". Кромѣ сего годоваго оброка Мытцкіе крестьяне платили по сту рублей откупныхъ денегъ за двѣ мѣльницы; впрочемъ эта статья была предоставлена на волю самихъ крестьянъ, отдавать ли мѣльницы на откупъ отъ міру съ платежемъ господину положенныхъ денегъ, или оставлять, чтобы мельницы отдавались на откупъ самимъ господиномъ; таковой же порядокъ и относительно другихъ угодій, отдававшихся на откупъ. Въ приказѣ отъ 18 августа 1700 года написано: „да ты жъ (приказщикъ) писалъ про Кокоревскую и Розстаиховскую мельницы, что крестьне Мытцкіе Ѳедька Селянисковъ съ товарищемъ берутъ у міру на откупъ за 100 рублевъ на пять лѣтъ; и тебѣ бъ сказать Мытцкимъ крестьянамъ всѣмъ, что они какъ хотятъ, хотя отдавайте

на откупъ, хотя самимъ владѣйте; а намъ бы оброку съ тѣхъ мельницъ на годъ по сту рублевъ давали безъ недобору".

3-е. Изъ приказовъ князя Долгорукаго видно, что хотя по закону крестьянская община пользовалась еще самостоятельностію и имѣла права сноситься съ правительствомъ прямо безъ посредства землевладѣльцевъ. чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ по мірскому приговору, по дѣламъ относящихся до платежа государственныхъ податей и отправленія повинностей, да и само правительство, или мѣстные его органы продолжали еще въ подобныхъ дѣлахъ не обходить крестьянской общины; но въ жизни сами крестьяне находили для себя болѣе выгоднымъ въ таковыхъ дѣлахъ прибѣгать къ посредству землевладѣльцевъ. Землевладѣльцы же съ своей стороны, сочувствуя интересамъ своихъ крестьянъ, постоянно имѣли особыхъ людей, стряпчихъ и приказныхъ, которые наблюдали за крестьянскими дѣлами относительно казенныхъ податей и повиностей по разнымъ приказамъ въ Москвѣ, и въ городахъ у воеводъ. Такъ въ приказѣ отъ 5 іюля 1704 года въ село Мытъ старостѣ и выборнымъ людямъ князь Долгорукій упоминаетъ о томъ участіи, которое землевладѣльцы старались имѣть въ крестьянскихъ дѣлахъ съ казною, и о стряпчихъ по таковымъ дѣламъ. Въ приказѣ сказано: „Да вы жъ (староста и выборные) писали, что пріѣзжаютъ изъ Суздали подъячіе и спрашиваютъ отписей (квитанцій) подводныхъ на прошлый 1701 годъ, да на 1703 и 1704 годы, что взято съ васъ нынѣ деньгами за подводы; и та подводная отпись изъ приказа земскихъ дѣлъ и взята послана къ вамъ нынѣ съ крестьяниномъ Ѳедоромъ Васильевымъ; и вамъ бы ту опись у него принять и списать съ нее списокъ, и оставить на Мыту для вѣдома, а подлинную послать тотчасъ въ Мугрѣво къ Василью Татаринову, потому что взята на обѣ вотчины одна, и указано ему Василью ту отпись явить въ Суздалѣ. А на 1701 годъ объ отписи, что ставлены во Тверь подводы, послать вамъ справитца въ Мугрѣево къ Василью Татаринову, потому что онъ былъ тогда на Москвѣ въ стряпчихъ и подводы наймовалъ, и нѣтъ ли той отписи въ Мугрѣевѣ". Или въ приказѣ отъ 18 сентября того же года: „Да писалъ ты (староста), что изъ Суздаля пріѣзжаютъ въ село Мытъ подьячіе для выбору гривенныхъ денегъ на нынѣшній 1704 годъ, и въ наказѣ де у него написано: будетъ кто не платилъ денегъ гривенныхъ на нынѣшній годъ, и тѣ деньги указано ему править; и ты де сказалъ ему, что тѣ деньги посланы къ Москвѣ платить; и тебѣ бъ тѣ деньги гривенные выбравъ съ крестьянъ, и заплатить въ Суздалѣ, или къ Москвѣ прислать, гдѣ подручнѣе вамъ

платить и не добрѣ убыточно, тутъ и заплатить деньги.“ Или въ приказѣ отъ 15 ноября 1704 года князь Долгорукій объявляетъ своимъ Мытцкимъ крестьянамъ государевы указы о разныхъ сборахъ, которые были объявлены въ Москвѣ. Въ приказѣ сказано: „въ нынѣшнемъ 1704 году октября въ день великій государь указалъ изъ провіантскаго приказу за окладной хлѣбъ предъидущаго 1705 года Московскаго платежа, что плачивали прежде сего рожью и овсомъ стрѣлецкой, взять Суздальскаго уѣзду мукою съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ вотчинъ съ крестьянскихъ дворовъ, по переписнымъ книгамъ 186 году, съ двора по три четверика муки ржаной, и поставить къ платежу ту муку и къ отдачѣ въ С. Петербургѣ или въ Кроншлотѣ. И вамъ бы сказать указъ нашъ и вычесть Мытцкимъ нашимъ крестьянамъ, чтобъ они подрядили подрядчика, кого у себя въ уѣздѣ, ту муку заплатить въ указномъ мѣстѣ, или сами поставили собою, и какъ вамъ въ міру сподручнѣе будетъ, такъ и учините, смотря какъ легче, самимъ ли поставить или нанять подрядчика. Да по указу великаго государя указано нынѣ взять всѣхъ городовъ съ уѣздовъ съ крестьянскихъ дворовъ по переписнымъ книгамъ 186 году въ провіантской приказъ въ платежъ деньгами, со двора по три алтына по двѣ деньги вмѣсто запроснаго хлѣба. Да указано жъ взять на строенье житницъ хлѣбныхъ съ крестьянскаго двора по деньгѣ; и вамъ бы тѣ деньги, что вмѣсто запроснаго хлѣба, по гривнѣ съ двора, и на строенье житницъ по деньгѣ съ двора, собравъ съ Мытцкихъ крестьянъ, прислать къ Москвѣ незамотавъ, а тѣ деньги платить указано на Москвѣ въ провіантскомъ приказѣ, также прислать за работу приказнымъ людямъ платежу тѣхъ денегъ съ отписей, что доведется“. Или въ приказѣ отъ 7-го декабря того же года, князь Долгорукій пишетъ къ Мытцкому старостѣ: „отписать къ намъ про окладной хлѣбъ, что указано поставить Суздальскому уѣзду въ С. Петербургѣ, муки по три четверика съ двора, подрядчика пріискали ли того, платить подряжаются ли, и почему цѣною просятъ; потому что мы на Москвѣ подрядчиковъ пріискиваемъ, не возмутъ ли дешевле на Москвѣ цѣною противъ вашего“. Изъ этого приказа видно, что землевладѣлецъ интересы крестьянъ считалъ какъ бы своими, и заботится какъ бы выгоднѣе справить крестьянамъ казенную подать. Тоже подтверждаетъ и приказъ отъ 16 января 1705 года, гдѣ князь Долгорукій пишетъ: а муку ржаную, что указано въ С. Петербургѣ, какъ льготнѣе вамъ въ мірѣ и дешевле будетъ, такъ и платить“. Здѣсь землѣвладѣлецъ не навязывается съ своими распоряженіями, а предоставляетъ на усмотрѣнія мі-

ра, какъ найдетъ льготнѣе и выгоднѣе. Сами крестьяне о всѣхъ требованіяхъ казны увѣдомляли землевладѣльца или за извѣстіе, или съ просьбою о его разрѣшеніи. Такъ въ приказѣ отъ 25 марта 1705 года написано: „писали вы въ отпискѣ, что пріѣзжалъ изъ Суздаля въ вотчину нашу въ село Мытъ, подъячей съ наказною памятью, и высылалъ де работниковъ въ С. Петербургъ съ десяти дворовъ по человѣку. Да вы жъ писали, что ѣздитъ дворянинъ по всему Суздальскому уѣзду и высылаетъ въ Суздаль съ переписныхъ книгъ съ девяносто дворовъ по мерину, и съ вотчины де нашей надобно три мерина слишкомъ, да за тѣми меринами надобно проводниковъ; и намъ по отпискѣ вашей вѣдомо то, и вамъ бы по сему нашему указу и противъ указу великаго государя исправлять, и проводниковъ и мериновъ къ отдачѣ къ указному числу (къ 25 марта) поставить въ Суздалѣ и отдать". Видно, что здѣсь крестьяне писали къ господину только для вѣдома; ибо приказъ отъ господина писанъ 25 марта, и пришелъ въ село Мытъ 31 марта, а срокъ къ поставкѣ проводниковъ и мериновъ по указу государеву былъ назначенъ 25 марта, слѣдовательно, исполненіе по государеву указу дожно было послѣдовать прежде полученія господскаго приказа. Землевладѣльцы даже платили заимообразно за крестьянъ своихъ разные казенные поборы. Такъ въ приказѣ отъ 19 Мая 1705 года князь Долгорукій своимъ Мытцкимъ крестьянамъ пишетъ: „прислать бы вамъ къ намъ въ Москву къ Петрову дни, собравъ съ Мытцкихъ крестьянъ денегъ 76 рублевъ 22 алтына, что платили мы за Мытцкихъ крестьянъ, занявъ, въ нынѣшнемъ 1705 году Марта въ 30 числѣ въ адмиралтейскомъ приказѣ въ корабли".

4-е. Вмѣшательство землевладѣльцевъ въ общественныя отношенія крестьянскихъ общинъ, по желанію и согласію самихъ крестьянъ, естественно повело къ вліянію землевладѣльцевъ на полицію и на праву между крестьянами. Таковое вліяніе тѣмъ было удобнѣе, что еще въ старое время многіе землевладѣльцы по привиллегіямъ пользовались правомъ суда и расправы надъ своими крестьянами. Конечно таковыхъ привиллегій въ описываемое время уже не давалось, по Уложенію 1649 года онѣ вовсе были запрещены; но историческая и жизненная память объ нихъ не могла быть уничтожена какимъ либо узаконеніемъ или указомъ, тѣмъ болѣе, что самимъ крестьянамъ судъ владѣльца былъ не противенъ, ибо здѣсь они могли найти защиту и покровительство, въ случаѣ притѣсненій со стороны. А по сему крестьяне сами въ полицейскихъ и судебныхъ дѣлахъ большею частію относились къ своимъ землевладѣльцамъ, и особенно прибѣгали къ нимъ въ

дѣлахъ полицейскихъ, чтобы избѣжать административныхъ взысканій со стороны чиновниковъ отъ правительства и покончить дѣло домашнимъ образомъ. Такъ въ приказѣ князя Долгорукаго читаемъ: „Да писали вы жь въ отпискѣ, что въ прошломъ 704 году два человѣка Мытцкихъ нашихъ крестьянъ Семенъ Исаевъ да Алексѣй Ивановъ привели съ ходьбы двѣ лошади, и на тѣхъ лошадей крѣпостей не положили, ни купчихъ ни списковъ съ конскихъ книгъ, и сказали, что де тѣ крѣпости позабыли на дорогѣ. Да въ нынѣшнемъ 1705 году они жъ вышеписанные крестьяне привели двѣ лошади изъ Украйны, и положили купчую на одну лошадь не на гербовой бумагѣ, а про другую лошадь сказали, что на нее у нихъ взятъ съ конскихъ книгъ списокъ, и тотъ де списокъ будто позабыли они въ городѣ Нарохчатѣ у хозяина, гдѣ стояли; и намъ про то по отпискѣ вашей вѣдомо. И вамъ бы про первыя двѣ лошади, которыхъ привели они въ прошломъ году, отписать къ намъ, у нихъ ли нынѣ онѣ, или проданы, и будетъ у нихъ, и каковы тѣ лошади собою, и по цѣнѣ чего они стоятъ и въ каковы деньги; а которыхъ привели въ нынѣшнемъ году, и про тѣ лошади отписать же къ намъ, каковы онѣ и чего стоятъ по цѣнѣ, и взять по нихъ Семенѣ и Алексѣѣ поруки, что имъ на нынѣшнія двѣ лошади положить купчія, или списки съ конскихъ книгъ на срокъ, а будетъ не положатъ за поруками на срокъ списковъ или купчихъ, о томъ намъ писать". Или въ приказѣ отъ 5-го іюля 1704 года: „да писали жъ вы въ отпискѣ, что Мытцкіе наши крестьяне пошли въ ходьбы, а кто имяны и подъ отпискою имянъ ихъ прислали роспись, а у стола де вамъ тѣ крестьяне не явились, письма себѣ прохожія пишутъ составляютъ сами. И какъ тѣ крестьяне придутъ изъ ходьбы, и вамъ бы по сему нашему указу учинить имъ при мірѣ на сходѣ наказанье за то, что ходятъ неявясь, и чтобы на то смотря инымъ такъ дѣлать опасно было, и тѣ прохожія письма взять у нихъ и прислать къ намъ, и спрашивать ихъ, кто имъ такія письма писалъ, и про ково скажутъ, и о томъ къ намъ писать же. Да били намъ челомъ Мытцкіе крестьяне всѣмъ міромъ и прислали мірскую заручную челобитную, что изъ села Мыту многіе крестьяне наши пошли въ Низовые города и въ иные кормиться красильнымъ промысломъ, также и иные въ тѣхъ городахъ живутъ и домой нейдутъ, торгуютъ, а которые подъ ними тягла ихъ на Мыту, и съ тѣхъ тяголъ они оброку и государевыхъ податей никакихъ неплатятъ, а оплачиваютъ де міромъ и отъ того де міру тягостно стало, что платятъ спустя много, и чтобъ по нихъ послать въ тѣ мѣста, указали мы, гдѣ живутъ, и взявъ привесть

на Мытъ. И противъ того вашего мірскаго челобитья послали мы грамоту къ Степану Балымантову въ село Введенское, чтобъ онъ ѣхалъ и взялъ Мытцкихъ крестьянъ Өедора Өомина, что живетъ въ Симбирскомъ, Ивана, да Степана, да Никифора Второвыхъ, Василья да Петра Карповыхъ, что живутъ на Уренѣ, и прислалъ на Мытъ. А которые Мытцкіе крестьяне живутъ въ Шатскомъ и въ Ряжскомъ уѣздѣхъ; и вамъ бы про тѣхъ крестьянъ послать съ Мыту, выбравъ межъ себя, кого добраго крестьянина, чтобъ котораго столько стало и не поманилъ имъ, и взявъ привезъ на Мытъ". Или въ томъ же приказѣ: „Да писали вы въ отпискѣ, что объявился въ селѣ Мыту крестьянинъ Михайло Серьгуня, который былъ по указу нашему перевезенъ въ Богородцкое и изъ Богородцкаго бѣжалъ; и вамъ бы по сему нашему указу его Михайлу Серьгуню съ женою и съ дѣтьми прислать къ намъ къ Москвѣ за провожатыми къ Успеньеву дни, какъ отпустите оброчныхъ барановъ". Или въ приказѣ отъ 26 августа того же года: „Да писали къ намъ въ отпискѣ староста и выборной о дворѣ, что билъ челомъ Мытцкой нашъ крестьянинъ деревни Улановки, Иванъ Петровъ, въ которомъ живетъ крестьянинъ Степанъ Петровъ, что де тотъ дворъ вподлинно строенье ихъ Иваново съ братомъ его Алексѣемъ, а Степанъ Петровъ живетъ въ томъ дворѣ безъ указу нашего и мірскаго приговору самовольно, а свой де дворъ онъ продалъ; и намъ про то по отпискѣ ихъ вѣдомо. И какъ къ тебѣ (приказщику) сія наша грамота придетъ, и тебѣ бъ тотъ дворъ отдать Ивану Петрову, что бывалъ брата его; коли строенье у нихъ на томъ дворѣ общее съ братомъ". Во всѣхъ приведенныхъ приказахъ крестьяне сами обращались къ владѣльцу, прося у него управы и защиты въ дѣлахъ, въ которыхъ ихъ общинная управа была недостаточна, гдѣ мірскій приговоръ оказывался безсильнымъ.

А вотъ указанія, гдѣ самъ землевладѣлецъ вступался въ дѣла управы и полиціи, заботясь о бо́льшемъ устройствѣ и порядкѣ въ имѣніи. Такъ въ приказѣ отъ 15 ноября 1704 года князь Долгорукій пишетъ: „а которую улицу проѣзжую, что оставлена была къ водѣ для ходу, пригородилъ крестьянинъ Яковъ Козловъ, а вмѣсто того на обмѣнъ выпустилъ въ улицу изъ своего двора, и въ томъ де мѣстѣ болотина, и къ водѣ ходить нельзя; и ему Якову въ томъ мѣстѣ, гдѣ болотина, велѣть мостить мостъ по вся годы". Или въ приказѣ отъ 20-го ноября 1700 года сказано: „а съ кабакомъ на дворы не пущать и подъ избное строенье земли недавать, и о томъ всякими мѣрами промышлять, чтобъ кабаку и торгу не было, для того что будетъ великій убытокъ

отъ питуховъ, а мы о томъ промышляемъ. А торговыхъ людей ни съ какимъ товаромъ ни съ хлѣбомъ въ вотчину нашу не пущать, чтобъ отъ такихъ пріѣзжихъ людей нечинились намъ убытки и вотчинѣ раззоренье, какъ прежъ сего, за что въ той нашей вотчинѣ торгъ мы указали перевесть. А крестьянамъ нашимъ указать, чтобъ вина и табаку не покупали, а есть ли кто въ томъ явится, бить батоги нещадно, да имать по рублю пени съ человѣка, и тѣ пенныя деньги присылать къ намъ". Такимъ образомъ взаимныя выгоды землевладѣльца и крестьянъ установляли вліянія землевладѣльца на расправныя и полицейскія дѣла крестьянъ; но это ни сколько не уничтожало гражданской личности крестьянъ, и не лишало ихъ права на общій судъ и управу, ежели они находили это для себя нужнымъ и выгоднымъ. Судъ и управа владѣльческіе признавались только или въ избѣжаніе волокитъ и убытковъ по оффиціальнымъ судамъ, или въ защиту и поддержаніе мірскихъ приговоровъ, когда они оказывались безсильными.

5-е. Но принимая участіе въ дѣлахъ крестьянъ, землевладѣльцы иногда и сами приглашали своихъ крестьянъ къ участію въ дѣлахъ по своимъ вотчинамъ, и спрашивали ихъ мнѣнія. Такъ въ приказѣ отъ 22 октября 1704 года князь Долгорукій пишетъ къ своему приказщику: „да помѣщикъ Мясоѣдовъ продаетъ пустошь, а та де пустошь смежна съ вотчиною нашею съ Мытомъ; и тебѣ бъ о той пустоши спросить крестьянъ и справитца, какая на ней угода, и сколько смежна съ нашими землями, и нужна ль крестьянамъ нашимъ та пустошь, и къ вотчинѣ нашей есть ли какая нужда въ ней, и допрося крестьянъ, и что скажутъ они, и тебѣ бъ о томъ отписать къ намъ.

6-е. Хотя и по закону и въ жизни за крестьянами признавались и право гражданской личности и право собственности; но и то и другое право, смотря по обстоятельствамъ, легко подвергалось насилію отъ господина, господинъ уже считалъ крестьянъ какъ бы своею собственностію, хотя эта собственность еще вполнѣ не была признана закономъ. Относительно признанія за крестьяниномъ права собственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ своевольнаго нарушенія этого права отъ господина, служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ приказъ князя Долгорукаго отъ 1-го ноября 1700 г.; въ этомъ приказѣ князь пишетъ приказщику: „Да тебѣ жъ взять у Мытцкаго нашего крестьянина у Ганьки Шеина на перехватку триста рублевъ на нашъ обиходъ, а ему сказать, чтобъ онъ того въ оскорбленье себѣ не ставилъ, потому что тѣ деньги ему отдадимъ, а заплатить тѣ деньги тебѣ Семену изъ оброчныхъ денегъ 1701 года изъ первой трети сто рублевъ, а изъ остальныхъ тре-

тей платить по томужъ". Здѣсь владѣлецъ прямо признаетъ право собственности за крестьяниномъ, и требуя у него денегъ, пишетъ приказщику, чтобы крестьянинъ не оскорблялся, что деньги берутся взаймы и будутъ уплачены изъ оброчныхъ денегъ. Но въ другомъ приказѣ отъ 21 ноября, вѣроятно въ слѣдствіе уклоненія крестьянина, владѣлецъ уже пишетъ приказщику: „и тебѣ бъ по прежнему нашему указу тѣ деньги триста рублевъ съ него Ганьки взять безо всякой его отговорки, не отписываясь къ намъ, прислать къ намъ къ Москвѣ къ Рождеству Христову, а ему платить изъ оброчныхъ денегъ". Слѣдовательно, господинъ признавая за крестьяниномъ право собственности, за собою признаетъ право насилованія этой собственности. Точно также и личность крестьянъ, признанная закономъ и жизнію, легко уже подвергалась насилію со стороны владѣльцевъ; такъ владѣлецъ могъ по своей волѣ взять крестьянина изъ семьи и привести къ себѣ во дворъ. Въ приказѣ отъ 25 августа 1704 года князь Долгорукій пишетъ своему приказщику: „Да пріискать бы тебѣ Алексѣю въ вотчинѣ нашей въ селѣ Мыту малаго холостаго, крестьянскаго сына безтяглаго и безроднаго, чтобы у него не было отца и матери, лѣтъ двадцати, и пріискавъ прислать къ намъ къ Москвѣ. А будетъ безтяглаго сиротины не найдешь; и тебѣ бъ прислать взявъ съ малаго тягла, будетъ есть сиротина на маломъ тяглѣ".

(крестьяне издѣльные или по нынѣшнему барщинскіе).

Главная разница между оброчнымъ и издѣльнымъ крестьяниномъ состояла въ томъ, что въ отношеніи къ первому владѣлецъ имѣлъ право только на опредѣленную часть его капитала, а въ отношеніи ко второму владѣлецъ распоряжался трудомъ крестьянина. Эта основная разница, повидимому не очень значительная, на практикѣ вела къ большому различію въ отношеніяхъ; потому что доля капитала, взимаемая господиномъ съ крестьянина, по самой природѣ капитала, допускала бо́льшую опредѣленность, а наоборотъ доля крестьянскаго труда, въ пользу господина, не допускала такой опредѣленности; посему давала бо́льшій просторъ владѣльческому произволу, тѣмъ болѣе, что въ то время еще не было никакого закона, опредѣляющаго долю крестьянскаго труда въ пользу владѣльца, а былъ только законъ опредѣляющій количество земли на крестьянское тягло. Но на одинакихъ доляхъ земли работы могли быть различны, слѣдовательно, земля далеко не опредѣляла количество труда. Посему положеніе издѣльнаго крестьянина было гораздо неопредѣленнѣе и зависимѣе противъ

положенія крестьянина оброчнаго, и владѣльцы обыкновенно неисправнымъ оброчнымъ крестьянамъ грозили перевести ихъ на издѣлье. Такъ напримѣръ князь Долгорукій въ приказѣ отъ 22 мая 1700 года пишетъ приказщику: „а которые скудные крестьяне хлѣбомъ заводиться не станутъ; и тебѣ бъ сказать указъ нашъ, чтобъ ѣхали на житье въ Орловскую нашу вотчину въ село Богородцкое на издѣлье“. Чтобы сколько нибудь опредѣлить положеніе издѣльныхъ крестьянъ того времени и отношенія ихъ къ господину, я здѣсь принимаю за указаніе переписку Андрея Ильича Безобразова съ своими крестьянами, бывшими на издѣльѣ, писанную въ 7188 и 7189 годахъ. Изъ его переписки видно.

Во 1-хъ. Издѣльныя деревни управлялись приказщикомъ, посылаемымъ отъ господина, и старостою съ выборными крестьянами. Такъ въ доношеніи къ Безобразову отъ сентября 7189 года написано: „Государю Андрею Ильичу холопъ твой Марочко Дмитріевъ челомъ бьетъ, да старостишка Данило Власовъ, да выборные крестьянишка Андрюшка Тарасовъ да Петрушка Михайловъ челомъ бьютъ: въ Орловской твоей вотчинѣ въ деревнѣ Подзаваловой и въ Кромскихъ твоихъ деревняхъ слава Богу все здорово“. Такимъ образомъ и у издѣльныхъ крестьянъ рядомъ стояли двѣ власти, приказная и выборная; но по всему вѣроятію приказная власть имѣла болѣе силы, чѣмъ выборная, и приказщикъ, посланный отъ господина, былъ главнымъ разпорядителемъ въ имѣніи, а выборныя власти исполняли его приказанія, и въ случаѣ большихъ безпорядковъ могли только вмѣстѣ съ крестьянами жаловаться на него господину. На подобную жалобу и на безпорядки указываетъ одна память Безобразова, писанная отъ 14 октября 7189 года къ его повѣреннымъ о приказщикѣ Юраскѣ Степановѣ; въ памяти сказано: „сыскать про Юраска Степанова, за что у него ссора учинилась съ крестьяны, за что онъ крестьянку запиралъ въ амбаръ, и по крестьянѣхъ изъ луку стрѣлялъ, и не пьетъ ли онъ, и за моимъ дѣломъ ходитъ ли, и противъ челобитной крестьянской сыскать про все правду“. Приказщикъ, отправляясь въ имѣніе, получалъ отъ господина наказы словесные или письменные; но наказы сіи не стѣсняли его, ибо въ нихъ кажется въ заключеніи говорилось: „а во всемъ радѣть о господскомъ добрѣ, какъ бы прибыльнѣе было господину“, и на этомъ исноваціи приказщики могли отягощать крестьянъ излишними работами. Такъ на это и указываетъ одна отписка приказщика Безобразову, въ которой оправдываясь пишетъ: „а про крестьянъ государь твоихъ не хто тебѣ государю ненавистникъ на меня холопа твоего огласилъ напрасно, а по се число, государь Андрей Ильичь, я холопъ твой

во всѣхъ твоихъ вотчинахъ нигдѣ ничего не потерялъ, вездѣ, государь, прибавливалъ въ твоихъ вотчинахъ, не раззорялъ, дворовъ съ двенадцать кое отъ коль сселилъ въ твоихъ, государь, новоприбавочныхъ вотчинахъ, и нонѣча прибавилъ подъ рожь тридцать десятинъ, облога поднято нонѣ весною и посѣяно рожью одинадцать десятинъ. За то, государь, меня крестьяне и не любятъ, что прибавливаю земли, чтобъ посѣять хлѣба больши. Ничего, государь, не потеряю, и не прозрѣвалъ, все стою у крестьянъ за работою, и на всѣ четыре стороны очистилъ Подзаваловскую землю и сѣнные покосы". Самые господскіе наказы не отличались мягкостію; такъ въ отпискѣ приказщика Аѳонасья Казакова къ Безобразову, приказщикъ пишетъ: „приказывалъ ты, государь, мнѣ холопу твоему словесно про свадьбы про крестьянскія, который крестьянинъ твой бѣдный станетъ у своей братьи сватать, да и будетъ добротою не дадутъ, женить его и неволею". Впрочемъ и въ издѣльныхъ имѣніяхъ иногда управлялъ одинъ староста съ выборными, и здѣсь, кажется, крестьяне были вольнѣе. Такъ въ одной челобитной, поданной старостою А. И. Безобразову, написано: „писалъ ты, государь, велѣлъ привесть съ осмака по возу сѣна, три воза сѣна взялъ, а четвертый Ванька Засоринъ не поѣхалъ; и язъ при міру нарежалъ, и язъ хотѣлъ патожкомъ ударить; и онъ сопротивникъ вашему указу хотѣлъ убить меня, а къ Москвѣ не поѣхалъ. А могуты моей не стало ими нарежать". Приказщики точно также, какъ въ прежнее время ключники, не получали отъ господина жалованья, а содержались на счетъ крестьянъ, съ которыхъ въ пользу приказщика шли извѣстные доходы, какъ объ этомъ прямо говоритъ одно письмо Безобразова къ провинившемуся приказщику: въ письмѣ написано: „нѣтъ тебѣ доходовъ со крестьянъ, и давать тебѣ крестьянамъ доходовъ я не велѣлъ".

Во 2-хъ. Относильно работъ—господская полевая работа производилась и подесятинно и сгонно, крестьянами и дворовыми дѣловыми людьми, смотря по нуждѣ и по сооображеніямъ приказщика. Такъ въ росписи отъ августа мѣсяца 7188 года сказано: „на Тельчинскомъ полѣ ужато ржи крестьянской десятинной пахоты 42 копны; а на Братинскомъ полѣ ужато ржи 21 копна; въ Рябини ужато ржи 30 копенъ; и всей ржи Тулянской, Тельчинской, Братинской и Рябинской десятинной 123 копны; за лѣсомъ ужато ржи дворовыхъ людей пахоты 66 копенъ, на пустоши на Шатиловѣ ужато ржи 81 копна. И всего ужато ржи на Тельчинѣ съ деревнями и за лѣсомъ 391 копна". Или въ росписи отъ 7189 года за сентябрь мѣсяцъ: „на Тельчинскимъ полѣ

и на Тулянскомъ и на Братинскомъ и на Рябинскомъ посѣяно ржи крестьянской десятинной пахоты 24 десятины; дворовыхъ людей пахоты посѣяно ржи на Тельчипскомъ полѣ и за лѣсомъ 13 десятинъ, за лѣсомъ посѣяно ржи крестьянской сгонной похоты 7 десятинъ; на пустоши Паравардово посѣяно ржи 6 десятинъ; на Подчеревинѣ посѣяно ржи крестьянской и дворовыхъ людей пахоты 41 десятина“. А по росписи отъ 1 декабря 7188 года на Тельчинѣ съ деревнями было 43 двора крестьянскихъ. Всей же сей земли подъ рожь въ Тельчинѣ съ деревнями выпахано 111 десятинъ; и если вычесть 25 десятинъ паханныхъ сгонно и дворовыми людьми, то на крестьянскую десятинную пахату останется 88 десятинъ; слѣдовательно, на крестьянскій дворъ придется по 2 десятины господской пашни подъ рожь, да вѣроятно по стольку же на крестьянскій дворъ приходилось десятинной пашни подъ яровой хлѣбъ; ибо по росписи отъ сентября 7189 года въ томъ же селѣ и деревняхъ ужато разнаго яроваго хлѣба 428 копенъ. Такимъ образомъ крестьянинъ на господина, по указанію настоящихъ росписей, обработывалъ тоже количество земли, какое самъ получалъ отъ господина на крестьянскую выть; ибо по книгамъ сошнаго письма, какъ уже было сказано выше, на крестьянскую выть въ доброй землѣ давалось по 6 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, слѣдовательно, въ двухъ ржаномъ и яровомъ по четыре десятины. Такимъ образомъ издѣльный крестьянинъ по видимому работалъ на господина столько же, сколько и на себя; но кромѣ пашни на издѣльномъ крестьянинѣ лежали и другія господскія работы. Такъ на крестьянахъ лежала чередовая подводная повинность на господина; въ памяти Безобразова отъ 14 октября 7189 года сказано: „прислать къ Москвѣ на крестьянскихъ рядовыхъ подводахъ крупъ гречишныхъ да муки пшеничной“. Или на издѣльныхъ крестьянахъ лежали всѣ починки и хозяйственныя постройки господина въ деревнѣ; такъ въ доношеніи Тельчинскаго приказщика и старостъ къ Безобразову отъ 22 октября 7189 года написано: „да писалъ ты, государь, ко мнѣ холопу твоему про прудъ, велѣлъ сдѣлать на Тельчи маленькой прудокъ, да на Подчерчинѣ велѣлъ, государь, вычистить старый прудъ; и на Подчерчинѣ старый прудъ спущалъ и вычистилъ, мельницу, государь, нижнюю плотину дѣлалъ всю вновь, и жилъ, господине, на нижней мельницѣ со всѣми крестьяны двѣ недѣли. А теперь, государь, всѣ крестьяне починиваютъ вышнюю мельницу плотину. Дворъ, государь, твой на Тельчинѣ огородили и сараи на конюшенномъ дворѣ всѣ подѣлали вновь, и на скотномъ дворѣ сарай подѣлали, и на Подчерчинѣ, государь, подѣлали но-

вые сараи, плетнемъ оплели, да избу поставили дворовымъ людямъ для скотины". Кромѣ того, какъ мы уже видѣли, и въ самыхъ полевыхъ работахъ, сверхъ десятинной пашни, была еще пашня сгонная; также на крестьянахъ лежали расчистка полей и поднятіе цѣлины для новыхъ пашенъ, и другія полевыя работы.

3-е. Но исправляя работы по земледѣлію и по хозяйственнымъ постройкамъ на господина, издѣльные крестьяне не принимали на себя другихъ работъ въ пользу землевладѣльца. Такъ въ отпискѣ отъ 16 сентября 189 года Гремкинскій и Савалобуевскій приказщикъ пишетъ къ Безобразову: „да писалъ ты, государь, ко мнѣ холопу твоему, здѣсь всякой заводъ заводить: коровы, овцы, и свиньи, и гуси, и куры индѣйскіе; и я холопъ твой всякую животину завожу и покупаю, а ходить за нею некому, а здѣся дворовыхъ людей нѣтъ, а крестьянамъ давалъ, и они неѣмлютъ животины". Или далѣе въ тойже отпискѣ: „да изволилъ ты, государь, чтобъ вино сидѣть на сторону изъ провару, и вина сидѣть не кому. А кои, государь, крестьяне бѣгали изъ Подчерчева въ Черкаскіе городы, что бѣгали изъ Тройкова Ларка Михайловъ, Гришка съ братьями и съ товарищи; и я государь, заставливалъ Гришку съ братьями, да Ларку Михайлова, что бѣгалъ съ Тройкова; и они безъ денегъ не сидятъ, прошаютъ отъ вари по гривнѣ, а даромъ не хотятъ сидѣть, мы-ста опять побѣжимъ".

4-е. Кромѣ работъ, съ издѣльныхъ крестьянъ собирался еще и оброкъ разными произведеніями крестьянскаго хозяйства. Такъ приказщикъ пишетъ къ Безобразову отъ 11 декабря 189 года: „писалъ ты, государь, ко мнѣ холопу про ленъ и про посконь, велѣлъ со крестьянъ собрать и прислать къ Москвѣ; и льну, государь, нынѣ на крестьянехъ правилъ, и крестьяне сказали, что не родился, и я вмѣсто льну собралъ поскони и послалъ къ тебѣ къ Москвѣ".

Самаго управленія издѣльными крестьянами въ его подробностяхъ, изъ переписки Безобразова, знать нельзя; впрочемъ очевидно, управленіе это было самовластно и черезъ чуръ строго; такъ напримѣръ ни крестьяне ни приказщикъ не смѣли даже платить казенныхъ податей безъ разрѣшенія господина. Въ одной отпискѣ приказщика и старосты съ выборными къ Безобразову написано: „пріѣзжали, государь, изъ Боровска пушкари, а спрашиваютъ, государь, полтинныхъ денегъ за лѣтошній годъ, и ты, государь, што то укажешь?" Безобразовъ въ одномъ своемъ приказѣ пишетъ: „бить кнутомъ старосту и бочаровъ (за то, что по ихъ недосмотру сгорѣлъ господскій домъ) водя по деревнямъ, только бы чуть живы были, и оковавъ прислать къ Москвѣ на

ихъ подводахъ". И вообще въ приказахъ Безобразова кнутъ и батоги встрѣчаются нерѣдко. Но въ тоже время крестьяне еще не были совершенно безгласны; такъ, когда Безобразовъ велѣлъ приказщику поверстать Подзаваловскихъ крестьянъ съ Тельченскими, то Подзаваловскіе крестьяне на это не согласились, и отвѣчали присланному приказщику: „намъ де противъ Тельченскихъ крестьянъ такая тягль тянуть не въ мочь; воля государя нашего Андрея Ильича, а мы верстаться съ Тельченскими не будемъ".

Такимъ образомъ и въ жизни, также какъ и по закону, въ послѣдніе сорокъ лѣтъ передъ первою ревизіею, положеніе и значеніе владѣльческихъ крестьянъ было самое неопредѣленное. За ними съ одной стороны много еще оставалось старыхъ правъ, какъ безсмѣнныхъ жильцовъ и тяглецовъ на чужой землѣ, самостоятельныхъ и полноправныхъ членовъ русскаго общества; они и въ жизни еще пользовались и правами гражданской личности и правами собственности; они управлялись своими выборными общинными начальниками, имѣли право суда общаго для всѣхъ Русскихъ, могли заниматься торговлею и другими промыслами, могли вступать въ договоры съ частными лицами и съ казною, снимать подряды и брать въ оброчное содержаніе земли и разныя угодья, даже нанимать угодья у своего господина, и все это дѣлать могли отъ своего лица, а не отъ имени господина, даже могли имѣть своихъ крѣпостныхъ людей и свои земли какъ городскія, такъ уѣздныя; даже сами господа иногда писали крестьянъ участниками въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Но съ другой стороны владѣльческіе крестьяне много уже потеряли старыхъ правъ, господа могли уже ихъ продавать и закладывать безъ земли, могли переводить въ дворовые люди, судить своимъ судомъ, наказывать тѣлесно, брать ихъ имущество, переводить съ оброка на издѣлье и на оборотъ. Вообще власть землевладѣльцевъ теперь получила сильное развитіе, и при всякомъ удобномъ случаѣ давила старыя крестьянскія права; самая крестьянская община сильно уже была подчинена владѣльцу, и приказъ владѣльца, даже его приказщикъ, уничтожали мірскіе приговоры; власть землевладѣльца успѣла проникнуть во всѣ крестьянскія отношенія, даже въ семейныя. Крестьяне въ жизни были уже не далеки отъ того, чтобы совершенно сравняться съ рабами, съ полными холопами.

ПОЗДНѢЙШЕЕ ВРЕМЯ

(крестьяне крѣпостные).

Значеніе крестьянъ по закону, во время Петра Великаго.

Съ первой ревивизіи 1719 года начинается новая жизнь крестьянъ; всѣ лишенія прежнихъ правъ, мало по малу вошедшія въ жизнь и частію утвержденныя или признанныя законами послѣ 1675 года, теперь окончательно утверждены ревизіею и на послѣдующее время. Съ тѣмъ вмѣстѣ открытъ путь къ дальнѣйшему развитію правъ владѣльческихъ и стѣсненію правъ крестьянскихъ. Ревизія, какъ государственная мѣра основанная на иныхъ началахъ, а не на тѣхъ, на которыхъ производились доселѣ народныя переписи въ Россіи, обошла всѣ прежнія общественныя условія крестьянскаго быта, и тѣмъ самымъ послужила исходною точкою для развитія новыхъ взглядовъ на государственное значеніе крестьянъ, при которыхъ прежнее ихъ значеніе все болѣе и болѣе забывалось и терялось изъ виду.

Ревизія прежде всего зачислила крестьянъ въ одинъ разрядъ съ задворными, дѣловыми и дворовыми людьми. По указу, состоявшемуся еще 26 ноября 1718 года, предписано для ревизіи; 1-е взять сказки у всѣхъ (дать на годъ сроку), чтобъ правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужескаго пола; 2-е росписать на сколько душъ солдатъ рядовой, съ долею на него роты и полковаго штаба, положа средній окладъ; 3-е учинить на каждый полкъ два коммиссара, одного полковаго, а другаго отъ земли... Земскій (коммиссаръ) долженъ на уреченные сроки сбирать съ крестьянъ деньги, и отдавать полкову коммиссару при всѣхъ офицерахъ, обрѣтающихся при пол-

ку, и брать у нихъ отписки, и о томъ вѣдѣніе подавать въ ревизіонтъ-коллегію или въ воинскую и ландъ-гевдингу". (полн. Собр. Зак. № 3248). И потомъ указомъ отъ 22 января 1719 года о самой ревизіи опредѣлено, что подъ именемъ всѣхъ душъ мужеска пола въ деревнѣ—должно считать какъ крестьянъ и бобылей, такъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, которые устроены пашнею, т. е. какъ людей прикрѣпленныхъ только къ землѣ, такъ наемниковъ и крѣпостныхъ людей, полныхъ холоповъ; лишь бы владѣлецъ отвелъ имъ землю. Въ указѣ сказано: „ради расположенія полковъ армейскихъ на крестьянъ всего государства брать во всѣхъ губерніяхъ сказки съ такимъ опредѣленіемъ о дворцовыхъ и прочихъ государевыхъ, патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, церковныхъ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ селахъ и деревняхъ, такожъ однодворцамъ, Татарамъ и ясачнамъ безъ всякой утайки, невзирая ни на какія старыя и новыя о дворовомъ числѣ и поголовныя переписи; но учиня самимъ переписи правдивыя, сколько гдѣ, въ которой волости, въ селѣ, или деревнѣ, крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей (которые имѣютъ свою пашню), по именамъ есть мужеска пола, всѣхъ, необходя отъ стараго до самаго послѣдняго младенца съ лѣтами ихъ, и подавать тѣ сказки въ губерніяхъ". (ibid. № 3287).

Указъ отъ 22 Января 1719 года, повидимому, еще отдѣляетъ холоповъ и вообще дворовыхъ людей отъ крестьянъ, онъ повелѣваетъ подавать сказки только о крестьянахъ, бобыляхъ, задворныхъ и дѣловыхъ людяхъ, которые устроены пашнею. Это, повидимому, только мѣра, подобная прежнимъ, противъ владѣльческихъ злоупотребленій, противъ незаконнаго, и въ послѣднее время, какъ мы уже видѣли, широко развивавшагося у владѣльцевъ, обычая писать крестьянъ подъ именемъ задворныхъ и дѣловыхъ людей устроенныхъ пашнею, и такимъ образомъ укрывать ихъ отъ платежа казенныхъ податей и отправленія разныхъ повинностей, лежавшихъ на крестьянствѣ. И дѣйствительно указъ сей такъ и былъ понятъ тогдашними землевладѣльцами, и они стали подавать сказки только о крестьянахъ, и можетъ быть о дѣловыхъ людяхъ устроенныхъ пашнею. Но правительство, узнавши объ этомъ, незамедлило высказать прямо и ясно, что указъ отъ 23 генваря 1719 года не есть старая мѣра, а совершенно новое постановленіе, не исключающее изъ народной переписи и дворовыхъ людей, полныхъ холопей. Государь въ указѣ отъ 5 февраля 1720 года написалъ: „слышу я, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая жъ утайка,

какъ и во дворахъ бывала. Того ради подтвердите указомъ, чтобъ всѣхъ помѣщики писали своихъ подданныхъ, какого они званія ни есть, также и причетниковъ церковныхъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ, которымъ особливую роспись также подать надлежитъ, и всѣмъ имъ дайте сроку на полгода". (ibid. № 3,481).

Такимъ образомъ по объясненію, выраженному въ послѣднемъ указѣ, старый порядокъ отвергнутъ окончательно; всѣ подданные владѣльцевъ, безъ различія наименованій и степеней крѣпости, занесены въ одинъ раздрядъ крѣпостныхъ людей, или владѣльческихъ подданныхъ; а по сему крестьяне и бобыли сравнялись съ задворными и дѣловыми людьми, съ кабальными и полными холопами. Государство отказалось признавать различіе между сими классами, опасаясь, какъ сказано въ указѣ, „чтобы не было утайки, какъ и въ городѣхъ бывало," т. е., чтобы владѣльцы не укрывали крестьянъ отъ платежа податей, перечисляя ихъ въ дворовые, или въ дѣловые, или въ задворные люди, какъ это дѣлалось прежде, опираясь на различныя степени принадлежности людей владѣльцамъ. Государство этими указами какъ бы объявило, что не хочетъ и знать степени зависимости тѣхъ или другихъ людей отъ владѣльца; для его цѣлей достаточно, чтобы люди сіи, такъ или иначе, принадлежали владѣльцу. Ибо какъ самъ владѣлецъ, по тогдашнимъ законамъ, всю жизнь долженъ былъ служить государству, почему онъ и служилый человѣкъ, и дворянинъ; такъ точно и всѣ подданные служилаго человѣка, безъ, различія, должны служить государству такъ или иначе, т. е. личною службою или платежомъ податей, какъ понадобится по обстоятельствамъ.

Первая ревизія съ одной стороны объявила доселѣ небывалое на Руси отрицаніе всякаго исключительнаго права собственности на людей, и всѣхъ людей живущихъ въ Россіи (разумѣется за исключеніемъ иностранцевъ) признало государевыми людьми, отъ стараго до послѣдняго младенца; по первой ревизіи и рабъ, полный холопъ по закону, пересталъ быть, въ высшихъ соображеніяхъ правительства, исключительною собственностью своего господина, ревизія и его зачислила въ народную перепись, помѣстила въ числѣ людей, служащихъ государству; слѣдовательно и рабъ, прежняя безгласная собственность господина, получилъ нѣкоторымъ образомъ значеніе лица, члена того общества, которое составляетъ Русское государство: онъ сдѣлался слугой того же государства, которому служитъ и его господинъ. Конечно и въ прежнее время дворовые люди, холопы, требовались иногда на государственную службу; они или отправлялись вооруженные вмѣ-

стѣ съ своими господами въ военные походы, или изъ нихъ набирались особые воинскіе отряды. Но таковыя требованія въ прежнее время были только частными мѣрами, и холопъ, возвращаясь изъ похода, по прежнему оставался собственностію господина; по прежнимъ законамъ холопъ, бывшій въ походѣ, получалъ свободу только въ такомъ случаѣ, ежели онъ, попавшись въ плѣнъ, успѣетъ убѣжать и воротиться на родину. Первая же ревизія является общимъ государственнымъ закономъ. а не частною мѣрою; послѣ первой ревизіи уже не нужно было издавать особыхъ указовъ для рекрутскаго набора изъ холопей, или для сбора съ нихъ податей: послѣ первой ревизіи обыкновенно уже издавался одинъ общій указъ о рекрутскомъ наборѣ со всѣхъ податныхъ людей. Такъ въ указѣ отъ 26 ноября 1721 года сказано о рекрутскомъ наборѣ: „собрать по разпоряженію камеръ-каллегіи, съ крестьянства изъ разночинцовъ съ двороваго числа, а изъ купечества съ десятыя деньги". (ibid. № 3856). Или еще прежде въ указѣ отъ 25 августа 1719 года повелѣно: „для комплекта армейскихъ полковъ собрать нынѣ въ губерніяхъ и въ провинціяхъ съ посадскихъ, съ патріаршихъ, съ архіерейскихъ, съ монастырскихъ, съ церковныхъ, съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ, съ крестьянскихъ съ бобыльскихъ, задворныхъ и дѣловыхъ людей, которые въ доли положены, также съ однодворцовъ со всѣхъ съ самихъ и съ крестьянъ ихъ, по роспискѣ двороваго числа, съ 89 дворовъ рекрутъ, десять тысячь человѣкъ" (ibid. № 3419).

Съ другой стороны первая ревизія, отринувъ различіе между холопомъ и между крестьяниномъ и кабальнымъ слугою, не составлявшимъ прежде исключительной собственности господъ, тѣмъ самымъ сравняла ихъ съ полными холопами и вполнѣ утвердила всѣ притязанія господской власти надъ прежними полусвободными людьми. Какъ скоро законъ распространилъ притязанія государства на прежнюю исключительную собственность частныхъ лицъ, то тѣмъ самымъ далъ средство частнымъ лицамъ развить свою власть и надъ тѣмъ, надъ чѣмъ они прежде не имѣли полной власти, тѣмъ болѣе, что это уже было подготовлено предшествовавшимъ временемъ Дѣло ревизіи, повидимому, состояло только въ томъ, чтобы обезпечить сборъ податей (и собственности на содержаніе войска); но какъ подати на прежней системѣ нельзя было брать съ рабовъ, какъ неимѣвшихъ по закону никакой собственности и даже составлявшихъ исключительную собственность господъ; то по необходимости подати были переложены съ земли на души. А такимъ образомъ сборъ податей непосредственно легъ на самыхъ владѣльцевъ; въ исправности платежа передъ прави-

тельствомъ стали уже отвѣчать не сами плательщики, а ихъ господа; ибо съ дворовыхъ людей, съ полныхъ холоповъ, не имѣвшихъ закономъ признанной собственности, взять было нечего, за нихъ должны были платить ихъ владѣльцы. Но такъ какъ и крестьяне по ревизіи мало по малу вошли въ одинъ разрядъ съ рабами, то господа стали платить и за нихъ, разумѣется взыскавши съ нихъ же казенные подати и за нихъ и за рабовъ, съ которыхъ нечего было взять. Объ обязанности владѣльцевъ платить подати за крестьянъ и за рабовъ прямо свидѣтельствуетъ инструкція, данная генералъ-майору Чернышеву отъ 5 февраля 1722 года; въ этой инструкціи ясно сказано: „дворянамъ объявить, чтобъ платили со всякой души мужеска пола крестьянъ, и дворовыхъ, и дѣловыхъ, и всякаго званія людей, какія у кого въ деревняхъ обрѣтаются, (съ скотниковъ, конюховъ, садовниковъ, псарей и подоб.) по осьми гривенъ съ персоны, на два, или на три, или на четыре срока, какъ имъ удобнѣе, деньгами, а не иными вещами. Для котораго сбора, чтобъ по вся годы выбирали они сами въ декабрѣ мѣсяцѣ коммиссара отъ земли, и выборъ бы подписывали своими руками, и отдавали полковнику того полка“ (ibid. № 3901).

Въ обязанности владѣльцевъ платить подати за крестьянъ и рабовъ заключалось, повидимому, только перемѣщеніе отвѣтственности съ крестьянъ на владѣльцевъ; но за симъ перемѣщеніемъ скрывалось страшное разобщеніе крестьянина съ государствомъ, между имъ и государствомъ сталъ господинъ, и такимъ образомъ крестьянинъ сдѣлался отвѣтственнымъ только передъ господиномъ: съ него спали государственныя непосредственныя обязанности, а съ тѣмъ вмѣстѣ онъ утратилъ и всѣ права, какъ членъ государства, ибо въ его положеніи, подготовленномъ прежнимъ временемъ, права безъ обязанностей были невозможны. Владѣлецъ совершенно заслонилъ крестьянина отъ государства: онъ исправно платилъ правительству подати по числу душъ, состоящихъ за нимъ по ревизіи, выставлялъ по пропорціи душъ, слѣдующихъ съ него рекрутовъ; слѣдовательно передъ правительствомъ онъ былъ исправенъ по своему имѣнію, а что скрывалось за этою исправностію, объ этомъ знали одни крестьяне. Они платили подушныя подати и за себя, и за дворовыхъ людей, и за тѣхъ крестьянъ, которыхъ владѣлецъ продалъ на свозъ*); ибо съ подушною по-

---

*) По указу отъ 26 іюня 1724 года за перевезенныхъ крестьянъ владѣльцы должны были платить подати безъ доимки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне въ подушный сборъ написаны. (П. С. З. № 4533).

датью—крестьяне окончательно перестали быть крѣпкими землѣ, а сдѣлались крѣпостными своихъ господъ. Земля уже вышла изъ виду у государства, государство по ревизіи знало только, сколько душъ въ извѣстномъ имѣніи, а сколько за крестьянами было земли, объ этомъ мало по малу позабыли и спрашивать, ибо подати шли съ душъ, а не съ земли. По этому владѣлецъ могъ нарѣзывать землю крестьянамъ по своему произволу, могъ даже всю землю взять подъ свою запашку, а крестьянъ кормить и одѣвать изъ своего кармана; если бы который крестьянинъ не захотѣлъ этого, то онъ могъ домашнимъ образомъ заковать въ цѣпи, посадить въ колодку, наказывать кошками и чѣмъ угодно, а ежели отъ рукъ отбился—продать на свозъ, или поставить въ рекруты при первомъ наборѣ. Контролировать господскія распоряженія не было законной возможности. Можно было видѣть владѣльческія злоупотребленія со стороны, можно было дѣйствовать противъ нихъ нравственно; но юридически для владѣльцевъ всегда было готово прикрытіе: владѣлецъ былъ исправенъ предъ государствомъ,—онъ какъ откупщикъ аккуратно выплачивалъ лежавшую на его имѣніи откупную сумму. Само правительство; не смотря на желаніе, кажется, не имѣло вѣрныхъ средствъ къ пресѣченію владѣльческихъ злоупотребленій. На это нѣкоторымъ образомъ намекаетъ указъ отъ 15 апрѣля 1721 года: въ этомъ указѣ государь, признавая всю безнравственность продажи врознь крестьянъ, дѣловыхъ и дворовыхъ людей, „кто похочетъ купить, какъ скотовъ", тѣмъ не менѣе сомнѣвается въ возможности прекратить таковую продажу, и хотя предписываетъ: „оную продажу людямъ пресѣчь", но въ тоже время отговаривается: „а ежели не возможно будетъ того вовсе пресѣчь; то хотя бы по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями, или семьями, а не врознь". (ibid, № 3770).

Но первая ревизія дала только новое направленіе, новый взглядъ на значеніе крестьянъ, для дальнѣйшаго же развитія этого новаго направленія, для полнаго его приложенія къ жизни, нужно было время и удобныя къ тому обстоятельства. Само правительство, въ продолженіи всего царствованія Петра Великаго, еще колебалось въ полнѣйшимъ развитіи началъ порожденныхъ первою ревизію; оно преимущественно преслѣдовало ближайщую цѣль, требовавшуюся обстоятельствами, чтобы всѣ служили государству такъ или иначе. Еще въ XVI вѣкѣ Московское правительство заботилось, чтобы земля изъ службы не выходила, и для этого предпринимало неудачныя попытки объ отобраніи вотчинъ у духовенства; а въ XVII столѣтіи мало по мало ~~по малу~~ почти

всѣ вотчины служилыхъ людей потеряли значеніи полной частной собственности и почти сравнялись съ помѣстьями, такъ что владѣльцы должны были нести военную службу и съ вотчинъ такъ же, какъ несли ее съ помѣстьевъ; за неявку на службу владѣльцевъ, вотчины (за исключеніемъ куплей) также или отбирались на государя, или отдавались родственникамъ, какъ и помѣстья. Этому правилу, завѣщанному старой Московской администраціей, постояно слѣдовалъ и Петръ Великій. По этому когда онъ закрѣпилъ крестьянъ за владѣльцами ревизіею, то въ слѣдъ же за тѣмъ, съ большею строгостію, старался прикрѣпить и владѣльцевъ къ государственной службѣ (собственно военной). Хотя дворяне и въ прежнее до-Петровское время считались постоянно служилыми людьми и дѣйствительно несли очередную службу, однако же прежняя и петровская служба далеко не походили другъ на друга. Тогда служилый человѣкъ, дворянинъ, являлся на службу или по очереди на полгода, или по вызову правительства на извѣстный походъ, и потомъ отправлялся домой или до новой очереди, или до новаго вызова; теперь же служба дворянина сравнялась съ службою рекрута, взятаго изъ крестьянъ: онъ, также какъ и рекрутъ, поступалъ на службу солдатомъ, и только службою достигалъ чиновъ. Самыя взысканія за неявку на службу прежде ограничивались или перечисленіемъ въ низшій разрядъ, или уменьшеніемъ помѣстнаго оклада; при Петрѣ же, послѣ первой ревизіи, неявка дворянина на службу считалась преступленіемъ, равнымъ измѣнѣ, и наказывалась или смертію, или лишеніемъ честнаго имени, шельмованіемъ. Такъ въ указѣ отъ 30 августа 1721 года сказано: „всѣмъ царедворцамъ и дворянамъ всякаго званія и отставнымъ офицерамъ объявить указъ подъ лишеніемъ живота, чтобы были готовы: первой половинѣ — въ декабрѣ нынѣшняго 1721 года, а другой половинѣ — въ Мартѣ мѣсяцѣ 1722 года быть въ С. Петербургъ или — въ Москву, куда впередъ указомъ повелѣно будетъ". (ibid. 3820). Или въ другомъ указѣ 14 января 1722 года написано: „Всякаго званія шляхенству и отставнымъ офицерамъ ѣхать въ Москву всѣмъ (на смотръ) и пріѣзды свои по прежнимъ указомъ у стольника Колычева записывать, конечно сего января по 31 число. А ежели кто изъ оныхъ до того срока и на тотъ срокъ пріѣзда своего не запишетъ и на смотрѣ не явится; и таковые будутъ шельмованы, и съ добрыми людьми ни въ какое дѣло причтены быть не могутъ, *и ежели кто таковыхъ ограбитъ, ранитъ, или что у нихъ отниметъ, а ежели и до смерти убьетъ. о такихъ челобитья не принимать, и суда не давать,* а движимое и недвижи-

мое имѣніе отписаны будутъ на насъ безповоротно.... И по прошествіи сроковъ всѣхъ нѣтчиковъ имена особо будутъ напечатаны, и для публики прибиты къ висѣлицамъ на площади, дабы о нихъ всякъ зналъ, яко преслушателей указамъ и ровнымъ измѣнникамъ" (ibid. № 3874). Оба указа ясно свидѣтельствуютъ, что государство столько же, строго, или даже строже взыскивало службу съ владѣльцевъ, такъ и имъ предоставляло взыскивать службу съ своихъ подданныхъ.

Такимъ образомъ Петръ Великій, первою ревизіею прикрѣпивши крестьянъ къ владѣльцамъ, тѣмъ самымъ прикрѣпилъ и владѣльцевъ къ государственной службѣ. Обширныя права владѣльцевъ надъ крестьянами въ Петровское время рѣшительно условливались службою владѣльцевъ государству; владѣлецъ, уклоняясь отъ службы, тѣмъ самымъ уже лишался своихъ владѣльческихъ правъ, и его имѣніе движимое и не движимое, покупное и выслуженное, или родовое, отбиралось, на государя. Конечно и въ Петровское время много дворянъ, богатыхъ владѣльцевъ, уклонялось отъ военной службы, какъ свидѣтельствуетъ Посошковъ, писавшій въ 1724 году; онъ, представивши нѣсколько примѣровъ уклоненій отъ службы говоритъ: „А и нынѣ, если посмотрѣть, многое множество у дѣлъ такихъ брызгалъ, что могъ бы одинъ пятерыхъ непріятелей гнать, а онъ, добившись къ какому дѣлу наживочному, да живетъ себѣ, да наживаетъ пожитки; а убогіе дворяне служатъ, и съ службы мало съѣзжаютъ; иніи лѣтъ по 20 и по 30 служатъ, а богатые лѣтъ пять или шетсть послужатъ. да и промышляютъ, какъ бы отъ службы отбыть, да добиться къ дѣламъ и добившись къ дѣламъ вѣкъ свой и проживаютъ". (Посошк. о скуд. и богат. стр. 91). Но таковыя уклоненія дѣлались мимо закона, а по закону дворянинъ постоянно долженъ былъ состоять въ службѣ и только службою могъ удерживать за собою владѣльческія права.

Но и постоянная служба владѣльцевъ въ Петровское время еще не совсѣмъ обезпечивала права владѣльцевъ на крестьянъ и дворовыхъ людей; съ крѣпостныхъ людей еще не была снята, Петромъ же допущенная, свобода поступать въ военную службу, не спрашивая на это согласія своихъ господъ. Петръ Великій, постоянно нуждаясь въ служилыхъ людяхъ для укомплектованія войскъ, и послѣ первой ревизіи не переставалъ принимать въ службу охотниковъ и изъ крѣпостныхъ людей. Такъ указомъ отъ 7-го Марта 1721 года свобода поступать въ службу была предоставлена всѣмъ крѣпостнымъ людямъ, выключая тѣхъ, которые господами своими были выучены матросскому дѣлу для плаванія

своего въ С.-Петербургѣ; въ указѣ сказано: „государь, слушавъ докладной выписки военной коллегіи, указалъ въ свою царскаго величества службу брать, кто волею пойдетъ изо всѣхъ слугъ, какого они чина у господина своего ни были, кромѣ тѣхъ, которыхъ господа ихъ выучили матросскому дѣлу для плаванія своего въ С.-Петербургѣ. И кто изъ выписанныхъ людей въ его величествъ солдатскую или матросскую, или иную какую службу похочетъ, дабы явились въ С. Петербургѣ въ военной коллегіи, а въ губерніяхъ губернаторамъ вицегубернаторамъ и комендантамъ, и онымъ принимая ихъ отправлять въ военную коллегію въ Санктъ Петербургъ". (Полн. Соб. Зак. № 3754). Здѣсь очевидно законодатель и крѣпостныхъ людей считалъ членами государства, а службу ихъ господамъ государственною службою, только посредственною; т. е. крѣпостной человѣкъ, служа господину, тѣмъ самымъ служилъ государству; но государство считало себя въ правѣ принять и непосредственную его службу, ежели онъ самъ желалъ этого. Впрочемъ настоящій указъ въ слѣдующемъ же году потерпѣлъ значительное и существенное измѣненіе, именно: указомъ отъ 7-го маія 1722 года предписано: „въ вольницу принимать, которые хотя и въ подушную перепись написаны; и тѣхъ, которые въ подушную перепись написаны, зачитать тѣмъ, отъ кого они пойдутъ въ вольницу, и складчикамъ ихъ, въ рекрутскіе поборы; а дѣловыхъ людей, которые въ подушную перепись написаны въ деревняхъ на пашнѣ, тѣхъ въ вольницу не принимать". (ibid. № 3995). Этотъ послѣдній указъ явно намекаетъ на колебаніе законодателя между старымъ и новымъ порядкомъ; въ немъ законодатель еще придерживается стараго взгляда на крестьянъ и дѣловыхъ людей, устроенныхъ пашнею, по которому они рѣзко отличались отъ дворовыхъ крѣпостныхъ людей, состоящихъ при владѣльцѣ не на пашнѣ. Подобные указы Петра Великаго мы встрѣчали уже во время, предшествовавшее первой ревизіи; стало быть, этотъ указъ болѣе или менѣе повторялъ старое.

Преимущественное колебаніе правительства между старымъ и новымъ порядкомъ особенно выразилось въ самыхъ распоряженіяхъ о произведеніи ревизіи и о запискѣ въ подушный окладъ. Правительство то по старому порядку отдѣляло крестьянъ отъ дворовыхъ людей, то смѣшивало сіи два класса, придерживаясь новыхъ началъ, порожденныхъ ревизіею. Лучшимъ свидѣтельствомъ таковаго колебанія служитъ рядъ указовъ, касающихся ревизіи и записки въ подушный окладъ. Такъ въ указѣ отъ 22 генваря 1719 года говорится о запискѣ въ подушный окладъ только крестьянъ, бобылей, дѣловыхъ и задворныхъ людей, которые

устроены пашнею. А указъ отъ 5 января 1720 года предписываетъ подавать сказки о всѣхъ подданныхъ владѣльца, какого бы званія они ни были. Потомъ указомъ отъ 11 января 1722 года повелѣно раскладку чинить на души на крестьянъ, дворовыхъ дѣловыхъ людей и иныхъ, которые съ ними ровно въ тягло положены, по осьми гривенъ съ персоны. (ibid. № 3873). Или въ инструкціи отъ 5 февраля 1722 года сказано: „дворянамъ объявить, чтобъ платили со всякой души мужеска пола крестьянъ и дворовыхъ и дѣловыхъ и всякаго званія людей, какія у кого въ деревняхъ обрѣтаются (съ скотниковъ, садовниковъ, конюховъ, псарей и подобн.) по осьми гривенъ съ персоны". Здѣсь повидимому одинаково обложены податью и крестьяне и дворовые люди всякаго званія, но на дѣлѣ должно признать, что податью были обложены только тѣ дворовые люди, которые при своихъ должностяхъ на господскомъ дворѣ, были устроены и пашнею; ибо далѣе въ тойже инструкціи написано: „Монастырскимъ служителямъ, которые не имѣютъ никакикъ земель и питаются только опредѣленнымъ жалованьемъ; и тѣхъ въ оную раскладку не класть, и быть, онымъ противъ людей боярскихъ". Слѣдовательно боярскіе люди, живущіе въ услуженіи при господахъ и неимѣющіе пашни, въ подушный окладъ не были положены, что дѣйствительно и засвидѣтельствовано указами отъ 1-го іюня 1722 года, въ которыхъ сказано въ первомъ: „по прежнимъ указамъ всѣхъ дворовыхъ людей и слугъ и служебниковъ мужеска пола, офицерамъ, посланнымъ для свидѣтельствованія душъ и расположенія полковъ, для извѣстія переписать особо, а въ разкладку ихъ на полки не класть, и къ тѣмъ душамъ, которые для разкладки полковъ написаны, не сообщать". № 4023). И во второмъ: „всякаго званія слугъ и служебниковъ, которые живутъ у владѣльцевъ въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ и въ другихъ городахъ во дворахъ, а какъ на себя, такъ и на владѣльцевъ пашни не пашутъ, а имѣютъ пропитаніе только денежною и хлѣбною дачею, тѣхъ въ расположеніе не класть, а только переписать ихъ для вѣдома. А которые всякого жъ званія люди, хотя на себя пашни не пашутъ, а на владѣльцевъ пашутъ. а которые хотя и не пашутъ, а живутъ въ деревняхъ; такихъ въ расположеніе класть, не выключая никого, какого-бы званія ни были". (ibid. № 4026). Тоже подтверждаетъ указъ 1-го августа того-же года: „кто при перепискѣ дворовыхъ людей и слугъ объявитъ въ дворовыхъ людѣхъ, изъ крестьянъ и дѣловыхъ людей, которые взяты во дворы изъ деревень до переписи поголовной 1719 года; и тѣхъ числить съ дворовыми людьми, а въ разкладку на

полки не класть, для того, что у многихъ въ слугахъ есть изъ крестьянъ и дѣловыхъ людей". (ibid. № 4069). Такимъ образомъ по этимъ указамъ дворовые люди, не имѣющіе пашни, согласно съ указомъ отъ 22 января 1719 года, не положены въ подушный окладъ, и зачислены въ ревизію особою статьею для вѣдома. Но изъ приведенной выше инструкціи отъ 5 февраля 1722 года замѣтно, что первоначально была мысль положить въ подушный окладъ всѣхъ попавшихъ въ народную перепись; т. е. всѣхъ владѣльческихъ подданныхъ, какого званія ни есть; ибо въ одномъ пунктѣ инструкціи написано: „дворянскихъ дѣловыхъ людей, хотя будутъ и сказывать, что они при дѣтяхъ, или при комъ другомъ на службахъ, всѣхъ тѣхъ, которые въ переписи написаны, изъ той переписи не изключать, а положить въ сборъ съ прочими душами". Но очевидно, находя неудобство повернуть круто, государь отступилъ временно отъ первоначальной мысли, и, не отвергая окончательно стараго порядка, допустилъ изключеніе изъ подушной подати для дворовыхъ людей несостоящихъ на пашнѣ. Впрочемъ это изключеніе было чисто временное, и не могло на долго оставаться, какъ несогласное съ основными началами ревизіи; и дѣйствительно отъ 19 января 1723 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: „писать всѣхъ служащихъ какъ крестьянъ, и положитъ въ поборъ". Это повелѣніе послѣдовало въ видѣ резолюціи на докладные пункты генералъ-маіора Чернышева; посланнаго для расположенія полковъ, а въ сихъ докладныхъ пунктахъ написано: „людей всякаго званія (кромѣ шляхетства) дѣйствительно служащихъ, и подъ чьимъ бы именемъ, гдѣ кто ни былъ, положить на деньги, понеже изъ крестьянъ пишутъ въ росписяхъ съ дѣйствительно служащими; а другіе, кои въ Москвѣ и въ городахъ дворовъ не имѣютъ, то у оныхъ люди и дѣйсвительно служащіе живутъ въ деревняхъ, а иные у приказныхъ и боярскихъ людей извозничаютъ и другими работы промышляютъ". (ibid. № 4145). Но въ тоже время и въ тойже резолюціи на докладные пункты Петръ Великій имѣлъ еще въ виду, по старому порядку, отличать дворовыхъ людей отъ крестьянъ, ибо когда былъ поднятъ вопросъ,—кабальныхъ людей, слѣдующихъ въ военную службу, дозволить ли владѣльцамъ замѣнять другими людьми? то въ резолюціи государь написалъ: „людей дворовыхъ за крестьянъ не зачитать, но крестьянъ за крестьянъ".

Все это ясно показываетъ, что основныя начала первой ревизіи въ Петровское время далеко еще не были развиты, администрація и общество еще колебались между старымъ и новымъ порядкомъ, и самъ Петръ Великій еще не твердо шелъ по пути,

имъ избранному, и не могъ окончательно отрѣшиться отъ стараго порядка, такъ выгоднаго для владѣльцевъ. Онъ то смѣшивалъ дворовыхъ людей съ крестьянами, то раздѣлялъ сіи два разряда, то предписывалъ разкладку подушной подати производить только между крестьянами, задворными и дѣловыми людьми устроенными пашнею, то распространялъ эту разкладку на всѣхъ живущихъ по деревнямъ, какого бы кто чина ни былъ, и на конюховъ, и на псарей, и т. п., то предписывалъ всѣхъ служащихъ, какъ крестьянъ, положить въ поборъ; но это колебаніе, поддерживаемое всѣмъ тогдашнимъ русскимъ обществомъ, ни сколько не препятствовало ему постоянно преслѣдовать, такъ или иначе, одну главную мысль,—чтобы въ государствѣ не было избылыхъ гулящихъ людей, чтобы каждый несъ свою службу государству,—для этой мысли онъ ничѣмъ не пренебрегалъ и одинаково пользовался и старымъ и новымъ порядкомъ, лишь бы вѣрнѣе достигнуть своей главной цѣли.

Мысль,—что бы не было избылыхъ гулящихъ людей, и чтобы всѣ состояли въ той или другой службѣ,—до того была сильна въ Петрѣ Великомъ, что онъ указомъ отъ 1-го іюня 1722 года прямо и ясно повелѣлъ, чтобы въ государствѣ не было болѣе такъ называемыхъ вольныхъ государевыхъ гулящихъ людей, чтобы эта, въ прежнее время и по прежнимъ законамъ, огромная масса народа, шатавшаяся изъ одного края Россіи въ другой, не приписанная и жившая вольнымъ трудомъ по найму, шла или въ военную службу, или въ услуженіе къ владѣльцамъ, въ холопы. Въ указѣ сказано: „дворовыхъ людей, которые отъ кого отпущены были на волю по отпускнымъ, и которые послѣ кого кабальные люди остались, и подлежатъ быть свободны; тѣхъ при настоящей переписи тѣмъ людямъ, у кого такіе есть, велѣть писать особо. А которые на волѣ живутъ, тѣмъ самимъ явиться къ переписи, и перепищикамъ пересмотрѣть. И которые изъ нихъ по осмотру въ службу будутъ годны, тѣхъ писать въ солдаты и отсылать въ военную коллегію; а которые въ службу негодны, тѣмъ давать свободныя письма, что они въ солдаты негодны, токмо при томъ объявлять имъ указомъ съ запискою, чтобъ никто изъ нихъ въ гулящихъ не были, а опредѣлялись бы въ другія службы, или къ кому въ дворовое служеніе, а безъ службъ бы никто не шатались, понеже отъ такихъ умножаются воровства, а ежели кто таковыхъ впредь гдѣ поймаетъ, и оные сосланы будутъ въ галерную работу„ (ibid. № 4023). Такимъ образомъ, какъ прямо сказано въ указѣ, прежніе законы о вольныхъ государевыхъ людяхъ и кабальныхъ холопяхъ были отмѣнены. Вольныхъ государевыхъ

людей новый законъ уже болѣе не признавалъ; они должны были идти или въ солдаты, а ежели въ военную службу негодятся, то искать другихъ службъ, или поступать въ холопи къ частнымъ лицамъ, но уже не въ кабальные, какъ бывало прежде, а въ полные; ибо по указу и кабальные, бывшіе на лицо, и по прежнимъ законамъ по смерти господъ имѣвшіе право на полученіе свободы, теперь потеряли это право; они уже не могли оставаться безъ службы, или въ противномъ случаѣ ссылались, какъ праздношатающіеся, на галерную работу. Слѣдовательно, первая ревизія еще не успѣла всѣхъ вольныхъ государевыхъ людей включить въ перепись и обложить поголовною податью, или зачислить въ службу, и только настоящій указъ обратилъ на это вниманіе; но очевидно и настоящимъ указомъ положено только начало отмѣненію вольныхъ государевыхъ людей и кабальныхъ холопей, ибо мы съ тѣми и другими еще встрѣтимся и по смерти Петра Великаго.

(Отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ по закону).

Отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ, и послѣ первой ревизіи, во все царствованіе Петра Великаго, по закону во многомъ отзывались еще стариною, и непоказывали совершеннаго уничтоженія личности крестьянъ. Такъ *во первыхъ,* владѣльческимъ крестьянамъ былъ еще открытъ свободный путь къ разнымъ и не крестьянскимъ промысламъ: они могли торговать и имѣть разные заводы, и по этимъ промысламъ состоять въ посадскомъ тяглѣ, только съ обязанностію платить своему владѣльцу оброкъ наровнѣ съ прочими крестьянами. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ указъ отъ 27-го сентября 1723 года, въ указѣ сказано: „чьи крестьяне торгуютъ въ лавкахъ и отъѣзжими торгами, и въ домахъ имѣютъ кожевенные и иные промыслы, и тѣ у посадскихъ людей промыслы отъимаютъ; и тѣхъ всѣхъ взять въ посады; а которые крестьяне не похотятъ въ посады, и имъ никакими торгами не торговать. ни промысловъ никакихъ недержать, и въ лавкахъ не сидѣть, и жить имъ за помѣщиками.... А записываться въ посадъ крестьянамъ, какъ въ указѣ отъ 24-го ноября 208 году о томъ упомянуто, вольно, чьи бъ ни были, только осмигривенныя подушныя деньги, также и подати помѣщику обыкновенныхъ крестьянъ, а не по богатству платить, они и ихъ потомки повинны давать тѣмъ, чьи они были; записываться тѣмъ, которые будутъ имѣть торгъ съ 500 руб. и выше. Такожъ и тѣмъ, которые ѣздятъ, хотя и меньше того числа, а именно отъ

300 рублей и выше, къ Петербургскому порту, а къ прочимъ портамъ отъ 500 и выше". (ibid. № 4312). Здѣсь права крестьянина прямо основывается на старомъ указѣ 1699 года, и крестьяне далеко еще не составляютъ полной собственности своихъ господъ; законъ обезпечиваетъ господину только постоянный доходъ отъ крестьянина и его потомства, и притомъ доходъ не по богатству его, а наровнѣ съ другими крестьянами; личность же крестьянина законъ защищаетъ; крестьянинъ, при исправномъ платежѣ опредѣленнаго дохода владѣльцу, по общинной раскладкѣ, и заплативши казенныя подушныя подати, свободенъ распоряжаться своимъ трудомъ, и по своимъ промысламъ имѣетъ право, не спросясь владѣльца, записаться въ посадъ и нести посадское тягло по своему промыслу. Конечно таковаго крестьянина владѣлецъ уже не могъ ни продать, ни заложить, ни вытребовать къ себѣ для работъ; посадское тягло защищало его отъ всѣхъ притязаній владѣльца, лишь бы онъ исправно платилъ владѣльцу положенный оброкъ. Государство, принимаетъ подъ особое свое покровительство того, кто больше платитъ податей, и высшій платежъ посадскій,—не уничтожая низшаго платежа крестьянскаго, тѣмъ не менѣе уничтожаетъ право собственности владѣльца на таковаго плательщика, оставляя за владѣльцемъ только право на постоянный опредѣленны оброкъ.

Во вторыхъ, владѣльческіе крестьяне, и не записываясь въ посадъ, еще по старому не теряли правъ личности; по закону они могли еще вступать (и дѣйствительно вступали) въ разные подряды съ казною и частными лицами отъ своего имени. Только для удостовѣренія въ ихъ состоятельности требовалось представить свидѣтельство или отъ управителей или отъ самихъ владѣльцевъ; но таковое свидѣтельство очевидно еще не означало дозволенія владѣльца на вступленіе крестьянина въ подрядъ: казна еще не находила нужнымъ требовать таковаго дозволенія, по закону крестьянинъ еще считался гражданскимъ лицомъ и могъ вступать въ подряды отъ своего имени и безъ дозволенія владѣльца,—она только нуждалась въ удостовѣреніи, что крестьянинъ имѣетъ достаточный капиталъ для принятія подряда. Объ этомъ ясно говоритъ указъ отъ 22-го января 1724 года, гдѣ сказано: „ежели кто изъ купечества пожелаетъ для какихъ подрядовъ ѣхать въ С.-Петербургъ, или въ другія мѣста, то бъ по прошенію тѣхъ людей давали имъ изъ городскихъ магистратовъ свидѣльство о ихъ состояніи и торгахъ. И при томъ магистратамъ объявить, чтобъ они таковое свидѣтельство имъ давали, объявляя самую правду и безъ всякаго опасенія, ибо оное свидѣтельсво ни для

чего иного, только для званія тѣхъ людей, а во исправленіи по ихъ подрядамъ взяты будутъ по нихъ особливыя поруки по указу. А ежели въ какіе подряды пожелаютъ крестьяне помѣщиковы; тѣмъ давать таковое свидѣтельство, знатныхъ людей дворецкимъ и стряпчимъ, а прочимъ помѣщикамъ за руками своими" (ibid. № 4432). Здѣсь свидѣтельство и отъ магистратовъ купцамъ и отъ помѣщиковъ крестьянамъ одинаковое,—слѣдовательно ясно, что это свидѣтельство не выражаетъ дозволенія, а только удостовѣреніе въ состоятельности подрядчика.

Въ третьихъ, самое владѣніе крестьянъ землею, въ Петровское время до нѣкоторой степени еще отзывалось старымъ порядкомъ, хотя этотъ порядокъ въ слѣдствіе развитіи уже терялъ свой прежній смыслъ. Законъ, по старому, необходимымъ условіемъ крестьянства еще признавалъ землю, и именно въ опредѣленномъ размѣрѣ. Такъ правительство, отбирая въ казну утаенныхъ по ревизіи владѣльческихъ крестьянъ, съ тѣмъ вмѣстѣ отбирало у владѣльца и слѣдующую на утаенныхъ крестьянъ долю земли. Въ приведенной выше инструкціи генералъ-маіору Чернышеву сказано: „ежели въ сказкахъ явится утайка, то съ владѣльцевъ взять утаенныхъ людей на государя, и на оныхъ противъ числа ихъ, выдѣля изъ той деревни, въ которой явится утайка, изъ дачь земли равную часть, что на нихъ принадлежитъ по размѣру, безповоротно" (ibid. № 3901). Таковое опредѣленное назначеніе доли земли на крестьянина очевидно удерживалось еще по старому порядку, по писцовымъ и переписнымъ книгамъ, ибо ревизія нигдѣ не касалась поземельнаго надѣла крестьянъ, а другихъ новыхъ законовъ объ этомъ предмѣтѣ мы не имѣемъ.

Въ четвертыхъ, наконецъ, по всему вѣроятію. владѣльцы по закону еще не имѣли права суда надъ своими крестьянами и крѣпостными людьми. Право это, какъ дальнѣйшее послѣдствіе, вытекавшее изъ ревизіи, еще не успѣло выработаться при Петрѣ Великомъ, хотя на практикѣ въ жизни существовало и прежде; на это намекаетъ указъ Екатерины 1-й отъ 13-го декабря 1725 года; въ этомъ указѣ сказано: „купеческимъ крѣпостнымъ людямъ судомъ и разправою, какъ и самимъ купцамъ, вѣдомымъ быть въ главномъ магистратѣ; а когда случится у тѣхъ людей съ другихъ чиновъ людьми дѣло, то имъ бить челомъ на нихъ, гдѣ тѣ ихъ соперники вѣдомы" (ibid. № 4812).

Такимъ образомъ и послѣ ревизіи за крестьянами, по закону, еще осталось много старыхъ правъ, несогласныхъ съ тѣми началами ревизіи, которыя развились въ послѣдствіи; но въ тоже время было и важное нововведеніе, согласное съ основными на-

чалами ревизіи,—это утвержденіе разряда заводскихъ крестьянъ. Постоянно преслѣдуя одну главную цѣль, согласную съ началами ревизіи,—чтобы всѣ состояли на службѣ государству, гдѣ служба потребуется по соображеніямъ правительства,—Петръ Великій, считая заведеніе и распространеніе заводовъ и фабрикъ службою государству, находя по тогдашнимъ обстоятельствамъ для этой цѣли сподручнымъ невольный трудъ, не замедлилъ открыть новый разрядъ крестьянъ прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Указомъ отъ 18-го Января 1721 года, онъ разрѣшилъ шляхетству и купечеству покупать деревни къ заводамъ и фабрикамъ. Въ указѣ прямо сказано: „нынѣ по нашимъ указамъ многіе купецкіе люди компаніями и особно, многіе возымѣли къ приращенію государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебренные, мѣдные и прочіе симъ подобные, къ томужъ и шелковыя и полотняныя и шерстяныя фабрики. Того ради повелѣвается симъ нашимъ указомъ, для размноженія такихъ заводовъ, какъ шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ, къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно, съ позволенія бергъ и мануфактуръ коллегій, токмо подъ такою кондиціею, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ не отлучно. И для того, какъ шляхеству, такъ и купечеству, тѣхъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать“ (ibid. 3711). Это новое прикрѣпленіе не къ землѣ и не къ лицу, а къ заводу или фабрикѣ; стѣснительное и для владѣльцевъ, еще стѣснительнѣе было для крестьянъ. Въ деревняхъ землевладѣльческихъ крестьяне занимались земледѣліемъ и на себя и на господина, жили своимъ хозяйствомъ, и за уплатою оброковъ или за отправленіемъ владѣльческихъ работъ, могли добывать на себя и заниматься разными промыслами, которые считали болѣе прибыльными. Напротивъ того, заводскіе крестьяне или фабричные уже лишались права выбора промысловъ; они по самому закону должны были непремѣнно работать на заводахъ и фабрикахъ, ихъ хозяйство уже зависѣло отъ завода или фабрики, къ которымъ они были приписаны; они были, собственно работниками, рабами завода или фабрики, самъ хозяинъ не могъ имъ дать иного назначенія; назначеніе ихъ уже было опредѣлено закономъ. Конечно, это новое рабство свободныхъ или полусвободныхъ людей могло явиться не раньше, какъ въ то время, когда и въ земледѣльческихъ деревняхъ крестьяне болѣе или менѣе обратились въ рабовъ. Законъ только утвердилъ то, что уже фактически было допущено жизнію; т. е. призналъ законность факта, узаконивъ другой тягчайшій фактъ новаго рабства. Но какъ бы то ни было, рабство заводское или

фабричное было гораздо тяжелѣе земледѣльческаго, и тѣмъ болѣе, что въ первое время не было издано никакихъ правилъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ заводамъ и ихъ владѣльцамъ: правила сіи были изданы гораздо позднѣе, уже долго спустя по смерти Петра Великаго; слѣдовательно крестьяне были предоставлены въ полное распоряженіе заводскихъ хозяевъ, какъ обязательныя рабочія силы для производства заводскихъ работъ

(Отношеніе крестьянъ къ землевладѣльцамъ на практикѣ, въ жизни).

Хотя первая ревизія, измѣнившая, по своимъ началамъ, значеніе крестьянъ по закону, въ Петровское время еще не получила полнаго развитія и примѣненія къ дѣлу; тѣмъ не менѣе на практикѣ, въ жизни, далеко уже развила произволъ владѣльцевъ. Мы уже видѣли, что владѣльцы продавали крестьянъ въ розницу, раздробляя семейства, отдѣльно отцовъ отъ дѣтей и т. п., какъ прямо сказано въ указѣ Петра Великаго: „продаютъ людей, какъ скотовъ въ рознь“. Но еще нагляднѣе представляетъ развитіе владѣльческаго произвола современникъ Петра, крестьянинъ Иванъ Посошковъ. Онъ въ своемъ сочиненіи „о скудости и богатствѣ“, написанномъ въ 1724 году, говоритъ: „Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобоносимая; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ. Или что положено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ, и который крестьянинъ станетъ мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ; и многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его яко овцу да гола; и тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ таковые нужды домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Понизовыя мѣста, иные жъ и во Украинныя, а иные и въ зарубежныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ“. (Посошк. стр. 182, 183). Конечно, широкій произволъ владѣльцевъ надъ крестьянами не былъ прямымъ порожденіемъ первой ревизіи, онъ былъ сильно подготовленъ предшествовавшимъ временемъ, какъ мы уже видѣли, владѣльцы и прежде не очень стѣснялись въ своихъ распоряженіяхъ крестьянами; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что

ревизія много способствовало развитію владѣльческаго произвола, ибо она, по началамъ своимъ, отрицала прежнія права крестьянъ. Владѣльческій произволъ при ея помощи развился бы еще сильнѣе, ежели бы его не сдерживала желѣзная воля Петра*); этому лучшимъ доказательствомъ служитъ непомѣрно быстрое развитіе произвола въ послѣдующее время.

Впрочемъ порядокъ отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ, представленный Посошковымъ, безъ сомнѣнія достовѣренъ, но только въ частности, а не вообще. Мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что не всѣ же имѣнія такъ управлялись, какъ изображаетъ Посошковъ, а напротивъ во многихъ имѣніяхъ управленіе было довольно опредѣлено и нестѣснительно для крестьянъ. Вотъ наказъ управителю, какъ управлять деревнями, писанный извѣстнымъ вельможею Артеміемъ Волынскимъ въ 1724 году, гдѣ между прочимъ владѣлецъ говоритъ: „повиненъ каждый крестьянинъ, имѣя тягло, (а въ тяглѣ по наказу должны быть два работника и двѣ работницы), вспахать моей земли двѣ десятины въ подѣ, а въ дву потомужъ, мѣрныя, а имянно всякая десятина 80 саженъ длиною, а 40 саженъ поперечнику. А которая земля учреждается подъ пшеницу, подъ горохъ, подъ конопли, подъ макъ, просо, рѣпу и ленъ,—оную пахать и собирать всѣмъ поголовно, кромѣ положенной на нихъ десятинной пашни. Такожъ на цѣлое тягло уровнять земли крестьянамъ ихъ собственныя во всѣхъ деревняхъ: когда тягло вспашетъ на меня двѣ десятины въ полѣ, то надобно, чтобъ собственной ему земли было на всякое тягло вдвое, которую не запуская конечно повиненъ всякій крестьянинъ самъ на себя вспахать и всю землю посѣять, не отговариваясь тѣмъ, что посѣять нечѣмъ или не на чѣмъ пахать, понеже на то имъ опредѣляется ссуда". Далѣе о другихъ доходахъ съ крестьянъ онъ же пишетъ: „Понеже всѣ помѣщики получаютъ съ своихъ деревень доходы и столовые припасы: для того велите во всѣхъ деревняхъ купить молодыхъ овецъ и молодыхъ свиней и раздайте на каждое тягло по одной овцѣ и по одной свиньѣ неимущимъ крестьяномъ, и по прошествіи года брать съ каждаго тягла въ годъ въ декабрѣ мѣсяцѣ по пуду свинаго мяса, по три фунта масла коровья, да по одному молодому барану. Въ іюнѣ мѣсяцѣ съ нихъ же съ каждаго тягла по три фунта шерсти овечей и по пяти аршинъ посконнаго холста, и притомъ еще съ

---

*) Петръ Великій въ наказѣ воеводамъ 1719 года предписывалъ помѣщиковъ разоряющихъ крестьянъ—лишать управленія своими деревнями, и деревни ихъ отдавать въ управленіе родственникамъ, а ихъ довольствовать опредѣленными доходами. (№ 3294).

Васильевскихъ и съ Никольскихъ крестьянъ сморчковъ сухихъ по одному фунту, малины сухой по одному фунту, съ Батыевскихъ, вмѣсто сморчковъ и малины, брать по два фунта грибовъ сухихъ. Да когда мнѣ случится быть въ Москвѣ или въ Петербургѣ, тогда съ каждаго тягла брать по одному гусю, по одной уткѣ, по одной русской курицѣ, по одному поросенку и по 20 яицъ". Этотъ порядокъ, относительно надѣла крестьянъ землею и сбора доходовъ, почти одинаковъ съ приказами князя Долгорукаго и Андрея Ильича Безобразова, писанными до первой ревизіи.

Но въ наказѣ у Волынскаго, рядомъ съ стариною, идутъ и разныя новости, свидѣтельствующія объ обширнѣйшемъ развитіи помѣщичьей власти. Такъ онъ требуетъ, чтобы крестьяне для своихъ нуждъ отправлялись на ближніе торги не иначе, какъ съ дозволенія приказщика и подъ надзоромъ десятскаго или выборнаго. И ежели десятскій за кѣмъ изъ отправившихся на торгъ замѣтитъ пьянство. или мотовство, или какое нибудь непотребство, то въ тотъ же день долженъ о томъ объявить приказщику, который, при собраніи лучшихъ крестьянъ, долженъ о виноватомъ розыскать и по розыску учинить по винѣ наказанье. Потомъ власть помѣщика надъ крестьянами простирается еще далѣе. Волынскій пишетъ: „по вся годы свидѣтельствовать бѣдныхъ мужиковъ, отъ чего онъ обѣднялъ, и ежели не отъ лѣпости и не отъ пьянства припала ему скудость, такихъ ссужать хлѣбомъ всякимъ; а когда потомъ поспѣетъ хлѣбъ, оный данный отъ него взять, а прибыль ему отдать. Также хотя которые отъ своего непотребства и отъ лѣности обнищали, и тѣхъ ссужать однакожъ съ наказаніемъ, дабы впредь даромъ хлѣбъ ѣсть неповадно было. Буде же и за тѣмъ себѣ пользы не сдѣлаютъ; то такихъ брать въ конюхи или въ пашенную работу на мой дворъ, и такихъ лѣнивцовъ или непотребцовъ кормить мѣсячиною невѣянымъ хлѣбомъ, и чтобъ онъ былъ въ непрестанной работѣ, и подати за нихъ моими деньгами платить". (Москвит. 1854 года т. I стр. 11—42). Здѣсь, при всей попечительности и желаніи добра крестьянамъ, уже замѣтно развитіе помѣщичьей власти гораздо большее противъ прежняго времени.

Кромѣ того, въ самыхъ указахъ правительства мы видимъ, что доходы помѣщиковъ съ крестьянъ имѣли до нѣкоторой степени опредѣленный размѣръ; такъ въ указахъ отъ 4 и 13 апрѣля 1723 года сказано: „на Украинцовъ сверхъ осми-гривеннаго сбора положить еще по четыре гривны съ души, вмѣсто того, что прочіе крестьяне платятъ дворцовые во дворецъ, синодальнаго вѣдѣнія въ синодъ, помѣщиковы своимъ помѣщикамъ" (Соб. Зак. №№

4191 и 4195). Или плакатовъ отъ 26 іюня 1724 года полагается: „съ государственныхъ крестьянъ, кромѣ 74 копѣекъ подушныхъ, вмѣсто тѣхъ доходовъ, что платятъ дворцовые во дворецъ, синодальнаго вѣдѣнія въ синодъ, помѣщиковы помѣщикамъ, по 40 копѣекъ съ души". (ibid. № 4533).

А что этотъ размѣръ доходовъ владѣльца, хотя приблизительный, былъ не далекъ отъ дѣйствительности, принимая его въ общей формѣ, а не по частнымъ, хотя многочисленнымъ исключеніямъ, это доказываютъ хозяйственныя вѣдомости Нижегородскаго архіерейскаго дома за 1721, 1722 и 1723 годы. По симъ вѣдомостямъ значится, что за Нижегородскимъ архіерейскимъ домомъ были слѣдующія вотчины: 1-е село Ельня и село Архангельское съ деревнями въ нихъ по ревизіи положено въ подушный окладъ 1138 душъ мужеска пола; 2-е село Покровское, Егна тожъ, съ деревнями, 843 души мужеска пола; 3-е село Преображенское съ деревнями, Дикія Поля тожъ, 461 душа мужеска пола; и 4-е село Мотовилово 68 душъ мужеска пола. И всего въ четырехъ вотчинахъ мужеска пола душъ положенныхъ въ окладъ 2510 душъ, а считая дворами по переписнымъ книгамъ 186 года, 383 двора. Крестьяне селъ Ельны, Егны и Преображенскаго состояли на издѣльѣ или на барщинѣ, и обработывали на архіерейскій домъ слѣдующее количество десятинъ земли во всѣхъ трехъ поляхъ: въ селѣ Ельнѣ 303 десятины на 1138 душъ окладныхъ; въ селѣ Покровскомъ, Егна тожъ, 43 десятины съ полудесятиною на 843 души; въ селѣ Преображенскомъ 171 десятина, на 461 душъ. Слѣдовательно на обработку архіерейской десятины въ селѣ Ельнѣ было положено три души и $^{229}/_{303}$; въ селѣ Покровскомъ на десятину 19 душъ и $^{16}/_{43}$; въ селѣ Преображенскомъ двѣ душа и $^{119}/_{271}$ барщина, какъ видится, весьма легкая, особенно ежели принять въ разсчетъ, что въ трехпольномъ хозяйствѣ ежегодно обработывается только двѣ трети земли, а треть отдыхаетъ. Такъ именно и значится въ вѣдомостяхъ Нижегородскаго архіерейскаго дома, гдѣ сказано: что въ 1721 году въ селѣ Ельнѣ съ деревнями архіерейской пашни, подъ рожь и яровое, обработывалось 195 десятинъ, въ селѣ Покровскомъ 29 десятинъ, въ селѣ Преображенскомъ 114 десятинъ; въ 1722 году въ Ельнѣ 181 десятина, въ Покровскомъ $29^{1}/_{2}$ десятинъ, въ Преображенскомъ 114 десятинъ; въ 1723 году въ Ельнѣ $234^{1}/_{2}$ десятины, въ Покровскомъ 29 десятинъ, въ Преображенскомъ 114 десятинъ. И въ тѣхъ же хозяйственныхъ вѣдомостяхъ сказано:" 1-е оброчнаго хлѣба съ тѣхъ вотчинъ со крестьянъ не сбирается; 2-е въ тѣхъ же вотчинахъ на архіерейскій домъ сѣна

въ укосъ бываетъ по 2015 копенъ въ годъ, и то сѣно употребляется про домовой скотъ, все безъ остатку; 3-е съ помянутыхъ трехъ вотчинъ (т. е. кромѣ села Мотовилова, съ котораго доходъ не показанъ), сверхъ пашни и оброковъ, запросомъ въ домъ архіерейской съ тѣхъ вотчинъ крестьяне платятъ въ годъ: съ села Ельни съ деревнями за масло и дрова 20 рублевъ, и съ деревни Жуковой оброку и за сѣнные покосы по 65 рублевъ въ годъ; съ села Покровскаго, Егна тожъ, оброку и за масло и за дрова 158 рублевъ. И того съ тѣхъ вотчинъ крестьяне въ домъ архіерейскій оброку платятъ по 243 рубли въ годъ. Съ тѣхъ вотчинъ за отдаточныя пустоши и инаго никакого сбору, кромѣ выше объявленнаго, не бываетъ. 4-е отъ тѣхъ вотчинъ годовыхъ работниковъ въ домѣ архіерейскомъ бываетъ по 8 человѣкъ, дается имъ отъ тѣхъ вотчинъ денегъ по 5 рублевъ на годъ человѣку, и того 40 рублевъ, а хлѣба тѣмъ работникамъ въ дачѣ ничего не бываетъ; а годовыхъ подводъ въ домѣ архіерейскомъ отъ тѣхъ вотчинъ не бываетъ, 5-е въ тѣхъ же вотчинахъ сбиралось съ крестьянъ; на содержаніе управителю денегъ 34 рубли 74 копейки, хлѣба ржи 21 четверть, овса тожъ, пшеницы 5 четвертей, и того 47 четвертей; приказщичей десятинной пашни на посѣвъ 4 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ; да неокладныхъ: съ крестьянскихъ свадебъ по 3 алтына по двѣ деньги съ свадьбы, да съ выводныхъ изъ вотчинъ вдовъ и дѣвокъ по 4 алтына, да ослушниковъ, кои по нарядамъ на издѣлье не пойдутъ и въ кабакахъ пьютъ, по 3 алтына по двѣ деньги. Судьѣ села Архангельскаго да села Преображенскаго, Дикія Поля тожъ, съ крестьянъ въѣзжего съ двора по 2 деньги, да по хлѣбу, да празничнаго съ осмака на три праздника по 6 денегъ, да съ свадьбы по 2 деньгъ, да съ выти хлѣба ржи по четверти, овса потомужъ, да на него жъ пашутъ пашни по двѣ десятины въ въ полѣ, а въ дву потомужъ" (изъ не изданныхъ матеріаловъ). Такимъ образомъ, раздѣливши на 2442 души весь владѣльческій доходъ архіерейскаго Нижегородскаго дома, получимъ на душу пашенной работы седьмую долю десятины съ дробями, сѣнокосу одну копну безъ $^{427}/_{2015}$ долей и 13,$^{414}/_{1221}$ копѣекъ деньгами. Ежели весь этотъ подушный доходъ владѣльца переложить на деньги, то будетъ не болѣе какъ около четырехъ гривенъ съ души, какъ именно и обозначенъ владѣльческій подушный доходъ въ приведенныхъ выше указахъ; слѣдовательно, говоря вообще, обозначенный указами доходъ помѣщика съ крестьянина не противорѣчилъ дѣйствительному среднему подушному доходу владѣльцевъ съ крестьянъ. Факты, представленные хозяйственными вѣдо-

мостями Нижегородскаго архіерейскаго дома, подтверждаются и вѣдомостями Нижегородскаго Печерскаго и Макарьевскаго Желтоводскаго монастырей. По вѣдомости Печерскаго монастыря за 1721, 1722 и 1723 годы значится: „въ Печерскихъ вотчинахъ, въ селѣ Высокомъ съ деревнями 946 душъ мужеска пола, по ревизіи, а пашни монастырской на нихъ положено въ 1721 году 91 десятина въ ржаномъ и яровомъ поляхъ; въ 1722 году 85 десятинъ, въ 1723 году 88 десятинъ; въ селѣ Нагавицынѣ 198 душъ, на нихъ монастырской пашни въ первомъ году 29 десятинъ, въ другомъ году $30^1/_2$ десят., въ 3-мъ $29^1/_2$ десят. въ селѣ Ягоднѣ съ деревнями 978 душъ монастырской пашни въ первомъ году $167^1/_2$ десят , во 2-мъ 169 десят., въ 3-мъ 167 десятинъ; въ селѣ Перевозъ съ деревнями 751 душа, пашни монастырской въ 1-мъ году 87 дес., во 2-мъ 86 и въ 3-мъ 87 десятинъ; въ селѣ Шпилевѣ съ деревнями 517 душъ, монастырской пашни по 88 десятинъ въ каждомъ году; въ селѣ Короповѣ 318 душъ, монастырской пашни по 59 десятинъ въ каждомъ году. Да съ тѣхъ-же вотчинъ, за разные мелкіе поборы платилось деньгами по 13 копѣекъ съ долями съ ревизской души. Да со всѣхъ же сихъ вотчинъ каждогодно шло въ монастырь по 4000 кочней бѣлой капусты, по 40,000 огурцовъ крупныхъ, да 80 ведръ мелкихъ огурцовъ; сверхъ того изъ вотчинъ высылалось въ монастырь по 20 человѣкъ работниковъ лѣтнихъ и по 10 зимнихъ; работникамъ этимъ крестьяне давали на содержаніе: лѣтнимъ—каждому по 5 рублевъ, а зимнимъ каждому по 2 рубли, всего 120 р.; да еще тѣхъ же вотчинъ крестьяне каждогодно косили на монастырь по 3225 волоковыхъ копенъ сѣна.“ (Изъ неизданныхъ матеріаловъ). На общее число 4279 душъ приходилось владѣльческой пашни 607 десятинъ, т. е, по седьмой доли десятины на душу, 3225 копенъ сѣнокосу, т. е. меньше копны на душу, да деньгами 676 р. 27 коп. т. е. около 16 копѣекъ съ души. Слѣдовательно, общій итогъ всѣхъ поборовъ и работъ также едвали доходилъ до четырехъ гривенъ на душу. А по вѣдомостямъ Макаріева Желтоводскаго монастыря за тѣже годы, оказывается, что: „на 3032 души монастырскихъ крестьянъ монастырской десятины пашни приходилось 142 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, т. е. во всѣхъ трехъ поляхъ 426 десятинъ, слѣдовательно на десятину почти по $10^1/_2$ душъ работниковъ, да тѣже крестьяне должны были накосить и привезть на монастырской дворъ 2450 копенъ сѣна. Сверхъ того съ тѣхъ же вотчинныхъ крестьянъ Желтоводскаго монастыря, оброчнаго хлѣба и столовыхъ запасовъ и лѣсныхъ припасовъ сбирался: хлѣба ржи 12 четвертей, овса тожъ,

крупъ гречневыхъ осмина, Алатырскаго уѣзда съ селъ Сары и Медяны съ 832 душъ меда 20 пудъ, грибовъ сушеныхъ 20 четвертей, груздей и волженицъ соленыхъ 50 ведеръ, когда грибамъ родъ бываетъ, по 600 ужищъ и возжей, по 200 лубовъ мочалъ, по 870 тесницъ трехъ саженныхъ, и по 500 рогожъ кулевыхъ; Троицкаго погосту съ села Ивановскаго, Пятницкое тожъ, съ деревнями, съ 462 душъ: за верховыя ухожья оброчнаго меда 7 пудовъ 13 фунтовъ, и 50 тесницъ трехъсаженныхъ; съ села Святицъ Нижегородскаго уѣзду, съ 85 душъ; за верховыя ухожья оброчнаго меда 12 пудовъ 27 фунтовъ, когда родъ бываетъ, грибовъ сушеныхъ 8 четвертей, волженицъ соленыхъ 20 ведеръ, 400 бревенъ трехъ саженныхъ, 40 сосенъ семи и осми саженъ, 100 лубовъ мочалъ, 80 тесницъ трехъ саженъ, по 200 ужищъ и возжей, по 200 обувей лаптей, по 500 пучковъ лыкъ; Нижегородскаго уѣзда съ села Николаевскаго, Керженецъ тожъ, съ 111 душъ: яицъ курячихъ 2000, ягодъ малины, клюквы, брусники, по 172 ведра каждой ягоды, да изъ бортныхъ ухожьевъ меда по 70 пудъ, дровъ по 2000 возовъ, да лопатъ по 688 на годъ. Нижегородскаго уѣзда съ подмонастырской слободы да съ селъ Ивановскаго, Мазы съ деревнями, съ 1233 душъ; да съ тѣхъ же со всѣхъ вотчинъ съ 3032 душъ сбиралося на манастырь работниковъ — годовыхъ 46 человѣкъ, да двумѣсячныхъ 35 человѣкъ, а денежная имъ дача по найму производилася отъ крестьянъ же, хлѣбомъ же работники питалися монастырскимъ". Сверхъ того съ тѣхъ же вотчинъ шло деньгами 82 рубли 50 копѣекъ. (Изъ неизданныхъ матеріаловъ).—Вѣроятно, ежели всѣ поборы и работы съ вотчинъ Макарiева Желтоводскаго монастыря положить на деньги, то придется опять не болѣе четырехъ гривенъ съ души, какъ обозначено въ приведенныхъ выше указахъ 1723 и 1724 годовъ, ибо исчисленные въ вѣдомостяхъ поборы, состоявшіе преимущественно изъ лѣсныхъ произведеній, въ такой лѣсной сторонѣ какъ Нижегородской и Алатырскій край, особенно въ началѣ XVIII столѣтія, были чрезвычайно дешевы; притомъ произведенія сіи брались изъ монастырскихъ же лѣсныхъ дачъ — слѣдовательно здѣсь шелъ въ цѣну тольто трудъ крестьянина, самый же матеріалъ былъ не его, и ему ничего не стоилъ. Все это очень ясно показываетъ, что послѣ первой ревизіи, въ продолженіе царствованія Петра Великаго, хотя и были значительныя злоупотребленія владѣльцевъ, и многіе крестьяне отъ того терпѣли крайнее разореніе, но тѣмъ не менѣе общій уровень владѣльческихъ доходовъ съ крестьянъ былъ почти въ половину менѣе подушной подати въ казну; особенно таковою легко-

стію пользовались крестьяне дворцовые и синодальнаго вѣдомства, въ управленіи которыми было болѣе порядка и отчетности.

Такимъ образомъ первая ревизія хотя внесла въ русскую администрацію и законодательство новыя начала, небывалыя прежде въ Россіи, и сильно измѣнившія значеніе владѣльческихъ крестьянъ — однако всѣ сіи начала въ царствованіе Петра Великаго далеко еще не имѣли полнаго развитія. Старый порядокъ, старое значеніе крестьянъ еще были очень сильны; ни администрація, ни общество не могли еще отъ нихъ отвыкнуть; самъ Петръ Великій въ этомъ дѣлѣ поступалъ весьма осторожно и не пренебрегалъ старымъ порядкомъ, не имѣя возможности вполнѣ замѣнить его новымъ безъ ощутительныхъ неудобствъ въ администраціи. Да и вообще государственныя и бытовыя реформы Петра такъ были обширны и разнообразны, что онъ, по необходимости, развитіе многихъ началъ, внесенныхъ имъ въ Русскую жизнь, долженъ былъ предоставить послѣдующему времени. Первая ревизія, поровнявши дворовыхъ людей съ крестьянами и отнявши у владѣльцевъ право исключительной собственности на тѣхъ и другихъ, не успѣла уничтожить въ конецъ стараго порядка и старыхъ понятій о значеніи крестьянства; въ обществѣ даже было убѣжденіе, что крестьяне принадлежатъ владѣльцамъ только временно, что право владѣнія на крестьянъ только условливается службою владѣльцевъ. Такъ Петровскій современникъ, крестьянинъ Иванъ Посошковъ пишетъ: „крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ; а прямой ихъ владѣтель Россійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять; но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне были крестьянами прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство царственное“. (Посош. стр. 183). Но еще яснѣйшія свидѣтельства о таковомъ убѣжденіи общества мы увидимъ въ послѣдствіи.

Для самихъ крестьянъ существенное измѣненіе въ ихъ бытѣ и значеніи, порожденное первою ревизіею, еще было не замѣтно: они во все продолженіе царствованія Петра еще думали, что пользуются прежними правами, и всѣ притязанія господской власти считали старыми злоупотребленіями. Дѣйствительно, по формѣ послѣднія походили на прежніе обычаи владѣльцевъ, хотя въ сущности изтекали изъ новыхъ началъ и имѣли уже опору въ законѣ. Такъ напримѣръ продажа крестьянъ безъ земли производилась и прежде, вслѣдствіе извѣстнаго указа 1675 года; тоже должно сказать о переводѣ крестьянъ въ дворовые люди; участіе

владѣльцевъ въ платежѣ крестьянами разныхъ казенныхъ податей также не было новостію, ибо владѣльцы и до первой ревизіи, какъ уже извѣстно, принимали сильное участіе въ этомъ дѣлѣ и имѣли для того особыхъ стряпчихъ, хотя законъ въ то время и не обязывалъ ихъ къ этому; не новостью также было вмѣшательство владѣльцевъ въ крестьянскій судъ и расправу, да притомъ ревизія на это прямо и не указывала — права владѣльцевъ, относительно но суда надъ крестьянами, вытекали изъ ревизіи только какъ дальнѣйшія послѣдствія; самыя работы крестьянъ на владѣльцевъ, а также разные владѣльческіе оброки еще не всегда и не вездѣ разнились отъ прежнихъ работъ и оброковъ, да и по закону крестьяне не были еще лишены права искать суда на владѣльческія притѣсненія.

Самое положеніе полныхъ холоповъ и кабальныхъ слугъ, существенно прямо и рѣзко измѣненное первою ревизіею, еще не ясно сознавалось тѣми самыми людьми, до которыхъ оно болѣе всего касалось; холопы, по прежнему состоя въ полномъ распоряженіи своихъ господъ, вѣроятно еще и не замѣчали, что по ревизіи они сдѣлались членами русскаго общества, что за нихъ уже платится подушная подать. Кабальные слуги, въ слѣдствіе ревизіи, потерявшіе право на свободу по смерти господъ, конечно прежде другихъ должны были замѣтить всю невыгоду своего новаго положенія; но и ихъ положеніе въ самомъ законѣ такъ еще было не ясно и такъ соприкасалось съ старыми обычаями, что и они по всему вѣроятію считали еще себя кабальными слугами, а не полными холопами, да и самый законъ окончательно, кажется, не рѣшилъ ихъ участи, ибо и по смерти Петра мы еще встрѣтимъ указы, касающіеся кабальныхъ слугъ.

Введенная первою ревизіею перемѣна отношеній между владѣльцами и ихъ подданными разныхъ разрядовъ, въ царствованіе Петра Великаго, еще не сознавалась ясно ни тою ни другою стороною; вся тяжесть этой перемѣны и постепенное ея развитіе проявились уже при ближайшихъ Петровыхъ преемникахъ, ко времени которыхъ мы теперь и обратимся.

(крестьяне и вообще крѣпостные люди съ 1725 по 1762 г.).

Начала, не ясно и не вполнѣ высказанныя въ первой ревизіи, по смерти Петра Великаго быстро стали развиваться и разъясняться: въ какіе нибудь 35 лѣтъ владѣльческіе крестьяне и кабальные люди, еще не совсѣмъ слитые съ полными холопами при Петрѣ

Великомъ, такъ сравнялись съ ними, что уже составили одно безразличное крѣпостное состояніе, утратившее почти всѣ права личности.

Законодательство послѣ Петра Великаго прежде всего обратило вниманіе на кабальныхъ людей, и указомъ отъ 26 Марта 1729 года наконецъ уничтожило ихъ прежнія права и обратило ихъ въ крѣпостныхъ полныхъ холоповъ. И дѣйствительно, кабальные люди стояли первые на очередѣ преобразованій, какъ потому, что они лишались правъ болѣе ощутительныхъ, такъ и потому, что Петръ Великій, ни первою ревизіею, ни послѣдующими указами, не успѣлъ ясно опредѣлить новое значеніе этого многочисленнаго класса прежнихъ полусвободныхъ людей. Эта неопредѣленность и значительность потери правъ, которой по новому положенію подвергались кабальные люди, не замедлили съ ихъ стороны вызвать реакцію. Въ 1729 году, въ февралѣ мѣсяцѣ появился и распущенъ былъ въ народѣ небывалый указъ отъ 19 декабря 1728 года, что будто бы „для поминовенія великой княжны Натальи Алексѣевны, съ церковниковъ и съ боярскихъ людей, съ кабальныхъ и некабальныхъ, и другихъ, которыя положены въ генеральство въ подушный окладъ на разположеніе арміи, съ сего числа впредь неимать, кромѣ крестьянъ и другихъ чиновъ, и чтобъ оный указъ по всей Россіи къ свидѣтельству душъ послать изъ сената при указѣ". Указъ сей, явно составленный для того, чтобы произвести движеніе въ церковникахъ, кабальныхъ и некабальныхъ боярскихъ людяхъ, должно быть, имѣлъ значительный успѣхъ въ этомъ классѣ народа и сильно встревожилъ правительство; ибо немедленно были посланы строгіе сыщики, и къ 5 марта уже былъ изданъ имянный указъ, въ которомъ сказано: „по сыску явилось, что списки съ того мнимаго указа составилъ, умысля воровски, поповичь Иванъ Степановъ, который пойманъ и въ томъ воровствѣ повинился; того ради для всенароднаго извѣстія на стоящій императорскій указъ во всемъ государствѣ печатными листами публиковать, дабы всякаго чина люди а томъ вѣдали, и у кого такіе воровскіе составные списки явятся, не вѣрили, и приносили бы оные и объявляли на Москвѣ въ сенатѣ, а въ городахъ губернаторамъ и воеводамъ, и имъ губернаторамъ тѣ списки у нихъ собирая, присылать въ сенатъ немедленно". (П. С. Зак. 5374). А въ слѣдъ за тѣмъ сдѣлано распоряженіе всѣхъ кабальныхъ людей, даже и тѣхъ, которые по прежнимъ указамъ слѣдовали въ военную службу, немедленно записывать въ подушный окладъ за тѣми помѣщиками, за которыми они живутъ по кабаламъ, а также поступать и съ малолѣтными дѣтьми кабальныхъ людей. Въ указѣ отъ 26

марта 1729 года сказано: „1-е которые кабальные люди отъ домовъ объявлены и назначены въ солдаты и матросы, и понынѣ за перемѣну не отданы и въ службу еще не отосланы, а требуютъ ихъ къ себѣ помѣщики, тѣхъ для опредѣленія въ службу не отнимать и перемѣны или, вмѣсто перемѣнныхъ, денегъ за нихъ не требовать, а написать ихъ всѣхъ въ подушный окладъ за тѣми помѣщиками, отъ которыхъ они въ сказкахъ показаны, или къ кому во служеніе приняты, дабы отъ платежа подушнаго нигдѣ обойдены не были, 2-е также кабальныхъ людей дѣтей, которые отданы до возраста, всѣхъ въ возрастъ пришедшихъ и малолѣтныхъ написать въ подушный же окладъ противъ перваго пункта и въ службу не отсылать". (П. С. Зак. № 5392). Такимъ образомъ права кабальныхъ людей окончательно уничтожены однимъ указомъ, и они навсегда сравнены съ полными крѣпостными людьми; такъ что послѣ сего объ нихъ болѣе уже не упоминается въ указахъ.

Въ слѣдъ за кабальными людьми тойже участи подверглись и, такъ называемые прежде, вольные государевы гулящіе люди. Они, какъ мы уже видѣли, еще по указамъ Петра Великаго потеряли свое прежнее значеніе и обязаны были или идти въ военную службу, или за негодностію приписаться къ кому либо въ услуженіе; но это распоряженіе не совсѣмъ еще было приведено въ исполненіе, и даже нѣсколько времени послѣ Петра еще встрѣчались вольные гулящіе люди; посему послѣдовалъ вновь указъ отъ 16 Іюня 1729 года, по которому таковые люди или должны были поступать въ военную службу, или за негодностію записываться за кого либо въ подушный окладъ, или ссылаются въ Сибирь на поселеніе, и ни въ какомъ случаѣ не оставляются въ прежнемъ положеніи вольныхъ государевыхъ людей; напротивъ они, какъ неимѣющіе уже правъ, ловятся полиціею и приводятся въ воеводскія канцеляріи, гдѣ ихъ, какъ сказано въ указѣ: „не державъ ни мало времени отсылать годныхъ въ службу, въ военную коллегію, а негодныхъ велѣть себѣ пріискивать такихъ, которые бы ихъ писали за собою въ подушный окладъ, а ежели никто не приметъ, оныхъ посылать для поселенія въ Сибирь, дабы чрезъ то шатающихся и праздныхъ безъ дѣлъ и безъ платежа подушныхъ денегъ никого не было". (№ 5441).

Сими двумя указами начала первой ревизіи, относительно кабальныхъ и гулящихъ людей, до толѣ неясныя, получаютъ полное развитіе; и сіи два класса людей окончательно отмѣняются и теряютъ свои прежнія права — законъ уже не признаетъ ихъ существованія.

Между тѣмъ правительство, сознавая неопредѣленность и шаткость новаго положенія крѣпостныхъ людей вслѣдствіе первой ревизіи, кажется, имѣло въ виду сочинить особое уложеніе, въ которомъ бы права и обязанности крѣпостныхъ были опредѣлены ясно и точно, и кажется сочиненіемъ таковаго уложенія занимался сенатъ. Такъ по крайней мѣрѣ намекаетъ сенатскій указъ отъ 5-го іюля 1728 года, въ которомъ сказано: „во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ публиковать печатными указами, дабы бѣглые люди и крестьяне безъ всякаго опасенія изъ бѣговъ шли на прежнія жилища и ко владѣльцамъ своимъ, покамѣстъ сочинющееся уложеніе окончено и публиковано будетъ". (№ 5301). Но этому новому уложенію почему то не суждено было придти къ окончанію и быть публикованнымъ; а постепенное юридическое паденіе крѣпостныхъ людей и уничтоженіе ихъ правъ личности—своимъ чередомъ и быстро совершалось подъ вліяніемъ разныхъ частныхъ указовъ.

Такъ напримѣръ указомъ отъ 25 октября 1730 года, въ отмѣну прежнихъ правъ, *боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ запрещено пріобрѣтать недвижимыя имѣнія*, какъ въ городахъ такъ и въ уѣздахъ (№ 5633). Или по регламенту камеръ-коллегіи 1731 года *крестьяне были лишены правъ вступать въ подряды и откупа.* Въ 22 статьѣ сего регламента сказано: „крестьянъ ни въ откупы, ни въ подряды, кромѣ найма подводъ и судовъ и какихъ либо работъ, допускать не велѣно". Или, по тому же регламенту, платежъ казенныхъ податей рѣшительно переведенъ на отвѣтственность владѣльцевъ. Этотъ порядокъ, какъ мы уже видѣли, хотя былъ заведенъ еще Петромъ Великимъ, но прежняя привычка обращаться прямо къ крестьянамъ еще имѣла большую силу, отъ чего и была значительная недоимка; поэтому регламентъ въ 6-й статьѣ прямо и ясно предписываетъ: „тѣ подушныя деньги платить самимъ помѣщикамъ; а гдѣ помѣщиковъ нѣтъ, приказщикамъ и старостамъ, или тѣмъ людямъ, кому оныя деревни приказны.... А ежели который помѣщикъ самъ. или въ небытность его приказщикъ. или тотъ кому ихъ деревни поручены, на срокъ не заплатятъ; то въ такіе деревни, для платежа тѣхъ денегъ, обрѣтающимся на вѣчныхъ квартирахъ полковникамъ, а въ небытность ихъ офицерамъ, обще съ воеводами посылать экзекуцію, и велѣть немедленно править на помѣщикахъ, а гдѣ помѣщиковъ нѣтъ, на приказщикахъ и на старостахъ обще, и ихъ понуждать, чтобы они сбирали съ крестьянъ. А буде крестьяне приказщиковъ и старостъ слушать не будутъ, въ томъ имъ вспомогать по ихъ требованію, и съ тѣмъ платежемъ къ воеводамъ

отсылать". (№ 5789). Такимъ образомъ правительство не только отстраняетъ крестьянъ отъ непосредственныхъ сношеній съ своими органами при платежѣ податей, но даже принимать на себя обязанность силою помогать владѣльцамъ и ихъ приказщикамъ, ежели крестьяне окажутся непослушными. Далѣе, указомъ отъ 5 іюня 1732 года разрѣшается владѣльцамъ переселять своихъ крестьянъ изъ одного уѣзда въ другой, только неиначе какъ съ разрѣшенія камеръ-коллегіи и съ обязанностію платить подушныя подати въ томъ уѣздѣ, гдѣ крестьяне записаны по ревизіи. (№ 6117). Въ сущности это право владѣльцевъ не новое, они переселяли своихъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое и въ XVII столѣтіи; но съ первою ревизіею отъ такого права могло быть замѣшательство въ сборѣ податей, какъ прямо и сказано въ указѣ: „дабы отъ таковаго безъуказнаго переводу въ платежѣ подушныхъ денегъ и рекрутъ и прочихъ указныхъ сборовъ не было помѣшательства и доимокъ". Почему и возникъ вопросъ: разрѣшать ли помѣщикамъ переводъ крестьянъ изъ одного уѣзда въ другой? который и былъ разрѣшенъ этимъ указомъ въ пользу помѣщиковъ подтвержденіемъ ихъ стараго права. Наконецъ у крестьянъ, указомъ отъ 18 декабря 1739 года, отнято право покупать людей въ услуженіе и даже для поставки вмѣсто себя рекрутовъ. Въ указѣ сказано: „Дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ въ покупкѣ не только для собственной своей услуги, но и въ рекрутскую отдачу не допускать, для того, что тѣмъ вотчинамъ между собою покупки прозводить невозможно, а принуждены покупать у помѣщиковъ же. И такъ оныя дворцовыя и монастырскія вотчины сами будутъ всегда въ состояніи, а помѣщиковы умалятся, и отъ того доимки умножатся". (№ 7937).

Постепенное уменьшеніе правъ, которыми еще при Петрѣ Великомъ пользовались крѣпостные дворовые люди и крестьяне, наконецъ дошло то того, что они, въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, толпами уходили отъ помѣщиковъ и добровольно просились въ военную службу, даже утруждали своими просьбами императрицу, какъ прямо сказано въ указѣ отъ 2 го іюня 1742 года: „Въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ сего 1742 года, многіе помѣщиковы люди, отбывая отъ помѣщиковыхъ своихъ, бѣжали, и затѣявъ собою, якобы помѣщиковыхъ людей повелѣно записывать въ вольницу, били челомъ о запискѣ себя въ военную службу, и о томъ подавали самой императрицѣ челобитныя, согласясь не малымъ собраніемъ и порознь. Другіе же о запискѣ себя въ военную службу хотя челобитенъ не подавали: но, смотря на другихъ свою братью, отъ помѣщиковъ своихъ бѣжали жъ,

желая записаться въ военнуѣ службу и, по поданнымъ отъ своей братьи объ ономъ челобитныхъ, яко бы указа ждали". За это, по словамъ того же указа, симъ охотникамъ до военной службы „учинено на площади съ публикою жестокое наказанiе; а именно: которые подавали челобитныя не малымъ собранiетъ, тѣ биты кнутомъ, а изъ нихъ пущiе къ тому заводчики сосланы въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно; а которые челобитныя подавали порознь, тѣ вмѣсто кнута биты плетьми, а прочiе батоги, и по наказанiи, кромѣ тѣхъ, которые сосланы въ ссылку, отданы помѣщикамъ ихъ въ услуженiе по прежнему". Для предупрежденiя подобныхъ движенiй впредь, настоящимъ указомъ предписано: „наикрѣпчайше подтвердить, чтобы впредь помѣщиковы люди, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ, отнюдь не бѣгали и о запискѣ въ военную службу нигдѣ не просили; а ежели кто впредь въ такихъ побѣгахъ и продерзостяхъ явится, такимъ конечно чинено будетъ жестокое наказанiе, биты кнутомъ и сосланы въ работу". (№ 8577). Такимъ образомъ, по настоящему указу, крѣпостные люди потеряли окончательно и прежнее право на самовольное вступленiе въ военную службу.

Вторая ревизiя, послѣдовавшая при императрицѣ Елисаветѣ, еще болѣе и яснѣе развила начала первой ревизiи: она не только утвердила всѣ стѣсненiя крѣпостныхъ людей, постановленныя предшествовавшими указами, но и ввела многiя новыя. Въ инструкцiи для сей ревизiи, данной отъ 16-го декабря 1742 года, въ 1-хъ дворовые люди совершенно смѣшиваются съ крестьянами, такъ что впредь законъ не полагаетъ ни какого различiя между дворовымъ человѣкомъ и крестьяниномъ; въ 6 параграфѣ этой инструкцiи сказано: „дворовыхъ людей писать къ деревнямъ ихъ владѣльцевъ, а не къ дворамъ. ежели владѣльцы имѣютъ деревни". Во 2-хъ запрещается на будущее время прикрѣплять къ себѣ вольныхъ людей тѣмъ, которые не имѣютъ деревень; но оставляются крѣпостными находящiеся уже въ крѣпости, хотя бы у ихъ владѣльцевъ и не было деревень. Въ 7 параграфѣ инструкцiи сказано: „которые люди явятся крѣпостные у такихъ людей, которые за собою деревень не имѣютъ, кому указами крѣпостныхъ людей имѣть не запрещено, а въ подушный окладъ нигдѣ не положены; также которые явятся записанными въ подушный окладъ по прежнимъ указамъ къ городскимъ дворамъ въ Великороссiйскихъ городахъ, оныхъ всѣхъ переписать особо. И хотя по указу 1739 года, за кѣмъ деревень нѣтъ, за таковыми ни за кѣмъ въ подушный окладъ писать не велѣно; но понеже оные ихъ люди крѣпостные, и по указамъ такихъ людей имъ имѣть не

запрещено; того ради всѣхъ такихъ людей писать за тѣми жъ, за кѣмъ они нынѣ въ крѣпостяхъ живутъ и гдѣ по переписи явятся, съ такимъ опредѣленіемъ, что имъ за тѣхъ людей подушныя деньги платить бездоимочно.... А кто тѣхъ подушныхъ денегъ платить не будетъ, и чрезъ одинъ годъ явятся въ доимкѣ, у такихъ тѣ люди будутъ взяты и отданы другимъ помѣщикамъ изъ платежа подушнаго оклада. А вольныхъ людей къ такимъ, кто за собою деревень не имѣетъ, по силѣ того 1739 года указа, отнюдь не приписывать". Въ 3-хъ окончательно отрицается всякое право свободныхъ людей, еще незаписанныхъ почему либо въ ревизію, хотя и имѣющихъ увольнительные виды отъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ. § 16 гласитъ: „Ежели при генеральной ревизіи явятся разночинцы, и незаконорожденные и люди боярскіе, отпущенные изъ домовъ съ отпускными и вѣчными паспортами, и ни кого себѣ до нынѣ помѣщиковъ не сыскали, и въ подушный окладъ ни закѣмъ не записаны: таковыхъ и съ дѣтьми, пожеланіямъ ихъ, ежели которые имѣютъ торговые промыслы и ремесла, писать въ посады и въ цехи, а прочихъ, кои годны будутъ, писать въ солдаты. А которые пожелаютъ быть у помѣщиковъ, таковыхъ всѣхъ писать къ помѣщикамъ и на фабрики, къ кому они въ услуженіе идти пожелаютъ, и кто ихъ изъ платежа подушнаго оклада взять похочетъ, дабы ни одинъ безъ положенія не остался. А ежели ихъ изъ платежа подушнаго оклада никто не возметъ, а въ службу негодны, такихъ посылать для поселенія въ Оренбургъ или на казенные заводы" (№ 8836),

Такимъ образомъ настоящая ревизія заботится только объ исправномъ сборѣ казенныхъ податей и ломаетъ всѣ права податныхъ людей, ежели не видитъ обезпеченія въ исправномъ платежѣ подушной подати, отдаетъ ихъ въ крѣпость первому желающему платить подати и могущему обезпечить этотъ платежъ. По этой ревизіи, правительство уже вовсе не признаетъ крѣпостныхъ людей членами русскаго общества, и даже ни въ чемъ не относится къ нимъ, а знаетъ только однихъ владѣльцевъ, требуетъ, чтобы владѣльцы исправно платили подушныя подати за своихъ крѣпостныхъ, отнимаетъ крѣпостныхъ у того изъ нихъ, кто оказывается неисправнымъ плательщикомъ, и отдаетъ тому, кто приметъ ихъ изъ платежа подушнаго оклада. Законъ заботится только о томъ, чтобы никто не оставался безъ *положенія!* т. е. безъ службы государству такъ или иначе. Свобода и права личности здѣсь вовсе не принимаются въ соображеніе, каждый непремѣнно долженъ быть записанъ: служилый—въ службу за государствомъ; податной — въ подушный окладъ гдѣ либо или за кѣмъ нибудь,

ремесленники и торговцы—въ цехъ или посадъ; прочіе—за помѣщиковъ или при фабрикахъ и заводахъ; а кто не запишется, того, ежели годенъ, писать въ солдаты, негоднаго же, и кого никто не беретъ въ крѣпость изъ платежа подушной подати—ссылать для поселенія въ Оренбургъ или въ работу на казенные заводы. Страшно за бѣдняковъ: ихъ ничто не спасаетъ отъ неволи, къ нимъ нѣтъ ни довѣрія, ни пощады, ихъ не спрашиваютъ, будутъ ли они платить подушную подать, а прямо требуютъ, чтобы они шли въ крѣпость къ тому, кто ихъ приметъ и обяжется платить подушную подать! Самое рабство они должны считать милостію: имъ негдѣ и головы приклонить, законъ торжественно отрицаетъ ихъ личность и свободу, какъ будто бы тѣсна сдѣлалась пространная Русская земля, какъ будто бы уже такъ много было рабочихъ рукъ, что всѣ промыслы и занятія были разобраны, что вольному человѣку и подушныхъ негдѣ заработать—и волей не волей бѣднякъ изъ платежа подушныхъ долженъ былъ идти или въ солдаты, или искать, какъ милости, чтобы кто либо взялъ его къ себѣ въ вѣчное рабство, и обязался платить подати.

Не мало было и этаго стѣсненія. Указомъ отъ 14 марта 1746 года кончательно положены были границы и самому праву имѣть крѣпостныхъ людей; въ указѣ сказано: „Впредь купечеству, архіерейскимъ и монастырскимъ слугамъ и боярскимъ людямъ и крестьянамъ, и написаннымъ къ купечеству и въ цехъ; такоже казакамъ и ямщикамъ и прочимъ разночинцамъ состоящимъ въ подушномъ окладѣ, людей и крестьянъ безъ земель и съ землями покупать во всемъ государствѣ запретить и крѣпостей онымъ нигдѣ не писать“ (№ 9,267). Такимъ образомъ право имѣть крѣпостныхъ людей сдѣлалось привилегіею самаго малочисленнаго класса общества, и за небольшими исключеніями далеко не богатаго. Съ тѣмъ вмѣстѣ много потеряла силы и конкуренція на пріемъ свободныхъ людей въ крѣпость; такъ что предложеніе на пріемъ въ крѣпость, въ слѣдствіе правилъ второй ревизіи, по необходимости сдѣлалось сильнѣе запроса, и свободный бѣднякъ, по закону долженствовавшій искать себѣ господина, не могъ уже и заикнуться объ условіяхъ прикрѣпленія, а долженъ былъ просить, какъ милости, чтобы кто либо изъ привиллегированныхъ удостоилъ его принять въ число своихъ крѣпостныхъ, съ обязанностію платить за него подушную подать. Межевая инструкція 1754 года вызвала еще новыя мѣры къ ограниченію владѣнія недвижимыми имѣніями а съ тѣмъ вмѣстѣ и крѣпостными людьми; вслѣдствіе этой инструкціи изданъ былъ указъ отъ 6-го февраля 1758

года, коимъ предписывается недвижимыя имѣнія непремѣнно продать въ полугодовой срокъ тѣмъ владѣльцамъ, которымъ по закону владѣть запрещено; въ указѣ сказано: „Ежели явятся во владѣніи недвижимыя имѣнія за находящимися въ военной и иныхъ службахъ, кои въ службу вступили не изъ шляхетсва, но изъ положенныхъ въ подушный окладъ и другихъ званій; а оберъ-офицерскихъ ранговъ не имѣютъ; и таковымъ какъ свои собственныя, такъ и приданыя недвижимыя, въ полгода продать, кому по указамъ надлежитъ; а ежели въ тотъ срокъ не продадутъ, а по наѣзду межевщиковъ объявятся за ними жъ во владѣніи, такія недвижимыя отписать на ея императорское величество“ (№ 10,796). По этому указу владѣніе недвижимыми имѣніями и крѣпостными людьми уже окончательно представлено одному потомственному дворянству и людямъ выслужившимся до оберъ-офицерскихъ ранговъ, а всѣ прочіе классы потеряли на это право. Но за то дворянству это право было предоставлено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; дворянинъ могъ пріобрѣтать крестьянъ, даже не имѣя собственной земли; для записки за нимъ въ подушный окладъ, какъ того требуютъ правила второй ревизіи, для него достаточно было поселить и записать крестьянъ и крѣпостныхъ людей на нанятой землѣ, не составлявшей его собственности. Такъ въ указѣ отъ 1-го ноября 1760 года упоминается, что въ канцеляріи конфискаціи по дѣламъ оказываются отписные за доимки, за штрафы, и за выморочные и конфискованные въ уѣздахъ дворовые люди и крестьяне, подъ которыми тѣхъ помѣщиковъ, изъ-за которыхъ отписаны, земель нѣтъ, а были при тѣхъ помѣщикахъ на наемныхъ земляхъ, на которыхъ и въ подушный окладъ положены“ (№ 11,136).

Вмѣстѣ съ исключительнымъ правомъ владѣнія крѣпостными людьми, предоставленнымъ одному только дворянству, явились и другія привиллегіи того же класса къ явноиу подавленію личности въ крѣпостныхъ людяхъ. т. е. въ крестьянахъ и дворовыхъ. Такъ по указу отъ 4-го декабря 1747 года за помѣщиками утверждено право продавать дворовыхъ людей и крестьянъ кому бы то ни было для отдачи въ рекруты, только съ обязательствомъ платить подушныя деньги за проданныхъ (№ 9456). А по указу отъ 13-го декабря 1760 года помѣщики получили еще важнѣйшее право: ссылать неугодныхъ дворовыхъ людей и крестьянъ въ Сибирь, даже съ зачетомъ отъ казны въ рекруты, или съ платежомъ извѣстной суммы денегъ. Указъ объявляетъ: „кто изъ помѣщиковъ пожелаетъ своихъ людей и крестьянъ, также мужескъ полъ и женскъ, годныхъ къ крестьянской и другой работѣ, лѣ-

тами не старѣе 45 лѣтъ, отдавать на поселеніе въ Сибирь, таковыхъ принимать, по заручнымъ доношеніямъ отъ самихъ помѣщиковъ или отъ ихъ повѣренныхъ, въ лежащихъ по Волгѣ и Окѣ губерніяхъ и городахъ, а помѣщикамъ ихъ и повѣреннымъ давать для зачета въ будущіе наборы въ рекруты надлежащія квитанціи. А кои изъ тѣхъ людей женаты, отдавать съ женами; а будетъ изъ тѣхъ, у коихъ малолѣтные дѣти будутъ, коихъ сами помѣщики при отцахъ ихъ и матеряхъ на то поселеніе отдать пожелаютъ, за таковыхъ платить тѣмъ помѣщикамъ изъ казны — за мужескъ полъ до 5 лѣтъ по 10 рублей, а отъ 5 до 15 лѣтъ по 20 рублей, а въ 15 лѣтъ. не платя денегъ, зачитать въ рекруты, а за дѣтей за женскъ полъ платить деньги въ половину" (№ 11,166). Такимъ образомъ свободные бѣдняки, вслѣдствіе правилъ второй ревизіи, во избѣжаніе отъ военной службы и ссылки въ Сибирь поступившіе въ крѣпость къ помѣщикамъ, изъ платежа подушной подати, по настоящимъ указамъ не избѣгали ни солдатства, ни ссылки на поселеніе, только уже не по распоряженію правительства, а по волѣ помѣщика. Помѣщикъ же съ пріобрѣтеніемъ такихъ привиллегій, получилъ полную власть надъ крѣпостными людьми, торговалъ ими, какъ товаромъ, продавалъ въ рекруты, ежели находилъ выгодныхъ покупщиковъ, а платежъ подушной подати за проданныхъ разлагалъ на остальныхъ крестьянъ, если же который крѣпостной въ рекруты не годился, того ссылалъ въ Сибирь и получалъ за него рекрутскую квитанцію, а за дѣтей его деньги, да и притомъ имѣлъ право оставить дѣтей у себя, т. е. законъ уже дозволялъ помѣщику продавать крестьянъ, отдѣляя дѣтей отъ родителей, чего не допускалъ, или по крайней мѣрѣ старался не допускать Петръ Великій, какъ это мы уже видѣли изъ его указа отъ 15 апрѣля 1721 года. Мало этого, помѣщикъ имѣлъ право отпускать на волю хворыхъ и старыхъ крѣпостныхъ людей, негодныхъ къ работѣ, т. е. могъ выгнать ихъ изъ своего имѣнья на голодную смерть, или на бродячую жизнь нищаго попрошайки, а слѣдующую съ отпущеннаго подушную подать разлагалъ на крестьянъ, къ явному ихъ отягощенію.

Въ одно время съ стѣсненіемъ личности, крѣпостные люди постепенно теряли права и на собственности. Мы уже видѣли, что крестьянамъ запрещено было брать откупа и вступать въ подряды, за небольшими исключеніями, а также пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ городахъ и уѣздахъ; но еще прежде того указомъ отъ 21 іюля 1726 года крестьяне потеряли право свободно отправляться на промыслы; въ этомъ указѣ сказано: „желающимъ

крестьянамъ идти на работы и суда, давать пропуски помѣщикамъ ихъ, а гдѣ самихъ помѣщиковъ нѣтъ, то приказщикамъ и и старостамъ" (№ 4942). Правду сказать, покормежныя записки давались помѣщиками своимъ крестьнамъ еще и въ XVII вѣкѣ, но при тогдашнихъ правахъ крестьянъ это не представляло тѣхъ стѣсненій крестьянскимъ промысламъ, какимъ крестьяне подвергались, отъ этого права помѣщиковъ, въ XVIII столѣтіи, послѣ Петра Великаго. Потомъ указомъ отъ 12 марта 1734 года крестьянамъ запрещается заводить суконные фабрики (№ 6,551). Наконецъ указомъ отъ 14 февраля 1761 года крестьянамъ запрещено обязываться векселями вступать въ поручительство; да и подъ заемныя письма имъ дозволялось брать не иначе, какъ съ удостовѣрительнымъ дозволеніемъ отъ помѣщиковъ. Въ указѣ сказано: „крестьянъ векселями и другими никакими заемными письмами, подъ образомъ векселя, хотябъ оные съ выбора вотчинъ и волостей даны были, отнюдь не обязывать, такожъ и въ поручительство крестьянъ не принимать подъ потеряніемъ всѣхъ тѣхъ данныхъ денегъ. А кому изъ крестьянъ потребно будетъ денегъ занимать, или товарами въ долгъ брать; тѣмъ въ указныхъ мѣстахъ писать заемныя письма, и тѣ съ удостовѣрительнымъ дозволеніемъ отъ ихъ помѣщиковъ, а дворцовымъ отъ ихъ правителей, монастырскимъ и черносошнымъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оные въ вѣдомствѣ состоятъ; и дабы заимодавцы были надежнѣе свои деньги получить, то и съ поруками, токмо не изъ крестьянъ, а изъ другихъ чиновъ" (№ 11,204).

Таковое стѣснительное положеніе крѣпостныхъ людей и притомъ такихъ, которые большею частію недавно еще были полусвободными, и даже иные вовсе свободными, естественно должно было отразиться рядомъ крестьянскихъ движеній, которыя постепенно усиливались по мѣрѣ того, какъ стѣснялись права крѣпостныхъ людей. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ крестьянскихъ движеніяхъ съ 1725 по 1762 годъ; но чтобы хотя приблизительно знать ихъ характеръ и значеніе, довольно и тѣхъ указаній, которыя находятся въ указахъ временъ императрицы Елисаветы Петровны. Первый изъ таковыхъ указовъ, изданный 13 января 1758 года, свидѣтельствуетъ, что „сенату отъ 13 ноября 1757 года донесено по жалобамъ помѣщиковъ изъ Тамбовскаго и Козловскаго уѣздовъ, что крестьяне, забирая свои пожитки и лошадей, бѣгутъ, а другіе чинятъ разглашеніе, якобы оные бѣглые, собравшись въ Царицынѣ, и переправясь черезъ Волгу и порывъ землянки, живутъ и принимать будутъ впредь всякихъ прихожихъ людей. А нѣкоторые крестьяне явнымъ обра-

зомъ бѣгутъ же, объявляя при томъ побѣгѣ, что они идутъ на поселеніе въ Царицынъ и Камышенку къ шелковому казенному заводу, гдѣ для принятія ихъ якобы опредѣленъ маіоръ Парубучь" (№ 10,791). Потомъ въ указѣ отъ 13 августа того же года говорится о многихъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ владѣльцамъ, о посылкѣ воинскихъ командъ для ихъ усмиренія, и о многихъ при семъ кровопролитіяхъ, особенно отъ того, что крестьяне не вѣрятъ письменнымъ указамъ, да и притомъ иногда начальники военныхъ командъ ошибочно являются не въ тѣ села и деревни, въ которыхъ требуется ихъ пособіе. Посему сенатомъ опредѣлено: въ дѣлахъ, касающихся крестьянъ, посылать печатные указы, и офицерамъ, командируемымъ для усмиренія, предписывать, что бы они поступали осторожнѣе, и въ случаѣ недоумѣнія и представленій отъ крестьянъ просили разрѣшенія отъ высшихъ присутсвенныхъ мѣстъ, а не брались за оружіе (№ 10,870). Въ указѣ отъ 29 апрѣля 1760 года упоминается о сопротивленіи крестьянъ, проданныхъ Воронцовымъ Безсонову въ Арзамасскомъ уѣздѣ, и о посылкѣ туда военной команды съ пушкою, чтобы принудить крестьянъ къ признанію власти новаго помѣщика. То же сопротивленіе крестьянъ и та же мѣра противъ нихъ была принята въ Галицкой провинціи, по жалобамъ капитана Тараканова, который писалъ, что крестьяне отказались платить доходы и не допускаютъ въ вотчину его людей, посланныхъ для управленія (№ 91,054).

Въ крестьянскомъ движеніи, засвидѣтельствованнымъ приведенными указами, съ одной стороны замѣтно, что движеніе это, хотя не всеобщее и высказывавшееся только по мѣстамъ, было доволь сильно и упорно, такъ что для его подавленія требовались военныя команды съ пушками; при томъ—особенно судя по первому указу—въ крестьянскомъ движеніи, въ немъ упомянутомъ, еще слышенъ былъ отголосокъ старины и особенное понятіе о внутреннемъ смыслѣ первой ревизіи, по которому крестьяне считали себя еще членами русскаго общества, а не безгласною собственностію владѣльцевъ: они поднялись къ переселенію въ степи, по мнимому зову правительства, для поступленія на работу при казенномъ шелковомъ заводѣ въ Царицынѣ и Камышенкѣ. Въ самомъ отказѣ принять новаго владѣльца, засвидѣтельствованномъ въ указѣ отъ 29 апрѣля 1760 года, видно, что крестьяне не думали считать себя безгластною собственностію господъ, и не признавали новаго владѣльца своимъ господиномъ, что, положимъ, было и неправильно и въ противность оффиціальнымъ документамъ. Съ другой стороны мѣры, принимаемыя для усмиренія кре-

стьянъ, отзывались какою-то непростительною небрежностію, чтобы не сказать болѣе. Отправлялась военная команда съ офицеромъ и съ пушками, сама путемъ не зная куда, въ которую деревню, начинала экзекуцію, не смотря ни на какія представленія отъ крестьянъ, что они вовсе не того помѣщика, что они послушны своему владѣльцу и онъ на нихъ никогда не жаловался, мало этого, стрѣляла и рубила несчастныхъ крестьянъ и не слушала никакихъ убѣжденій; а послѣ оказывалось, что крестьяне дѣйствительно правы, что команда должна была идти въ другую деревню съ тѣмъ же наименованіемъ, но въ другомъ уѣздѣ или на иной рѣкѣ, а не въ ту, которую разорила и опустошила. Все это прямо засвидѣтельствовано указомъ отъ 13 августа 1760 года, которымъ наконецъ поставлено въ непремѣнное правило, чтобы офицеры, посылаемые для усмиренія крестьянъ, поступали осторожнѣе, и при всякомъ недоумѣніи и представленіи отъ крестьянъ, спрашивали разрѣшенія отъ того присутственнаго мѣста, которое ихъ послало, а не приступали прямо къ экзекуціи.

Но всѣ стѣсненія крѣпостныхъ людей, при постепенномъ уменьшеніи ихъ правъ, послѣдовавшія по смерти Петра Великаго, вслѣдствіе односторонняго развитія началъ, заключающихся въ первой ревизіи; не совсѣмъ еще лишили ихъ значенія членовъ русскаго общества, и крестьяне еще продолжали пользоваться нѣкоторыми правами, соединенными съ этимъ значеніемъ. Такъ, по указу отъ 19-го августа 1745 года, въ большихъ и малыхъ селахъ и деревняхъ крестьянамъ, чьи бы они ни были, дозволялось торговать разными товарами (по особенному реэстру) не только собственнаго производства, но и купленными въ городахъ и на торгахъ, безъ вмѣшательства въ эту торговлю владѣльцевъ (№ 9,201). Потомъ указомъ отъ 13-февраля 1748 года крестьяне были допущены къ поступленію въ купечество, вѣроятно съ условіемъ, чтобы они, согласно съ указомъ отъ 13-го апрѣля 1722 года, платили какъ подушныя крестьянскія подати въ казну и доходы помѣщику, такъ и подати купеческія. Въ указѣ сказано: „которые монастырскіе и помѣщиковы крестьяне въ городахъ желаютъ быть въ купечествѣ, и дѣйствительно торги и промыслы, и домы свои, и лавки имѣютъ и торгуютъ на свои деньги отъ 500 до 300 рублей, а не меньше, и по таможеннымъ записямъ доказать могутъ, таковыхъ записывать въ купечество,“ разумѣется съ обязательствомъ платежа крестьянскихъ подушныхъ денегъ въ казну и доходовъ помѣщику, на основаніи указа отъ 13-го апрѣля 1722 года, т. е. доходовъ какъ отъ „обыкновен-

ныхъ крестьянъ, а не по богатству" (№ 9,372)*). Даже на заводскихъ крестьянъ, самыхъ жалкихъ и безправныхъ, законъ обратилъ вниманіе. Такъ сперва указомъ отъ 12-го марта 1752 года повелѣно, чтобы къ заводамъ и фабрикамъ приписывать определенное число крестьянскихъ душъ, по росписанію бергъ и мануфактуръ коллегій (№ 9,954). Слѣдовательно правительство имѣло въ виду ограничить и провести въ болѣе тѣсные предѣлы распространеніе этого класса крѣпостныхъ людей. Потомъ указомъ отъ 11-го Марта 1754 года опредѣлена мѣра работъ, которыя крестьяне обязаны были производить на заводахъ. Въ указѣ сказано: „къ вододѣйствующимъ желѣзнымъ заводамъ Графа Шувалова для работъ государственныхъ и черносошныхъ крестьянъ приписать, полагая въ каждомъ дворѣ наличныхъ работниковъ по четыре души, считая оныхъ отъ 15 до 60 лѣтъ, и въ заводскія работы изъ тѣхъ приписныхъ крестьянъ употреблять съ перемѣною третью часть, а двѣ доли оставить въ домахъ для исправленія крестьянскихъ работъ" (№ 10,192).

Наконецъ, что всего важнѣе, законъ, не смотря на крайнее и одностороннее развитіе началъ, завѣщанныхъ первою ревизіею, еще не могъ и самъ отвыкнуть отъ понятія, что крестьянинъ безъ земли не мыслимъ, что онъ, кому бы и такъ бы ни принадлежалъ, непремѣнно долженъ имѣть землю и быть земледѣльцемъ, и притомъ хозяиномъ, имѣющимъ свою движимую собственность, признаваемую самимъ закономъ. Это значеніе крестьянъ довольно прямо высказываетъ замѣчательный указъ отъ 12 ноября 1760 года, въ которомъ повелѣно, чтобъ отписныхъ въ уѣздахъ безъ земли и при городскихъ дворахъ дворовыхъ людей и крестьянъ, дабы оные за неимѣніемъ земли не могли впасть въ какіе худые поступки, а престарѣлые по міру не ходили, перевесть въ состоящія по близости тѣхъ мѣстъ конфискованныя деревни, по разсмотрѣнію канцеляріи конфискаціи, и по переселеніи оныхъ оп-

*) Впрочемъ это важное право помѣщичьихъ крестьянъ, дававшее имъ достаточное значеніе въ обществѣ и высвобождавшее ихъ изъ непосредственной зависимости отъ помѣщиковъ, впослѣдствіи было существенно измѣнено не въ пользу крестьянъ; именно указомъ отъ 3 января 1762 года повелѣно главному магистрату и его конторѣ накрѣпко подтвердить, чтобы оныя мѣста дворцовыхъ: синодальныхъ, архіерейскихъ. монастырскихъ и помѣщиковыхъ крестьянъ, безъ указныхъ отпускныхъ и увольнительныхъ отъ властей и помѣщиковъ писемъ, въ купечество отнюдь не записывали" (№ 11,426). Такимъ образомъ самое вступленіе въ купечество, бывшее прежнее правомъ зажиточнаго крестьянина, занимавшагося торговлею или другими подобными промыслами, теперь сдѣлалось вполнѣ зависящимъ отъ милости и согласія владѣльца, какими промыслами и на какую бы сумму крестьянинъ ни занимался, онъ не могъ записаться въ купцы, ежели помѣщикъ не дастъ ему увольнительнаго письма,

редѣлить на пашню или на денежный оброкъ противъ прочихъ крестьянъ по пропорціи.... А состоящія на наемныхъ земляхъ конфискованныя помѣщичьи строенія, також скотъ, хлѣбъ и прочее продать охочимъ людямъ съ публичняго торга настоящими цѣнами, а крестьянское собственное имѣніе въ продажѣ оставить въ ихъ волѣ, точію подъ такимъ присмотромъ, когда они что изъ своего продадутъ, оное втунѣ не истратили, но при поселѣніи ихъ на новыя мѣста достаточно бъ было" (№ 11,136). Здѣсь крестьянская собственность до того не смѣшивается съ господскимъ имѣніемъ, что даже не допускается въ уплату господскихъ долговъ, и при продажѣ съ публичнаго торга господскаго имѣнія крестьянское имущество оставляется за ними, и имъ предоставляется на волю продать ли его или оставить за собою. Убѣжденіе закона, что крестьянинъ не можетъ быть безъ земли, подверждается и другими указами, которые предписываютъ крѣпостныхъ людей писать въ подушный окладъ только за тѣми, кто имѣетъ деревни, т. е. недвижимое уѣздное имѣніе, землю. Конечно, если бы законъ не считалъ землю неразлучною съ званіемъ крестьянина, то не имѣлъ бы и нужды стѣснять владѣльцевъ непремѣннымъ обязательствомъ имѣть землю хотя наемную, коли желаютъ имѣть крѣпостныхъ людей.

Самое право дворянъ, владѣть крестьянами и вообще крѣпостными людьми, по закону было еще тѣсно связано съ службою государству: дворянинъ имѣлъ право владѣть населеннымъ имѣніемъ и крѣпостными людьми потому, что онъ состоялъ на службѣ государству, что онъ былъ служилый человѣкъ, и дѣйствительно несъ службу. Еще при Петрѣ Великомъ было уже утрачено различіе между помѣстьемъ и вотчиною, и дворянинъ, не являясь на службу, терялъ право на недвижимое имѣніе, безъ различія, было ли то помѣстье или вотчина. Наконецъ указомъ отъ 17 марта 1731 года гласно и прямо было уничтожено различіе между помѣстьями и вотчинами. Императрица Анна Ивановна въ этомъ указѣ ясно говоритъ: „Милосердуя о своихъ вѣрныхъ подданныхъ, пожаловали, повелѣли, впредь съ сего нашего указа, какъ помѣстья, такъ и вотчины именоватъ одно недвижимое имѣніе, вотчина". (№ 5,717). Повидимому этотъ указъ, уничтоживъ различіе между помѣстьемъ и вотчиною тѣмъ самымъ обратилъ ихъ въ полную собственность владѣльцевъ; но на самомъ дѣлѣ это было далеко не такъ—право на владѣніе недвижимымъ имѣніемъ именно въ это время и условливалось государственною службою владѣльцевъ. Этому лучшимъ свидѣтельствомъ служатъ многіе указы того времени, съ одной стороны дозволяющіе вла-

18

дѣть недвижимыми имѣніями и крѣпостными людьми только дворянамъ, т. е. служилымъ людямъ по самому своему происхожденію, и съ другой стороны требующіе съ особенною строгостію, чтобы дворяне безъ исключенія всѣ несли военную службу или за неспособностію шли по гражданскимъ дѣламъ, и чтобы никто отъ службы не отговаривался. Для этого въ герольдію, по наслѣдству отъ разряднаго приказа, перешли и тамъ же вновь составлялись списки всѣхъ дворянъ, какъ взрослыхъ, такъ и недорослей; по этимъ спискамъ недоросли или отсылались въ гарнизонныя школы, гдѣ учились вмѣстѣ съ солдатскими дѣтьми, или оставались для обученія дома до возраста, а по достиженіи узаконенныхъ лѣтъ—тѣ и другіе волей-неволей отправлялись на службу въ полки, по распоряженію начальства.

Такъ въ указѣ отъ 20 августа 1733 году сказано: „по указу отъ 8 марта 1732 года недорослей (дворянъ), которыхъ за отцами и за ними самими деревень не имѣется.... для ихъ неимущества въ С.-Петербургъ не высылать, а записывать ихъ въ полки армейскіе по близости, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они обрѣтаются, а прочихъ выслать въ С.-Петербургъ. А которые ниже 15 лѣтъ, изъ тѣхъ высылать въ адмиралтейство, а которые ниже 12 лѣтъ, тѣхъ до урочныхъ лѣтъ отпускать въ домы. А нынѣ являются недоросли такіе, за которыми и за отцами ихъ самое малое число душъ; и за неимуществомъ ихъ не только въ С. Петербургъ ѣхать, но и дойти не съ чѣмъ; того ради указали недорослей выслать въ С. Петербургъ такихъ, за которыми больше 20 душъ, а за которыми меньше, тѣхъ опредѣлять въ ближніе армейскіе полки". (№ 6,464). Потомъ указомъ отъ 9 февраля 1737 года предписано, чтобы недорослей съ семилѣтняго возраста представлять въ С.-Петербургъ въ герольдію, а въ губерніяхъ губернаторамъ для свидѣтельствованія ихъ въ наукахъ, а опредѣлять ихъ въ службу по достиженіи 20 лѣтняго возраста.... А которые дѣтей своихъ объявлять, и чтобы оные у нихъ были обучены, раченія имѣть не будутъ, съ таковыми о штрафованіи ихъ поступать по силѣ прежнихъ указовъ безъ всякаго опущенія" (№ 7,171). Указомъ отъ 11 мая тогоже года повелѣно: „недорослей маломѣстныхъ, а именно за кѣмъ меньше 20 душъ мужеска пола, содержать въ гарнизонныхъ школахъ жалованьемъ противъ солдатскихъ дѣтей; а за кѣмъ больше 20 душъ, тѣмъ жалованья не производить, а обучаться имъ на своемъ囗коштѣ" (№ 7250). Въ указѣ отъ 17 іюня тогоже года сказано: „по указу отъ 31 декабря 1736 года шляхтичи (дворяне), которые за болѣзнями и ранами къ службѣ не годны, тѣхъ по осмотру отпускать домой,

а вмѣсто ихъ брать по рекруту съ каждыхъ ста душъ. А какъ многіе дворяне являются, за которыми душъ по 5 и по 3, а за иными и ничего не имѣется; а по сему за которыми отъ 70 до 100 душъ, съ тѣхъ брать по рекруту, а за которыми отъ 50 до 70 душъ, съ тѣхъ деньгами по 30 рублей, а отъ 30 до 50 душъ по 20 рублей, а кто меньше 20 душъ имѣетъ, съ такихъ ничего не брать" (№ 7,282). Далѣе указомъ отъ 2-го марта 1741 года предписано, чтобы недорослей изъ дворянъ, достигшихъ 20 лѣтняго возраста, непремѣнно записывать въ лейбъ-гвардію или полевые полки, а не въ гарнизоны. Въ указѣ сказано: „какъ нынѣ усмотрѣно, что многіе дворянскіе дѣти въ гарнизонной службѣ обрѣтаются, между которыми есть такіе возрастные, здоровые и молодые люди, которые бы весьма годны быть могли въ нашей лейбъ-гвардіи, того ради указали опредѣлять, смотрв по состоянію ихъ, кои будутъ возрастны и собою взрачны, тѣхъ въ полки нашей лейбъ-гвардіи, а кои малаго роста, тѣхъ въ полевые полки, а въ гарнизонные полки нигдѣ оныхъ дворянскихъ дѣтей отнюдь не опредѣлять" (№ 8,344). Тоже подтверждается указомъ отъ 11 декабря 1742 года, гдѣ между прочимъ сказано: „Ежели за симъ (указомъ) кто изъ таковыхъ недорослей, въ показанныя лѣта на смотръ нынѣ не явится, а послѣ кто на нихъ донесетъ, а которые и явятся, да послѣ отъ рожденіи указанныхъ семи лѣтъ, или при объявленіи своемъ утаятъ надлежащіе лѣта, такожъ напишутъ свыше или ниже за собою, за отцами и матерми мужеска пола душъ; за то малолѣтныхъ опредѣлять въ матросы, а отъ 20 лѣтъ, годныхъ въ солдатскую службу, въ солдаты вѣчно, а престарѣлыхъ, которые ни въ какую службу негодны, посылать на поселеніе въ Оренбургъ" (№ 8683). Наконецъ указомъ отъ 7 августа 1744 года предписано: „которые явятся (при ревизіи) подъ именемъ отставныхъ, неимѣющіе паспортовъ и отлученные отъ службы и праздно живущіе въ домахъ своихъ, кои деревни имѣютъ, тѣхъ высылать въ герольдмейстерскую контору съ обязательствомъ, что ежели на указный срокъ не явятся, то все ихъ имѣніе отписано будетъ. А которые изъ таковыхъ неимѣющіе паспортовъ, такожъ и изъ недорослей, явятся неимѣющіе деревень и весьма скудные, и питаются милостынею и работою своею; изъ таковыхъ годныхъ брать въ военную службу, а малолѣтныхъ отъ 8 лѣтъ въ гарнизонныя школы" (№ 9013).

Такимъ образомъ право дворянъ, владѣть недвижимыми имѣніями и имѣть крѣпостныхъ людей, по закону покупалось ихъ личною службою государству. Всѣ дворяне начиная съ семилѣтняго возраста были уже занесены въ служебные списки и до 20

лѣтняго возраста обязаны были приготовляться къ службѣ, занимались ученіемъ или дома на счетъ родитей, или въ гарнизонныхъ школахъ вмѣстѣ съ солдатскими дѣтьми, на одинаковомъ коштѣ съ сими послѣдними. Если же которые изъ нихъ укрывались отъ службы, у тѣхъ отписывалось въ казну недвижимое имѣніе, или налагались другіе штрафы. Отъ службы дворяне освобождались только въ случаѣ болѣзней, ранъ и дряхлости, да и тутъ освобожденіе было неполное; ибо больные и дряхлые должны были ставить за себя рекрутовъ съ каждыхъ ста душъ по одному, или платить деньгами по разсчету, если у кого было менѣе семидесяти душъ (впрочемъ отцы отъ нѣсколькихъ сыновей одного могли также оставлять дома, для занятія хозяйствомъ). Слѣдовательно населенное имѣніе и крѣпостные люди по закону еще не составляли полной частной собственности дворянъ, не смотря на то, что они пріобрѣтались большею частію частными сдѣлками, покупкою, дареніемъ, взятіемъ въ приданое за женами и проч. Этотъ частный характеръ пріобрѣтенія нисколько ни уничтожалъ государственнаго характера владѣнія. Дворянинъ, по закону, исключительно передъ другими классами имѣлъ право владѣть населеннымъ имѣніемъ и крѣпостными людьми, и вслѣдствіе этого права могъ пріобрѣтать таковыя имѣнія посредствомъ частныхъ сдѣлокъ; но самое владѣніе непремѣнно было связано съ государственною службою дворянина; безъ службы онъ не только лишался права на пріобрѣтеніе, но терялъ и то, что уже пріобрѣлъ, чѣмъ владѣлъ по покупкѣ или другой частной сдѣлкѣ.

Но такъ было только по закону; въ жизни же, на практикѣ, населенное имѣніе и крѣпостные люди составляли чистую частную собственность дворянина; съ одной стороны потому, что самый законъ не запрещалъ ему продавать, закладывать и другимъ какимъ образомъ отчуждать населенныя имѣнія и крѣпостныхъ людей, а съ другой стороны потому, что служба государству на практикѣ далеко не была таковою необходимостію, каковою представлялъ ее законъ, и каковою она была прежде, когда не было еще рекрутскихъ наборовъ, и когда русскія войска преимущественно состояли изъ дворянъ. Теперь же дворянинъ имѣлъ тысячу средствъ уклониться отъ службы, и даже, бывъ записаннымъ въ службу, въ тоже время жить дома и заниматься своими частными дѣлами, владѣніе же населеннымъ имѣніемъ и крѣпостными людьми оставалось за нимъ неотъемлемо. Посошковъ въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“ представляетъ разительные примѣры того, какъ дворяне, даже во время Петра Великаго, умѣли ловко уклоняться отъ службы и проживать въ своихъ дерев-

няхъ. Онъ говоритъ: „колико послано указовъ во всѣ городы о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ; и аще коего дворянина и на имя приказно выслать, то и того не скоро высылаютъ, и буде ничѣмъ отбыть не могутъ, то уже вышлютъ. И въ таковомъ ослушаньѣ иные дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали.... Въ Устрицкомъ стану есть дворянинъ Ѳедоръ Макѣевъ сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой не бывалъ; и какія посылки жестокія по него не бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзитъ, а кого дарами угобзить не можетъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь, или возложитъ на себя юродство и въ озерѣ по бородѣ поступитъ. И за такимъ его пронырствомъ иніи и съ дороги отпущали; а егда изъ глазъ у посылщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложитъ, и домой пріѣхавъ яко левъ рыкаетъ. И аще ни каковыя службы государю не оказалъ кромѣ огурства, а сосѣди всѣ его боятся. Дѣтей у него четыре сына вырощены, а меньшему есть лѣтъ семнадцать; а по 719 годъ никто въ службу выслать не могъ, а въ томъ 719 году, не вѣмъ по какому случаю, двухъ сыновъ его записали въ службу. Обычаѣ всѣ записанные большую половину дома живутъ. И не сей токмо Пустошкинъ, но и многое множество дворянъ такъ вѣки свои проживаютъ. Въ Алексинскомъ уѣздѣ видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына Золотарева; дома сосѣдямъ своимъ страшенъ яко левъ, а на службѣ хуже козы; въ Крымскомъ походѣ не могъ онъ отбыть, чтобъ нейтить на службу, то онъ послалъ вмѣсто себя убогаго дворянина, прозваніемъ Темирязева, и далъ ему лошадь да человѣка своего, а самъ онъ дома былъ и по деревнямъ шестерикомъ разъѣзжалъ и сосѣдей своихъ разорялъ". (Посош. стр. 89—90). Ежели Посошковъ въ строгое царствованіе Петра Великаго находилъ многихъ Пустошкиныхъ и Золоторевыхъ, то конечно въ послѣдующія царствованія таковыхъ примѣровъ было несравненно болѣе: тогда уже умѣли записывать въ службу дѣтей еще въ пеленкахъ, съ тѣмъ, чтобы добыть имъ отставку къ тому времени, какъ они выростутъ и сдѣлаются годными къ службѣ, или съ тѣмъ, чтобы имъ въ малолѣтство, безъ службы, выслужить чины.

Таковое противузаконное отношеніе къ службѣ, сильно укоренившееся и широко развитое въ практической жизни владѣльцевъ, тогда какъ по закону право ихъ владѣнія продолжало еще основываться на службѣ,—естественно повело къ иному пониманію права владѣнія и обратило, по закону условное, владѣніе надъ крѣпостными людьми и населенными имѣніями въ полную безу-

словную частную собственность. Такое превращеніе тѣмъ легче совершилось на практикѣ, что самый законъ въ разныхъ случаяхъ предоставилъ уже этому условному владѣнію много признаковъ полной собственности, хотя явно еще неотрекся отъ того основнаго положенія, что право владѣнія крѣпостными людьми и населенными имѣніями условливается службою государству. Такимъ образомъ все уже было приготовлено къ тому, чтобы и по закону это условное владѣніе обратилось въ полную собственность; оставалось только закону отречься отъ своего основнаго положенія о службѣ, уже утратившаго свое значеніе въ практической жизни — каковое отреченіе и незамедлило послѣдовать на самомъ дѣлѣ. Но прежде нежели говорить объ этомъ отреченіи, мы должны обратиться къ тому; на сколько въ самой жизни общества, при поддержкѣ частныхъ указаній закона, развилось понятіе о правѣ полной собственности на крѣпостныхъ людей и недвижимыя имѣнія. Лучшимъ для сего свидѣтельствомъ служатъ краткія экономическія записки Василья Никитича Татищева; относящіяся къ 1742 году.

Василій Никитичъ Татищевъ. передовой человѣкъ своего времени, извѣстный своимъ образованіемъ и проникнутый уваженіемъ къ человѣчеству и желаніемъ добра крестьянамъ, въ своихъ экономическихъ запискахъ дѣлитъ крестьянъ по прежнему порядку на издѣльныхъ, или состоящихъ на барщинѣ, и на оброчныхъ. Объ издѣльныхъ крестьянахъ онъ говоритъ: „1-е, каждое тягло, мужъ съ женою. долженъ на помѣщика сработать въ каждомъ полѣ по десятинѣ, сѣна скосить сто двадцать пудъ, а достальную землю отдать всю имъ надлежитъ, естьли за тѣмъ останется. А въ случаѣ недостатка земли, помѣщику дѣлить землю съ крестьянами по поламъ, при томъ смотрѣть, чтобы не менѣе крестьянину досталось земли, мужу съ женою, десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ. А естьли того не достанетъ крестьянамъ! то таковыя деревни должны быть на оброкѣ“. Это первое правило, о надѣлѣ крестьянъ землею, ясно говоритъ, что сочинитель его относился къ крестьянамъ правдиво и не думалъ обдѣлять и тѣснить ихъ, а скорѣе желалъ, что бы они были обезпечены съ избыткомъ; слѣдовательно мы должны бы были ожидать, что и въ послѣдующихъ правилахъ авторъ будетъ относиться къ крестьянамъ, какъ къ людямъ, пользующимся гражданскою личностію, и хотя прикрѣпленнымъ къ его землѣ; но имѣющимъ свое собственное, хозяйство на которое уже не простирается власть помѣщика; но послѣдующія правила Татищева ни сколько не оправдываютъ такихъ ожиданій.

Второе правило записокъ, относящееся до лѣтнихъ крестьянскихъ работъ на помѣщика, говоритъ: „Всего вящше смотрѣть надлежитъ, дабы лѣтомъ во время работы ни малой лѣности и дальнею покою крестьянамъ происходить не могло кромѣ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работы. И для того работу производить, начавъ съ вечера. ночью и поутру, а въ самое жаркое время отнюдь не работать. И необходимо во время работы съ крестьянами старостѣ и приказщику съ великою строгостію и прилежностію обращаться надлежитъ, пока хлѣбъ весь съ поля убранъ будетъ, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянскій. Работу жъ производить, сдѣлавъ сперва помѣщичью, а потомъ принуждать крестьянъ свою, а не давать имъ то на волю. Когда же убранъ съ поля весь хлѣбъ; то староста и приказщикъ не имѣетъ болѣе ихъ къ работѣ принуждать, и долженъ имъ дать покой нѣсколько времени; а за труды ихъ, выбравъ свободный день, и собравъ всѣхъ, напоить и накормить изъ боярскаго кошту.“ Здѣсь уже хозяинъ помѣщикъ смотритъ на крестьянъ не какъ на людей, имѣющихъ право на какую нибудь свободу, но какъ на безсознательныя рабочія силы; онъ требуетъ, что бы приказщикъ не давалъ воли крестьянамъ не только въ господскихъ работахъ, но и въ крестьянскихъ, слѣдовательно прямо отрицаетъ всякое свободное распоряженіе крестьянина даже въ его крестьянскомъ хозяйствѣ. Конечно авторъ еще бережетъ крестьянъ, заботится о нихъ, требудетъ, чтобы они работали только по вечеру и по утру, а въ полуденный жаръ отдыхали; но онъ также заботится и о лошадяхъ и другихъ домашнихъ животныхъ; вотъ его слова объ этомъ предметѣ: „до 10-го часу по полуночи производить лѣтомъ работу, а отъ 10-го до 4-го часу по полудни, самый жаръ имѣть свободу, и всякой скотъ и птицъ на жаръ не пускагь, а имѣть въ хлѣвахъ“. Слѣдовательно въ этой, заботливости онъ крестьянъ ни сколько не отличаетъ отъ домашнихъ животныхъ. Если, по окончаніи лѣтнихъ работъ, онъ предписываетъ, выбравъ свободный день, напоить и накормить крестьянъ изъ боярскаго кошту, то это предписаніе есть только память о стариномъ обычаѣ помѣщиковъ, которые по окончаніи лѣтнихъ работъ угощали крестьянъ, когда тѣ были еще вольными.

Третье правило, касающееся крестьявскаго хозяйства, еще болѣе свидѣтельствуетъ о крайнемъ паденіи крестьянъ и о чрезмѣрномъ развитіи помѣщичьей власти. Въ немъ авторп говоритъ: „доброму старостѣ и приказщику надлежитъ смотрѣть, что бы каждый крестьянинъ, мужъ съ женою, имѣлъ у себя лошадей работныхъ двухъ, быковъ кладеныхъ двухъ, коровъ пять, овецъ десять,

свиней двѣ, гусей старыхъ двѣ пары, куръ старыхъ десять, посуду цѣнинную, блюды. тарелки, ножи, вилки, оловянныя ложки, солонки, стаканы, скатерти, и проч. А кто всего вышеписаннаго въ домѣ своемъ имѣть не будетъ, таковыхъ отдавать другому въ батраки безъ заплаты, который за него будетъ платить всякую подать и землею его владѣть, а его лѣнивца имѣть работникомъ, пока онъ заслужитъ хорошую похвалу“. Здѣсь, какъ и въ прежнихъ правилахъ, видно, что авторъ заботится о томъ, чтобы обезпечить бытъ крестьянъ, и сдѣлать ихъ зажиточными и трудолюбивыми: но и тутъ опять вполнѣ отрицается личность крестьянъ. Хозяинъ помѣщикъ распоряжается ими какъ безгласною частною собственностію, какъ рабочими силами, а не людьми, не спрашивая ихъ согласія даже введеніи ихъ собственнаго хозяйства; онъ крестьянское хозяйство обращаетъ въ барщину, отдаетъ крестьянъ, не имѣющихъ, по его произвольному опредѣленію, полнаго хозяйства, въ безплатные батраки къ богатымъ, хотя бы они и были исправны въ барскихъ работахъ, и имѣли средства жить своимъ маленькимъ хозяйствомъ. По мнѣнію автора крестьянинъ не имѣетъ ни какихъ правъ, какъ человѣкъ, какъ лицо; крестьянская личность совершенно подавлена и закрыта властію помѣщика, и вся жизнь, всѣ способности крестьянина нераздѣльно принадлежатъ помѣщику, который распоряжается ими, какъ хочетъ.

Наконецъ четвертое правило самымъ нагляднымъ образомъ представляетъ совершенную безправность крестьянина передъ помѣщикомъ. Авторъ пишетъ: „Для винныхъ людей имѣть тюрьму, крестьянамъ построить дворы каменные или деревянные, а съ нихъ собирать за каждый дворъ по рублю въ годъ; также и житные дворы строить помѣщиковы жъ. И всякій помѣщикъ долженъ имѣть запасный магазейнъ. въ которомъ быть надлежатъ блоки, вороты для подъемовъ, ведра, ушаты, воронки, сохи, серпы, топоры, бороны, гвозди, лапти, сковороды, веревки и проч. Оныя вещи надлежитъ имѣть для того, когда въ рабочую пору потребуетъ крестьянинъ, чтобъ не ѣздилъ для покупки, и не пропускалъ время въ работѣ.... Крестьянинъ не долженъ продавать хлѣбъ, скотъ, и птицъ лишнихъ, кромѣ своей деревни, а когда купца нѣтъ, то долженъ купить помѣщикъ повольною цѣною, а когда помѣщикъ купить не похочетъ, вольно продать постороннему. А кто безъ вѣдома продастъ, или къ работѣ лѣнивъ будетъ, тѣхъ сажать въ тюрьму и не давать хлѣба двои или трои сутки. Крестьянъ въ чужую деревню въ батраки и пастухи не пускать, и въ свою не принимать; вдовъ и дѣвокъ на выводъ не

давать, подъ жестокимъ наказаньемъ. Крестьянамъ на племя давать корову, овцу, свинью, гусей пару, утокъ пару, индѣекъ пару жъ: и чрезъ годъ съ каждаго тягла собирать масла 20 фунтовъ, барана кладенаго, борова, къ которомъ вѣсу было бы два пуда, птицъ каждаго рода по пяти, цыплятъ по десяти, яицъ куриныхъ по 50 въ годъ, или деньгами за все оное по рублю съ тягла". Здѣсь свобода крестьянина доведена до такого стѣсненія, что крестьянинъ мимо помѣщика ничего не могъ ни продать ни купить, ни даже въ свободное время идти въ работники на сторону, или заниматься какими либо отхожими промыслами. Мало этого, помѣщикъ строитъ ему и домъ по своему образцу и признаетъ его только жильцомъ въ этомъ домѣ, а не хозяиномъ, и даже вмѣшивается въ его семейныя дѣла; крестьянинъ не иначе можетъ пристроить и свою дочь какъ по распоряженію помѣщика. Помѣщикъ даже навязываетъ ему свою домашнюю скотину, что бы брать съ него за это опредѣленный оброкъ.

Правила сіи, каждое въ отдѣльности, такъ и взятыя въ совокупности, дышутъ заботливостію о благосостояніи крестьянъ и объ улучшеніи ихъ быта, но въ тоже время въ каждомъ изъ нихъ слышится голосъ собственника, который давитъ и ломитъ всѣ крестьянскія права, даже и не замѣчаетъ, чтобы за крестьянами могли быть какія либо права; онъ заботится объ нихъ также, какъ заботится о домашнихъ животныхъ, или какъ иные изъ древнихъ Римлянъ заботились о своихъ рабахъ, учили ихъ разнымъ искуствамъ, кормили и поили сытно, хорошо одѣвали и обували. Крестьянъ въ глазахъ Татищева тоже самое, что рабъ въ глазахъ Римлянина. Мы не знаемъ, прилагалъ ли Татищевъ свои правила къ дѣлу и были ли ему послѣдователи, или правила сіи были только одной теоріей, даже мечтою; но для насъ это все равно, а важно то, что передовой образованный человѣкъ, и притомъ человѣкъ добрый, чоловѣколюбивый, не понималъ иначе крестьянъ, какъ безправною и безгласною собственностію. Послѣ этого нѣтъ уже надобности, да и прискорбно говорить о томъ, какъ смотрѣло на крестьянъ большинство помѣщиковъ, большинство людей съ несравненно меньшимъ образованіемъ и съ меньшимъ желаніемъ добра крестьянамъ. Ясно, что значеніе крестьянъ, какъ членовъ русскаго общества, какъ людей, имѣющихъ какія либо права личности, хотя еще и признаваемое въ нѣкоторыхъ случаяхъ закономъ даже послѣ 1724 года, однако же на практикѣ, въ жизни, уже совершенно утратилось, и личность крестьянъ поглотилась властію помѣщика. Крестьянъ съ прежнимъ значеніемъ въ тогдашнее время уже болѣе не существовало въ

жизни. Ни одинъ помѣщицій приказъ прежняго времени, даже самый строгій, какъ Безобразовскій, гдѣ зачастую встрѣчаются кнутъ и плети, нельзя и сравнивать съ экономическими записками Татищева; ибо въ прежнихъ помѣщичьихъ приказахъ при всей ихъ грубости и жестокости, еще видна личность крестьянъ, еще замѣтны крестьянскія права, на которыя помѣщикъ посягать не рѣшается. Прежніе помѣщики иногда грубо и жестоко обходились съ крестьянами, но видѣли въ нихъ еще только своихъ крѣпостныхъ слугъ, и взыскивали съ нихъ только за неисправности по барскимъ работамъ и поборамъ, въ крестьянское же хозяйство никогда не мѣшались; тогда исправный крестьянинъ могъ свободно распоряжаться и своимъ трудомъ и своимъ имуществомъ. Въ запискахъ же Татищева, кроткихъ и человѣколюбивыхъ крестьянинъ связанъ по рукамъ и по ногамъ властію помѣщика; помѣщикъ моритъ его трехдневномъ голодомъ за то, что онъ осмѣлился продать лишніе и не нужные ему курицу или поросенка, помѣщикъ требуетъ, чтобы у крестьянина на дворѣ было столько то коровъ, лошадей, овецъ, оловянныхъ ложекъ, и проч. а въ противномъ случаѣ отдаетъ его въ батраки, даже безъ платежа денегъ за работу. Подобныя посягательства прежнимъ помѣщикамъ и въ голову не приходили.

Конечно, крестьянамъ оброчнымъ и послѣ Петра Великаго, много еще было предоставлено выгодъ передъ издѣльными крестьянами, и они могли пользоваться большею свободою въ распоряженіи своимъ трудомъ, временемъ и имуществомъ. Но не должно упускать изъ вида, что посадить крестьянъ на издѣлье или на оброкъ въ это время уже вполнѣ зависѣло отъ воли господина, и притомъ оброки, сравнительно съ прежнимъ временемъ, значительно возвысились. Уже изъ самыхъ указовъ того времени видно, что даже по закону, вмѣсто прежнихъ четырехъ гривенъ съ души, оброкъ дошелъ до одного рубля. А по свидѣтельству Татищева оброкъ помѣщичій простирался до десяти рублей съ тягла. Татищевъ говоритъ: „ежели помѣщикъ самъ своей экономіи видѣть не можетъ; то отдать всю свою землю и всякія угодья крестьянамъ, и съ каждаго тягла, т. е. мужа съ женою, должно получить по первому зимнему пути или къ Рождеству Христову: сѣна луговаго зеленаго 50 пудъ, ржи чистой двѣ четверти, овса или ячменю четыре четверти, крупъ, конопель, картофелю по одному четверику, масла пахтанаго, соленаго коровьяго 20 фунтовъ, масла коноплянаго штофъ, сукна сѣраго два аршина, холста альнянаго 5 аршинъ, свинаго мяса полтора пуда, утокъ живыхъ шипуновъ пара. Къ Святой Недѣлѣ: индѣйскихъ куръ живыхъ

пара, русскихъ куръ три, яицъ двадцать, кадку 10 ведеръ творогу и ушатъ сметаны со всѣхъ крестьянъ, весною полсажени дровъ водою, гдѣ можно; къ Петрову дню кладенаго барана и 80 яицъ; къ Успеньеву дню гусей пара, цыплятъ русскихъ пять, кладенаго быка четырехъ лѣтъ одного со всѣхъ крестьянъ. И ежели довольно земли и луговъ и лѣсовъ, чтобъ не менѣе было на каждое тягло въ полѣ трехъ десятинъ мужу съ женою; то за все вышеписанное въ состояніи заплатить будетъ каждое тягло безъ тягости въ годъ помѣщику десять рублевъ". (Времен. № 12. Смѣсь стр. 12—30). И нѣтъ сомнѣнія, что оброкъ, назначенный Татищевымъ, былъ одинъ изъ милостивыхъ и легкихъ оброковъ—у другихъ помѣщиковъ вѣроятно дыло тяжелѣе.

Такимъ образомъ, въ продолженіи 35 лѣтъ отъ кончины Петра Великаго, крестьяне мало по малу утратили въ жизни и тѣ права, которыя имъ были предоставлены первою ревизіею и послѣдующими Петровскими узаконеніями. Самые указы Петровыхъ преемниковъ еже не совершенно уничтожили всѣ прежнія права крестьянъ, тѣмъ не менѣе поставили ихъ въ такое положеніе, что они почти лишились всякаго государственнаго значенія и сдѣлались полною исключительною собственностію владѣльцевъ. Государственное значеніи крестьянъ опредѣлялось единственно только тѣмъ, что право владѣнія крестьянами по закону еще условливалось государственною службою помѣщиковъ. Манифестомъ отъ 25-го ноября 1841 года крестьяне даже были исключены изъ присяги на вѣрноподданство, слѣдовательно болѣе уже не признавались членами русскаго общества. (№ 8,473). Жизнь же обратила крестьянъ въ полную частную собственность; и закону оставалось только отречься отъ права на неотложную государственную службу помѣщиковъ за владѣніе крестьянами, что онъ и не замѣдлилъ сдѣлать при Петрѣ III и Екатеринѣ II-й, въ которомъ мы теперь и обратимся.

(ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОБРАЩЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ПОЛНУЮ ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ ПОМѢЩИКОВЪ).

Манифестъ императора Петра III-го, изданный 18 февраля 1762 года, окончательно порѣшилъ судьбу крестьянъ и обратилъ ихъ въ полную исключельную собственность помѣщиковъ. Вольность и свобода, предоставленныя симъ манифистомъ дворянству, порвали послѣднюю связь крестьянъ съ государствомъ: дворяне, получивъ свободу служить и не служить, тѣмъ самымъ пріобрѣ-

ли право полной собственности надъ крестьянами. Послѣ этого манифеста право дворянъ владѣть крѣпостными людьми болѣе уже неусловливалось никакимъ обязательствомъ въ отношеніи къ государству. Манифестъ прямо и ясно говоритъ: „отнынѣ впредь на вѣчныя времена и въ потомственные роды жалуемъ всему Россійскому благородному дворянству вольность и свободу, кои могутъ службу продолжать, какъ въ нашей имперіи, такъ и въ прочихъ Европейскихъ союзныхъ намъ державъ на основаніи слѣдующаго узаконенія: „1-е Всѣ находящіеся въ разныхъ нашихъ службахъ дворяне могутъ оную продолжать, сколь долго пожелаютъ, и ихъ состояніе имъ дозволитъ; 2-е всѣхъ служащихъ дворянъ за добропорядочную безпорочную службу награждать при отставкѣ по одному рангу, если въ прежнемъ чинѣ, съ которымъ къ отставкѣ идетъ, больше года состоялъ; 3-е ктожъ будучи въ отставкѣ нѣкоторое время, пожелаетъ паки вступить въ службу, таковые будутъ приняты, если ихъ къ тому достоинства окажутся, тѣми жъ чинами, въ каковыхъ состоятъ; 4-е ктожъ будучи уволенъ изъ нашей службы, пожелаетъ отъѣхать въ другія Европейскія государства, такимъ давать нашей иностранной коллегіи надлежащіе паспорты безпрепятсвенно, съ таковымъ обязательствомъ, что когда нужда потребуетъ, тобъ находящіеся дворяне внѣ государства нашего явились въ своемъ отечествѣ, когда только о томъ учинено будетъ надлежащее обнародованіе, то всякой въ такомъ случаѣ повиненъ со всевозможною скоростію волю нашу исполнить, подъ штрафомъ секвестра его имѣнія; 5-е по сему нашему всемилостивѣйшему установленію никто уже изъ дворянъ Россійскихъ неволею службу продолжать не будетъ, ниже къ какимъ либо земскимъ дѣламъ отъ нашихъ учрежденныхъ правительствъ употрибится, развѣ особливая надобность востребуетъ, но то неинако, какъ за подписаніемъ нашей собственной руки именнымъ указомъ повелѣно будетъ". (№ 11,444). Симъ манифестомъ какъ бы возобновилось древнее право дружинниковъ, выражавшееся словами: „а баярамъ и слугамъ вольнымъ воля". Но древнее право отъѣзда и оставленія службы обыкновенно сопровождалось отнятіемъ помѣстныхъ владѣній у того, кто оставлялъ службу, въ настоящемъ же манифестѣ о дворянскихъ недвижимыхъ имѣніяхъ нѣтъ и помину; имѣнія остаются за дворянами и тогда, когда владѣльцы оставляютъ службу; секвеструются же только въ одномъ случаѣ, когда дворянинъ поступившій въ иностранную службу, не возвратится въ отечество по требованію правительства. Слѣдовательно, настоящимъ манифестомъ уничтожено всякое соотношеніе между службою дворянина и между его

правомъ на владѣніе населеннымъ имуществомъ и крѣпостными людьми; и такимъ образомъ, безъ особыхъ узаконеній, прямо относящихся къ сему предмету, населенныя имѣнія и крѣпостные люди обратились въ полную частную собственность дворянъ. Манифестъ освободивши дворянъ отъ обязанностей непремѣнной и неотложной службы, и ни слова не упомянувши о правѣ дворянъ на владѣніе населенными имѣніями и крѣпостными людьми, тѣмъ самымъ показалъ, что право это уже болѣе не связано съ государственною службою, что оно принадлежитъ къ одному разряду со всѣми другими правами на частную собственность, до которыхъ законъ службѣ ни сколько не касается.

Но таковаго разрыва, между службою дворянина и его правомъ на владѣніе недвижимыми имѣніями и крѣпостными людьми, никакъ не могли признать тѣ, до которыхъ это всего болѣе касалось, т. е. крѣпостные люди, и особенно крестьяне; они, кажется въ слѣдъ за манифестомъ дворянству ждали манифеста крестьянамъ и вообще крѣпостнымъ людямъ; они надѣялись что и крѣпостнымъ людямъ будетъ дана такая же свобода служить или не служить тому или другому владѣльцу, какую свободу уже получили, по манифесту отъ 18 февраля, дворяне относительно государственной службы. Этому ожиданію крѣпостныхъ людей по всему вѣроятію много способствовалъ указъ отъ 29 марта 1762 года, которымъ узаконялись: „къ фабрикамъ и заводамъ деревень съ землями и безъ земель покупать не дозволять, а довольствоваться вольнонаемными по паспортамъ за договорную плату людьми". (№ 11,490) Вслѣдъ за симъ указомъ стали носиться слухи между владѣльческими крестьянами и вообще крѣпостными людьми о томъ, что новый государь, даровавшій свободу отъ службы дворянамъ, и повелѣвшій на фабрикахъ и заводахъ производить работу вольнонаемными людьми, готовитъ указъ о свободѣ крестьянъ и вообще всѣхъ крѣпостныхъ людей; явились, кажется, и безпокойные люди, которые болѣе и болѣе стали разсѣевать и поддерживать такіе толки, разсказывая крестьянамъ, что указъ объ ихъ свободѣ уже готовъ, что его отъ нихъ скрываютъ, и что только имъ самимъ должно начать дѣло освобожденія, и тогда указъ будетъ объявленъ. Таковыя слухи и внушенія, весьма желанные крѣпостнымъ людямъ, естественно повели къ тому, что крестьяне въ иныхъ уѣздахъ явно отказались повиноваться помѣщикамъ, ссылаясь на сіи слухи. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ манифестъ отъ 19 іюня 1762 года, въ которомъ сказано: „увѣдомились мы, что нѣкоторыхъ помѣщиковъ крестьяне (въ Тверскомъ и Клинскомъ уѣздахъ), будучи прельщены и ослѣпле-

ны разсѣянными отъ непотребныхъ людей ложными слухами, отложились отъ должнаго помѣщикамъ своимъ повиновенія, а потому и далѣе поступили на многія своевольства и продерзости. А посему запотребно разсудили мы чрезъ сіе объявить: понеже благосостояніе государства требуетъ, чтобы всѣ и каждый при своихъ благонажитыхъ имѣніяхъ и правостяхъ охраняемъ былъ; такъ какъ и напротиву того, чтобъ никто не вступалъ изъ предѣловъ своего званія; то и намѣрены мы помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ ихъ повиновеніи содержать. 2-е кто изъ ослушниковъ скорѣе раскается и возвратится къ своей должности, и въ томъ отъ помѣщика своего засвидѣтельствованъ будетъ; тѣхъ преступленіе хотя и тяжелое на сей разъ отпущаемъ. 3-е, буде же кто напротиву того, не смотря на нашу милость, останется долѣе въ своевольствѣ и непослушаніи, съ таковыми повелѣваемъ поступать по всей строгости законовъ. И въ заключеніи 4-е, кто въ разсѣваніи ложныхъ ко вреду клонящихся слуховъ дѣйствительно изобличенъ будетъ; таковыхъ, яко возмутителей государственнаго покоя, безъ малѣйшаго опущенія времени, такъ наказывать, какъ точные о таковыхъ указы повелѣваютъ". (№ 11,577).

При семъ манифестѣ была приложена и особая инструкція генералъ-маіору Виттену, назначенному для усмиренія крестьянъ. Изъ этой инструкціи видно, что тогдашнее крестьянское возстаніе было довольно значительно и грозило быстро распространиться и въ другихъ мѣстахъ; по инструкціи для усмиренія крестьянъ въ Тверскомъ и Клинскомъ уѣздахъ были назначены четырехсотная команда съ четырьмя полковыми пушками при штабъ-офицерѣ и кирасирскій полкъ Виттена, а самому Виттену предписано немедленно по почтѣ ѣхать въ Тверь и съ крайнимъ поспѣшеніемъ вести команду въ Клинской и Тверской уѣзды, гдѣ крестьяне возмущеніе чинятъ. Далѣе въ инструкціи говорится: „когда вашимъ попеченіемъ и прилежаніемъ во первыхъ въ Тверскомъ и Клинскомъ уѣздахъ, тѣ возмутители совершенно усмирены и въ послушаніе своимъ помѣщикамъ по прежнему приведены будутъ; тогда вамъ съ командами слѣдовать въ другія мѣста, во первыхъ по близости, а потомъ и далѣе, гдѣ таковые жъ противящіеся крестьяне есть. Однимъ словомъ, вышеписанное все усмиреніе ослушныхъ крестьянъ имѣть въ полномъ вашемъ вѣдомствѣ и распоряженіи до совершеннаго сего зла истребленія". Слѣдовательно, крестьянское возстаніе, по свидѣтельству инструкціи, оказалось не въ двухъ только уѣздахъ Клинскомъ и Тверскомъ, но и во многихъ другихъ; правительство было очень озабочено этимъ

движеніемъ и, боясь быстраго его распространенія, спѣшило остановить его при самомъ началѣ, Виттену были даны большія полномочія, и онъ обязанъ былъ чрезъ каждую почту рапортовать прямо въ сенатъ о томъ, какъ пойдетъ усмиреніе крестьянъ.

Какой успѣхъ имѣла экспедиція генералъ маіора Виттена, мы подлинно не знаемъ, ибо съ небольшимъ черезъ недѣлю, послѣ объявленія приведеннаго выше манифеста объ усмиреніи крестьянъ, послѣдовалъ въ государствѣ важный переворотъ, по которому на престолъ вступила императрица Екатерина II-я, Эта императрица нашла необходимымъ повторить слово въ слово манифестъ своего супруга въ своемъ имянномъ указѣ отъ 3-го іюля того же 1762 года въ которомъ между прочимп сказано, что крестьяне, ослѣпленные и прельщенные ложными слухами, по прежнему во многихъ мѣстахъ продолжаютъ отказываться отъ повиновенія своимъ помѣщикамъ. Но и послѣ сего указа крестьянское движеніе по разнымъ мѣстамъ не только не прикращалось, но еще усиливалось. Такъ въ сенатскомъ указѣ отъ 8-го октября 1762 года мы читаемъ: „Изъ дѣлъ въ правительствующемъ сенатѣ довольно видно, что многіе крестьяне, будучи прельщены и ослѣплены разсѣянными отъ непотребныхъ и коварныхъ людей ложными и вымышленными слухами, отложились отъ должнаго помѣщикамъ и властямъ своимъ повиновенія. И хотя въ Тверскомъ и Клинскомъ уѣздахъ посланными туда военными командами возмутившіеся крестьяне были усмирены безъ кровопролитія, и даже добровольно раскаяваяся въ своемъ приступленіи въ должноп помѣщикамъ своимъ послушаніе пришли: но за то въ Вяземскомъ уѣздѣ крестьяне князей Долгоруковыхъ, не преемля никакихъ увѣщаній, столь непокоривы и преслушными въ своемъ невѣжествѣ остались, что наконецъ отъ опредѣленнаго къ усмиренію генералъ-маіора князя Вяземскаго, явно злодѣйскимъ образомъ, собравшись до 2000 человѣкъ, чинили противъ военной команды не только сопротивленіе, но и били въ набатъ, и набѣгая на команду бросали каменьями и полѣньями, имѣя у себя рогатины и прочія оружія; чего ради военная команда принужденною нашлась поступить съ ними вооруженною рукою, употребя пушечную пальбу, которою побито тѣхъ ослушниковъ до 20 человѣкъ, и не меньше того ранено, а потомъ пущіе тому заводчики забраны, и для учиненія съ ними по указамъ отданы въ городовыя канцеляріи". (№ 11,678). Кончились ли симъ крестьянскія движенія, не извѣстно; но сенатъ, для прекращенія таковыхъ движеній, приказалъ публиковать указъ, что „ежели состоящіе нынѣ въ противности крестьяне вскорѣ о томъ не раскаются, и по

прежнему въ должное помѣщикамъ послушаніе не придутъ; то съ таковыми, яко съ сущими злодѣями и помѣшателями общаго покоя, поступлено будетъ съ такою же военною строгостію, какъ и съ вышеупомянутыми крестьянами князей Долгоруковыхъ. И для сего сей указъ къ незабвенной памяти въ праздничные и воскресные дни въ селахъ и въ приходскихъ церквахъ и по торжкамъ читать во всенародное свѣдѣніе". Наконецъ имяннымъ указомъ отъ 11-го *февраля* 1763 *года пріостановлено* дѣйствіе и самаго манифеста о вольности дворянъ, и для разсмотрѣнія его составлена особая коммисія (№ 11,751). Дворяне снова лишились права самовольно вступать и не вступать въ службу и дворянскихъ недорослей по прежнему стали забирать въ гарнизонныя школы, а по вступленіи въ опредѣленный возрасъ—записывать неволею въ военную службу, какъ это видно изъ указа отъ 24-го февраля 1774 года, въ которомъ сказано. „неимущихъ дворянскихъ дѣтей по губерніямъ записывать въ гарнизонныя школы, и отпускать на каждаго по 5 руб. 32 коп въ годъ изъ камеръ-коллежскихъ доходовъ, а по возрастѣ опредѣлять ихъ въ военную службу". (№ 14,130). Такимъ образомъ на время пріостановлена и тайная причина крестьянскаго бунта, а съ тѣмъ вмѣстѣ, кажется, временно прекратились и крестьянскія движенія противъ помѣщичьей власти; по крайней мѣрѣ въ продолженіи трехъ послѣдующихъ лѣтъ мы не имѣемъ о томъ извѣстій.

Между тѣмъ законодательство разными частными указами все болѣе и болѣе развивало власть помѣщиковъ. Такъ указомъ отъ 17-го января 1765 года помѣщики получили право отдавать своихъ крѣпостныхъ людей въ каторжную работу за дерзости. Въ указѣ сказано: „адмиралтейской коллегіи принимать отъ помѣщиковъ ихъ крѣпостныхъ людей за дерзости въ каторжную работу на толикое время, на сколько помѣщики ихъ похотятъ, и содержать и довольствовать пищею и одеждою наровнѣ съ каторжными" (№ 12, 511). Потомъ указомъ отъ 28 января 1766 года подтверждено помѣщикамъ право ссылать крестьянъ и дворовыхъ людей въ Сибирь на поселеніе за продерзости,—при чемъ правительство предоставило себѣ изъ ссылаемыхъ опредѣлять годныхъ въ драгунскую службу) № 12,556). Далѣе указомъ отъ 30 января того же года подтверждено помѣщикамъ право отдавать крестьянъ и дворовыхъ людей, въ какое угодно время, въ зачетъ въ рекруты. (№ 12,557) Таковое постоянное развитіе помѣщичьей власти утверждаемое самимъ закономъ, естественно повело многихъ помѣщиковъ къ произвольному отягощенію крестьянъ. Вслѣдствіе сего опять начались мѣстныя крестьянскія движенія и опять

начали распространяться слухи о небывалыхъ указахъ. Именно въ мартѣ мѣсяцѣ 1766 года нѣкоторые крестьяне подали челобитную въ главную дворцовую канцелярію, въ которой прописывали: „яко бы по состоявшемуся въ семъ году указу опредѣлено, за тягчайшими отъ помѣщиковъ оброками, коихъ платить крестьяне не въ состояніи, отписывать ихъ на ея императорское величество". Эта челобитная дворцовою канцеляріею была внесена въ сенатъ; и въ сенатѣ опредѣлено: „Какъ таковаго указа никогда не бывало, и сочинитель той челобитной въ сенатѣ показалъ, что онъ его не видалъ, а въ челобитную внесъ отъ себя съ одной наслышки, за что онъ нещадно и наказанъ; того ради къ отвращенію, чтобъ не могло разглашеніе, о таковомъ неправедно внесенномъ въ челобитную указѣ, произвести недѣльныхъ толкованій, отъ сената публиковать — если кто о вышеписанномъ указѣ, гдѣ толковалъ или разглашалъ, или впредь оное чинить дерзнетъ, тому отнюдь не вѣрить, но тѣмъ паче разгласителя, поймавъ, приводить наискорѣе въ судебныя мѣста, а въ тѣхъ мѣстахъ съ таковыми, по изобличеніи ихъ, поступать по указамъ безъ малѣйшаго послабленія". (№ 12,633). О чемъ и публиковано сенатскимъ указомъ отъ 3-го мая 1766 года.

Но мѣра, предпринятая сенатомъ въ указѣ отъ 3-го мая 1766 года, очевидно не имѣла того успѣха, какого отъ нея ожидали: разглашенія о небывалыхъ указахъ не прекращались и движенія крестьянъ продолжались по прежнему. Дѣло даже пошло далѣе: крестьяне начали подавать челобитныя самой императрицѣ, въ которыхъ жаловались на своихъ помѣщиковъ. Такъ въ 1767 году подали на своихъ господъ жалобы дворовые люди и крестьяне генерала Леонтьева, генеральши Толстой и подполковника Аврама Лопухина, также бригадира Олсуфьева, и его братьевъ и многихъ другихъ помѣщиковъ. Хотя главные заводчики этого движенія были забраны, и за то, что осмѣлились подавать прошенія въ руки самой императрицы (что запрещалось указомъ отъ 19 января 1765 года). публично и жестоко на тѣлѣ наказаны и отданы помѣщикамъ на волю — къ себѣ ли обратно взять наказанныхъ, или отослать на казенную работу въ Нерчинскъ — однако сенатъ, видя изъ обстоятельствъ дѣла, что злонамѣренные люди по прежнему продолжаютъ смущать крестьянъ, разглашая вымышленные слухи о перемѣнѣ законовъ, нашелъ нужнымъ, указомъ отъ 22-го августа 1767 года, еще обнародовать, чтобъ помѣщичьи люди и крестьяне подобнымъ ложнымъ разглашеніямъ ни подъ какимъ видомъ не вѣрили, но имѣли бъ къ помѣщикамъ своимъ должное повиновеніе и безпрекословное послушаніе. „А

буде и по обнародованіе сего указа, которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся, и недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче въ собственныя руки императрицы, подавать отважатся: то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитенъ, наказаны будутъ кнутомъ, и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты" (№ 12,966). Указъ этотъ предписано было: со времени полученія его, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, въ каждомъ мѣстѣ въ праздничные и воскресные дни, а по прошествіи мѣсяца ежегодно по одному разу, во время храмовыхъ празниковъ, читать по всѣмъ церквамъ, чтобы никто невѣдѣніемъ его не могъ отговариваться. Такимъ образомъ настоящій указъ отдалъ крестьянъ и вообще крѣпосныхъ людей въ полную волю помѣщиковъ, и отнялъ у нихъ всѣ законные способы искать управы противъ злоупотребленій помѣщичьей власти. По сему указу всякая жалоба крѣпостныхъ людей на помѣщиковъ признана незаконною и влекла за собою неминуемое и строгое наказаніе: сенатъ даже сослался на 13-ю статью 2-й главы соборнаго Уложенія 1649 года, которая будтобы запрещала крестьянамъ жаловаться на помѣщиковъ *).

Таковое безотчетное огражденіе помѣщичьей власти и беззащитное положеніе крѣпостныхъ людей вскорѣ отразилось въ прискорбныхъ явленіяхъ; помѣщичья власть у иныхъ помѣщиковъ переступила всякія границы и породила такія чудовища, каковымъ была вдова Дарья Николаева (по народному прозванію Салтычиха), которая по свидѣтельству указа отъ 10 декабря 1768 года, не малое число людей своихъ мужеска и женска пола безчеловѣчно мучительски убивала до смерти, (а по народному преданію приказывала готовить себѣ кушанье изъ человѣческаго мяса, и особенно любила ѣсть мясо дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ). За что, по имянному указу императрицы, и приказано было: „лишивъ ее дворянскаго достоинства и фамиліи отца и мужа, передъ

*) Но приводимая статья Уложенія вовсе не запрещала жалобъ на злоупотребленія помѣщичьей власти. Вотъ текстъ ея. „Будетъ учнутъ извѣщати про государское здоровье или какое измѣнное дѣло, чьи люди на тѣхъ у кого они служатъ, или крестьяне, за кѣмъ они живутъ во крестьянехъ, и въ томъ дѣлѣ ни въ чемъ ихъ не уличатъ; и тому ихъ навѣту не вѣрить, и учиня имъ жестокое наказанье, бивъ кнутомъ нещадно, отдати тѣмъ, чьи они люди и крестьяне. А опричь тѣхъ великихъ дѣлъ, ни въ какихъ дѣлѣхъ такимъ извѣтчикамъ не вѣрить". Здѣсь говорится только объ извѣтахъ и доносахъ, а отнюдь не о жалобахъ на притѣсненія отъ господъ. Конечно эта статья Уложенія не ясна; но по смыслу всего Уложенія, и по послѣдующимъ узаконеніямъ ближайшаго къ Уложенію времени, она никакъ не допускаетъ таковаго толкованія, какое ей дано указомъ 1767 года.

собраннымъ, по особой повѣсткѣ, народомъ, на площади, приковать ее къ столбу на эшафотѣ и прицѣпить на шею листъ съ надписью крупными буквами—*мучительница и душегубица,* а потомъ посадить въ нарочно сдѣланную подземную тюрьму въ какомъ либо женскомъ монастырѣ, гдѣ и содержать ее такимъ образомъ, чтобы она ни откуда въ ней свѣту не имѣла и сидѣла тамъ въ желѣзахъ до самой смерти" (№ 13,211). Но это ужасное отвратительное явленіе еще не вполнѣ выражало всю худую сторону неумѣреннаго развитія помѣщичьей власти, допущеннаго закономъ. Въ такомъ возмутительномъ явленіи, каковы были поступки вдовы Дарьи Николаевой, можно еще видѣть исключительный и рѣдкій случай нравственной уродливости, достойно наказанный верховною властію, и притомъ такой случай, которому мудрено повториться. Напротивъ того законодательные памятники того времени представляютъ свидѣтельства другихъ возмутительныхъ и безнравственныхъ явленій, которая прямо вытекали изъ чрезмѣрнаго развитія помѣщичьей власти и и совершенно беззащитнаго положенія крѣпостныхъ людей, и не подходили къ разряду рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ, а скорѣе представили промыселъ многихъ тогдашнихъ помѣщиковъ.

Къ таковымъ явленіямъ во 1-хъ принадлежала торговля крѣпостными людьми во время рекрутскихъ наборовъ, которая наконецъ въ 1768 году, по учрежденію о рекрутскомъ наборѣ, была запрещена (№ 13,103); и во 2-хъ отпускъ на волю престарѣлыхъ и больныхъ крѣпостныхъ людей, которые уже не могли прокормить себя, воизбѣжаніе за нихъ платежа казенныхъ податей, и чтобы не кормить ихъ тогда, когда они, истративъ силы здоровье на барской службѣ, не могли уже болѣе продолжать работы. Объ этомъ безчеловѣчномъ средствѣ избавляться отъ пропитанія престарѣлыхъ и больныхъ, отъ платежа за нихъ податей, прямо и ясно свидѣтельствуетъ указъ отъ 2-го декабря 1782 года, въ которомъ сказано: „открылось въ одномъ намѣстничествѣ такое злоупотребленіе, что нѣкоторые владѣльцы, отвергнувъ весь стыдъ, во удовлетвореніе единственно своего корыстолюбія, что бы избавиться отъ содержанія приведенныхъ по разнымъ случаямъ въ сущее безсиліе своихъ людей и крестьянъ, и оставляя ихъ такимъ образомъ безъ всякой помощи, и только въ миновеніе за нихъ платежа государственныхъ податей, въ приближеніе нынѣшней ревизіи, стали отпускать не малымъ числомъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ, удерживая ихъ семейства у себя, хотя впрочемъ, когда ихъ лѣта и силы дозволяли, употребляемы они были къ услугамъ и приносили пользу своимъ владѣльцамъ" (№

15,603). Сенатъ симъ указомъ имѣлъ намѣреніе поставить на видъ общества таковое безчеловѣчное отношеніе владѣльцевъ къ ихъ крѣпостнымъ людямъ, чтобы тѣмъ удержать другихъ помѣщиковъ, ежели бы они покусились на подобное злоупотребленіе своей власти. При этомъ онъ обѣщаетъ въ случаѣ, если подобное зло впередъ будетъ открыто и доведено до свѣдѣнія сената, принять „пристойныя мѣры". Но замѣчательно, что въ самомъ указѣ сенатъ не принялъ ни какихъ мѣръ и неположилъ ни какихъ запрещеній совершать подобныя безчеловѣчныя отпускныя; а ограничивается однимъ убѣжденіемъ, проповѣдью, какъ будто и не имѣлъ права дѣйствовать въ формахъ принудительнаго закона, и слѣдовательно, какъ будто признавалъ за помѣщиками право такихъ поступковъ, которые самъ же нравственно порицалъ, какъ безчеловѣчные и приносящіе стыдъ. Ясно, что предшествовавшими указами права помѣщиковъ на крѣпостныхъ людей получили такое безмѣрное развитіе, что, кромѣ верховной власти, законъ не имѣлъ никакихъ средствъ ограничить вопіющія злоупотребленія. Да и сама верховная власть не предпринимала никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Такъ въ 1772 году по дѣлу вдовы, жены генералъ-майора фонъ Эттингера, которая засѣкла до смерти своего крестьянина, императрица, утвердивъ сенатскій приговоръ,—посадить ее въ тюрьму на мѣсяцъ, на основаніи воинскихъ артикуловъ, не совсѣмъ относящихся къ дѣлу, не поставила ни какого новаго законоположенія, такъ необходимаго въ тогдашнее время, а только написала въ сенатскомъ докладѣ: *„сообщить въ коммиссію проэкта новаго уложенія, чтобы сдѣлать положеніе, что съ такими чинить, кои суровость противъ человѣка употребляютъ"* (№ 13, 758). А извѣстно, что проэктъ новаго уложенія не имѣлъ успѣха, уложеніе не явилось на свѣтъ во все царствованіе Екатерины; другихъ же мѣръ противъ вопіющихъ неправдъ помѣщичьяго произвола вовсе не предпринималось; императрица какъ бы боялась прикоснуться къ помѣщичьей власти. Конечно, часть помѣщиковъ дорого поплатилась за свою неумѣренную власть въ 1773 и 1774 годахъ, но права ихъ отъ этого нисколько не измѣнились; и крестьяне, не успѣвши ничего открытою силою, по прежнему притѣсняемые, опять начали подавать жалобы на помѣщиковъ, не смотря на всѣ строгости закона, запрещавшаго таковую подачу: разумѣется, на основаніи указа отъ 22 августа 1767 года, они подвергались за это наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Нерчинскъ въ вѣчную работу, какъ это ясно засвидѣтельствовано указомъ отъ 30 марта 1781 года (№ 15,143).

Наконецъ грамота, пожалованная Россійскому дворянству 21-го апрѣля, 1785 года, окончательно утвердила всѣ права помѣщиковъ на населенныя имѣнія и крѣпостныхъ людей, освободила владѣльцевъ отъ всѣхъ обязанностей въ отношеніи къ государственной службѣ, и такимъ образомъ населенныя имѣнія и крѣпостныхъ людей обратила въ полную частную собственность дворянъ, безъ условія непремѣнной службы. Настоящая грамота вполнѣ и съ большею ясностію подтвердила пріостановленный манифестъ 1762 года. Вотъ подлинныя слова грамоты: „§ 17. Подтверждаетъ на вѣчныя времена въ потомственные роды Россійскому благородному дворянству вольность и свободу. § 18. Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ, на то правиламъ. § 19. Подтверждаемъ благороднымъ дозволеніе поступать въ службу прочихъ Европейскихъ намъ союзныхъ державъ, и выѣзжать въ чужіе краи. § 26. Благороднымъ подтверждается право покупать деревни. § 36. Брагородный самолично изъемлется отъ личныхъ податей“ (№ 16,187). Этою грамотою крѣпостные люди были лишены всѣхъ поводовъ, предлоговъ и надеждъ къ законному отпаденію отъ помѣщичьей власти; грамота прямо и ясно предоставляетъ помѣщикамъ свободу служить и не служить, и въ тоже время также ясно оставляетъ за ними право покупать деревни и владѣть ими. Слѣдовательно, при такой ясности и опредѣленности грамоты, крестьянъ и вообще крѣпостнымъ людямъ была прекращена возможность пріискивать даже мнимыя основанія закона для освобожденія отъ власти помѣщиковъ. Теперь крѣпостные люди не могли уже ожидать или разглашать, что издается новый манифестъ и для ихъ свободы, какъ это разглашалось послѣ манифеста отъ 18-го февраля 1762 года; теперь всѣ надежды на подобный манифестъ были уже уничтожены прямымъ выраженіемъ грамоты, что „благороднымъ подтверждается право покупать деревни“. Теперь было уже явно для всѣхъ, что крѣпостные люди, вслѣдстіе жалованной дворянству грамоты, сдѣлались полною частною собственностію помѣщиковъ. Но еще яснѣе подтверждено это указомъ отъ 7-го октября 1792 года, по которому крестьяне и вообще крѣпостные люди прямо причислены къ недвижимъ имѣніямъ своихъ помѣщиковъ. наравнѣ съ другими хозяйственными принадлежностями. Въ указѣ сказано: „по законамъ казенные и партикулярные долги повелѣно взыскивать лично съ должниковъ и изъ ихъ имѣнія, а крѣпостные владѣльческіе люди и крестьяне заключаются и долженствуютъ заключаться въ числѣ имѣнія, на которыхъ, по про-

дажамъ отъ одного къ другому, и купчія пишутся и совершаются у крѣпостныхъ дѣлъ со взятіемъ въ казну пошлинъ, *такъ какъ напрочіе недвижимое имѣніе*; то посему описные безъ земли крестьяне за долги на тѣхъ людяхъ, кому они по крѣпостямъ принадлежатъ, безъ сомнѣнія проданы быть долженствуютъ, не употребляя только при той продажѣ молотка" (№ 17,076).

Такимъ образомъ владѣльческіе крестьяне, изъ прикрѣпленныхъ къ землѣ въ концѣ XVI столѣтія, въ продженіи двухъ сотъ лѣтъ, мало по малу, при посредствѣ большею частію разныхъ частныхъ узаконеній, къ концу XVIII столѣтія окончательно были обращены въ полную частную и даже безгласную собственность своихъ помѣщиковъ и лишены почти всякой обороны отъ злоупотребленій помѣщичьей власти, и въ отношеніи къ своей человѣческой личности и въ отношеніи къ имуществу. Жалобы на помѣщиковъ, по закону, отъ нихъ не принимались, и даже сами жалобщики наказывались кнутомъ и ссылкою въ вѣчную работу въ Нерчинскъ. А съ другой стороны законъ, во все царствованіе Екатерины II-й, не представляетъ ни одной черты въ защиту крѣпостныхъ людей отъ произвола владѣльцевъ, даже не было опредѣлено ни числа рабочихъ дней крестьянина на помѣщика, ни количества земли, которое помѣщикъ обязанъ давать крестьянину. Законъ все это предоставилъ полной и безграничной волѣ помѣщика, который могъ отнять у крестьянъ всю землю себѣ и посадить ихъ на застольщину, на что, дѣйствительно, и встрѣчаются указаніе въ некоторыхъ указахъ того времени. Хотя законъ и въ царствованіе Екатерины II-й еще требовалъ, чтобы крестьяне и вообще крѣпостные люди были непремѣнно приписаны къ какому либо недвижимому имѣнію; однако это требованіе ни сколько не мѣшало помѣщикамъ—приписанныхъ къ землѣ крестьянъ лишатѣ совершенно земли и держать ихъ или на застольщинѣ, на корму, какъ рабочія силы, или брать къ себѣ во дворъ для личныхъ услугъ, или отдавать другимъ внаймы; во все это законъ уже ни сколько не вмѣшивался, лишь бы крѣпостные люди по ревизскимъ сказкамъ значились приписанными къ тому или къ другому недвижимому имѣнію. Законъ даже дозволялъ, какъ мы уже видѣли, приписывать крестьянъ къ чужой наемной землѣ; слѣдовательно прямо обезпечивалъ право владѣнія крѣпостными людьми и тѣмъ дворянамъ, которые не имѣли своей собственной земли.

Но утвержденная закономъ полная безправность крѣпостныхъ людей, въ отношеніи къ ихъ помѣщикамъ, еще не лишила ихъ нѣкоторыхъ правъ внѣ этого отношенія. Тотъ же законъ, кото-

рый съ одной стороны отдавалъ крѣпостныхъ людей совершенному произволу владѣльцевъ, съ другой стороны оставлялъ за ними нѣкоторыя человѣческія и даже гражданскія права въ отношеніи къ обществу и къ посторонним лицамъ. Такъ манифестъ отъ 13 мая 1763 года, приглашая всѣхъ бѣглецовъ, проживающихъ въ Польшѣ, возвратиться въ Россію, о крестьянахъ говоритъ, что они по возвращеніи могутъ поселиться, гдѣ пожелаютъ, а къ помѣщикамъ ихъ возвращать не будутъ, а помѣщикамъ и прочимъ владѣльцамъ бѣглецы, непожелавшіе у нихъ поселиться, будутъ зачтены за рекрутовъ, или казна выдастъ имъ нѣкоторую сумму". (№ 11,815). Потомъ указомъ отъ 5-го августа 1771 года повелѣно сенату учинить запрещеніе, какъ конфискаціи, такъ и всѣмъ акціонистамъ, чтобы отнюдь однихъ людей безъ земли съ молотка не продавали, подъ опасеніемъ взысканія за неисполненіе закона. (№ 13,634). Впрочемъ, какъ послѣ объяснено въ указѣ отъ 7-го октября 1792 года, здѣсь запрещалась не самая продажа крѣпостныхъ людей безъ земли (на таковую продажу между частными лицами тогда не полагалось никакого запрещенія), а запрещалась только форма продажи съ молотка, какъ предосудительная для Европейскаго государства и неприличная при продажѣ людей, которые, при всей своей безправности, все еще нѣсколько считались людьми и не могли уже быть вполнѣ сравнены съ домашними животными. Здѣсь законодатель съ одной стороны стыдится публичной продажи людей, а съ другой стороны признаетъ ее законною, и не рѣшается отмѣнить законъ, за который самъ краснѣетъ. Или еще указомъ отъ 13 февраля 1774 года, въ отмѣну прежнихъ Елисаветинскихъ узаконеній, запрещавшихъ крестьянамъ вступать въ подряды и откупа, разрѣшено: допускать къ винному откупу, обще съ купечествомъ, не токмо дворянъ и разночинцовъ, но и крѣпостныхъ людей и крестьянъ, такихъ однакоже, за которыхъ надежные помѣщики въ исправномъ платежѣ откупной суммы обяжутся". (№ 14,123). Такимъ образомъ крѣпостные люди и крестьяне, которыхъ законъ дозволялъ продавать съ публичнаго торга за долги ихъ ихъ владѣльцевъ, по тому же закону въ отношеніи къ откупамъ получаютъ почти одинакія права съ дворянами и купечествомъ, и допускаются къ торгамъ по казеннымъ виннымъ откупамъ и къ самымъ откупамъ наравнѣ съ дворянами и купцами; слѣдовательно, пользуются по закону гражданскими правами личности и собственности. Конечно крѣпостные люди и крестьяне допускаются къ откупамъ съ обязательствомъ отъ надежныхъ помѣщиковъ въ исправномъ платежѣ откупной суммы; но это обя-

зательство здѣсь нисколько не уничтожаетъ гражданской личности крѣпостныхъ людей передъ казною, ибо оно было ничто иное, какъ поручительство, подобное тому свидѣтельству, которое требовалось отъ помѣщичьихъ крестьянъ, вступающихъ въ казенные подряды по указу отъ 22 января 1724 года. Императрица Екатерина II-я не препятствовала крѣпостнымъ людямъ записываться и въ купечество, если только, согласно съ указъмъ отъ 31-го января 1762 года, они получаютъ увольненіе отъ своихъ помѣщиковъ, какъ это прямо сказано въ указѣ отъ 25-го іюля 1777 года: „къ запискѣ въ купечество надлежитъ крѣпостнымъ людямъ имѣть отъ своихъ помѣщиковъ законнымъ порядкомъ увольненіе, безъ чего иначе приняты не будутъ“. (№ 14,632). Также и крестьянамъ приписаннымъ къ заводамъ, по указу отъ 28-го августа 1790 года, дозволяется приписываться въ купечество, но только съ тѣмъ, чтобы какъ по купеческому, такъ и по крестьянскому званію, они исправляли всѣ обязанности, слѣдовательно и на заводскихъ работахъ, до ревизіи, должны ставить вмѣсто себя работника“. (№ 17,899). Конечно помѣщичій крестьянинъ по прямому смыслу закона, напередъ долженъ былъ получить законное увольненіе отъ помѣщика, слѣдовательно, вступалъ въ купечество уже не крѣпостнымъ, а вольноотпущеннымъ; но тѣмъ не менѣе онъ и въ крѣпостномъ состояніи очевидно еще пользовался нѣкоторыми правами собственности и нѣкоторою, хотя и ограниченною, свободою промысловъ; ибо, чтобы поступить въ купечество, ему должно было, и по закону и по самому ходу дѣла, напередъ пріобрѣсти капиталъ, пріобрѣтеніе котораго безъ права на собственность невозможно.

Впрочемъ, видимыя противорѣчія закона, то совершенно уничтожающія личность крѣпостныхъ людей, то предоставляющія имъ нѣкоторыя и довольно значительныя права личности и собственности, въ сущности нисколько не уничтожаютъ того основнаго положенія, что крѣпостные люди, послѣ манифеста отъ 18-го февраля 1762 года и послѣ жалованной дворянству грамоты отъ 21-го апрѣля 1785 года, обратились въ полную частную собственность владѣльцевъ, и въ отношеніи къ помѣщикамъ потеряли всѣ права членовъ русскаго общества. Лучшимъ сему свидѣтельствомъ служатъ: во первыхъ манифестъ отъ 17-го марта 1775 года, въ которомъ право вольноотпущенныхъ поступать въ какое угодно званіе по собственному выбору, выражено какъ дозволеніе; въ указѣ прямо сказано: „всѣмъ отпущеннымъ отъ помѣщиковъ съ отпускными на волю, *дозволяемъ* какъ нынѣ такъ и впредь *не за кого не записываться*, а при ревизіи они должны

объявить, въ какой родъ нашей службы, или въ мѣщанское или въ купеческое состоянiе войтить желаютъ по городамъ, и какое они добровольно для себя изберутъ, то потому уже состоянiю и должны они быть по верстаны поборами, или отъ оныхъ освобождены". (№ 14, 275). Въ 2-хъ указъ отъ 6-го апрѣля того же года, по которому вольно отпущеннымъ прямо запрещено записывать за кого бы то ни было въ крѣпость, хотябы они сами того желали, въ указѣ этомъ сказано: „согласно манифесту отъ 17-го марта 1775 года объ отпущенныхъ на волю помѣщичьихъ крѣпостныхъ людяхъ: предписывается присутственнымъ мѣстамъ, чтобъ съ состоянiя сего указа, за такихъ на волю отпущенныхъ людей казенныя подати всегда платимы были въ казну, до будущей ревизiи, отъ бывшихъ ихъ помѣщиковъ бездоимочно: и чтобъ, не смотря на объявленное иногда собственное желанiе, такихъ, со времени сего указа, единожды отъ помѣщиковъ своихъ съ отпускными на волю отпущенныхъ и въ новую ревизiю изъ подушнаго оклада исключаемыхъ людей, ни за кого въ подушный окладъ не записывать, *и симъ средствомъ вѣчно не укрѣплять*". (№ 15,294). Въ 3-хъ указомъ отъ 20 октября 1783 года запрещается и вообще всѣмъ свободнымъ людямъ поступать въ состоянiе крѣпостныхъ людей; указъ сей говоритъ: „объ оказавшихся при послѣдней переписи разныхъ народовъ вольныхъ людяхъ, повелѣваемъ поступать со всѣми ими безъ изъятiя рода и закона; оставляя имъ свободу избрать такой родъ жизни, какой сами заблагоразсудятъ; слѣдовательно, въ согласiи съ марифестомъ отъ 17-го марта 1775 года, написатъ ихъ въ купечество, мѣщанство, или службу государственную, кто куда пожелаетъ и способенъ явится, а отнюдь ихъ ни за кѣмъ не закрѣплять". (№ 15,853).

Приведенные здѣсь манифестъ и указы ясно свидѣтельствуютъ, что крѣпостные люди того времени по закону имѣли совсѣмъ не то значенiе, какое значенiе было за крѣпостными людьми по первой ревизiи и даже при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, когда требовалось, чтобы всѣ вольные гулящiе люди и всѣ уволенные отъ помѣщиковъ съ отпускными, при внесенiи въ ревизiю, непрѣмѣнно были записаны или за какою либо городскою общиною или за помѣщикомъ; слѣдовательно, тогда записаться за помѣщика передъ закономъ значило почти тоже, что записаться за общину; а члены общины по закону всегда считались членами русскаго общества, лицами полноправными. Поэтому очевидно законъ еще считалъ до нѣкоторой степени членами русскаго общества и крѣпостныхъ людей, записанныхъ по ревизiи за помѣщикомъ. О

первой ревизіи утвердительно можно сказать, что она, какъ мы уже видѣли, имѣла цѣлію увеличить число членовъ русскаго общества, а не уменьшить, для чего именно и зачислила полныхъ холопей, прежнюю безправную частную собственность, въ одинъ разрядъ съ крестьянами и обложила ихъ одинаковою съ ними подушною податью Конечно о времени императрицы Елисаветы Петровны и о второй ревизіи нельзя сказать тоже, что о первой ревизіи; при Елисаветѣ Петровнѣ законодательство въ этомъ далеко уже уклонилось отъ идей Петра Великаго, и вторая ревизія заботиласъ только объ исправномъ сборѣ казенныхъ податей, ломала всѣ права податныхъ людей, и ради обезпеченія податнаго сбора отдавала вольныхъ людей въ крѣпость первому желающему платить за нихъ подушныя подати и могущему обезпечить этотъ платежъ; но самая уже отдача вольныхъ людей въ крѣпость показываетъ, что передъ закономъ того времени крѣпостные люди еще не имѣли значенія полной частной собственности, хотя въ жизни, на практикѣ, они дѣйствительно и тогда уже составляли полную частную собственность своихъ владѣльцевъ. Напротивъ того императрица Екатерина II-я, не дозволяя вольноотпущеннымъ и вообще свободнымъ людямъ записываться за помѣщиковъ, тѣмъ самымъ ясно показываетъ, что въ ея время, вслѣдствіе разныхъ предшествовавшихъ узаконеній, крѣпостные люди уже потеряли прежнее значепіе членовъ русскаго общесвва и обратились въ полную частную спбственность своихъ владѣльцовъ, даже передъ закономъ; ибо иначе императрицѣ не за чѣмъ бы было запрещать прикрѣпленіе свободныхъ людей за помѣщиковъ, если бы это прикрѣпленіе не было уже сопряжено съ прямою и ясною убылью въ числѣ членовъ русскаго общества, если бы не обращало прикрѣпленныхъ въ исключительную частную собственность, если бы отъ прикрѣпленія вольныхъ людей не теряло государство. Еще изъ манифеста отъ 17 марта 1775 года можно было заключить, что Екатерина II-я, единственно по мягкосердію своему къ людямъ, дала дозволеніе вольноотпущеннымъ не записываться вновь за помѣщиковъ; но указъ отъ 6-го апрѣля тоже года прямо запрещаетъ прикрѣплять за кого либо вольноотпущенныхъ, хотя бы они сами желали таковаго прикрѣпленія; слѣдовательно прикрѣпленіе запрещалось не вслѣдствіе мягкосердія законодательницы и не въ видахъ прикрѣпляемаго; а въ интересахъ государства, которое отъ прикрѣпленія свободнаго человѣка терпѣло убытокъ, теряло члена общества, на службу котораго или на платежъ казенныхъ податей могло бы разсчитывать, ежели бы онъ не поступилъ въ крѣпость. Конечно

въ Екатерининское время и крѣпостные люди, также какъ и свободные платили подушную подать и отправляли рекрутскую повинность; но подушная подать въ то время составляла уже малую часть тѣхъ сборовъ, которые шли въ казну съ свободныхъ податныхъ людей разныхъ званій; слѣдовательно, государство отъ укрѣпленія свободныхъ людей за частными владѣльцами теряло значительную часть своихъ доховъ. А что всего важнѣе—государство на свободныхъ податныхъ людей имѣло прямыя непосредственныя права, каковыхъ правъ оно далеко уже не имѣло на крѣпостныхъ людей, какъ на полную собственность привиллегированныхъ частныхъ лицъ; и это-то значеніе крѣпостныхъ людей, какъ частной собственности, и было очевидно главною причиною, что законодательница рѣшительно запретила записывать вольныхъ людей за кого-либо въ крѣпость.

Самая беззащитность положенія крѣпостныхъ людей въ отношеніи къ своимъ помѣщикамъ также ясно показываетъ, что крѣпостные люди уже по закону обратились въ полную собсвенность своихъ владѣльцевъ. Произволъ помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми, во все царствованіе Екатерины II-й, былъ въ полномъ своемъ развитіи; ни законъ, ни жизнь не представляли ему никакихъ ограниченій; крѣпостные люди были отданы въ полную волю своихъ помѣщиковъ, и не смотря на нѣкоторыя права, предоставленныя имъ въ отношеніи къ посторонним людямъ, въ въ отношеніи къ своимъ помѣщикамъ, они были совершенно безгласны и не имѣли ни какой защиты со стороны закона. Добръ былъ помѣщикъ, заботился о своихъ крѣпостныхъ людяхъ—и имъ хорошо было жить за нимъ, они богатѣли и развивали свои промыслы; худъ былъ помѣщикъ—и имъ ни откуда не было защиты противъ его худаго произвола. Мы не знаемъ, были ли другіе экземпляры вдовы Дарьи Николаевой, но не рѣдко тогда встрѣчалися экземпляры такихъ помѣщиковъ, которые, держась своего особаго правила, высказаннаго у Посошкова: „крестьянину де недавай обрости, но стриги его яко овцу до гола“. (Посошк. стр. 183), дѣйствительно, разоряли крестьянъ, а другіе сѣкли и мучили крѣпостныхъ людей почти безъ причины, или по необузданности своего нрава, или изъ одного звѣрскаго желанія мучить съ досады и даже отъ нечего дѣлать. А между тѣмъ изъ тогдашнихъ законовъ мы не встрѣчаемъ ни одного, который бы полагалъ мѣры противъ необузданнаго произвола такихъ помѣщиковъ. Императрица, по прославленной мягкости своего сердца, поручала иногда Шишковскому или другимъ довѣреннымъ лицамъ вразумить того, другаго, черезъ чуръ забывшагося помѣщика; но тѣмъ

дѣло и кончалось: проученный, черезъ чуръ забывшійся, исправлялся, а сотни подобныхъ ему продолжали забываться Законъ не принималъ никакихъ существенныхъ мѣръ противъ такой отвратительной забывчивости и нисколько не обезпечивалъ крѣпостныхъ людей; онъ самъ или какъ будтобы забывалъ то, о чемъ ему такъ часто напоминали, или боялся тронуть помѣщичью власть, имъ самимъ еще недавно доведенную до того безграничнаго произвола.

Въ продолженіи всего царствованія Екатерины II-й крѣпостные люди считались какимъ-то оборотнымъ капиталомъ: ихъ покупали, продавали и дарили сотнями и тысячами, и оптомъ и въ розницу, не предерживаясь никакихъ правилъ; кромѣ двухъ: не торговать крѣпостными людьми во время рекрутскихъ наборовъ и не продавать ихъ съ молотка. (Указъ 16 октября 1798 года № 18,706). Сама императрица жаловала тысячами душъ своихъ вельможъ за ихъ услуги; ея знаменитые полководцы и министры, за свои подвиги, обыкновенно награждались недвижимыми населенными имѣніями въ полную собственность; частные люди также подражали своей государынѣ, всѣмъ извѣстенъ анекдотъ о знаменитомъ Екатерининскомъ вельможѣ, графѣ Н. И. Панинѣ, который своимъ чиновникамъ, не получившимъ награжденія по его представленію, подарилъ четыре тысячи души изъ своихъ имѣній. Само правительство иногда покупало души, и назначало по 30 рублей за каждую. (Указ. 1766 года 31 октября № 12,772). А въ Малороссіи, какъ есть преданіе, послѣ введенія Екатериною крѣпостнаго права, доходило до того, что крѣпосныхъ людей для продажи, вмѣстѣ съ баранами и другими домашними животными, выводили на ярмарки. Въ это время не было уже и помину о вопросѣ, поднятомъ Петромъ Великимъ, т. е. чтобы не продавать крѣпостныхъ людей, раздробляя семьи и отнимая дѣтей отъ родителей: при Екатеринѣ II-й продавали крѣпостныхъ людей всячески, какъ вздумается продавцу и покупателю: предлагалъ покупатель выгодную цѣну за дѣвушку или мальчика — и на нихъ совершали купчую, и отнимали отъ семьи, не смотря ни на какіе вопли отца и матери, увозили за сотни, за тысячи верстъ.

Хотя учрежденіемъ для управленія губерній, изданнымъ 7-го ноября 1775 года, статьею 84, государевымъ намѣстникамъ, какъ начальникамъ благочинія и городской и сельской полиціи, вмѣнено въ обязанность пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и раззорительную, обуздывать излишества, безпутство, мотовство, тиранство и жестокости". (П С.

Зак. № 14,392). Но это высокое правило учрежденія о губерніяхъ на дѣлѣ мало помогало, и незащищало крѣпостныхъ людей отъ произвола владѣльцевъ; ибо по своей общности и недостаточной определенности оно не совсѣмъ удобно было въ приложеніи къ дѣламъ о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти. Крѣпостнымъ людямъ почти не было возможности искать на своего владѣльца управы у государева намѣстника, когда самъ сенатъ въ подобныхъ дѣлахъ непринималъ рѣшительныхъ мѣръ, и ограничивался увѣщаніями, какъ на примѣръ въ указѣ отъ 2-го декабря 1784 года. (ibid. № 15,603).

Сами крѣпостные люди, кажется, уже не дѣлали болѣе попытокъ къ облегченію беззащитнаго своего положенія; по крайней мѣрѣ съ 1782 года мы не встрѣчаемъ, въ продолженіи остальнаго царствованія Екатерины II-й, ни одного указа, напоминающаго о крестьянскихъ движеніяхъ. Крѣпостные люди примолкли, стихли, видя постоянное стѣсненіе своихъ правъ, или скорѣе полную безправность передъ закономъ. Къ концу царствованія императрицы Екатерины II-й, всѣ движенія крѣпостныхъ людей такъ были придавлены, что уже казалось, нельзя было и ожидать новыхъ попытокъ съ ихъ стороны. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ кончины императрицы, какъ между крестьянами снова начались движенія, и до новаго императора отъ разныхъ присутсвенныхъ мѣстъ стали доходить слухи объ отложеніи крестьянъ отъ должнаго помѣщикамъ своимъ повиновенія, (П. С. З. № 17,730). Императоръ Павелъ Петровичъ нашелъ нужнымъ отъ 29-го января 1797 года издать манифестъ, въ которомъ объявляетъ: „Нынѣ увѣдомляемся мы, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, помѣщикамъ принадлежащіе, выходятъ изъ должнаго имъ послушанія. возмечтавъ, будто они имѣютъ учиниться свободными, и простираютъ упрямство и буйство до такой степени, что и самымъ прошеніямъ и увѣщаніямъ отъ начальствъ и властей нами поставленныхъ не внемлютъ.... А посему повелѣваемъ, чтобы всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне спокойно пребывали въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и словомъ всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство не избѣжнаго по строгости законной наказанія. Всякое правительство, власть и начальство, наблюдая за тишиною и устройствомъ въ вѣдѣніи ему ввѣренномъ, долженствуетъ въ противномъ случаѣ подавать руку помощи, и крестьянъ, кои дерзнутъ чинить ослушаніе и буйство, подвергать законному осужденію и наказанію“ (№ 17,769).

Но манифестъ 29 января 1797 года былъ послѣднимъ въ духѣ отрицанія всѣхъ правъ за крѣпостными людьми; послѣ этого манифеста началась реакція въ пользу крѣпостныхъ людей. Императоръ Павелъ въ томъ же 1797 году издалъ новый манифестъ отъ 5 апрѣля, которымъ утвердилъ постоянный законъ, чтобъ, помѣщики не пренуждали крестьянъ къ работѣ по праздникамъ, да и въ будни пользовались только трехдневною работою въ недѣлю, а другіе три дня недѣли оставляли крестьянамъ для работъ по ихъ крестьянскому хозяйсвву. (№ 17,909). Потомъ указомъ отъ 16 октября 1798 года въ Малороссіи запрещено продавать крестьянъ безъ земли (№ 18,706). Преемники императора Павла продолжали дѣлать попытки къ ограниченію помѣщичьей власти, и къ обезпеченію крѣпостныхъ людей защитою закона; какъ напримѣръ императоръ Александръ І-й узаконилъ назначать опеки для управленія имѣніями тѣхъ помѣщиковъ, которые не обезпечатъ продовольствія крестьянъ, или будутъ уличены въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами. Попытки сіи, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, продолжались до послѣдняго времени, пока наконецъ нынѣ царствующій Императоръ Александръ Николаевичъ рѣшился приступить къ давно жданному коренному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и вообще крѣпостныхъ людей, которымъ въ настоящее время и заняты и правительство, и общество, и литература. Но подробно разбирать попытки реакціи въ пользу крѣпостныхъ людей не входитъ въ планъ моего изслѣдованія; цѣль настоящаго моего труда состояла только въ томъ, чтобы, на основаніи памятниковъ, показать постепенное развитіе той болѣзни нашего общества, которая извѣстна подъ именемъ крѣпостнаго состоянія; полное же развитіе этой болѣзни послѣдовало въ царствованіе Екатерины II-й, а послѣ нея началась реакція, переломъ къ выздоровленію; посему и я оканчиваю свой трудъ царствованіемъ Екатерины II-й, а для исторіи постепеннаго выздоровленія должно будетъ написать другой трудъ, когда осуществится дѣйствительное изцѣленіе русскаго общества отъ этой болѣзни. Теперь же считаю не лишнимъ кратко, въ однихъ результатахъ, обозрѣть то, что уже мною въ подробности развито въ настоящемъ трудѣ.

Болѣзнь, называемая крѣпостнымъ состояніемъ, и въ томъ объемѣ, въ какомъ мы наслѣдовали ее отъ XVIII вѣка, въ русскомъ обществѣ развилась не вдругъ. До послѣднихъ годовъ XVI вѣка молодой и сильный организмъ русскаго общества былъ почти свободенъ отъ этой болѣзни, или чувствовалъ едва замѣтные ея признаки, состоящіе въ незначительномъ количествѣ полныхъ холо-

пей, образовавшихся частію изъ военноплѣнныхъ, частію изъ людей, добровольно продавшихся въ полное обѣльное холопство, и изъ нѣкоторыхъ преступниковъ, по закону отданныхъ въ рабство. Что же касается до многочисленнаго класса крестьянъ, то онъ, въ продолженіи всего этого времени, пользовался и по закону и въ жизни свободою, самостоятельностію и полноправностію, или гражданскою личностію. Правду сказать, что крестьяне, или по Русской Правдѣ ролейные закупы, въ древнѣйшее время были очень отягощены бѣдностію, т. е. нерѣдко ничего почти не имѣли, чѣмъ бы можно было поддерживать существованіе, а потому большею частію и садились на владѣльческихъ земляхъ въ качествѣ наймитовъ; однако бѣдность не отнимала у нихъ ни свободы, ни правъ личности, какъ членовъ русскаго общества. Бѣдный закупъ, пришедшій къ земли владѣльцу съ пустыми руками и безъ куска хлѣба, могъ своимъ трудомъ, при помощи владѣльческой ссуды и на землѣ владѣльца, устроить свое хозяйство, обзавестись своимъ скотомъ и орудіями, и даже накопить какой нибудь капиталъ, чтобы послѣ перейти на общинную землю, или, при большемъ счастіи, даже пріобрѣсти себѣ участокъ земли въ полную собственность и сдѣлаться независимымъ землевладѣльцемъ, хозяиномъ, и въ свою очередь сажать на свою землю закуповъ. Законъ и жизнь нисколько не стѣсняли его правъ, какъ свободнаго члена русскаго общества; и ролейный закупъ, или крестьянинъ, живущій на владѣльческой землѣ, ни по закону, ни въ жизни, нисколько въ своихъ правахъ не отличался отъ крестьянина, живущаго на общинной землѣ или на своей собственной: всѣ они составляли одинъ нераздѣльный классъ свободныхъ людей. Ролейный закупъ, или крестьянинъ, учинивши съ землевладѣльцемъ разсчетъ въ полученной отъ него ссудѣ, имѣлъ полное право свободно оставить его землю и поселиться или на землѣ другаго землевладѣльца, или на землѣ общинной, или пріобрѣсти свою землю. Въ XVI вѣкѣ Судебники даже облегчили крестьянамъ свободный переходъ съ одной земли на другую, отдѣливши платежъ за землю и за пожилое отъ разсчета по ссудѣ, и признавши, что неокончаніе разсчета по ссудѣ не можетъ служить крестьянину препятствіемъ къ свободному переходу съ одной земли на другую. Такимъ образомъ, до послѣднихъ десяти лѣтъ XVI столѣтія, русское общество рѣшительно не страдало болѣзнію крѣпостнаго состоянія между крестьянами; но за то его безпокоила другая болѣзнь — тяжесть казенныхъ податей, постоянно возраставшая съ развитіемъ государственныхъ нуждъ: она была тѣмъ обрѣменительнѣе, что при свободномъ переходѣ, кре-

стьянъ, крестьяне оставшіеся въ общинѣ должны были платить и за тѣхъ, которые ушли изъ общины. Чтобы сколько нибудь облегчить эту тяжелую болѣзнь было придумано неудачное средство — прикрѣпить крестьянъ къ землѣ.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ послѣдовало около 1591 года: оно, какъ я уже сказалъ, было принято какъ средство, какъ лѣкарство, противъ излишняго отягощенія крестьянъ казенными податьми; но, въ свою очередь, породило новую болѣзнь въ Русскомъ обществѣ — крѣпостное состояніе между крестьянами. Конечно, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ само въ себѣ еще не выражало крѣпостнаго состоянія, какъ мы его понимаемъ въ настоящее время; крестьяне прикрѣпленные къ землѣ, еще оставались самостоятельными членами русскаго общества, гражданскими лицами полноправными, и все различіе ихъ тогдашняго положенія отъ прежняго состояло въ томъ, что они потеряли право перехода съ одной земли на другую, и, какъ они сами выражались тогда, сдѣлались безсмѣнными жильцами и тяглецами разъ занятой ими земли. Но это первоначально, повидимому, не значительное измѣненіе въ бытѣ крестьянъ открыло путь къ новымъ измѣненіямъ, которыя и не замѣдлили развиться, въ продолженіи XVII столѣтія, къ явному стѣсненію прежнихъ крестьянскихъ правъ и къ распространенію правъ землевладѣльческихъ. Землевладѣльцы въ продолженіи этого времени мало по малу пріобрѣли: сперва право переводить крестьянъ съ одной своей земли на другую свою же землю, потомъ получили право переселять крестьянъ съ своей земли на земли другихъ землевладѣльцевъ по договорамъ съ ними, далѣе—право обращать крестьянъ въ дворовые, и наконецъ — важнѣйшее право продавать крестьянъ безъ земли. Тѣмъ не менѣе законъ еще рѣзко отличалъ крестьянъ отъ холоповъ, и крестьяне, живя на владѣльческой землѣ, пользовались по закону правами личности и собственности, такъ что имѣли право вступать по разнымъ промысламъ въ договоры не только съ посторонними лицами и казною, но даже съ своимъ землевладѣльцемъ; вообще законъ признавалъ еще ихъ членами русскаго общества, а не частною собственностію владѣльцевъ, и въ государственномъ отношеніи не полагалъ никакого различія между крестьянами владѣльческими и крестьянами дворцовыхъ и черныхъ земель. Всѣ государственныя подати и повинности еще лежали непосредственно на самихъ крестьянахъ, а не на ихъ владѣльцахъ, и органы правительства въ этомъ дѣлѣ прямо относились къ крестьянамъ, а не къ владѣльцамъ.

Болѣзнь крѣпостнаго состоянія медленно развивавшаяся съ при-

крѣпленія крестьянъ къ землѣ, наконецъ съ первой ревизіи быстро пошла впередъ. Первою ревизіею Петръ Великій за одинъ разъ поровнялъ крестьянъ, членовъ русскаго общества, съ полными холопами, составлявшими частную собственность своихъ господъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ Великій этою важною рѣшительною мѣрою не думалъ развивать рабство въ Россіи, а напротивъ того желалъ и бывшихъ уже рабовъ, изъ безгласной частной собственности, поднять въ финансовомъ отношеніи до значенія членовъ русскаго общества; онъ повелѣлъ занести въ ревизію въ одни списки и холоповъ и крестьянъ и обложилъ ихъ одинаковою подушною податью и рекрутскою повинностію, и такимъ образомъ составилъ одинъ нераздѣльный классъ податныхъ членовъ русскаго общества. Но эта важная мѣра, въ основаніи своемъ, способная въ послѣдствіи излѣчить русское общество отъ болѣзни развивавшагося крѣпостнаго состоянія, породила совсѣмъ противоположный результатъ: именно крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, обратила въ крѣпостныхъ людей владѣльцамъ; ибо вмѣстѣ съ занесеніемъ полныхъ холоповъ и крестьянъ по первой ревизіи въ одинъ списокъ, самый платежъ подушной подати перенесенъ былъ на помѣщиковъ, такъ какъ съ полныхъ холоповъ, по закону не имѣвшихъ собственности, и взять было нечего. Вслѣдствіе этого по второй ревизіи, при Елизаветѣ Петровнѣ, положено было правиломъ, чтобы всѣхъ вольныхъ людей, не имѣвшихъ возможности записаться въ цехъ или гильдію, записывать за кого либо въ крѣпость единственно изъ платежа подушной подати. Такимъ образомъ, крѣпостное состояніе развилось въ огромныхъ размѣрахъ, и не ограничивалось припискою къ однимъ землевладѣльцамъ, а напротивъ каждый дворянинъ, хотя бы вовсе не имѣлъ собственной земли, могъ имѣть крѣпостныхъ людей, только бы принималъ на себя платежъ за нихъ подушной подати. Впрочемъ и въ царствованіе Елизаветы Петровы крѣпостное состояніе было еще не въ полномъ развитіи; ибо владѣніе крѣпостными людьми и землею тогда еще условивалось службою владѣльцевъ государству, и владѣлецъ-дворянинъ, уклоняющійся отъ службы, терялъ право на владѣніе: его имѣніе отбиралось къ казну. Полное же развитіе крѣпостнаго права и совершенное обращеніе крестьянъ и вообще крѣпостныхъ людей въ безграничную, безгласную, частную собственность послѣдовало при Петрѣ III-мъ и Екатеринѣ II-й, вслѣдствіе манифеста отъ 18 февраля 1762 года и жалованной дворянству грамоты отъ 21 апрѣля 1785 года, по которымъ дворяне освобождены отъ непремѣнной службы государству, и съ тѣмъ вмѣстѣ получили подтвержденіе права пріобрѣ-

тать недвижимыя населенныя имѣнія и крѣпостныхъ людей на правѣ полной собственности. Къ тому же нѣкоторыми указами Екатерининскаго времени крѣпостные люди поставлены были въ такую полную и безграничную зависимость отъ помѣщиковъ, что даже потеряли право приносить жалобы на владѣльческія притѣсненія: законъ какъ бы вовсе отступился отъ крѣпостныхъ людей и предоставилъ ихъ совершенному и бозграничному произволу владѣльцевъ. Такимъ образомъ болѣзнь русскаго общества, извѣстная подъ именемъ крѣпостнаго состоянія, начавшая развиваться съ конца XVI вѣка, достигла къ концу XVIII вѣка крайнихъ предѣловъ своего развитія, и со времени Императора Павла Петровича начался переломъ болѣзни къ выздоровленію, переломъ, продолжающійся и въ настоящее время, со всѣми надеждами къ близкому и совершенному выздоровленію русскаго общества отъ этого отвратительнаго недуга.
